

Сидоров А. И.

*studia
classica*

А. И. Сидоров

ОТЗВУК
НАСТОЯЩЕГО
Историческая
мысль
в эпоху
каролингского
возрождения

*Отечественные
исследования
по античной
и средневековой
истории*

А. И. Сидоров

ОТЗВУК НАСТОЯЩЕГО

*Историческая мысль
в эпоху каролингского
возрождения*

Санкт-Петербург
2006

Сидоров А. И.

С34 Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. — СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. — 352 с. — (Серия «Studia classica»).

ISBN 5-93762-050-X

Монография московского историка-медиевиста А. И. Сидорова посвящена культуре историописания в каролингский период. Впервые в отечественной историографии на примере важнейших исторических сочинений второй половины VIII — начала X в. принята попытка комплексного изучения наследия каролингских историков, приемов и методов их работы, а также форм бытования исторического знания, механизмов его фиксации, трансляции, способов его адаптации к потребностям различных социальных групп. Автор поднимает и рассматривает широкий круг интереснейших вопросов: кто, как и зачем писал исторические сочинения; из каких источников писатели-историки черпали сведения; как обрабатывали и переосмысливали полученную информацию; на какую аудиторию они ориентировались; как сочетали собственный интерес с потребностями своих читателей; как, наконец, исторические сочинения того времени «прочитывались» их современниками и потомками? В качестве Приложения в книге впервые публикуется русский перевод «Деяний мецских епископов» Павла Диакона.

Издание адресовано как специалистам-историкам, так и всем интересующимся историей и культурой Средневековья.

ISBN 5-93762-050-X

© А. И. Сидоров, 2006
© Издательский Центр
«Гуманитарная Академия», 2006

*Моим родителям, Ивану Герасимовичу
и Марии Алексеевне Сидоровым,
посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Исторические сочинения средневековья с самого начала занимали особое место в новоевропейской историографии. Только они позволяли ученым восстановить хрупкую ткань событийной истории, которая на протяжении многих столетий вообще была единственно возможным видом исторического знания. Даже те исследования, что выходили за рамки собственно политической истории, зачастую апеллировали к сведениям, почерпнутым из анналов и хроник. При этом критическая работа ограничивалась большей частью формальными параметрами. Молчаливо признавалось, что письменные тексты вполне адекватно фиксируют соответствующие фрагменты исторической реальности. Только в XX в. с утверждением неокантианства был впервые поставлен вопрос о субъективной природе авторства. Исследователи стали понимать сложный опосредованный характер нарративных памятников и начали искать новые методы их изучения. Однако еще и сегодня эта работа далека от завершения. Даже в новейших монографиях подчас можно встретить такое же отношение к историческим текстам, которое было характерно для историков XVIII—XIX вв. Между тем в необходимости подобной работы сомневаться не приходится. Как читать средневековых авторов? Понимаем ли мы то, о чем они говорят? Что и как они описывают, почему именно это? Удастся ли нам избежать ловушек их «кухонной» латыни и обманчивой ясности их безыскусной повествовательной манеры? Без ответов на эти и другие вопросы полноценное научное исследование сегодня вряд ли вообще возможно. Особенно актуальным сказанное является для эпохи раннего средневековья, от которого сохранилось ограниченное количество документального материала, и образовавшиеся лакуны

мы вынуждены заполнять сведениями, почерпнутыми из нарративных текстов, прежде всего исторических сочинений. Данная книга представляет собой попытку найти решение хотя бы части этих проблем. Во многом она порождена собственной неудовлетворенностью автора от прочтения своих источников. Кроме того, нам кажется важным найти путь к более позитивному и в конечном счете более гуманистическому постижению иной культуры, которая является важной частью культуры современного общества.

* * *

Предметом нашего исследования является каролингская историография. Она представляет собой вполне обособленный культурный феномен, довольно четко фиксируемый в территориальном и хронологическом отношении. Несмотря на обширность империи Каролингов, включавшей в себя земли от Атлантики на западе до Эльбы и Дуная на востоке, от Ютландии на севере до Тибра и Эбро на юге, исторические сочинения распределялись по ней крайне неравномерно. Главным образом они были сосредоточены в относительно небольшом районе, который являлся ядром Франкского королевства. Речь идет о старых меровингских *tria regia* — Австразии, Нейстрии и Бургундии. Здесь можно выделить несколько ведущих центров политической власти, таких как главная королевская резиденция Аахен, а также епископские метрополии Мец, Реймс, Париж, Кельн, Трир, с одной стороны, крупные имперские аббатства, такие как Лорш, Сен-Дени, Сен-Бертен, Сен-Вандриль, Сен-Медард, Санкт-Галлен — с другой. Именно здесь было создано абсолютное большинство наиболее значительных исторических сочинений, обслуживавших идеологические и политические нужды правящей династии. В хронологическом отношении каролингская историография охватывает период примерно с 80-х гг. VIII в. до начала X в. У ее истоков находятся «Анналы королевства франков» и «Деяния мецских епископов» Павла Диакона, на ее закате — хроника Регинона. Иными словами, судьбы историописания в этот период были теснейшим образом свя-

заны с судьбами королевской власти, взлет и падение которой определили формы и темпы развития исторической мысли.

Исторические сочинения эпохи Каролингов неизменно привлекали внимание последующих поколений. Уже с X в. они начинают активно использоваться для создания обширных компендиумов по истории отдельных монастырей, епископств, королевств или христианской Европы в целом, а также для исторического оправдания имущественных, правовых, территориальных или политических претензий различных институтов средневекового общества¹.

Собственно научный интерес к каролингской историографии, которая не рассматривалась, разумеется, в качестве самостоятельного культурного феномена, а включалась в более широкий контекст средневековой историографии, довольно отчетливо обозначился уже к началу XVI столетия, по мере того, как в сознании европейцев углублялись представления о различии между древними, средними и новыми веками. Но проявился он не столько в гуманистической среде, продолжавшей ориентироваться на освоение античного культурного наследия, сколько среди антиквариев. Широко образованные эрудиты разыскивали в архивах, коллекционировали и описывали неизвестные тексты, способные рассказать о далеком прошлом их стран и народов. В основе их активности лежала неутолимая жажда новых открытий и стремление к нравственному наставлению читателей. Благодаря их усилиям читающей публике стали доступны сотни древних историй, хроник и gesta. Собственно критическая работа, сопровождавшая издание исторических памятников, была относительно редким явлением и практически не выходила за рамки незначительных комментариев. Главной целью публикаторов было восстановление сплошного событийного ряда, по возможности без каких-либо хронологических пробелов. Задача облегчалась тем, что в средневековых авторах видели, прежде всего, «регистраторов фактов», пусть и безыскусных, но наиболее правдивых. Сказывалось ментальное наследие средневековья — природа

¹ Подробнее см. Приложение 2.

всякого историографического текста казалась вполне аутентичной описываемой им реальности. Зачастую публикаторы не видели принципиальной разницы между древними и современными им текстами, источником и исследованием, сплошь и рядом совмещая те и другие в рамках одного издания.

Эрудитское отношение к средневековым, в том числе каролингским, историческим сочинениям сохраняется и позднее. Историки XVII — первой половины XIX в. продолжают видеть в них, прежде всего, «каменоломни фактов», дающие необходимый материал для воссоздания достоверной исторической картины². Со всей очевидностью на это указывает характер первых серийных публикаций исторических памятников средневековья, подготовленных учеными-монахами — болландистами и бенедиктинцами из конгрегации св. Мавра. В основу французского *Recueil des historiens des Gaules et de la France* Мабильон и Буке положили чисто хронологический принцип — отдельные тома объединяли отрывки из самых разных текстов, содержащих сведения по определенным столетиям. При этом не учитывались ни авторство, ни время создания, ни концептуальная целостность препарируемых сочинений. Аналогичным образом построил свое многотомное издание «Итальянских историков» Муратори. Первые тома немецкой *Monumenta Germaniae Historica* строились по принципу дополняемости материала. Они включали в себя лишь те части анналов и хроник, которые давали «новую» или «самостоятельную» информацию, а не восходили к более ранним текстам. Если учесть, что компиляция и обязательная опора на сочинения авторитетных предшественников являлись наиболее характерными приемами работы средневековых историков, то пренебрежение концептуальной целостностью памятников средневековой историографии становится еще более очевидным.

Существенные сдвиги в изучении исторических произведений средневековья наметились ко второй половине XIX в. Весьма бурными темпами развивалось немецкое источникове-

² Подробнее см.: Королев Г. И. Медиевистическая археография за рубежом. Труды XVI–XVIII вв. М., 2001.

дение. Это касалось не только навыков практической работы, но и ее теоретического осмысления. В рамках классической *Quellenkunde* оформилось фундаментальное разделение всех средневековых источников на «остатки», т. е. непосредственные свидетельства прошлого, и «традицию», транслирующую прошлое в опосредованной форме — через призму рефлексии³. Ценность последней представлялась историкам значительно меньшей и требовала существенных усилий, чтобы очистить «подлинные» факты от искажений и субъективных интерпретаций. Надо признать, что здесь немецкие медиевисты добились немалых успехов. И по сей день мы активно пользуемся их достижениями в этой области. Кроме того, историки-позитивисты до мельчайших деталей разработали методологию внутренней и внешней критики текстов. Они даже научились восстанавливать оригинальные (и утраченные ныне!) тексты, вычлняя их из позднейших компиляций.

Средневековая историография попала, разумеется, в разряд «традиции». В целом отношение к ней со стороны приверженцев критического направления было, скорее, негативным. Средневековых авторов критиковали за неразбериху и путаницу в сообщаемых ими сведениях, за недостаточную образованность, за приверженность чудесному, за слепую веру в авторитеты и почти полное отсутствие «критического духа»⁴. В научных штудиях XIX в. ценность исторических сочинений как источников заметно снижалась применительно к эпохе позднего средневековья, когда основное количество информации начинает доставлять документальный материал.

Некоторая реабилитация средневековой историографии и попытки ее позитивного осмысления обнаруживаются, пожа-

³ *Droysen J. G. Historik, Vorlesungen über Encyklopädie und Methodologie der Geschichte. 7 Aufl. Weimar, 1937; Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode. 1 Aufl. Leipzig, 1889; Lasch B. Erwachen und die Entwicklung der historischen Kritik. Berlin, 1887.*

⁴ *Ranke L. von. Weltgeschichte. Bd. VIII. Hamburg, 1928. S. 400—406; Sybel H. von. Über die Gesetze des historischen Wissens // Idem. Vorträge und Aufsätze. Berlin, 1885. S. 1—20; Бокль Г.-Т. История цивилизации в Англии. Т. 1. СПб., 1863. Гл. 6.*

луй, лишь в трудах церковных историков XIX в. С одной стороны, этому способствовало сходство мировоззренческих позиций древних и новых авторов. С другой — тот факт, что труды средневековых историков рассматривались как часть собственно церковной истории⁵. Ф. Баур исследовал средневековую историографию в сравнении с протестантской историографией Нового времени и пришел к выводу, что первая является необходимым этапом для появления второй. Не обремененный позитивистской и критической постановкой вопроса, он предпринял чрезвычайно важную попытку осмыслить историко-философские основы исторических сочинений, главным образом раннего средневековья⁶. Вслед за ним католический историк Ф. Хильпер сделал ряд принципиальных замечаний относительно специфики христианских исторических представлений, покоящихся на Библии и трудах Отцов Церкви и ориентированных преимущественно на эпохальные всемирно-исторические события⁷. Однако в целом для католической историографии характерен довольно поверхностный взгляд на данный предмет.

Примерно в те же годы были предприняты первые значительные попытки систематизации обширного историографического материала. В середине 40-х гг. XIX в. Г. Вайтц заявил о необходимости дать всестороннее описание развития исторических воззрений в Европе после крушения античной цивилизации⁸. Эту задачу для разных периодов выполнили О. Лоренц⁹ и В. Ваттенбах¹⁰. Работа последнего наиболее важна в контексте нашей темы. Она распадается на две части. Первая — тео-

⁵ Overbeck F. Über die Anfänge der Kirchengeschichtsschreibung. Basel, 1892.

⁶ Baur F. C. Epochen der kirchlichen Geschichtsschreibung. Tübingen, 1852.

⁷ Hilper F. Die christliche Geschichtsanschauung. München, 1884.

⁸ Waitz G. Über die Entwicklung der mittelalterlichen Historiographie // ZfG. Bd. 2. S. 39–50, 97–114; Bd. 4. S. 97–112.

⁹ Lorenz O. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit dem XIII Jh. Berlin, 1886. Bd. 1; 1887. Bd. 2.

¹⁰ См.: Wattenbach-Levison-Löwe. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. H. 1–5. Weimar, 1952–1973.

ретическая, содержит обоснование периодизации и краткую характеристику отдельных периодов развития средневековой историографии. Строго говоря, эта часть не является самостоятельной и почти целиком восходит к установкам, сформулированным Вайтцем. Вторая часть — фактическая. Она состоит из ряда законченных очерков, посвященных отдельным историкам или историческим сочинениям. Каждый очерк написан с большим знанием дела. Для воссоздания полноты картины автор привлек всю возможную в то время научную литературу и сведения источников. Однако он ограничился лишь внешней характеристикой текстов. Мы не обнаружим у Ваттенбаха даже попытки выявить субъективные интенции, двигавшие тем или иным автором при написании своего труда. Напротив, само сочинение с позиций формальной критики разобрано великолепно. Фундаментальный труд Ваттенбаха является, прежде всего, исчерпывающим справочником по истории средневековой историографии. И по сей день он сохраняет высокую научную ценность. Кроме того, он продолжал развиваться и совершенствоваться после смерти автора, выдержав по меньшей мере пять переработок. Обширную редакторскую работу провели сначала Х. Левизон, а затем для разных периодов истории средневековья Р. Хольтцманн, Х. Лёве и Й. Шмале.

Geschichtsquellen Ваттенбаха оказали значительное влияние на многих немецких и французских историков. Во второй половине XIX — начале XX в. появилось множество обобщающих трудов, посвященных той же тематике. В Германии увидели свет сочинения А. Эберта¹¹ и М. Манициуса¹², во Франции — Ж.-Ж. Ампера¹³, Г. Моно¹⁴ и А. Мо-

¹¹ *Ebert A. Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendlande. Bd. 1–2. Leipzig, 1880.*

¹² *Manitius M. Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd. 1–2. München, 1911.*

¹³ *Ampère J.-J. Histoire littéraire de la France sous Charlemagne et durant les X-e et XI-e siècles. P., 1870. –*

¹⁴ *Monod G. Études critiques sur les sources de l'histoire mérovingienne. P., 1872; Idem. Études critiques sur les sources de l'histoire carolingienne. P., 1898.*

линье¹⁵. Все эти работы, включающие в себя более или менее обширные разделы по каролингской эпохе, выполнены весьма добротнo. Они чрезвычайно информативны, что заставляет современных исследователей постоянно обращаться к ним. К сожалению, они страдают тем же недостатком, что и капитальный труд Ваттенбаха. По большей части это — собрания разрозненных очерков об отдельных писателях или текстах. Ни эволюции литературных форм, ни истории писательской мысли, ни анализа субъективных интенций авторов мы здесь не обнаружим. Кроме того, сама средневековая историография зачастую растворена в более широком круге текстов (научных, теологических, дидактических, литературных и т. д.) и тем самым утрачивает собственную целостность.

XX в., ознаменовавшийся сменой исследовательских парадигм, открыл новые подходы в изучении средневековой историографии. Под влиянием неокантианства, со всей определенностью поставившего проблему познающего сознания, историки пересмотрели характер взаимоотношений отдельных элементов в триединой цепи «реальность — источник — исследователь». В исторических сочинениях прошлого начинают ценить не только их информативность. Они интересуют исследователей сами по себе, как памятники, фиксирующие самосознание определенной эпохи. В таком ракурсе разного рода анналы, истории и хроники переходят из разряда «традиции» в разряд «остатков»¹⁶. Уже в середине 30-х гг. прошлого столетия Й. Шпёрль заявил о необходимости изучать тот идейный, прежде всего политико-философский фон, который определял характер отбора и интерпретации материала средневековыми авторами¹⁷. Важную

¹⁵ *Molinier A.* Les sources de l'histoire de la France des origines aux guerres d'Italie. 6 vol. P., 1901—1906.

¹⁶ Впрочем, возможность такого перехода допускали еще теоретики *Quellenkunde*, хотя они и не двигались в этом направлении. Ср.: *Droysen J. C.* Op. cit. S. 37, 61; *Bernheim E.* Lehrbuch der historischen Methode. S. 315—318; *Heuss A.* Überrest und Tradition. Zur Phänomenologie der historischen Quellen // AfK. № 25. 1935. S. 134—183.

¹⁷ *Spörl J.* Das mittelalterliche Geschichtsdnken als Forschungsaufgabe // Geschichtsdnken und Geschichtsbild im Mittelalter. Ausge-

методологическую посылку в этом смысле сформулировал Б. Кроче. Он впервые ясно показал, что историография сама имеет историю, и обозначил принципиальное различие между античной и средневековой историографией. По его мнению, христианство изменило взгляд на историческую реальность. Предметом осмысления была отныне не история отдельных людей, народов или государств, но история человечества в целом. История перестает быть историей Афин или Рима. Она становится историей религии, историей борьбы вместе с Богом и за Бога¹⁸. В те же годы Э. Хеллманн предложил исследовать собственно исторические произведения с филологических, литературно-исторических позиций, обращая особое внимание на язык, литературные заимствования, технику писательской работы и т. д.¹⁹ Однако наиболее значительный прогресс наметился здесь уже после Второй мировой войны в рамках главным образом двух направлений — *Ideengeschichte* и *Histoire des mentalités*. Первое из них расцвело на германской почве и нашло свое выражение, прежде всего, в фундаментальных исследованиях Г. Бойманна. Не удовлетворенный методологическими установками *Geistesgeschichte*, ориентированной на изучение теологических и философских концепций средневековья вне их связи с реальной жизнью, Г. Бойманн иначе сформулировал основную задачу своих источниковедческо-историографических штудий. Он предложил искать точку пересечения реальных событий с «миром идей» (*Gedankenwelt*) и тем самым выявить формы и степень влияния последнего на ход политической истории, а также на ее историографическое осмысление. Предметом истории историографии отныне должна была стать история человеческой рефлексии об историческом процессе. Бойманн вполне закономерно пришел к мысли о необходимости

wählte Aufsätze und Arbeiten aus den Jahren 1933 bis 1959. Darmstadt, 1961. S. 1–29.

¹⁸ Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998. С. 121–134 (Оригинальное издание Tübingen; Mohr, 1915).

¹⁹ Hellmann S. Ausgewählte Abhandlungen zur Historiographie und Geistesgeschichte des Mittelalters. Weimar, 1961.

обозначить интерсубъективные, субъективные и индивидуальные рамки духовного мира людей прошлого, которые влияют на формирование соответствующего образа этого самого прошлого. Им же впервые был отчетливо сформулирован принципиально важный тезис о том, что историография представляет собой форму самоинтерпретации эпохи²⁰. Эти идеи, выработанные на основе изучения исторических текстов VIII–X вв., оказались близки целой плеяде немецких медиевистов 50–60-х XX в. и получили дальнейшее развитие в трудах Г. Грундманна, Х. Лёве, Х. Хофманна, Х.-Д. Фишера, И. Хазельбах и др.²¹

Следующий существенный шаг в позитивном осмыслении средневековой историографии был сделан в 70-е — первой половине 80-х гг. в рамках историко-антропологических штудий²². К сожалению, собственно каролингская историография оставалась большей частью на периферии этих исследований, ориен-

²⁰ *Beumann H.* Widukind von Korvei. Untersuchungen zur Geschichtsschreibung und Ideengeschichte des X Jh. Weimar, 1950; *Idem.* Ideengeschichtliche Studien zu Einhard und anderen Geschichtsschreibern des früheren Mittelalters. Darmstadt, 1969; *Idem.* Wissenschaft vom Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze. Köln, Wien, 1972.

²¹ *Grundmann H.* Die Grundzüge der mittelalterlichen Geschichtsanschauungen // *Geschichtsdenken und Geschichtsbild im Mittelalter.* Darmstadt, 1961. S. 418–429; *Idem.* Geschichtsschreibung im Mittelalter. Göttingen, 1965; *Löwe H.* Von Theoderich dem Grossen zu Karl dem Grossen. Das Werden des Abendlandes im Geschichtsbild des frühen Mittelalters // *DA.* № 9. 1952. S. 353–402; *Idem.* Geschichtsschreibung der ausgehenden Karolingerzeit // *DA.* № 23. 1967. S. 1–30; *Hoffmann H.* Untersuchungen zur karolingischen Annalistik. Bonn, 1958; *Fischer H.-D.* Monarchische Propaganda der Karolinger in der Historiographie // *Publizistik.* № 11. 1966. S. 131–144; *Haselbach I.* Aufstieg und Herrschaft der Karolinger in der Darstellung der sogenannten *Annales Mettenses priores.* Lübeck; Hamburg, 1970.

²² Некоторые важные положения, получившие развитие в дальнейшем (проблемы коллективной памяти, историографических искажений прошлого в сочинениях средневековых писателей, их познавательной ценности для современного историка и др.) в самом общем виде сформулировал еще М. Блок. См.: *Блок М.* Феодальное общество. М., 2003. С. 93–107.

тированных, прежде всего, на эпоху высокого средневековья. Но их общеметодологические наработки, безусловно, очень важны в контексте нашей темы. Почти одновременно по обе стороны Атлантического океана появляются работы, написанные примерно в одном ключе. Их авторы, специалисты в разных областях истории средневековья, ставили перед собой различные задачи. Одни (Б. Лакруа, Б. Смейли) предназначали свои штудии в помощь студентам-медиевистам, другие (Б. Гене, Ф.-И. Шмале) оставили вполне законченные и весьма основательные исследования²³. Тем не менее всех их объединял новый подход к рассмотрению средневековой историографии. Объектом их изучения теперь стало собственно историческое знание, а также деятельность средневековых историков. Круг затрагиваемых вопросов заметно изменился и расширился: каково место истории в системе средневековых знаний; каковы жанровые особенности исторических произведений; каковы методы работы историков, их отношение к источникам, принципы отбора материала; каковы формы исторической критики, представления о подлинном и ложном; как осваиваются в рамках исторического сочинения пространственно-временные модели; каков характер взаимоотношений историков с их аудиторией; как история обретает собственную идентичность и др. Разумеется, историко-антропологические исследования этих сюжетов были ориентированы прежде всего на создание собирательного облика средневекового историка, на формирование общей модели, лишенной необходимых личностных, временных и социо-культурных нюансов. В этом, пожалуй, наиболее отчетливо проявлялась известная ограниченность данного подхода.

²³ *Lacroix B. L'historien au Moyen Age. Montréal; Paris, 1971; Smalley B. Historians in the Middle Ages. N. Y., 1974; Le métier d'historien au Moyen Age. Études sur l'historiographie médiévale / Sous la dir. B. Guenée. P., 1977; Guenée B. Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. P., 1980; Schmale F.-J. Funktion und Formen mittelalterlicher Geschichtsschreibung. Darmstadt, 1985; Idem. Mentalität und Berichtshorizont, Absicht und Situation hochmittelalterlicher Geschichtsschreiber // HZ. № 226. 1978. S. 1–16.*

Необходимость ее преодоления была осмыслена в рамках «истории представлений» (*Vorstellungsgeschichte*), относительно молодого направления в современной западной историографии, органически связанного с «историей идей». Наиболее отчетливо его методологические позиции сформулировал Г.-В. Гётц. Он предложил обратить особое внимание непосредственно на автора исторического источника, исследовать его собственный взгляд на описываемую реальность, осмыслить его рефлексию по поводу рассказываемого, чтобы выявить здесь элементы личных воззрений, групповых ментальностей и общекультурных представлений. Предметом исторического исследования становится, таким образом, не объективная реальность, а ее отражение в субъективном восприятии современника²⁴.

В последнее десятилетие наиболее существенное влияние на развитие источниковедческо-историографических штудий оказали идеи постмодернизма. Сторонники этого направления (Р. Барт, М. Фуко, М. Де Серто, Х. Уайт, Д. Ла Капра и др.) настаивают на том, что исторические тексты являют собой, прежде всего, литературный дискурс, не предполагающий сколько-нибудь адекватного описания внетекстовой реальности. Последняя не может быть отражена «объективно», но непременно конструируется историком, выстраивается в определенную фабулу и обретает причинно-следственную связь. При этом логика историографических построений имеет принципиальное сходство с общими правилами создания литературного произведения. Для репрезентации исторических событий зачастую используются устойчивые риторические приемы и стилисти-

²⁴ Goetz H.-W. «*Vorstellungsgeschichte*»: Menschliche Vorstellungen und Meinungen als Dimension der Vergangenheit. Bemerkungen zu einem jüngerem Arbeitsfeld der Geschichtswissenschaft als Beitrag zu einer Methodik der Quellenauswertung // AfK. Bd. 61. 1979. S. 253–271. См. также: Goetz H.-W. Strukturen der spätkarolingischen Epoche in Spiegel der Vorstellungen eines zeitgenössischen Mönchs: Eine Interpretation der «*Gesta Karoli*» Notkers von Sanct Gallen. Bonn, 1981; *Idem*. Das Geschichtsbild Ottos von Freising: Ein Beitrag zur historischen Vorstellungswelt und zur Geschichte des XII Jh. Köln; Wien, 1984; *Idem*. Geschichtsschreibung und Geschichtsbewusstsein im hohen Mittelalter. Berlin, 1999.

ческие формулы. Исследователи, таким образом, имеют дело исключительно с системой речевых и культурных «кодов», заданных соответствующими лингвистическими моделями, и не способны выйти за пределы установленных языком рамок²⁵. Применительно к раннесредневековой историографии идеи постмодернизма нашли отражение в исследованиях В. Гоффарта. Изучив сочинения Иордана, Григория Турского, Беды и Павла Диакона, он пришел к выводу, что их следует читать как литературные произведения, построенные с использованием классических историографических и риторических моделей. Целью авторов, по его мнению, была не столько репрезентация прошлого, сколько описание настоящего, удовлетворяющее запросы современной аудитории. В любом случае, эти тексты малопригодны для создания традиционной «позитивистской» истории, ориентированной на реконструкцию «подлинных фактов»²⁶.

К концу 80-х гг. XX в. постмодернистская критика исторических текстов стала настолько влиятельной, что побудила историков организовать ей более или менее успешный отпор²⁷.

²⁵ Подробнее см.: Барт Р. Избранные работы. М., 1989; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1967; Certeau M. De. L'écriture de l'histoire. P., 1975; White H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore; L., 1967; Idem. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore, 1973; Modern European Intellectual History: Reappraisals and New Perspectives / Ed. D. La Capra & S. L. Kaplan. Cornell University Press. 1982.

²⁶ Goffart W. The Narrators of Barbarian History (AD 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Deacon. Princeton, 1988.

²⁷ О критике идей постмодернизма и теории «лингвистического поворота» подробнее см.: Spiegel G. History, post-modernism and the social logic of the text in the Middle Ages // Speculum. № 65. 1990. P. 59–86; Idem. The Past as Text. The Theory and Practice of Medieval Historiography. Baltimore; L., 1997; History and post-modernism // Past & Present. № 131, 133, 135. 1992; Гуревич А. Я. Историк конца XX в. в поисках метода // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. Вып. 8. С. 5–10. Там же в разделе «Перспективы постмодернизма» см. статьи Г. И. Зверевой, Л. П. Репиной, В. П. Вязигина, И. Н. Ионова, А. Я. Гуревича (С. 11–109); Ястребицкая А. Л.

Последнее обстоятельство представлялось совершенно необходимым, ведь речь шла, по сути, о сохранении за историческим знанием права на научность. В рамках наших сюжетов наибольший интерес представляют коллоквиумы, посвященные проблемам раннесредневековой историографии. Они были проведены в 1993 и 1995 гг. в Цветтле и Лидсе²⁸. Участниками первой встречи предлагались самые разные варианты «бегства из тюрьмы языка» во внетекстовую реальность: интенсивное изучение авторских интенций, выявление связей между автором и его аудиторией, анализ терминологии, исследование рукописной традиции и др. Наиболее существенный итог коллоквиума заключался в признании того факта, что любой историографический текст, независимо от своих конкретных сюжетов, отражает лишь настоящее автора и его аудитории. За пределы такого рода современной субъективной реальности выйти практически не удастся²⁹. В Лидсе основной упор был сделан на изучении соотношения текстов с их социо-культурным контекстом. Исследователи стремились выявить механизмы трансляции идей о прошлом, наметить границы, в которых происходит изменение восприятия прошлого, а также определить роль политической власти в этих процессах. Прошлое трактуется участниками как переменная величина, все время подстраивающаяся под нужды настоящего и призванная его объяснить, или легитимировать. Соответствующее видение прошлого, зафиксированное в исторических сочинениях, оказывается, таким образом, предельно зависимым от запросов современной аудитории³⁰. Применительно к каролингской ис-

Культурное измерение историографического // Культура и общество в Средние века — раннее Новое время. М., 1998. С. 17–47.

²⁸ Материалы коллоквиума в Цветтле были опубликованы год спустя. См.: *Historiographie im frühen Mittelalter*. Wien; München, 1994. По итогам коллоквиума в Лидсе сборник был подготовлен лишь в 2000 г. См.: *The Uses of the Past in the Early Middle Ages*. Cambridge, 2000.

²⁹ *Geary P. Frühmittelalterliche Historiographie // Historiographie im frühen Mittelalter... S. 539–542.*

³⁰ *Innes M. Introduction: using the past, interpreting the present, influencing the future // The Uses of the Past... P. 1–8.*

ториографии идеи и подходы, сформулированные выше, нашли свое выражение в недавних исследованиях М. Иннза, Р. МакКиттерик, Д. Нельсон, П. Гирри³¹.

На сегодняшний день отношение к средневековым, в том числе каролингским, историческим сочинениям в современной западной историографии характеризуется значительной гетерогенностью. Наряду с подходами, сформулированными в рамках истории идей, истории представлений и истории ментальностей, прослеживаются черты, присущие классической *Quellenkunde*, традиционной филологической критике или постмодернистским лингвистическим построениям. Как правило, в рамках отдельных работ многие из них комбинируются, более или менее удачно дополняя друг друга.

* * *

В дореволюционной отечественной историографии можно наблюдать те же тенденции, что были характерны для немецкой и французской источниковедческих школ XIX в. Это неудивительно, поскольку многие русские ученые постигали тонкости науки в семинарах крупнейших западных специалистов — Г. Вайтца, Г. Бруннера, Т. Моммзена и др. Отношение к ис-

³¹ *Innes M.* Memory, orality and literacy in an early medieval society // *Past and Present*. № 158. 1990. P. 3–36; *Idem.* Teutons or Trojans? The Carolingians and the Germanic past // *The Uses of the Past...* P. 227–249; *Innes M., McKitterick R.* The writing of history // *Carolingian culture: Emulation and Innovation*. Cambridge, 1994. P. 193–220; *McKitterick R.* The Carolingians and the written word. Cambridge, 1989; *Idem.* Constructing the past in the early Middle Ages: the case of the Royal Frankish Annals // *Transactions of the Royal Historical Society*. № 7. 1997. P. 101–129; *Idem.* Political ideology in Carolingian historiography // *The Uses of the Past...* P. 162–174; *Nelson J. L.* History-writing at the court of Louis the Pious and Charles the Bald // *Historiographie im frühen Mittelalter...* P. 435–442; *Idem.* Perceptions du pouvoir chez les historiennes du Haut Moyen Âge // *La femme au Moyen Âge*. Maubeuge, 1990. P. 75–87; *Idem.* The Annals of St. Bertin // *Idem.* Politics and Ritual in Early Medieval Europe. L., 1986. P. 173–194; *Geary P. J.* Phantoms of Remembrance. Memory and Oblivion at the End of the First Millenium. Princeton, 1994.

торическим произведениям средневековья как к «каменоломне фактов» прослеживается, например, в знаменитой «Истории средних веков» М. М. Стасюлевича³². Подобно Мабильону, Буке и Пертцу он компоует источники по хронологическому принципу без всякого учета их концептуальной целостности. Так что фрагменты одного произведения зачастую оказываются в разных томах.

В последние десятилетия XIX в. предпринимаются и первые попытки систематизации средневековой историографии. Соответствующий очерк был составлен Н. А. Осокиным³³. Исходя из филологического критерия, который далеко не всегда выдерживается — языка источников, — автор выделил три периода в ее развитии. Первый — от падения Западной Римской империи до 800 г. представляется продолжением античной историографии, хотя и отмечен оскудением мысли и сужением кругозора. Второй — от 800 г. до эпохи Гуманизма характеризуется полной примитивизацией историописания. «Хроникеры не доросли до понимания общего смысла явлений. Они не в силах доступно и ясно изложить то, что совершалось перед их глазами»³⁴. И наконец, третий — собственно гуманистический, отличается повышенным интересом к форме в ущерб содержанию. «Надутость и чопорность стиля лишают историка возможности высказаться»³⁵. Таким образом, средневековое историописание в целом характеризуется весьма нелестно. Заслуживающая внимания историография появляется, по мнению автора, только с эпохи Реформации. Очерки, посвященные отдельным писателям, отличаются краткостью и ограничиваются лишь формальными характеристиками. Мы не обнаружим здесь анализа приемов историописания и принципов концептуальных историографических построений.

³² Стасюлевич М. М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. СПб.; Пг. Разн. изд. Т. I—III.

³³ Осокин Н. А. Очерк средневековой историографии. Казань, 1888.

³⁴ Там же. С. 3.

³⁵ Там же. С. 4.

Значительно более взвешенный подход к средневековой историографии представлен в замечательном лекционном курсе Д. Н. Егорова, чьи взгляды оформились под влиянием неокантианства³⁶. Автор предлагает рассматривать ее как выражение исторического самосознания общества, как наиболее короткий путь к постижению уникальности средневекового человека. Он призывает изучать не историю «писания», которую можно найти у Ваттенбаха или Манициуса, а «историю писательства», обычно остающуюся вне исследовательских интересов. По мнению Егорова, прежде всего, необходимо выявить «особую писательскую физиономию, на которой отразились время, школа, литературная подготовка и пр.»³⁷ Остается только сожалеть, что автору не довелось подготовить развернутого исследования, посвященного этим сюжетам. Однако сам факт появления подобных идей в русской медиевистике задолго до оформления *Ideengeschichte* и *Histoire des mentalités* заслуживает особого внимания³⁸.

Помимо общих историографических очерков появлялись и специальные источниковедческие этюды, переносившие на отечественную почву приемы и методы западной науки. Наиболее яркими образчиками данного жанра можно считать тру-

³⁶ Егоров Д. Н. Средние века. Историография и источниковедение. Ч. 1–2. 1912/1913 уч. год.

³⁷ Егоров Д. Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 111.

³⁸ В начале XX в. интерес к постижению инаковости сознания человека других эпох был характерен для многих русских медиевистов, прежде всего представителей историко-культурного направления. Подробнее см.: Карсавин Л. П. Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII вв. СПб., 1912; Он же. Очерки средневековой религиозности в XII–XIII вв. преимущественно в Италии. Пг., 1915; Добиаш-Рождественская О. А. Церковное общество во Франции в XIII в. Пг., 1914; Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. Одесса, 1912 (переизд.: СПб., 1995). См. также: Ястребицкая А. Л. Историк-медиевист Лев Платонович Карсавин (1882–1952). М., 1991; Бойцов М. А. Не до конца забытый медиевист из эпохи русского модерна // Карсавин Л. П. Монашество в средние века. М., 1992. С. 3–33.

ды Ф. Я. Фортинского и Л. Н. Беркута³⁹. Они написаны в лучших традициях *Quellenkunde* и сопровождаются весьма обстоятельными критическими обзорами зарубежных работ, что уже само по себе имело значительную эвристическую ценность. Иными словами, русские историки в дореволюционный период не только успешно осваивали и применяли в собственных исследованиях теоретическое богатство мировой науки, но и предлагали собственные, весьма перспективные подходы в рамках источниковедческих штудий.

Разрушение системы университетского исторического образования и общее наступление на гуманитарные науки, обострившиеся вскоре после 1917 г., негативно сказались на развитии историографических штудий. Они почти полностью сворачиваются на несколько десятилетий. Даже восстановление преподавания истории в высшей школе в 1934 г. не слишком изменило ситуацию. До середины прошлого столетия эта проблематика оставалась практически вне поля зрения исследователей. Исключением является разве что диссертация А. П. Левандовского, посвященная сочинению Эйнхарда⁴⁰. Написанная под научным руководством Н. П. Грацианского, она представляет собой, скорее, источниковедческое, нежели собственно историографическое исследование и посвящена главным образом внешнеполитическим главам *Vita Karoli*. Только с конца 50-х гг. на исторических факультетах университетов возрождается практика чтения общих лекционных курсов по историографии. Их целью становится «вскрытие классовых пружин, которые двигали историками предшествующих формаций в их построениях»⁴¹. Такой подход часто изначально предопределял поста-

³⁹ Фортинский Ф. Я. Титмар Мерзебургский и его хроника. СПб., 1872; Беркут Л. Н. Возникновение и характер средневековой анналистики. Варшава, 1910; Он же. Христианские легенды и жития святых ранней эпохи средних веков. Варшава, 1911; Он же. Памятники латеранской историографии. Варшава, 1911.

⁴⁰ Левандовский А. П. Эйнгард и каролингская традиция. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1946.

⁴¹ Косминский Е. А. Историография средних веков. V — середина XIX в. М., 1963. С. 7. См. также: Вайнштейн О. Л. Западноев-

новку и решение соответствующих исследовательских задач. Существенные изменения в этой сфере намечаются лишь в 60–90-е гг. Они связаны с реабилитацией истории культуры в целом. В изучении средневекового историописания на современном этапе можно выделить несколько направлений. Одно из них связано с переводом и публикацией отдельных историографических памятников. Такая работа, уходящая своими корнями еще в дореволюционную эпоху, неизбежно предполагала особо внимательное отношение к авторам, их биографиям, мировоззрению и писательской технике. Данные сюжеты нашли соответствующее отражение в трудах Е. Ч. Скржинской, Г. Э. Санчука, М. А. Заборова, В. Д. Савуковой, Ю. П. Малинина, А. И. Донченко и др.⁴² Другим направлением явилось изучение германской эпической традиции и ее влияния на историографическое осмысление действительности. Эта проблематика получила развитие в работах А. Я. Гуревича, Е. М. Мелетинского, М. И. Стеблин-Каменского, Е. А. Мельниковой⁴³. Раз-

ропейская средневековая историография М.; Л., 1964. Довольно полный обзор средневековой историографии содержится также в учебнике по источниковедению А. Д. Люблинской, хотя он и не выделен здесь в отдельный раздел: Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.

⁴² Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступ. ст., пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960; Видукинд Корвейский. Деяния саксов / Вступ. ст., пер. и коммент. Г. Э. Санчука. М., 1975; Робер де Клари. Завоевание Константинополя / Ст., пер. и коммент. М. А. Заборова. М., 1986; Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя / Вступ. ст., пер. и коммент. М. А. Заборова. М., 1993; Григорий Турский. История франков / Ст., пер. и коммент. В. Д. Савуковой. М., 1987; Филипп де Коммин. Мемуары / Ст., пер. и коммент. Ю. П. Малинина. М., 1986; Сульпиций Север. Сочинения / Ст., пер. и коммент. А. И. Донченко. М., 1999.

⁴³ Гуревич А. Я. История и сага. М., 1972; Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968; Он же. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986; Он же. Поэтика мифа. М., 2000; Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Л., 1984; Мельникова Е. А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987.

личным аспектам средневекового историописания, а также его отдельным представителям посвящены работы И. Н. Голенищева-Кутузова, М. А. Заборова, И. А. Дворецкой, В. К. Ронина, В. И. Мильдона, О. Р. Бородина, А. М. Перлова и др.⁴⁴ Эти и многие другие исследования, число которых за последние годы значительно возросло, написаны с самых разных методологических позиций. Сегодня здесь можно констатировать ту же гетерогенность, что и в отношении западной историографии. Целостное впечатление производит, пожалуй, только историко-антропологическое направление, представленное трудами А. Я. Гуревича и его последователей⁴⁵. Единственная

⁴⁴ Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972; Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов. (Латинская хронография XI–XIII вв.). М., 1966; Дворецкая И. А. Павел Варнефрид как историк и этнограф (к вопросу о влиянии позднеримской культуры на мировоззрение писателя) // Античный мир и археология. Саратов, 1979. С. 31–62; Ронин В. К. Светские биографии в каролингское время: «Астроном» как историк и писатель // СВ. Вып. 46. М., 1983. С. 165–183; Мильдон В. И. Летопись и хроника — два образа истории // Культура и искусство западноевропейского средневековья. М., 1981. С. 351–373; Бородин О. Р. Средневековые «книги понтификов» — формирование историографического жанра // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 64–72; Он же. Итальянский историк IX в. Ангелл из Равенны и его мировоззрение // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1981. С. 49–66; Перлов А. М. Пресвитер Рудольф и его место в фульдской историографической традиции // СВ. Вып. 60. М., 1997. С. 73–88.

⁴⁵ Работы А. Я. Гуревича, посвященные общим проблемам средневековой культуры, хотя и не затрагивают напрямую вопросы средневекового историописания, важны, прежде всего, в методологическом отношении. Они являются прекрасным образчиком технологии историко-антропологического исследования. См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984 (2-е изд.); Он же. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981; Он же. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII в.). М., 1989; Он же. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990; Луццкая С. И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001; Парамо-

попытка теоретически осмыслить проблему эволюции исторического сознания от античности до эпохи Просвещения была предпринята М. А. Баргом во второй половине 80-х гг. Изучая развитие философских и теологических концепций в связи с социально-экономическими изменениями, происходившими в обществе, он пришел к выводу, что тип историзма каждой эпохи предзадан его выразителям столь же объективно, как и способ производства⁴⁶. И все же, несмотря на обилие литературы, активную публикацию источников, переиздание дореволюционных и советских трудов, ставших классическими, в отечественной науке до сих пор ощущается недостаток в специальных исследованиях, посвященных бытованию исторического знания и, в частности, культуре средневекового историописания. Что касается каролингской эпохи, то она оказалась обделена вниманием исследователей больше, чем любая другая. Между тем потребность в такой работе давно назрела.

Каролингская эпоха занимает особое место в европейской истории. В это время закладываются основы современных наций и государств, оформляются социально-экономические и политические структуры, а также идеология, во многом определившие дальнейшее развитие средневекового общества. Наконец, наблюдается небывалый подъем в области культуры. Между тем в отечественной историографии данная эпоха представлена весьма односторонне. Хорошо изучена аграрная эволюция каролингского общества⁴⁷. Российские медиевисты тра-

нова М. Ю. Славянский восток в хронике Титмара Мерзебургского. Образ «иного» на пересечении идеологии и риторики // Одиссей. 1998. М., 1999. С. 26–55.

⁴⁶ Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.

⁴⁷ Удальцов А. Д. Из аграрной истории каролингской Фландрии. М.; Л., 1935; Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956; Он же. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII–XII вв. М., 1964; Грацианский Н. П. Крепостное крестьянство на поместьях аббатства св. Германа в начале IX в. (по данным полиптика аббата Ирминона) // Грацианский Н. П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья.

диционно уделяли этому сюжету особенно пристальное внимание. Они справедливо полагали, что именно в VIII–IX вв. происходит оформление феодализма, возникают специфические формы земельной собственности, новые формы зависимости нерабского типа, а также оформляется особая система политической власти, не свойственная античности. Последняя, правда, изучена значительно меньше и, скорее, в общем виде, нежели детально. Историки наметили магистральные тенденции политического развития Франкского королевства в VIII–IX вв., обратив внимание на укрепление властных вертикалей и построение системы имперской церкви. Изменения в государственной сфере трактовались ими как следствие развития процессов феодализации и обострения социально-классовых противоречий⁴⁸. Однако собственно принципы функционирования политического механизма, равно как и причины периодического усиления и ослабления государственной, власти прак-

М., 1960. С. 110–139; Данилова Г. М. Аламанинское и баварское общество VIII и начала IX в. Петрозаводск, 1969; Мильская Л. Т. Светская вотчина в Германии VIII–IX вв. и ее роль в закреплении крестьянства. М., 1957; Бессмертный Ю. Л. Формирование феодально-зависимого крестьянства на территории Северной Франции (VI–X вв.) // История крестьянства в Европе. Т. 1. М., 1985. С. 216–244.

⁴⁸ Фортинский Ф. Я. Причины распада монархии Карла Великого. Киев, 1872; Петрушевский Д. М. Очерки из истории феодального общества и государства. М., 1907; Лыс Д. П. Роль католической церкви во франкском государстве при Каролингах // Уч. зап. Грознен. пед. ин-та. 1947. Т. 3; Неусыхин А. И. Очерки истории Германии в средние века (до XV в.) // Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 213–374. Особ. С. 225–233; Бессмертный Ю. Л. Франкское государство // История Европы. Т. 2. М., 1992. С. 112–126; Колесницкий Н. Ф. Исследования по истории феодального государства в Германии (IX — первая половина XII в.). М., 1959; Он же. Феодальное государство. М., 1967. С. 17–63; Он же. Аппарат власти и управления в варварском государстве // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992. С. 65–77; Дворецкая И. А. Западная Европа V–IX вв. М., 1990. С. 168–179; Левандовский А. П. Карл Великий. М., 1999.

тически не изучались⁴⁹. Проблема политической идеологии, за единственным исключением, также не получила должного освещения⁵⁰. Что касается культурной составляющей каролингского общества, то она и по сей день остается на периферии научных интересов. Имеется лишь небольшое количество работ, посвященных отдельным аспектам каролингской культуры, прежде всего образованию и художественной литературе⁵¹, хотя предшествующий и последующий периоды оказались в более благоприятном положении и получили достаточно целостное и разностороннее, в том числе теоретическое освещение⁵². Таким

⁴⁹ Подробнее см.: Сидоров А. И. Организация власти во Франкском королевстве в VIII—IX вв. // СВ. Вып. 64. М., 2003. С. 3—34.

⁵⁰ Вязигин А. С. Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого. СПб., 1912.

⁵¹ См.: Беркут Л. Н. Карл Великий, франкская образованность и литература его времени. Варшава, 1912; Добиаш-Рождественская О. А. История Корбийской мастерской письма. Л., 1934; Рамм Б. Я. «Каролингское возрождение» и проблемы школьной образованности в раннем средневековье // Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. М. Н. Покровского. 1940. Т. 5; Фортунатов А. А. Алкуин как деятель Каролингского возрождения // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та. 1941. Т. 3; Он же. Алкуин и его ученики // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та. 1948. Т. 8; Зверева В. В. Аллегории в каролингской культуре (на примере сочинений Рабана Мавра) // Карл Великий: реалии и мифы. М., 2001. С. 94—105. Общий очерк по культуре Каролингского Возрождения см.: Гаспаров М. Л. Каролингское Возрождение (VIII—IX вв.) // Памятники средневековой латинской литературы IV—IX вв. М., 1970. С. 223—242.

⁵² Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V — середина VII в.). М., 1989. Развернутые очерки по истории раннесредневековой культуры в целом см.: Добиаш-Рождественская О. А. Духовная культура Западной Европы IV—XI вв. // Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского средневековья. Научное наследие. М., 1987. С. 156—214; Дворецкая И. А. Западная Европа... С. 249—293. По культуре классического периода средневековья, кроме указанных выше работ А. Я. Гуревича, см. также: Бицилли П. М. Указ. соч.; Карсавин Л. П. Культура средних веков. Пг., 1918; Даркевич В. П. Народная культура средневековья. М., 1988; Ястребицкая А. Л. Западная Европа

образом, одной из задач настоящей работы можно считать выполнение очевидной исследовательской лакуны. В рамках данной книги мы коснемся лишь одного аспекта каролингской культуры — историописания. Тем не менее эта сфера деятельности настолько тесно переплетена со многими другими, что ее изучение позволит получить более широкое представление о культурном своеобразии каролингской эпохи в целом.

Западная историография представлена несопоставимо большим количеством исследований по всему кругу вопросов, в том числе и по культурной проблематике. Однако и в рамках мировой науки каролингское историописание как культурный феномен еще не становилось предметом самостоятельного монографического изучения⁵³. Данной книгой мы постараемся восполнить имеющийся историографический пробел.

В методологическом отношении мы опираемся на теоретическое наследие *Ideengeschichte*, *Histoire des mentalités* и *Vorstellungsgeschichte*, а также историко-антропологического направления в его отечественном варианте. Разумеется, наше исследование было бы невозможно без широкого привлечения

XI–XIII веков. Эпоха. Быт. Костюм. М., 1978; Лучицкая С. И. Культура и общество западноевропейского средневековья. М., 1994.

⁵³ Недавно была опубликована монография Р. МакКиттерик, в которой предпринята единственная в своем роде попытка дать целостное описание исторической культуры каролингского общества (*McKitterick R. History and Memory in the Carolingian World. Cambridge, 2004*). Объектом изучения стали не только и даже не столько собственно исторические сочинения, сколько самые разные тексты (мемориальные книги и т. д.). Эта работа, безусловно, заслуживает самого пристального внимания. Однако я с удовлетворением отмечаю, что она написана в совершенно ином ключе, базируется на иных источниках и предлагает иное видение проблемы, нежели данное исследование. Интерпретация отдельных текстов вызывает у меня много вопросов. Я благодарен Розамунд МакКиттерик за интересную дискуссию по поводу некоторых из них. К сожалению, ее книга попала мне в руки уже после того, как рукопись была отдана в печать. Однако я намереваюсь опубликовать развернутую рецензию на эту замечательную работу в одном из ближайших номеров «Средних веков».

богатейших наработок, сделанных в рамках *Quellenkunde* и классической филологической критики.

* * *

Материал, необходимый для изучения исторического сознания далеких эпох, могут предоставить самые разные тексты. Строго говоря, он содержится везде, где говорится о прошлом или историографически осмысливается настоящее. Разумеется, наиболее полно он представлен в собственно «исторических» произведениях — хрониках, анналах, историях, *gesta* и т. д. Однако количественный подход, неизбежно придающий исследованию социологический характер, в данном случае, кажется, не слишком себя оправдывает. В каролингскую эпоху, да и на протяжении всего средневековья, историописание неизменно являлось результатом персонального творчества. Никто никого не учил писать историю — последняя не представляла собой самостоятельной отрасли знания, не входила в систему свободных искусств. В историографии имелись свои авторитеты, но отсутствовали сколько-нибудь устойчивые каноны. Поэтому каждый памятник исторической мысли по сути дела уникален и должен рассматриваться самостоятельно. Более продуктивным в этом смысле представляется качественный анализ — интенсивное изучение небольшого числа сочинений. С одной стороны, такой подход позволяет обнаружить то общее, что характеризует историческое сознание эпохи в целом. С другой — максимально персонифицировать предмет исследования и наполнить безликие надличностные категории индивидуальным содержанием, увидеть, как общие историографические модели функционируют в умах отдельных людей⁵⁴.

⁵⁴ В отечественной историографии продуктивность интенсивного изучения отдельных текстов для постижения культурной уникальности конкретной эпохи была отмечена относительно недавно. См.: Баткин Л. М. Леонардо да Винчи. М., 1990. С. 20–25. На теоретическом уровне этот подход, получивший название «казуального», был отчетливо сформулирован только в последние годы. Наиболее после-

Для интенсивного источниковедческого анализа было отобрано семь сочинений. Это — «Деяния мецских епископов» Павла Диякона; «Жизнь Карла Великого» Эйнхарда; биография Людовика Благочестивого, составленная анонимным автором; «Деяния императора Людовика» Тегана; «Истории в четырех книгах» Нитхарда; «Хроника» Регинона Прюмского; «Деяния Карла Великого» Ноткера Заики. Такой отбор объясняется несколькими причинами. Прежде всего, эти произведения являются наиболее известными и востребованными в новоевропейской науке памятниками каролингской историографии. Исследователю трудно миновать их, какими бы аспектами социально-политической или социокультурной истории Франкского королевства VIII–IX вв. он ни занимался. Следовательно, особенно важным представляется понять, как эти писатели осмысливали соответствующую историческую реальность. Очевидно, что они довольно существенно отличались друг от друга по уровню и содержанию образования, сферам своей деятельности, таланту, жизненному опыту и т. д. Кроме того, они являлись представителями разных социальных групп. Следовательно, сходства и различия между ними позволят нам более полно и рельефно представить место и роль исторического знания в рамках каролингской культуры.

Во-вторых, указанные памятники отличаются ярко выраженным жанровым своеобразием. С этим трудно спорить, даже зная, насколько размытыми в средневековую эпоху оказываются границы отдельных историографических жанров⁵⁵. Можно думать, что за такого рода формальными расхождениями удаст-

довательно он разрабатывался в рамках семинара по истории частной жизни под руководством Ю. Л. Бессмертного, действовавшего с середины 90-х гг. на базе ИВИ РАН. Подробнее см.: Бессмертный Ю. Л. Что за «Казус»? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М., 1997. С. 7–24; Он же. Метод // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. М., 2000. С. 16–26.

⁵⁵ О слабой расчлененности историографических жанров в средние века подробнее см.: Guenée B. Histoires, annales, chroniques. Essai sur les genres historiques au Moyen Âge // Annales. E. S. C. № 4.

ся обнаружить различия иного плана — личностный выбор соответствующей формы описания исторической реальности.

И наконец, последнее. Отобранные произведения практически полностью покрывают каролингскую эпоху в хронологическом отношении. Они не только фиксируют важнейшие исторические события и процессы (укрепление и ослабление власти Каролингов, создание империи и ее распад и др.), но и сами являются памятниками эпохи на всем ее протяжении, продуктами ее культуры. Их изучение позволяет сделать значительный шаг к пониманию своеобразия последней.

Все главы построены примерно по одной схеме. Исследование начинается с установления основных фактов биографии наших авторов. Очень важно выяснить, из какой социальной среды вышли эти люди, какое образование получили, в каких сферах деятельности они себя реализовывали. У каждого из них был свой жизненный путь, наложивший неизгладимый отпечаток на их литературное творчество. Здесь кроются причины того, почему для описания они отбирали те или иные фрагменты действительности, оставляя без внимания все прочее. Далее необходимо установить причины, побудившие их взяться за перо. Каролингские писатели были, прежде всего, клириками, пастырями, воспитателями, учеными, политиками, даже воинами и уж только потом историками. И тем не менее в какой-то момент они посчитали необходимым заняться историописанием. Почему они совершают подобный экзистенциальный выбор, что подталкивает их к интенсивной интеллектуальной рефлексии?

Следующий круг вопросов посвящен изучению отношений авторов со своей аудиторией. Всякое сочинение, и уж тем более историческое, предполагало своих читателей, ориентировалось на их запросы и потребности, отражало их систему ценностей, оперировало понятными им образами. Далеко не всегда мы располагаем откликами современников на прочитанное. Чаще приходится реконструировать эту связь, опираясь на

1973. P. 997—1016; *Idem*. Histoire et culture historique... P. 203—207; *Schmale F.-J.* Funktion und Formen... S. 105—123.

текст самих произведений, а также изучая судьбы рукописной традиции и характер последующих заимствований. С проблемой аудитории тесно связан вопрос о функциях историописания в каролингское время. Истории как особой сферы научной деятельности тогда не существовало. Между тем историческое знание оказывалось в высшей степени востребованным.

Разумеется, главное внимание уделяется собственно внешней и внутренней критике текста. Однако за привычным набором формальных источниковедческих параметров мы стремились обнаружить особую «писательскую физиономию», выявить манеру историописания каждого автора, приемы и методы его работы, его литературные предпочтения, характер использования источников и т. д. Историописание каждый раз облекается в новые одежды. Можно думать, что за этими различиями удастся обнаружить то особенное, что определяло характер исторической культуры разных социальных групп. Напротив, сходства позволят выявить круг общеисторических представлений, свойственных эпохе в целом.

Монографию дополняют два приложения. Первое представляет собой перевод на русский язык сочинения Павла Дякона «Деяния мецских епископов», с изучения которого начинается книга. Это — единственный на сегодняшний день отечественный перевод одного из важнейших историографических текстов каролингской эпохи. Надеюсь, данное обстоятельство заставит читателей обратить на него более пристальное внимание, а также будет способствовать более активному его включению в научный оборот. Второе посвящено изучению рукописной традиции каролингских исторических сочинений в IX—XII вв. Этот сюжет, в силу иных исследовательских задач, остался за рамками данной работы. Однако он, несомненно, теснейшим образом связан с проблематикой книги, развивает и дополняет заложенные в ней идеи. Надеюсь, что это позволит читателю получить более целостное представление об исторической культуре средневековья.

У ИСТОКОВ КАРОЛИНГСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ: ПАВЕЛ ДИАКОН И «ДЕЯНИЯ МЕЦСКИХ ЕПИСКОПОВ»

Наше исследование хотелось бы начать с разговора об одном из самых блестящих интеллектуалов каролингского времени — Павле Диаконе. В последней трети VIII в. в рамках франкского мира трудно найти фигуру более колоритную и значимую в контексте заявленной нами темы. Североитальянский аристократ германского происхождения, он питался от корней почти исчезнувшей античной культуры. Монах, искавший в тиши монастырских стен пути к спасению, он неоднократно возвращался в мир, устраивая судьбы близких ему людей. Образованнейший человек своего времени, он являлся одним из основателей культурного ренессанса в стране, покорившей его родину. Талантливый поэт и знаток религиозной литературы, он был последним классическим историком раннего средневековья. На историографическом поприще подвизалось немало его современников. Однако никому из них не удалось создать такого шедевра, как *Historia Langobardorum*, которая и по сей день вызывает у исследователей самый пристальный интерес. Все же для интенсивного анализа мы избрали другое, относительно небольшое, но чрезвычайно яркое сочинение, известное под названием «Деяния мецских епископов». До настоящего момента оно едва ли использовалось в науке для изучения исторической культуры каролингского времени. Между тем привлечение «казуальной» методики позволяет надеяться, что такого рода анализ будет весьма эффективным.

О жизни и деятельности Павла известно достаточно много¹. Он родился в Цивидале (Фриуль) в знатной лангобардской семье после 720 г. Его предки пришли в Италию, вероятно, еще в свите Альбоина в 569 г. и занимали заметное положение в новом королевстве. Во всяком случае, они были довольно тесно связаны с домом герцогов Фриульских. Когда один из них, герцог Ратхиз, стал королем, Павел оказался при его дворе в Павии. В этом городе еще сохранялись традиции позднеантичной грамматической школы, и Павел получил прекрасную возможность завершить свое образование. Под руководством грамматика Флавиана он приобрел глубокие познания в области литературы, теологии и права. Павел даже какое-то время изучал греческий язык, что по тем временам являлось большой редкостью. Однако позднее он им не пользовался и почти совершенно забыл. Отношения Павла с королевской семьей заметно упрочились при Дезидерии, последнем лангобардском правителе. Позднейшая традиция говорит о том, что Павел будто бы даже исполнял обязанности нотариуса в его канцелярии. Точно это не установлено, однако достоверно известно, что он был очень близок к дочери короля, Адальпер-

¹ Подробнее см.: *Wattenbach-Levison-Löwe. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter*. H. 2. S. 212–224; *Manitius M. Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters*. Bd. 1. München, 1911. S. 257–272; *Dahn F. Paulus Diaconus*. Bd. 1. Leipzig, 1876; *Langosch F. Profile des lateinischen Mittelalters*. Darmstadt, 1967. S. 111–133; *Brunhölzl F. Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters*. Bd. 1. München, 1975. S. 257–268; *Gasparri S. Paulus Diaconus // LdM*. Bd. 6. München; Zürich, 1993. S. 1825–1826; *Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A. D. 550–800). Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Deacon*. Princeton, 1988. P. 329–431. Различные аспекты жизни и творчества Павла Диакона совсем недавно стали предметом оживленной дискуссии на международной конференции в Цивидале. См.: *Paolo Diacono. Uno scrittore fra tradizione longobarda e rinnovamento carolingio*. (Atti del Convegno Internazionale di Studi Cividale del Friuli — Udine, 6–9 maggio 1999). Forum; Udine, 2000.

ге. Когда она вышла замуж за беневентского герцога Арихиза, Павел последовал за ней. Именно здесь, на юге лангобардского королевства, впервые заметно расцветает талант нашего героя как поэта и историка. В честь своей госпожи он сочиняет стихотворные ритмы *Adelpergaria*. Около 774 г. по ее же просьбе Павел написал двенадцать книг *Historia Romana*, продолжив сочинение Евтропия от Валента до Юстиниана и наполнив его фактами собственно христианской истории. Еще до этого Павел ушел в монастырь Civate, расположенный недалеко от Милана. Там он составил для своих учеников комментарии к Уставу св. Бенедикта, а также поэтическое житие отца западного монашества.

В 774 г. франки уничтожили лангобардское королевство. Два года спустя во Фриуле вспыхнуло антифранкское восстание. Оно было довольно быстро подавлено. Однако это событие сыграло огромную роль в последующей судьбе Павла. Его брат Арихиз в ходе восстания попал в плен и был доставлен в качестве ценного заложника ко двору Карла Великого. Сам Павел сменил обитель. Около 779 г. он перебрался в Монте-Кассино под защиту герцога Беневентского. Однако три года спустя он решает отправиться во Франкию, чтобы выволить из плена брата. Свое появление при каролингском дворе он предварил смиренной элегией *Verba tui famuli*, прося Карла о смягчении тяжелой участи Арихиза. 10 января 783 г. с берегов Мозеля он пишет письмо своему аббату Теодемару, где сообщает, что вернется в обитель тотчас по достижении своей цели. Однако пребывание Павла во Франкии затянулось на несколько лет. Освобождение брата ему было предложено купить ценой собственного таланта: именно в это время Карл начинает собирать по всей Европе лучших интеллектуалов своего времени. Так вместе с Петром Пизанским, Паулином и другими итальянцами Павел принял активное участие в культурном движении, которое позднее назовут «каролингским возрождением»².

² О проблематике «каролингского возрождения» подробнее см.: Brown G. The Carolingian Renaissance // Carolingian culture: emulation and innovation. Cambridge, 1994. P. 1–51.

В течение нескольких лет Павел активно занимается преподаванием и литературной деятельностью. У него складываются близкие и вполне доверительные отношения с Карлом. По просьбе последнего он пишет ряд эпитафий для королевских родственников. Однако около 787 г. он все же покидает двор. Причин тому могло быть несколько. В это время заметно усилилось противостояние короля франков и герцога Беневентского, прежнего покровителя Павла — последний, вероятно, спешил вернуться в Монте-Кассино, предчувствуя назревающий военный конфликт. Кроме того, Павел достиг цели своего пребывания во Франкии — его брату возвратили долгожданную свободу³.

Вернувшись в родную обитель, Павел целиком посвятил себя литературным занятиям, в то же время продолжая поддерживать довольно тесные связи с франкским королевским двором. По просьбе Карла он написал двухтомный гомилярий для богослужений на весь год. Также составил биографию папы Григория Великого. Однако главным образом он занимался сочинением *Historia Langobardorum*, принесшей ему заслуженную славу в веках. Около 799 г., едва завершив этот труд, Павел скончался. Некий Хильдрик, монах из Монте-Кассино, в память о своем учителе составил очень красивую эпитафию.

«Деяния мецских епископов»⁴ — труд, который интересует нас прежде всего, Павел написал около 784 г. по просьбе

³ Не будем также забывать, что Павел был бенедиктинским монахом и слова устава о *stabilitas loci* вовсе не являлись для него пустым звуком.

⁴ Pauli Warnefridi Libellus de numero sive ordine episcoporum qui sibi ab ipso praedicationis exordio in Mettensi civitate successerunt // MGH. SS. T. 2. P. 260–268. Оригинального названия сочинения Павла не сохранилось. Г. Пертц заимствовал титул из первого издания текста, сделанного в 1613 г. с утраченной ныне рукописи, подчеркивая тем самым, что речь идет, прежде всего, о списке епископов. В. Говфарт предпочитает говорить о *Gesta episcoporum Mettensium*: Goffart W. Paul the Deacon's «Gesta episcoporum Mettensium» and the early design of Charlemagne's succession // *Traditio*. Vol. XLII. 1986. P. 59–93. М. Со предлагает вернуться к старому названию *libellus*

епископа Ангильрамна, королевского архикапеллана. В обширном литературном наследии монтекассинского монаха это небольшое произведение занимает весьма заметное место. Оно появилось под влиянием римской *Liber pontificalis*⁵. Однако Павел был весьма далек от слепого подражания оригиналу, существенно переработав классическую схему. Очевидные параллели между двумя текстами прослеживаются лишь в рассказе о епископе Хродеганге, насчитывающем примерно 38 строк⁶. Сочинение Павла, в свою очередь, послужило образчиком для целого ряда епископских и аббатских *gesta*, в огромном количестве появившихся в IX в. Это было одно из первых проявлений возрастающего самосознания франкского епископата и роста его социального влияния, сделавших следующее столетие подлинным «веком епископов»⁷. Однако, прежде всего, труд

или *liber*. Вместе с тем он отмечает исключительную важность этого произведения для развития жанра *gesta episcoporum* в целом, подчеркивая, что сочинение Павла нельзя отнести к нему лишь по формальным параметрам: *Sot M. Liber de episcopis Mettensibus dans l'histoire du genre «Gesta episcoporum» // Paolo Diacono... P. 527—549.*

⁵ Ср.: *Gasparri S. Op. cit. S. 1825*; Грундманн полагал, что к *Liber pontificalis* так или иначе восходят все средневековые *gesta*. Подробнее см.: *Grundmann H. Geschichtsschreibung im Mittelalter. Göttingen, 1965. S. 39—40.* Однако в последние годы это утверждение вызывает все большую критику. Уже М. Со отметил, что имеет смысл говорить об особом каролингском архетипе *gesta*, воспроизводившемся на протяжении нескольких столетий. См.: *Sot M. Gesta episcoporum. Gesta abbatum. Turnhout, 1981. P. 23.* По мнению Р. Кайзера, доминирование *Liber pontificalis* в качестве архетипа жанра совсем не очевидно. Отдельные *gesta* существенно разнятся между собой по содержанию, способу изложения материала, степени использования в рамках литургии и т. д. Кроме того, в жанровом отношении заметное влияние на них оказала не столько *Liber pontificalis*, сколько творчество Евсевия. Подробнее см.: *Kaiser R. Die Gesta episcoporum als Genus der Geschichtsschreibung // Historiographie im frühen Mittelalter... S. 459—480.*

⁶ *Goffart W. The Narrators... P. 374—375.*

⁷ О жанре *gesta* подробнее см.: *Sot M. Gesta episcoporum. Gesta abbatum... По мнению Со, епископские gesta представляли собой*

Павла является существенным вкладом в создание официальной каролингской идеологии. В числе понтификов мецской кафедры автор особенно превозносит Арнульфа, одного из основателей каролингского дома.

Между тем в историографии Нового и новейшего времени данному произведению уделялось не слишком большое внимание. Об этом говорит не только крайне ограниченное количество специальных работ, но и в целом невысокая оценка, которую дали тексту исследователи: его считали малооригинальным, схематичным и сделанным исключительно на заказ⁸. Такая ситуация вполне объяснима. *Gesta episcoporum Mettensium* насчитывают всего несколько страниц. Помимо простого перечисления епископов — о 33 из 37 упомянутых прелатах автор ничего не рассказывает, — примерно половину текста занимают королевские эпитафии, а также описание разного рода чудес, вплоть до недавнего времени не вызывавших особого энтузиазма даже у историков-антропологов. Факты «реальной» истории каролингского времени слишком

историко-литературные памятники, тесно связанные с литургической практикой *commemoratio*, которые появились одновременно с созданием мавзолеев умерших прелатов. Они предназначались для прославления местных церквей, а также для конституирования сакральной власти епископов и аббатов, которая распространялась не только на город или монастырь, но и на всю совокупность зависимых владений (Ibid. P. 21). См. также: *Sot M. Historiographie épiscopale et modèle familial en Occident au IX-e siècle // Annales. ESC. № 33. 1978. P. 433–469, surt. 439–441; Idem. Organisation de l'espace et historiographie épiscopale dans quelques cités de la Gaule carolingienne // Le métier d'historien au Moyen Âge... P. 31–43. Впрочем, на связь епископского могущества и *gesta episcoporum* указывали еще в XIX в. Ср.: *Ampère J. J. Histoire littéraire de la France sous Charlemagne et durant les X-e et XI-e siècles. P., 1870. P. 139–140.**

⁸ См., напр.: *Duchesne L. Fastes épiscopaux de l'ancienne Gaule. T. 3. Les provinces du Nord et de l'Est. P., 1915. P. 46; Goffart W. The Narrators... P. 373. Лишь совсем недавно была предпринята успешная попытка реабилитировать сочинение Павла. См.: *Sot M. Liber de episcopis Mettensibus...**

фрагментарны и целиком покрываются другими источниками. Кроме того, Павел оставил подлинный историографический шедевр — «Историю лангобардов», вызывающую исключительный интерес и по сей день. Маленькие gesta просто затерялись в ее величественной тени.

Думается, однако, что они не заслужили такой участи. Этот текст, в котором густо перемешано реальное и чудесное, подлинное и, как нам кажется сегодня, вымышленное, представляет собой прекрасный источник для изучения ментальности людей того времени, прежде всего, их исторического сознания. Излишне говорить о том, насколько важно адекватно понимать специфику последнего. Важнейшим механизмом, конституирующим отдельные социальные группы, политические сообщества и даже цивилизации, в средние века была память об историческом прошлом⁹. Однако базировалась она не столько на действительно произошедшем, сколько на его осмыслении, порой весьма далеком от реальности. Ведущая роль здесь принадлежала историкам. Именно они оформляли ее в письменной форме и транслировали дальше¹⁰. Большинство дошедших до нас нарративных текстов раннего средневековья написано представителями *ordo oratorum*. Строго говоря, наиболее полное представление мы в состоянии получить прежде всего об их историческом сознании. Без выяснения особенностей последнего мы вряд ли сможем претендовать на сколько-нибудь правильное прочтение наших источников.

* * *

Вне всякого сомнения, Павел писал историческое произведение. Можно предполагать, что оно вполне адекватно отражает специфику восприятия им исторической реальности, прошлого и настоящего, далекого и близкого. Мы постараемся прочитать его текст именно как историю — историю одной

⁹ Guenée B. Histoire et culture historique... P. 16; Lacroix B. L'historien... P. 148—155.

¹⁰ Schmale F.-J. Funktion und Formen... S. 12.

кафедры на протяжении нескольких столетий; и увидеть эту историю глазами человека, жившего больше двенадцати столетий тому назад. Однако начать следует не с анализа конкретных фактов, а с выяснения того, какими приемами и методами пользовался Павел в своей работе историка.

Павел в высшей степени ответственно отнесся к поставленной перед ним задаче. Начал он, как и полагается, со сбора необходимой информации. Правда, в его распоряжении находился список епископов мецской кафедры, составленный за несколько лет до того по поручению Ангильрамна и положенный Павлом в основу своего сочинения. Однако прочие сведения он собирал самостоятельно. Мы очень хорошо можем представить круг его источников: Павел существенно облегчает нашу задачу тем, что практически всегда называет их.

Для первых веков существования мецской кафедры, от которых не сохранилось никаких письменных свидетельств, особую роль играет устная традиция. Рассказывая о Кlemente, легендарном основателе мецской кафедры, о его приходе в Галию, о его усилиях по распространению новой веры, а также о деяниях или чудесах его преемников, Павел непременно добавляет, что излагает это так, как «передает древняя молва» (*sicut antiqua tradit relatio; sicut ad nos usque decurrit relatio; ad nos deduxit relatio prisca*) (261, 19; 262, 11, 22)¹¹, «как рассказывают» (*ut ferunt*) (261, 23). К сожалению, мы никогда не узнаем, кто были носители этой культурной памяти. Однако с большой долей вероятности можно предполагать, что речь в данном случае идет о представителях высшего клира, имевших непосредственное отношение к мецской кафедре. На это указывает характер устных сообщений, отличающихся совершенно определенным отбором фактического материала.

Хорошо известно, сколь высоким авторитетом обладала устная традиция в раннее средневековье. Однако при случае Павел стремится ее дополнить. По крайней мере, там, где есть

¹¹ Здесь и далее ссылки на источник даются в основном тексте. Первая цифра указывает на порядковый номер страницы, последующие обозначают номера строк.

возможность подтвердить ее другими свидетельствами, он это делает. Так, Павел рассказывает об одном из чудес, совершенных епископом Ауктором. Во время богослужения в базилике св. Стефана обрушилась прогнившая деревянная крыша и расколола мраморный алтарный пол. Епископ приказал возложить на алтарь хлеб и вино, предназначенные для причастия, и продолжил мессу. После того как он принес Богу гостию, плита воссоединилась и стала такой же прочной, как и раньше. При Павле этот кусок мрамора еще находился в базилике (*usque in praesentem diem possit admirari*) (263, 49–50). И он не преминул лично ощупать его пальцами (*studiose contrectatum digitis, ita probatum solidum, ut nullius in eo divisionis sentiantur indicium*) (263, 51–52). Этот эпизод указывает на наличие в Меце в VIII в. памяти о епископе Аукторе, тесно связанной с церковью св. Стефана. Рассказ о чуде с мрамором интересен еще и с той точки зрения, что показывает, насколько внимательно Павел относился к материальным свидетельствам бесписьменного прошлого. Начиная с IX в. археологический материал будет занимать существенное место в епископских и монастырских *gesta*¹².

Кроме устной, подчас легендарной традиции автор активно привлекает материал письменных источников. Рассказ о троянском происхождении франков восходит непосредственно к хронике Фредегара, хотя Павел и не называет его имени, скрываясь за лаконичным «как сообщено старшими» (*sicut a veteribus est traditum*) (264, 39–40). Однако эта фраза явно указывает на другой тип источника, нежели устное предание. В отношении последнего автор предпочитает употреблять термин *relatio* (примеры см. выше).

Больше всего Павел заимствует из «Истории франков» Григория Турского. В «Деяния» оттуда перекочевал рассказ о гуннском нашествии на Галлию и разрушении Меца, в одном месте автор не удерживается и от прямого цитирования. Историю чудесного спасения базилики св. Стефана он излагает непосредственно словами Турского епископа, приводя доволь-

¹² *Sot M. Gesta episcoporum. Gesta abbatum...* P. 25–26.

но длинный пассаж из шестой главы второй книги его труда (263, 10–21)¹³. Данный фрагмент *Gesta* представляет интерес и в ином отношении. Мы имеем уникальную возможность увидеть, каким образом Павел переработал текст, имевшийся в его распоряжении. Он рассказывает о епископе Тонгра Серватии, отправившемся в Рим с целью узнать у блаженных апостолов Петра и Павла об участи, которая ожидает вверенную ему паству. Ему было возвещено о том, что судьба всей Галлии уже предрешена: страна будет отдана на разграбление гуннам. Воины Аттилы убьют множество христиан и уничтожат все церкви, кроме базилики св. Стефана в Меце. На обратном пути Серватий посетил Мец, сообщил епископу Ауктору о том, что узнал через откровение, и таким образом дал ему возможность подготовиться к грядущим испытаниям.

Напротив, у Григория эта история представляет собой два совершенно самостоятельных рассказа. В главе 5 II книги повествуется о епископе Тонгра, его путешествии в Рим и беседе с апостолом, возвестившем о Божьем предопределении относительно Галлии, о его последующем возвращении в Тонгр, прощании с паствой и смерти. Ни о каком посещении Меца и беседе с епископом Ауктором речи не идет. В главе 6 говорится о видении некоего верующего человека, в котором блаженный Стефан молил Петра и Павла уберечь от разграбления его город. Апостолы ответили, что не в силах изменить Божью волю, но уберегут от огня только базилику, где покоятся мощи святого. Именно этот диалог Павел воспроизводит дословно. Однако под пером монтекассинского монаха он становится частью совершенно другой истории, в центре которой находятся мецские епископы. Безымянный «верующий человек» превращается в епископа Тонгра, а диалог Стефана с апостолами трансформируется в откровение, данное Серватию Петром. Таким образом, отталкиваясь от текста Григория, Павел творит новую легенду. Чтобы придать ей законченность и концептуальную целостность, он добавляет в изменен-

¹³ Ср.: Gregorii episcopi Turonensis. Historiarum libri decem. T. I. B., 1956. II, 6.

ный рассказ фрагмент о посещении Серватием Меца. Ссылка на хорошо известный письменный текст была призвана сделать легенду более достоверной.

Еще одним важнейшим источником сведений для Павла являлись рассказы очевидцев, свидетельства старших современников и семейные предания. Историю рода Каролингов он пишет, опираясь главным образом на них. Не будем забывать, что в раннее средневековье живая устная память сохраняется примерно в течение столетия¹⁴. Так что рассказы о битве при Тертри ко времени написания «Деяний» еще не утратили своей актуальности.

Достоверность устных сообщений для Павла в немалой степени зависит от того, кто их предоставляет. Чем знатнее человек, чем выше его социальный статус, чем теснее он связан с правящим родом, тем больше оснований ему доверять. Среди информаторов Павла был сам Карл Великий. Это не удивительно, ведь хорошо известно, сколь тесные отношения их связывали. Благодаря сочинению лангобардского монаха мы имеем уникальную возможность познакомиться с одним из преданий, бытовавших в королевской семье. Оно связано с Арнульфом Мецским, но по тем или иным причинам не попало в его житие. Однажды Арнульф, подвергнутый церковному наказанию за какой-то проступок, шел по мосту через Мозель. Глядя в пучину вод, несущихся под его ногами, он снял с пальца кольцо и бросил его в волны со словами: «Я буду считать себя свободным от грехов только тогда, когда получу обратно то кольцо, которое сейчас бросаю» (*Tunc, inquiring, me putabo culpae pexibus absolutum, quando istum quem proicio recepero anulum*) (264, 20–21). Несколько лет спустя некий рыбак выловил рыбу, которую Арнульф приказал приготовить себе на ужин. Каково же было удивление рыбака, когда он обнаружил в рыбьих кишках драгоценное кольцо. Он принес его своему господину, а тот немедленно признал в нем свой собственный перстень. Арнульф воздал хвалу всемогущему Богу за отпущение грехов и уже до конца жизни оставался правед-

¹⁴ Guenée B. Histoire et culture historique... P. 80–82.

ником, сковав себя суровым воздержанием¹⁵. Павел подчеркивает, что этот рассказ он услышал не от какой-нибудь незначительной персоны, но от самого короля Карла, ревнителя всякой истины и, кроме того, родственника блаженного Арнульфа (Haec ego non a qualibet mediocri persona didici, sed ipso totius veritatis assertore, praeclso rege Karolo, referente cognovi; qui de eiusdem beati Arnulfi descendens prosapia) (264, 33–35). К сожалению, остается только догадываться, как этот расхожий античный сюжет трансформировался в семейное предание германских правителей. Не сохранилось никаких иных свидетельств, письменных или устных, которые позволили бы проследить его эволюцию. Характерно, однако, что Карл, а вслед за ним и Павел всерьез полагают, что имеют дело с реально свершившимся фактом. Очевидно, мы сталкиваемся здесь со специфическим проявлением романо-германского синтеза. Растворяясь в галло-римской среде, варварская знать адаптировала для себя некоторые инокультурные ценностные установки. В частности, Пипиниды усвоили историю с кольцом, сформировавшуюся в рамках языческого средиземноморского мира, но придали ей характерную христианскую трактовку.

В современной литературе сложилось устойчивое представление о своеобразной иерархии источников по степени их достоверности и авторитетности для средневековых историков. Наибольшим доверием в глазах последних обладают зрительные свидетельства (*visa*) — увиденное лично или услышанное непосредственно от очевидцев. Затем следует устная традиция (*audita*) — наследие бесписьменного варварского прошлого.

¹⁵ По мнению В. Гоффарта, история с кольцом имела прямые параллели в событиях VIII в. Она символизировала смерть королевы Хильдегарды (кольцо, брошенное в реку) и женитьбу Карла Великого на Фастраде (повторное возвращение кольца). Воздержание Арнульфа после чудесного обретения кольца якобы означало намерение Карла отказаться от рождения новых сыновей — законных наследников и ограничиться исключительно дочерьми: *Coffart W. Early Design...* P. 77–80. Этот тезис представляется достаточно спорным.

И наконец, сведения, содержащиеся в текстах (*lecta, scripta*)¹⁶. Однако в *Gesta* подобная иерархия едва ли прослеживается. Все три типа источников для Павла обладают в принципе одинаковой достоверностью — они в равной степени аутентично отражают описываемую реальность. Некоторая иерархичность намечается скорее между отдельными сообщениями и определяется авторитетностью самого источника информации. Так, рассказы Карла Великого о собственном предке Арнульфе заведомо правдивее рассказов любого другого человека.

Павел довольно осторожно относится к своим источникам. Субъективно он полагает, что ничего не выдумывает, не добавляет от себя и сообщает лишь те сведения, в достоверности которых уверен. Епископ Ауктор наверняка совершил много чудес, однако в памяти потомков сохранилось лишь два (*De quo viro, quamvis et alia ab eo insignia facta credantur, duo tantum ad nostram memoriam eius miracula pervulgata sunt*) (262, 25—27). Павел вычитал их у Григория Турского и Фредегара. Но полнее узнать о деятельности Ауктора из обнаруженных источников не удалось (*quantus qualisque fuerit, ex his quae relata sunt plene potest agnosci*) (263, 52—53). Трудami епископов Феликса, Виктора, Симеона, Самбата и других мецская кафедра окрепла, «хотя в деталях их деяния скрыты от нас» (*quamvis eorum nobis specialiter occulta sunt gesta*) (262, 7). О жизни епископов Фирмина и Легонция не известно ничего, кроме имен (*de quorum aliquid vita praeter nomina nihil ad nos deduxit relatio prisca*) (262, 21—22). О епископе Хлодульфе известно лишь то, что он являлся потомком Арнульфа (*de quo nihil ad nos amplius, praeter quod a tali radice exortus est, fama perduxit*) (267, 32—33). Если добавить к этому цитирование и непременные указания на источник информации, то можно сказать, что некоторые методы исследовательской работы Павла удивительным образом перекликаются с соответствующими методами научной деятельности современных историков. Разница заключается, прежде всего, в том, что новоевропейская тради-

¹⁶ Lacroix B. L'historien... P. 45—69; Guenée B. Histoire et culture historique... P. 132.

ция отрицает достоверность тех источников, которые Павел считал истинными. Однако не будем забывать, что Павел жил в принципиально иной интеллектуальной и ментальной атмосфере. Работая как историк, он совершенно иначе представлял себе предмет своего описания.

В начале своего труда Павел сообщает читателю, что хочет изложить деяния епископов мецской кафедры. Однако его текст не очень-то укладывается в заявленные рамки. Наряду с фрагментами епископских биографий и описаниями различного рода чудес он излагает историю рода Каролингов, которая занимает добрую половину всего произведения. Какова логика таких построений? Рассмотрим все по порядку.

Павел начинает с рассказа о создании в Меце епископской кафедры. Апостол Петр, утвердившись в Риме, отправил по многим городам Галлии лучших и образованнейших мужей из своего окружения для утверждения там христианской веры. Мец достался Клементу, одному из *religiosi doctores*. Он нашел приют в развалинах римского амфитеатра, где выстроил первый ораторий и поставил алтарь. Через некоторое время ему удалось обратить в свою веру довольно большое число горожан, так что в нем стали видеть «указчика справедливости и провозвестника истины» (*ostensor iustitiae et index veritatis*) (261, 28–29).

Этот легендарный рассказ решал несколько важнейших задач. Прежде всего, он возводил историю мецской кафедры к апостольским временам. От Клемента ниточка тянулась к князю апостолов Петру, а от него к самому Христу — вознесшись на небо, Он позаботился о том, чтобы в разных землях апостолы продолжали проповедовать его учение (*Postquam... Christus dominus migravit ad coelos, statim ut promisso sancti Spiritus munere beati apostoli potiti sunt et confirmati, illico quam unusquisque eorum provinciam vel regionem praedicaturus adgredi deberet*) (261, 1–5). Таким образом, история вполне реального епископства становилась частью священной, библейской истории. С другой стороны, подобная генеалогия духовных лидеров Меца была призвана указать на аутентичность христианской доктрины и культа, утвердившихся в этой *civitas*.

Хорошо известно, сколь сильно они разнились от общины к общине в рамках каролингского мира. Унификация церковного служения и всего *ordo oratorum* была одним из важнейших направлений внутренней политики Каролингов. Теснейшая связь правящей династии с мецской епархией дополнительно легитимировала эти усилия. Не будем также забывать, что реформа церкви, распространившаяся позднее на другие регионы королевства, начиналась именно в Меце — усилиями епископов Хродеганга и Ангильрамна¹⁷.

О нескольких преемниках Клементя Павел почти ничего не сообщает, называя лишь их имена (Целестин, Феликс, Пациенс, два Виктора, Симеон и Самбат). Выше уже говорилось о том, насколько осторожно обходится Павел со своими источниками. О деяниях этих людей ему ничего неизвестно. Поэтому он ограничивается лаконичным утверждением, что их трудами «церковь Божия разрослась» (*Quorum omnium studiis certum est, crevisse Dei ecclesiam*) (262, 6).

Следующий довольно большой отрывок посвящен епископам Руфу и Адольфу. Собственно даже не им самим, а чудесам, свершившимся на их могиле. Однажды некий религиозный муж, имевший обыкновение обходить по ночам все церкви, расположенные за пределами городских стен (*extra muros eiusdem civitatis*), и возносить молитвы во славу Господа, подошел к церкви св. Феликса, где были погребены тела упомянутых епископов. Не сумев попасть внутрь, он начал горячо молиться у наружной стены. В тот момент, когда он произносил стих «Возрадуются святые во славе» (*Exultabunt sancti in gloria*), внезапно раздался голос из-под земли — «возрадуются они на ложах своих» (*laetabuntur in cubilibus suis*) (262, 19–20).

Далее в сведениях Павла снова провал. О епископах Фирмине и Легонции он не упоминает ничего, кроме их имен. И наконец, он приступает к описанию деяний епископа Аукто-

¹⁷ Характерно, что, начиная с IX в. возведение истории кафедры к апостольским временам становится неотъемлемым элементом епископских *gesta*. См.: *Sot M. Historiographie épiscopale... P. 436; Idem. Gesta episcoporum. Gesta abbatum... P. 16.*

ра. Им отводится больше всего места. Но объясняется это скорее не их важностью, а тем, что Павел в данном случае располагал более значительной информацией, почерпнутой из сочинений Фредегара и Григория Турского. Деяния эти далеки от сурового реализма трудов первых епископов. Они также представляют собой чудеса. Первое действие Ауктора связано со спасением значительной части своей паствы от гуннского плена. После захвата Меца большое число христиан вместе с епископом попало в руки свирепых воинов Атилы. Но едва они отошли от разграбленного города на несколько десятков миль, как все войско окружила тьма, лишив его возможности двигаться в какую-либо сторону. Когда язычники попытались выяснить причину случившегося, то им было сказано, что всему виной пленение епископа. Ауктора срочно разыскали и просили его избавить гуннов от этой напасти. Тот согласился вымолить у Господа прощение при условии, что все пленные христиане вернутся домой. Сделка была заключена. В итоге пастырь получил назад свое стадо, а гунны увидели свет. Второе чудо-деяние Ауктора связано с расколотой алтарной плитой в базилике св. Стефана, о чем уже говорилось выше.

Преемниками Ауктора были некий Агиульф, известный Павлу лишь тем, что происходил из знатного сенаторского рода, и, наконец, Арнульф, основатель Каролингской фамилии. О деяниях последнего Павел был хорошо осведомлен. Он ознакомился с его житием, уже находясь при дворе франкских правителей. Однако (странное дело!) он не пересказывает его, предлагая читателю самостоятельно ознакомиться с этим произведением (*Nic... multa admiranda perpetravit, quae si quis nosse desiderat, libellum qui de eius specialiter actibus conscriptus est, legat*) (264, 13—15). Павел написал лишь об одном деянии Арнульфа — чуде с кольцом, символизировавшим победу его владельца в борьбе с дьяволом (см. выше). Почему наш автор не пересказал хотя бы некоторые фрагменты жития? Очевидно, объяснение здесь нужно искать в том, на какую аудиторию рассчитывал Павел. Он явно ориентировался на высшую придворную аристократию во главе с королем, а также на окружение епископа Меца Ангильрамна. Можно думать, что в этой

среде, своего рода «текстуальном сообществе»¹⁸, житие Арнульфа было достаточно хорошо известно, и пересказывать его казалось не слишком целесообразным¹⁹. Видимо, Павел полагает необходимым зафиксировать лишь менее известные факты, которые в скором времени могут быть реально позабыты²⁰.

С этого момента характер рассказа меняется. Епископы Меца на довольно долгое время исчезают из поля зрения Павла, а «Деяния» обретают характер семейной истории. Автор пишет о сыновьях Арнульфа, старшем (Хлодульфе), жадном и себялюбивом, и младшем (Ансгизе), щедром и праведном. Однажды отец спросил их, может ли он раздать часть их наследства беднякам. Старший активно воспротивился этому. Младший, напротив, позволил отцу делать то, что тот считал нужным. Выдержав этот жесткий моральный экзамен, он получил благословение Арнульфа. А к его потомкам «вполне заслуженно» перешло королевство франков (*non inmerito ad eius prosapia Francorum translatum sit regnum*) (265, 2–3). Здесь мы сталкиваемся с достаточно распространенной в каролинг-

¹⁸ Б. Сток понимает под «текстуальными сообществами» относительно замкнутые группы людей, которые осмысливали свое единство посредством чтения, составления и комментирования одних и тех же текстов. Подробнее см.: *Stock B. The Implication of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries*. Princeton, 1983. P. 90–91.

¹⁹ По мнению М. Со, *gesta* предназначались для публичного чтения, в том числе и в присутствии простолюдинов. Т. е. их потенциальной аудиторией являлось все население города. См.: *Sot M. Gesta episcoporum. Gesta abbatum...* P. 46–47. Однако упомянутая отсылка Павла к письменному тексту заставляет предположить, что в данном конкретном случае он ориентировался на достаточно узкую аудиторию.

²⁰ Примеры столь своеобразного отношения к исторической памяти можно обнаружить и в других каролингских текстах. Так, Астроном, анонимный биограф Людовика Благочестивого, полагает излишним упоминать имена знатных франков, погибших в Ронсевальском ущелье в 778 г., поскольку они и без того хорошо известны: «*Quorum, quia vulgata sunt, nomina dicere supersedi*» (Anonym., 2).

ское время моделью интерпретации исторической реальности. Своими корнями она уходит в библейский рассказ о праведности младших сыновей и о моральной испорченности старших²¹. Возвеличивание первых и падение вторых — такова логика исторической действительности в глазах многих каролингских историков²². С большой долей уверенности можно сказать, что эта действительность представлялась современникам периодически повторяющейся. С разными людьми, народами и государствами в различные эпохи происходит в принципе одно и то же. Характерная для раннесредневекового общества ориентация на воспроизводство одних и тех же видов деятельности и моделей поведения, уходящая своими корнями в экономику малоподвижного аграрного общества, находит свое продолжение и в осмыслении исторической реальности²³.

²¹ Таковы ветхозаветные Каин и Авель (Быт. 4), Исмаил и Исаак (Быт. 16 : 15; 21 : 2—12), Исав и Иаков (Быт. 25 : 25—34).

²² В подобном ключе выстраивает свое повествование о деяниях Людовика Благочестивого Теган. Основания его праведности и высокой моральной чистоты автор прямо связывает с тем, что Людовик был самым младшим из законных сыновей Карла. Ср.: «Sed ille qui iunior natu erat, semper ab infantia sua timere Deum et amare didicerat, et quicquid sui habebat, propter nomen Domini pauperibus distribuerat. Erat enim optimus filiorum eius, sicut ab exordio mundi frequenter iunior frater seniore fratrem meritis praecedebat» (Thegan., 3). Этот топос до известной степени определяет характер историографических построений Нитхарда, Астронома и Регинона (подробнее см. ниже).

²³ В. Гоффарт полагает, что вся первая часть *Gesta* (от Клемента до Арнульфа) не имеет никакого отношения к событиям I—V вв., но представляет собой своеобразную интерпретацию ветхозаветных сюжетов в контексте реалий VIII в. Он выделил здесь три смысловых блока. Основание мецской кафедры Клементом соответствует Сотворению мира и одновременно указывает на римский характер франкской церкви при Каролингах. Гуннское нашествие есть переосмысление Потопа, а епископ Ауктор имеет своим прототипом Ноя. Одновременно нашествие символизировало отрыв франкской церкви от своих римских корней, за что Каролинги не могли нести ответственности, и обосновывало необходимость церковных преобразований с опорой на Мец. Наконец, история с сыновьями Арнульфа по-

Далее представлено генеалогическое древо Каролингов, сопровождающееся кратким описанием славных деяний отдельных представителей рода. Подробнее всего Павел пишет о Карле Великом, о завоевании королевства лангобардов и мудром урегулировании сложнейших итальянских дел; о женах и детях могущественного короля франков — здесь же приводится несколько эпитафий, сочиненных Павлом в их честь.

Уже в самом конце книги автор вновь возвращается к главной теме своего труда. Он дает краткие биографии нескольких епископов, занимавших мецскую кафедру уже в самое последнее время. Описание их деяний существенно отличается от того, с чем мы сталкивались ранее. Епископы — современники Павла не творят чудес, но прилагают массу усилий для торжества христианства на подчиненных им территориях. Таков, например, Хродеганг, в лице которого Павел изобразил портрет идеального каролингского епископа. При дворе Карла Мартелла он исполнял обязанности референдария. Затем, уже

строена по той же схеме, что и ветхозаветная история Иакова и Исава, сыновей Исаака. Для VIII в. она символизировала организацию наследования трона, произведенную Карлом Великим в 781 г.: он сделал младших сыновей, Пипина и Людовика, королями Италии и Аквитании. См.: Goffart W. *The Narrators...* P. 373—378; *Idem*. *Early Design...* P. 59—84. Таким образом, Павел не столько писал историю кафедры, сколько формулировал определенную идеологическую концепцию, отражавшую интересы части франкского епископата и королевской фамилии. Однако содержание этой части *Gesta* богаче и выходит за пределы намеченных Гоффартом рамок, а указанные параллели, особенно последняя, представляются слишком прямолинейными. Думается, что отмеченные библейские аллюзии являются не столько результатом сознательной деятельности Павла, сколько плодом своеобразной исторической памяти, сложившейся в течение столетий в окружении епископа Меца. В Павле скорее следует видеть добросовестного фиксатора этой памяти. Выше уже говорилось о том, сколь тщательно Павел собирал необходимые сведения, всячески избегая сообщать о том, чего он не знает. Тем не менее наблюдения Гоффарта заслуживают внимания в том, что касается оценки места и роли библейских топосов в осмыслении исторической реальности в средние века.

при Пипине Коротком, получил мецскую кафедру. В церкви св. Стефана он строит алтарь и амвон, богато украшенные золотом и серебром; основывает в своем диоцезе несколько монастырей, заставляя монахов жить по уставу св. Бенедикта; перевозит во Франкию мощи святых; посвящает епископов, пресвитеров и дьяконов в разных городах; обучает клириков правилам церковного служения, организует каноникат и активно внедряет во Франкии римскую мессу и т. д. (267, 43–48; 268, 1–32)²⁴. Павел заканчивает свой рассказ упоминанием того, что ныне мецскую кафедру возглавляет епископ Ангильрамн. Здесь текст как будто обрывается на полуслове. Можно согласиться с мнением Гоффарта, полагавшего, что автор сделал это сознательно — *Gesta* должны были дополняться из поколения в поколение описанием деяний последующих епископов²⁵.

Итак, структура *Gesta* представляется довольно сложной и противоречивой. Однако она явно имеет свою логику. Прежде

²⁴ По мнению М. Со, Павел стремился представить Хродеганга одновременно новым Клементом, основывавшим церкви и восстанавливавшим римскую литургию, и новым Арнульфом, передавшим обладание апостольской святостью королевской фамилии: Хродеганг от имени и с разрешения папы Стефана II помазал на царство Пипина Короткого. См.: *Sot M. Liber de episcopis Mettensibus...* P. 542.

²⁵ Гоффарт высказал предположение, что деяния всех последующих епископов должны были описываться по схеме, заимствованной из *Liber pontificalis*. См.: *Goffart W. The Narrators...* P. 374–375; *Idem. Early Design...* P. 68. Эту точку зрения разделяет и М. Со: *Sot M. Liber de episcopis Mettensibus...* P. 547. По мнению Гоффарта, описание деяний Хродеганга в духе *Liber pontificalis* символизировало возвращение мецской кафедры к римским формам богослужения при Каролингах: *Goffart W. Early Design...* P. 72. Однако материалы *Gesta* не дают оснований для подобной трактовки. Напротив, они, скорее, указывают на стремление Павла обосновать изначальную аутентичность мецской кафедры, сохранившей свои римские корни. Обращение к *Liber pontificalis*, по-видимому, было связано с другим. В отношении Хродеганга Павел располагал богатым и достоверным материалом, который можно было уложить в схему *Liber pontificalis*. Сведения о прочих епископах, почерпнутые главным образом из устной традиции, этого сделать не позволяли.

всего, бросается в глаза, сколь широко Павел трактует понятие «деяния». Это не только вполне определенные человеческие поступки, совершить которые под силу в принципе любому (основание ораториев, строительство церквей и монастырей, поставление священнослужителей, организация богослужения и др.). В разряд деяний попадают чудеса. Совершаются они, разумеется, Богом, а не людьми. Последние оказываются всего лишь проводниками божественной воли. Но подобной чести удостаиваются очень немногие, только самые лучшие и праведные. Среди мецских епископов, особенно в домеровингский период истории кафедры, таких немало. Характерно, что даже физическая смерть не препятствует епископам творить чудесные деяния. Например, Арнульф совершил их великое множество, как при жизни, так и после смерти (*Hic denique et in corpore permanens, simul et post vitae exitum multa admiranda perpetravit*) (264, 13–14).

Такие вещи чрезвычайно интересуют Павла. Это и понятно, ведь он пишет не просто рассказ, пусть и не лишенный некоторой поучительности, но излагает историю создания особого сакрального пространства, которое и есть епископство Мец. Связывая его зарождение с деятельностью Клемента, посланника апостола Петра, Павел делает его ни много ни мало частью священной истории и ставит его в непосредственную связь с самим Христом. Благодаря ревностным усилиям преемников Клемента это пространство расширяется и крепнет. Святость самоотверженных пастырей как проявление Божьей благодати никуда не исчезает, но сохраняется в течение столетий и может быть актуализирована в любой момент. В развалинах амфитеатра, где Клемент построил свой первый ораторий, и по сей день не смогла появиться ни одна змея, да и болезни, свирепствующие в округе, обходят это место стороной (*in amphitheatro... usque in praesentem diem nec serpens consistere quest, sed omnino noxiae pestes locum illum refugiant*) (261, 30–32). А в церкви св. Стефана всякий может увидеть и даже потрогать расколотую мраморную плиту, отдельные части которой чудесным образом соединены друг с другом. Рациональное знание дополняется чувственным опытом. Прошое и настоящее

как бы сосуществуют в каждый момент времени. Сверхъестественное для Павла такая же очевидная реальность, как и его собственное физическое бытие. И одно и другое могут являться предметом исторического описания. Павел с большим вниманием относится к устной традиции. Последняя между тем позволяет увидеть, как осмысливалась историческая реальность за много столетий до рождения нашего автора. В исторической памяти оседает, прежде всего, то, что воспринимается через призму божественного и находит явные библейские параллели²⁶. Память оказывается чрезвычайно избирательной. Но законы ее функционирования в течение столетий остаются неизменными. И тогда и сейчас в ней оседает то, что воспринимается как социально значимое, как актуальное для большего или меньшего количества людей.

Павел убежден, что сакральное пространство, создаваемое усилиями многих поколений, непременно оберегает своих обитателей от бедствий внешнего мира. Гунны, взявшие штурмом Мец, разрушили все, кроме церкви св. Стефана, словно защищенной каменной стеной (*eorum oculis velut ingens saxum ac moles solida apparebat*) (263, 4–5). Христиане-жители города, захваченные в плен, были уведены от города всего на несколько десятков миль, когда тьма остановила гуннское войско и, в конце концов, заставила врагов расстаться со своей добычей. Мец окружен многочисленными молельнями, где покоятся мощи святых (*universa quae extra muros eiusdem civitatis sita erant oratoria*) (263, 13), создающими дополнительную защиту для горожан²⁷. Мертвые спасают живых. Контакт между ними постоянно поддерживается — недаром Руф и Адольф откли-

²⁶ В свое время Д. Н. Егоров справедливо отметил этот «библиократизм» средневекового сознания. Влияние Библии прослеживается не только в языке и цитатах в тексте. Она определяет сам характер осмысления отдельных фактов и порядок их изложения. Ср.: Егоров Д. Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 120–129.

²⁷ Подобная организация сакрального пространства была характерна и для других каролингских *civitates*. См.: *Sot M. Organisation de l'espace...*

каются из могилы на посвященный им псалом, а Арнульф совершает чудеса после смерти.

Наследниками этого огромного сакрального богатства, в конце концов, стали Каролинги. Павел стремится показать, что через епископа Арнульфа, основателя могущественного рода франкских правителей, они оказались сопричастны божественной благодати²⁸. Во многом от этого зависел их последующий успех. Именно поэтому Павел не видит противоречия в соединении истории семьи и истории епископства. Одно есть продолжение другого. Каролинги, получив королевский титул, начали распространять унаследованное сакральное пространство дальше — на все подвластные им территории, включая Италию. Среди многочисленных и достойных удивления деяний Карла Великого Павел выделяет покорение королевства лангобардов, совершенное без изнурительного сражения (*inter plura et miranda, quae gessit, Langobardorum gentem... sine gravi praelio suae subdidit dicioni et... clementi moderatione victoriam temperavit*) (265, 12–16). Но особенно важным ему представляется освобождение Рима, «который стонал под гнетом лангобардов» (*Romanos... urbem Romuleam... tunc a Langobardis depressa gemebat, duris angustiis eximeus, suis addidit sceptris*) (265, 16–19). Можно думать, что патриотические настроения Павла были не слишком сильны, во всяком случае, не до такой степени, как это предполагалось ранее²⁹. В плане самоидентифи-

²⁸ По мнению М. Со, святость епископского псевдолиньяжа в данном случае трансформировалась в королевский линияж, способствуя легитимации власти последнего. См.: *Sot M. Historiographie épiscopale... Р. 440–441.*

²⁹ В отечественной историографии тезис о пролангобардской ориентации Павла наиболее четко был сформулирован О. А. Добиаш-Рожественской. Подробнее см.: *Добиаш-Рожественская О. А. Ранний фриульский минускул и одна из проблем жизни и творчества лангобардского историка VIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. С. 109–139. Точку зрения О. А. Добиаш-Рожественской воспроизводит А. Д. Люблинская: Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 57–58. Напротив, И. А. Дворецкая обоснованно настаивает на профранкской*

фикации для него гораздо важнее оказывается характер вероисповедания, нежели этническая принадлежность³⁰.

Итак, историческое сознание Павла Диакона, сформировавшееся в рамках определенной исторической культуры, характеризуется целым рядом особенностей. Прежде всего, его отличает отсутствие исторической динамики. Прошлое и настоящее, даже разделенные значительным временным отрезком, как бы сосуществуют в каждый конкретный момент. Рациональное знание этого непременно дополняется чувственным физическим опытом, личным переживанием. Отдаленное прошлое всегда приближено к настоящему — давно умершие святые говорят из могилы, в течение многих веков болезни и змеи сторонятся священного места, а расколотый алтарь можно потрогать руками.

Для исторического сознания Павла характерна дихотомия линейного и циклического, необратимого и повторяющегося³¹. История движется от начала к концу, от Сотворения мира к Страшному суду — это непреложная истина для любого раннесредневекового интеллектуала. И между тем история постоянно повторяется. Случившееся однажды в библейские времена происходит вновь — только с другими людьми и в другом месте. Убежденность в этом позволяет Павлу объяснять настоящее реалиями прошлого, пусть и легендарного в нашем представлении. Можно думать, что далеко не всегда он делает это осознанно, тем важнее для нас подобные «проговоры».

Павел не разделяет действительное и чудесное. Второе для него столь же очевидная вещь, как и первое. Человеческие де-

политической ориентации Павла. Подробнее см.: *Дворецкая И. А. Павел Варнефрид как историк и этнограф // Античный мир и археология. Саратов, 1979. С. 31–62. Там же см. характеристику соответствующих точек зрения зарубежных историков.*

³⁰ О мотиве наказания лангобардов за пренебрежительное отношение к католической церкви и ее представителям в *Historia Langobardorum* см., напр.: *Gasparri St. Op. cit. S. 1826.*

³¹ Эту дихотомию следует признать характерной чертой раннесредневекового сознания вообще. См.: *Аверинцев С. С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья (общие замечания) // Античность и Византия. М., 1975. С. 266–285.*

яния есть проявление божественной воли. В этом смысле нет никакой разницы между строительством церквей, проповедью, крещением язычников и чудесным возвращением кольца, воссоединением осколков алтарной плиты или тьмой, поглотившей вражеское войско. Даже смерть не является непреодолимой границей между двумя мирами. Деяния можно совершить и за гробом, если Господь изберет кого-то проводником своей воли. Строго говоря, Павел пишет не историю мецской церкви, а священную историю, историю явления Бога в мире.

И наконец, последнее. «Деяния мецских епископов» имели вполне прагматический смысл. Прежде всего, они являлись весьма существенным вкладом в создание официальной каролингской идеологии и были призваны легитимировать положение новой династии, не так давно захватившей трон. Обладание обширным сакральным багажом ставило Каролингов в исключительное положение по отношению к прочим аристократическим кланам. «Деяния» были ориентированы на королевский двор, а также на ту часть франкского духовенства, которая была наиболее тесно с ним связана и функционировала в социальном пространстве «трон — кафедра св. Арнульфа». Это сочинение, заказанное епископом Меца и одновременно королевским архикапелланом, должно было создать дополнительный механизм консолидации указанной микрогруппы через идентификацию с королевской династией, носителем особого сакрального начала³².

³² О статусе мецской кафедры при Каролингах подробнее см.: Oexle O. G. Die Karolinger und die Stadt des heiligen Arnulf // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 1. Berlin, 1967. S. 250—364.

ЭЙНХАРД И АСТРОНОМ: ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ДВУХ ИМПЕРАТОРОВ

20—40-е гг. IX столетия ознаменовались появлением нескольких биографических сочинений, которые нельзя приписать собственно к агиографии. Сложилась уникальная ситуация — спустя несколько столетий, после того как появились последние позднеантичные биографии римских императоров, вновь начинают создаваться жизнеописания светских правителей, правда, лишь на короткое время. Присутствуем ли мы при рождении нового жанра или наблюдаем эволюцию старых — вопрос, безусловно, важный. Однако его решение не является задачей данной книги. Оставим его историкам средневековой литературы. Эти произведения интересуют нас прежде всего как памятники исторической мысли, как проявления исторического сознания людей определенной эпохи. Мы остановимся на двух *Vita*, возникших с разницей всего в полтора десятилетия, но существенно различающихся между собой. Одно из них принадлежит перу Эйнхарда, может быть, самого известного ныне каролингского историографа, и посвящено жизнеописанию Карла Великого. Другое написано анонимным автором и рассказывает о жизненном пути Людовика Благочестивого, сына Карла. Можно думать, что изучение различий двух памятников, написанных в одном жанре, существенно обогатит наше представление о работе каролингских историков.

Жизненный путь Эйнхарда¹ на сегодняшний день известен достаточно хорошо². Он родился около 770 г. Его родители, Эйнхарт и Энгельфрид, принадлежали к знатному восточно-франкскому роду из области Майнгау. Еще мальчиком Эйнхарда отдали на воспитание в Фульдский монастырь³. Там он осваивал чтение и письмо, а также постигал тонкости *artes liberales*⁴. В 788—791 гг. привлекался к составлению грамот, некоторые из них сохранились и поныне⁵. Вероятно, в благодарность за обучение сына, родители пожертвовали монастырю земли в Ойердорфе близ Хаммельбурга, и Эйнхард оформил

¹ Имя Эйнхарда писалось в различной транскрипции: Einhard, Einhart, Heinhardt, Ainard, Agenard и др.

² Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 2. S. 266—280; Ebert A. Op. cit. Bd. 2. S. 92—104; Manitius M. Op. cit. Bd. 1. S. 639—646; Brunhölz F. Op. cit. Bd. 1. S. 318—323; Hampe K. Zur Lebensgeschichte Einhards // NA. № 21. 1895. S. 599—631; Kurze F. Einhard. Berlin, 1899; Esselborn K. Einhards Leben und Werke. München, 1927; Ganshof F. L. Notes critiques sur Eginhard, biographe de Charlemagne // RBPH. № 3. 1924. P. 725—758; Idem. Eginhard, biographe de Charlemagne // BHR. № 13. 1951. P. 217—230; Halphen L. Études critiques sur l'histoire de Charlemagne. P., 1920. P. 60—103; Kleinclausz A. Eginhard. P., 1942; Fleckenstein J. Einhard, seine Gründung und sein Vermächtnis in Seligenstadt // Das Einhardkreuz. Göttingen, 1974. S. 96—121; Idem. Einhard // LdM. Bd. 3. München; Zürich, 1986. S. 1737—1739.

³ О роли монашества и монастырей в системе образования в каролингскую эпоху подробнее см.: Riché P. Les écoles et l'enseignement dans l'Occident chrétien de la fin du V-e siècle au milieu du XI-e siècle. P., 1979. P. 191—192, 293—296; Idem. Les moines benedictins, maîtres d'écoles, VIII-e — XI-e siècles // Idem. Éducation et culture dans l'Occident médiéval. Aldershot; Brookfield, 1993. P. 96—113.

⁴ Walaf., prol.: «In Fuldensi cenobio... prima puerilis nutriture rudimenta suscepit». О содержании монастырского образования подробнее см.: Оксенбайн П. Обучение и преподавание в монастыре св. Галла // Культура аббатства Санкт-Галлен. Баден-Баден; Цюрих, 1996. С. 133—144.

⁵ Urkundenbuch des Kloster Fulda. Bd. 1. Marburg, 1958. № 175, 189, 191, 234, 235, 240.

это дарение документально⁶. Около 794 г. аббат Баугольф от-правил талантливому юношу ко двору, чтобы тот мог завер-шить свое образование. По всей видимости, его наставником оказался сам Алкуин. «Невеликий ростом»⁷ Эйнхард, которо-го иногда уменьшительно называли Нардус или Нардулюс⁸, довольно быстро получил всеобщее признание. Уже через два года мы встречаем его в ближайшем окружении Карла в каче-стве сотрапезника и доверенного помощника. После переезда Алкуина в Тур Эйнхард занял вакантное место руководителя дворцовой школы. Алкуин рекомендовал его Карлу как знато-ка гомеровского стихосложения и специалиста по математике. Однако истинную славу при дворе Эйнхард стяжал не на ли-тературном поприще. Больше всего современники ценили его способности архитектора и художника. Недаром его прозвали Веселеилом⁹. Подобно ветхозаветному герою Эйнхард велико-лепно работал с камнем, деревом и драгоценными металлами, чем оказал значительное влияние на придворную художе-ственную продукцию¹⁰. Аббат Фульды Ратгер даже специаль-но направил к нему монаха Бруно для наставления последнего в *artes variae*¹¹. Эйнхарду, знатоку Витрувия, поручили также

⁶ Urkundenbuch des Kloster Fulda. Bd. 1. № 240.

⁷ Валафрид называет Эйнхарда «человечком, ибо он не вышел ростом». Walafr., prol.: «predictus itaque homuntio, nam statura des-picabilis videbatur».

⁸ Theodulfi Carmina // MGH. Poet. lat. T. 1. P. 487, № 25: «Nardulus huc illuc discurrat»; Alchvini Carmina. Op. cit. P. 248, № 30, II: «Nardule, dic lector pergens, tu parvule, salve».

⁹ Alchvini Carm. Op. cit. T. 1. P. 245, № 26: «Quid faciet Beleel Hiliacis doctus in odis?»; Alchvini Epistola // MGH. Epist. T. 4. P. 285, № 172: «Beselel vester immo et noster familiaris adiutor de paternis versibus adponere poterit».

¹⁰ Эйнхарду, в частности, приписывают создание знаменитого ре-ликвария в виде триумфальной арки. Подробнее см.: Fleckenstein J. Einhard, seine Gründung... S. 101.

¹¹ Catalogus abbatum Fuldensium // MGH. SS. T. 13. P. 272: «abbas Ratger direxit... Brunan ad Einhartum variarum artium doctorem peritissimum... studendi».

общий надзор за возведением комплекса аахенского дворца¹². Современники отмечали, что в последнее десятилетие жизни Карла наш герой оставался одним из наиболее близких к нему людей. Стареющий император частенько делился с ним различными *secreta* и поручал выполнение наиболее ответственных миссий¹³. Так, в 806 г. Эйнхард лично отправился в Рим, чтобы добиться у папы согласия на утверждение *Divisio regnorum*, одного из первых завещаний Карла¹⁴. В 813 г. от лица придворной знати он «просит» императора назначить преемником сына Людовика¹⁵. Эйнхард вполне мог оказаться в числе тех немногих конфидентов, которые приняли участие в составлении завещания великого императора франков. Во всяком случае, он — единственный, кто сохранил для нас этот поистине уникальный текст. После смерти Карла Эйнхарду удалось удержаться при дворе, вероятно, не в последнюю очередь благодаря «мягкой и скромной природе души»¹⁶, склонной избегать конфликтов и открытого противостояния. Мы видим его в числе советников Людовика Благочестивого, в то время как многие бывшие сподвижники Карла оказались в изгнании. Более того, в первые годы правления нового императора Эйнхард обзаводится рядом значительных аббатств. В 814/815 гг. Людовик пожаловал ему монастыри св. Петра и св. Баво в Генте, св. Сервата в Маастрихте, св. Петра во Фрицларе, Сен-Клод

¹² *Gesta abbatum Fontanellensium* // MGH. SS. T. 1. P. 293: «exactor operum regalium in Aquisgrani palatio sub Einhardo abbate viro undecumque doctissimo, a domno rege constitutus est».

¹³ *Walafr.*, prol: «inter omnes maiestatis regie ministros pene nullus haberetur, cui rex id temporis potentissimus et sapientissimus plura familiaritatis sue secreta committeret».

¹⁴ ARF., 806.

¹⁵ *Ermoldus Nigellus*. In honorem Hludowici christianissimi Caesaris Augusti Carmen // MGH. Poet. lat. T. 2. P. 25, II, 31–32: «Tunc Heinardus erat Caroli dilectus amore / ingemoque sagax et bonitate vigens».

¹⁶ Подобные душевные качества Эйнхарда были хорошо известны современникам. Ср.: *Lupí abbatis Ferrariensis epistolae* // MGH. Epist. T. 6, № 1. P. 7: «facilis ac modesta... animi vesrti natura».

возле Парижа и церковь св. Иоанна в Павии. В 816 г. к ним добавился также Фонтанелльский монастырь, правда, ненадолго. Кроме того, он получил обширные поместья в Оденвальде и Майнгау. Здесь он основал еще два монастыря — в Михельштадте и Зелигенштадте. Последний был особенно дорог Эйнхарду, тем более, что он располагался неподалеку от его родовых владений.

Людовик поручил Эйнхарду воспитание своего старшего сына Лотаря. В 817 г. после принятия *Ordinatio imperii* он стал ближайшим советником молодого императора. Эта связь сохранялась еще долгие годы после того, как Эйнхард оставил политическое поприще. Даже в эпоху мятежей против императора Людовика он не скрывал своих симпатий к Лотарю, хотя и просил того не выступать против отца¹⁷. Отношения с Людовиком, напротив, заметно осложнились. С конца 20-х гг. Эйнхард постепенно удаляется от двора. Ссылаясь на плохое здоровье, он просит Людовика освободить его от обязанностей советника и позволить служить империи там, где он может ей быть наиболее полезен — в собственном монастыре¹⁸. В 830 г., едва начались «внутренние войны», он удалился в Зелигенштадт, презрев повеление императрицы Юдифи прибыть ко двору¹⁹. Все свои усилия Эйнхард направил на постройку монастыря, для которого приобрел также достойные реликвии. Еще в 827 г. он обратился к папе с просьбой предоставить ему мощи св. Марцеллина и св. Петра и затем лично переправил их в новую обитель²⁰. Кроме того, Эйнхард занялся литературной деятельностью и оставил несколько сочинений религиозного толка. Отношения с Людовиком так и не наладились. Даже после посещения Зелигенштадта императором в 836 г., вероятно в связи со смертью Иммы, жены Эйнхарда, последний сохранил прежнюю дистанцию, хотя и оставался вполне лояльным к власти. 14 мар-

¹⁷ *Epistola Einhardi*. № 11 // MGH. *Epist.* T. 5. P. 114–115.

¹⁸ *Epistola Einhardi*. № 15. *Op. cit.* P. 118.

¹⁹ *Epistola Einhardi*. № 13. *Op. cit.* P. 116–117.

²⁰ ARF., 827.

та 840 г. Эйнхард скончался²¹. До нас дошла посвященная ему эпитафия, написанная Рабаном Мавром²².

Литературное наследие Эйнхарда невелико. Около 830 г. в небольшом сочинении *Translatio et Miracula ss. Marcellini et Petri* он описал перенесение святых мощей в Зелигенштадт, состоявшееся в 827 г., и сопровождал свое описание подробным рассказом о совершавшихся при этом чудесах²³. Предполагают, что ему принадлежит авторство *Rhythmus de passione Christi martyrum Marcellini et Petri*, составленного по образцу древних «страстей»²⁴. По просьбе Лупа Феррьерского Эйнхард сочинил небольшую книжицу о почитании креста — *De adoranda cruce*²⁵. Примерно в те же годы для целей богослужения он составил сборник, куда включил выдержки из различных псалмов²⁶. Кроме того, мы располагаем комплексом писем, написанных в разное время. Всего в нем насчитывается 71 послание²⁷. Однако

²¹ Одно время бытовало ошибочное мнение, что Эйнхард скончался в 844 г.: *Pertz G. Praef. P. 430*; *Спасюевич М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 31*

²² *Epitaphium Einhardi* // MGH. Poet. lat. T. 2. P. 237–238; *Idem* // MGH. SS. T. 2. P. 430.

²³ *Einhard. Translatio et Miracula ss. Marcellini et Petri* // MGH. SS. T. 15. P. 239–264. Подробнее см.: *Bondois M. La translation des saints Marcellin et Pierre. Étude sur Einhard et sa vie politique de 827 a 834. P., 1907.*

²⁴ *Rhythmus de passione Christi martyrum Marcellini et Petri* // MGH. Poet. lat. T. 2. P. 125–135. В рукописной традиции этот *Rhythmus* либо примыкает непосредственно к *Translatio*, либо именуется как *Rhythmus Einhardi*.

²⁵ *Einhard. Quaestio de adoranda cruce* // MGH. Epist. T. 5. P. 146–149 (ed. K. Hampe); см. также: *NA. № 11. S. 231–238* (ed. E. Dümmler).

²⁶ Это сочинение упоминается в каталоге монастыря Боббио под титулом *Libellus Einhardi de psalmis*. См.: *Manitius M. Geschichtliches aus alten Bibliothekskatalogen* // *NA. № 16. S. 171–174, bes. 173.*

²⁷ *Epistola Einhardi* // MGH. Epist. T. 5. P. 105–145. Правда, относительно авторства нескольких последних писем у исследователей существуют сомнения. См., напр.: *Manitius M. Geschichte der lateinischen Literatur... Bd. 1. S. 644.*

главным произведением Эйнхарда, принесшим ему заслуженную славу в веках, по праву считается «Жизнь Карла Великого»²⁸.

Ни одно историческое сочинение каролингской эпохи не вызывало у историков такого пристального интереса, как *Vita Karoli Magni*. Это и понятно — фигура главного героя оказалась слишком значительной для всей европейской истории. Эйнхард же оставил о нем самое поразительное свидетельство²⁹. За последние два столетия небольшой книжке зелигенштадского аббата было посвящено огромное количество специальных исследований. Чтобы составить полную историографию предмета, потребовалось бы написать отдельную монографию, и притом весьма объемную. По мере возможности я обозначу необходимый историографический фон, главным образом в рамках наиболее бурно обсуждавшихся проблем.

²⁸ Лучшее критическое издание текста *Vita Karoli* осуществлено О. Холдер-Эггером: *Einhard. Vita Karoli Magni* // MGH. SSrG. in us. schol. Hannover; Leipzig, 1911. Этот текст с параллельным немецким переводом О. Абеля (1850), отредактированным М. Танглем (1920), воспроизведен Р. Пау в: *Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte*. Bd. 1. Berlin, 1958. S. 163–211. Лучшее французское издание с параллельным переводом подготовлено Л. Альфаном: *Eginhard. Vie de Charlemagne*. 3 éd. P., 1947 (Les Classiques de l'histoire de France au moyen age). См. также издания Г. Пертца и Ф. Жаффе: *Einhart. Vita Karoli Magni* / Hg. G. Pertz // MGH. SS. T. 2. P. 443–463; *Einhart. Vita Karoli Magni* / Éd. Ph. Jaffé. (BRG in us. schol.). Berlin, 1867. Существует три полных русских перевода *Vita*, сделанных М. М. Стасюлевичем, А. П. Левандовским и М. С. Петровой: Эгингард. Жизнь Карла Великого. (Пер. М. М. Стасюлевича) // Стасюлевич М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 587–589; Т. 2. С. 12–31; Эйнгард. Жизнь Карла Великого (Пер., коммент., ст. А. П. Левандовского) // Прометей. № 11. М., 1977. С. 153–159. Этот перевод воспроизведен в: Левандовский А. П. Карл Великий. М., 1999. С. 154–180; Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. с лат. и коммент. М. С. Петровой // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 7–34, 223–238.

²⁹ Ср.: *Pertz G. Praef.*, P. 426: «Nullus heroum qui medio aevo eminerunt Karoli imperatoris, historicorum nullus Einhardi famam aequavit». Пафос Пертца был характерен для многих его коллег, современников и потомков.

Один из самых дискуссионных вопросов — каким временем следует датировать *Vita Karoli*. От этого, как кажется, зависит характер интерпретации всего памятника. Сам Эйнхард подобно абсолютному большинству его современников-коллег по писательскому цеху не датировал свое произведение. Поэтому примерное время написания истории пытаются установить лишь по косвенным данным, внутренним и внешним. К первым традиционно относится упоминание о мятеже ободритов в 817 г., «которые некогда были союзниками франков»³⁰. Ко вторым — два упоминания *Vita Karoli*. Одно встречается в библиотечном каталоге аббатства Райхенау, где под 821 г. обозначено произведение с названием *Vita et gesta Karoli imperatoris Augusti volumen*³¹. Другое — в письме Лупа Феррьерского к Эйнхарду, которое было написано между 829 и 836 гг.³² Многие историки и филологи XIX в. предпочитали более раннюю датировку (между 817 и 821 гг.)³³, хотя сомнения в ее достоверности появились уже

³⁰ Einhard., 12: «Abodritos, qui cum Francis olim foederati erant». На основании этого сообщения было принято считать, что *Vita Karoli* не могла появиться раньше 817 г. Пожалуй, только Курце игнорировал указанную дату и настаивал на том, что *Vita* была написана сразу после смерти Карла. См.: Kurze F. Op. cit. S. 26.

³¹ Mittelalterliche Bibliothekskataloge Deutschlands und der Schweiz. Bd. 1. München, 1918. № 49. S. 248.

³² Lupi epist. Op. cit. P. 8: «...venit in manus meas opus vestrum...» (ed. E. Dümmel). Э. Дюммел датировал это письмо 829–836 гг. Другой издатель писем Лупа, Л. Левиллен, предлагал датировать его 829–830 гг.: Loup de Ferriere. Correspondance / Éd. L. Levillain. Vol. 1. P., 1927. № 1. Последняя датировка письма принята и в русском переводе, выполненном Н. В. Ревякиной: Серват Луп. Письмо I (830). Дражайшему Эйнхарду // Антология педагогической мысли христианского средневековья. Т. 1. М., 1994. С. 342–344.

³³ Bähr J. Ch. F. Op. cit. S. 208; Pertz G. Praef. P. 427; Monod G. Études critiques sur les sources de l'histoire carolingienne. P., 1898. P. 145; Molinier A. Les sources de l'histoire de la France. T. 1. P., 1901. P. 199; Wattenbach-Levison. Op. cit. 7 ed. H. 1. (1904). S. 205; Ebert A. Op. cit. S. 94; Manitius M. Op. cit. Bd. 1. S. 639, 643; Смяслович М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 589; Т. 2. С. 33.

тогда³⁴. В XX столетии критика библиотечного каталога, оригинальной рукописи которого не сохранилось, сделала значительные успехи — запись под 821 г. не без оснований признается позднейшей вставкой³⁵. Поэтому исследователи стали ориентироваться главным образом на второе упоминание *Vita* и соответственно склонялись к более поздней датировке этого памятника³⁶. Уже О. Холдер-Эггер относил его появление ко времени после 825 г.³⁷ Л. Альфан предпочел говорить о 830 г. и даже «скорее после, чем до» указанной даты³⁸. М. Линтцель настаивал на годах «после 830 или лучше после 833»³⁹. На 30-х гг. IX в. останавливается также А. П. Левандовский⁴⁰.

³⁴ *Wibel H.* Beiträge zur Kritik der Annales regni Francorum und der Annales qui dicuntur Einhardi. Strassburg, 1902. S. 213–229. Вибель одним из первых предложил ориентироваться на письмо Лупа, а не на запись в каталоге Райхенау.

³⁵ *Lintzel M.* Die Entstehung von Einhards Vita Karoli // *Lintzel M.* Ausgewählte Schriften. Bd. 2. Berlin, 1961. S. 27–41, bes. 27–30; *Wattenbach-Levison-Löwe.* Op. cit. H. 2. S. 274; *Halphen L.* Études critiques... P. 49. Скорее всего, рукопись *Vita Karoli* оказалась в монастырской библиотеке в 40-е гг. IX в., когда Валафрид Страбон занимал пост аббата Райхенау (840–849 гг.). Тогда же была сделана вставка в библиотечный каталог.

³⁶ Правда, и в XX столетии некоторые исследователи продолжали настаивать на ранней датировке. См., напр.: *Kleinclausz A.* Op. cit. P. 67–68; *Hellmann S.* Einhards literarische Stellung // *Hellmann S.* Ausgewählte Abhandlungen zur Historiographie und Geistesgeschichte des Mittelalters. Weimar, 1961. S. 159–229, bes. 160; *Innes M., McKittrick R.* The Writing of history // *Carolingian culture: emulation and innovation.* Cambridge, 1994. P. 203–207.

³⁷ *Holder-Egger O.* Praef. S. VII, XXVI–XXVII.

³⁸ *Halphen L.* Études critiques... P. 98–103. Временем ок. 830 г. датирует *Vita Karoli* и В. Бершин: *Berschin W.* Biographie und Epochenstil im lateinischen Mittelalter. Bd. 3. Stuttgart, 1991. S. 199.

³⁹ *Lintzel M.* Die Entstehung... S. 33, 40.

⁴⁰ *Левандовский А. П.* Эйнгарт и каролингская традиция. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1946. С. 129–135; Он же. Карл Великий. С. 155.

Ф. Л. Гансхоф предложил довольно размытую датировку 817–830 гг.⁴¹ Менее жесткие хронологические рамки нашли своих сторонников. Среди них можно назвать Й. Флекенштайна, Г. Боймана и К. Хаука⁴². Редактируя в начале 50-х гг. XX в. знаменитый справочник Ваттенбаха–Левизона о средневековых источниках, Х. Лёве также поначалу принял датировку М. Линтцеля⁴³. Однако спустя почти тридцать лет он провел самостоятельное исследование и, отталкиваясь от письма Лупа, предложил довольно оригинальный подход к решению этой проблемы. Временем написания *Vita Karoli*, по его мнению, следует считать 824–826 гг.⁴⁴ Наконец, самое последнее по времени разыскание принадлежит М. Тишлеру. Он не просто тщательно проанализировал аргументацию предшественников, но постарался изучить весь комплекс «внутренних» и «внешних» данных, способных приблизить нас к ускользающей истине. Среди таковых оказались уже традиционные восстание ободритов, библиотечный каталог из Райхенау и письмо Лупа, но, кроме того, ис-

⁴¹ Ganshof F. L. Notes critiques sur Einhard... P. 740; *Idem*. L'historiographie... P. 646.

⁴² Fleckenstein J. Einhard, seine Gründung... S. 116–120; Beumann H. Geschichtsschreibung im frühen und hohen Mittelalter // Geschichtsschreibung. Epochen. Methoden. Gestalten. Düsseldorf, 1968. S. 75; Hauck K. Das bisherige Ergebnis der Diskussion des Einhard-Bogen und Versuch einer Gesamtdeutung des Einhards-Kreuzes // Das Einhardkreuz... S. 30.

⁴³ Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 2. S. 274.

⁴⁴ Х. Лёве справедливо полагал, что датировка письма Лупа сама по себе не является достаточной для установления времени написания *Vita Karoli* — Луп лишь констатирует, что некогда, располагая досугом и пополняя свои знания в области свободных искусств, прочитал это произведение, столь его поразившее. Исследователь реконструирует жизненный путь Феррьерского аббата и устанавливает примерное время его знакомства с *Vita*. Исходя из полученной даты (827–829 гг.) он датирует и само «Жизнеописание Карла»: Löwe H. Die Entstehungszeit der Vita Karoli Einhards // DA. № 39. 1983. H. 1. S. 85–103.

торическая ситуация во Франкском королевстве в 20-е гг. IX в., стихотворение придворного библиотекаря Герварда, формальная структура *Vita* и ее содержание, а также обширнейшая рукописная традиция памятника⁴⁵. Наиболее вероятной датой появления *Vita* автор считает 828 г.⁴⁶ Однако он признает, что всякая датировка должна рассматриваться как относительная⁴⁷.

Напротив, в определении целей, которые преследовал Эйнхард, взявшись за «Жизнеописание», исследователи проявили редкое единодушие. Разброс мнений здесь минимален — отдельные суждения скорее дополняют друг друга. Прежде всего, в *Vita Karoli* усматривают критику политического курса Людовика Благочестивого⁴⁸. Кроме того, говорят, что Эйнхард выступил против монашеского окружения императора Людовика во главе с Бенедиктом Анианским, которое культивировало при дворе особый тип монашеской религиозности и тем самым угрожало разрушить традиционные нормы коро-

⁴⁵ *Tischler M.* Einharts Vita Karoli. Studien zur Entstehung, Überlieferung und Rezeption. (MGH. Siften. Bd. 48). Bd. 1–2. Hannover, 2001.

⁴⁶ *Ibid.* Op. cit. Bd. 1. S. 210.

⁴⁷ *Ibid.* Op. cit. Bd. 1. S. 151.

⁴⁸ Развернутую аргументацию этого тезиса см.: *Lintzel M.* Die Entstehung... S. 35–39. Также см.: *Wattenbach-Levison-Löwe.* Op. cit. H. 2. S. 274; *Beumann H.* Der Schriftsteller und seine Kritiker im frühen Mittelalter // *Beumann H.* Wissenschaft... S. 13; *Fleckenstein J.* Einhard, seine Gründung... S. 117–118; *Idem.* Einhard... S. 1739; *Löwe H.* Die Entstehungszeit... S. 102; *Tischler M.* Op. cit. Bd. 1. S. 170–239. Лишь М. Иннз и Р. МакКиттерик предлагают рассматривать *Vita Karoli* в качестве манифеста в защиту Людовика как легитимного наследника Карла Великого, а также реформационных преобразований первых лет его царствования и, прежде всего, *Ordinatio imperii*: *Innes M., McKitterick R.* The writing of history... P. 205–206, 209. Эту точку зрения без какой-либо дополнительной аргументации воспроизводит М. С. Петрова: *Петрова М. С.* Эйнхард — биограф Карла Великого // *Карл Великий. Реалии и мифы.* М., 2001. С. 57–74, особ. с. 69–70.

левской этики⁴⁹. Эта точка зрения на сегодняшний день считается общепризнанной⁵⁰.

Несколько более противоречивой представляется оценка *Vita Karoli* как литературного и историографического памятника средневековья. Одни полагают, что Эйнхарду удалось избежать рабского подражания своему литературному образцу — «Жизни двенадцати цезарей» Светония и создать вполне оригинальное произведение, а для каролингской эпохи и вовсе уникальное⁵¹. Другие — и таких, пожалуй, не меньше — говорят, что Эйнхард не сумел преодолеть подражательности, совладать с материалом и формой⁵². Он послушно следовал в русле Светония и написал, по сути, «тринадцатую жизнь цезаря». Эти оценки носят большей частью филологический ха-

⁴⁹ Beumann H. Die Historiographie des Mittelalters als Quelle für die Ideengeschichte des Königtums // HZ. № 180. 1955. S. 460–461; *Idem*. Topos und Gedankengefüge bei Einhard // *Idem*. Ideengeschichtliche Studien... S. 5, 9; Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 2. S. 277.

⁵⁰ Некоторые исследователи относили *Vita Karoli* к жанру «зерцал»: Левандовский А. П. Эйнгард... С. 142; Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 2. S. 338. По мнению А. Клейнклоза, сочинение Эйнхарда предназначалось для наставления юного императора Лотаря: Kleinclausz A. Op. cit. P. 70. Однако такого рода оценки не получили признания в историографии.

⁵¹ Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 2. S. 276; Ebert A. Op. cit. S. 94–96; Lehmann P. Das literarische Bild Karls des Grossen vornehmlich im lateinischen Schrifttum des Mittelalters // Lehmann P. Forschungen des Mittelalters. Bd. 1. Stuttgart, 1941. S. 154–213, hier 163–166; Kleinclausz A. Op. cit. P. 76–87; Bezzola R. R. Op. cit. P. 157; Ganshof F. L. L'historiographie... P. 647–648; Левандовский А. П. Карл Великий. С. 155.

⁵² Bernheim E. Die Vita Karoli Magni als Ausgangspunkt zur literarischen Beurteilung des Historikers Einhard // Historische Aufsätze dem Andenken an Georg Waitz gewidmet. Hannover, 1886. S. 73–96, bes. 96; Hellmann S. Op. cit. S. 225; Halphen L. Introd. P. XI; Berschin W. Personenbeschreibung in der Biographie des frühen Mittelalters // Historiographie im frühen Mittelalter... S. 189; *Idem*. Biographie und Epochenstil... S. 199–220; Smalley B. Op. cit. P. 67.

ракти и основываются на анализе языка и литературных моделей. Той же двойственностью отличается восприятие *Vita Karoli* как памятника историографии. Некоторые исследователи упрекают Эйнхарда в значительном искажении реальности, что, по их мнению, существенно снижает ценность «Жизнеописания» как исторического источника⁵³. Другие, напротив, отмечают высокую точность свидетельств каролингского автора⁵⁴. Однако наиболее взвешенным представляется подход Г. Бойманна. Он предлагает рассматривать *Vita* не столько как источник конкретных сведений, сколько как памятник, представляющий самоинтерпретацию эпохи, как специфическую форму осмысления прошлого⁵⁵.

Попробуем рассмотреть *Vita Karoli* с культурно-антропологических позиций. Можно думать, что при таком подходе удастся существенно скорректировать наши знания об одном из самых выдающихся памятников каролингской историографии. Прежде всего следует вернуться к вопросу о целях его создания. Как было показано выше, несколько поколений историков пытались дать на сей счет исчерпывающий ответ. При этом они почти всегда предпочитали ориентироваться на собственные представления и игнорировали то объяснение — весьма ясное и развернутое! — которое оставил сам Эйнхард. Между тем уже в прологе автор указывает на два существенных обстоятельства, побудивших его взяться за перо. «Я посчитал за лучшее... донести до памяти потомков славнейшую жизнь и выдающиеся деяния... превосходнейшего и величайшего правителя своей эпохи и не позволить (им) угаснуть во тьме забвения. Была и... другая причина, а именно, издержки на мое

⁵³ Ranke L. von. Sämtliche Werke 51/52. Leipzig, 1888. S. 97, 122; Halphen L. Introd. P. XI; Smalley B. Op. cit. P. 67–68; Левандовский А. П. Эйнгард... С. 55–56, 66–67, 89–99, 102–124; Люблинская А. Д. Указ. соч. С. 82.

⁵⁴ Hellmann S. Op. cit. S. 165; Ganshof F. L. L'historiographie... P. 648–649.

⁵⁵ Beumann H. Historiographie... S. 451–453. См. также: Hellmann S. Op. cit. S. 175; Tischler M. Op. cit. T. 1. S. 218.

воспитание и постоянная дружба его самого (т. е. Карла. — А. С.), а также его детей, после того, как я начал возвращаться при его дворе»⁵⁶. Итак, память и благодарность. В представлении Эйнхарда они тесно переплетаются друг с другом, но все же не совпадают. Второе обстоятельство кажется ему более важным — его «и одного было бы достаточно, чтобы побудить меня к написанию»⁵⁷, — признается автор. Своей дружбой император «так привязал меня к себе и сделал должником, как в жизни, так и в смерти, что меня заслуженно... можно было бы посчитать неблагодарным, если бы я позабыл все оказанные мне благодеяния и обошел молчанием славнейшие и выдающиеся деяния человека, столь много для меня сделавшего»⁵⁸. Едва ли еще у кого-нибудь из каролингских авторов мы обнаружим подобное объяснение мотивов историографического творчества. Это заставляет задуматься о природе такой мотивации. Думается, здесь мы сталкиваемся с особым рода персональными отношениями, характерными для самых разных микрогрупп раннего средневековья, но наиболее отчетливо прослеживающихся в варварской дружинной среде. Хорошо известно, что в основе отношений дружинников и вождя лежит специфическое для варваров представление о взаимосвязанности людей как обмене дарами. Так, А. Я. Гуревич полагает, что «любой дар налагал на его получателя обязательства по отношению к подарившему. В основе благодарности принявшего дар лежало сознание, что через посредство полученного имущества он мог оказаться неразрывно связанным с

⁵⁶ Einhard., prol.: «*Satiusque iudicari... memoriae posterorum tradere quam regis excellentissimi et omnium sua aetate maximi clarissimam vitam et egregios actus... oblivionis tenebris aboleri. Suberat et alia... causa... nutrimentum videlicet in me impensum et perpetua, postquam in aula eius conversari coepi, cum ipso ac liberis eius amicitia.*»

⁵⁷ Einhard., prol.: «*causa, quae vel sola sufficere posset, ut me ad haec scribenda conpelleret.*»

⁵⁸ Einhard., prol.: «*qua me ita sibi devinxit debitorēque tam vivo quam mortuo constituit, ut merito ingratus... iudicari possem, si tot beneficiorum in me conlatorum inmemor clarissima et inlustrissima hominis optime de me meriti gesta silentio praeterirem.*»

дарителем. Но подобная связь не всегда была желательна, она могла быть унизительна для одаренного, ибо в случае, если дарение не сопровождалось компенсацией, получивший его оказывался во власти давшего». Дружинник платил своему вождю за раздаваемое им золото, оружие и организуемые пиры личной преданностью и верной службой «вплоть до самой смерти», — пишет далее ученый⁵⁹. Однако, видимо, даже смерть не являлась той границей, за которой прерывалась установившаяся человеческая связь. Античные авторы отмечают, что в случае гибели вождя дружинники также стремятся погибнуть. «До сих пор на памяти истории не оказалось ни одного... солдурия, который отказался бы умереть в случае умерщвления того, кому обрек себя в друзья», — сообщает Цезарь об отношениях в кельтской дружине⁶⁰. А Тацит, повествуя о германской, подчеркивает, что «выйти живым из боя, в котором пал вождь, — бесчестье и позор на всю жизнь»⁶¹. Возникает закономерный вопрос: почему в этом случае смерть оказывалась предпочтительнее жизни? Очевидно, групповое сознание варваров не рассматривало дружину как совокупность индивидуальностей и воспринимало ее как некое коллективное тело, в котором происходило взаимопроникновение личностей вождя и дружинников. Персональные связи в дружине оказываются столь значимыми, что оттесняют на периферию социальных приоритетов даже отношения кровного родства⁶². Разрушение подобного единства, очевидно, пред-

⁵⁹ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 71–72.

⁶⁰ Caesar Gaius Iulius. *Belli Gallici libri VII*. Freiburg; Tübingen, 1882. III, 22: «neque adhuc hominum memoria repertus est quisquam, qui eo interfecto, cuius se amicitiae devovisset, nori recusaret».

⁶¹ Tacitus Publius Cornelius. *Germania*. Lipsiae, 1940. XIV: «iam vero infame in omnem vitam ac probrosum superstitem principi suo ex acie recessisse».

⁶² По сообщению Тацита, дружинники, добывая средства к существованию, больше предпочитают проливать кровь, нежели заниматься земледелием. В мирное время они прозябают в лени, предаваясь сну, еде и охоте. А заботу о доме оставляют старикам, женщинам

ставлялось крайне болезненным. Человек, выпадавший из такой социальной (личной) связи, по сути, лишался своей экзистенциальной ниши. Поэтому возникает ценностная установка, формирующая соответствующую модель поведения. Кроме того, в случае гибели вождя дружинник оставался, условно говоря, с «невыплаченным долгом», с невозвращенным обязательством. Он уже не мог рассматриваться как вполне свободный и самостоятельный в своих действиях человек, ибо пребывал в состоянии вечной зависимости от другого, расплатиться с которым был не в силах, по крайней мере в земной жизни. Смерть же избавляла от этого гнетущего положения. Кроме того, она не являлась препятствием для сохранения сложившихся личных связей. В потустороннем мире вождь продолжал существовать в окружении своих дружинников⁶³.

В традиционных обществах поведенческие стереотипы весьма устойчивы. Они сохраняются на протяжении долгого времени и отличаются большой консервативностью. Разумеется, сознание каролингских аристократов индивидуализировано в гораздо большей степени, чем у варварской знати начала нашей эры. Однако и для них факт личного служения королю продолжает играть значительную роль. В нем явно прослеживаются следы дружинного «дарообмена». Они особенно отчетливо видны в отношениях короля и его ближайшего окружения⁶⁴.

и наиболее слабым из своих родственников. Ср.: Тас. Germ., XIV: «*Materia munificentiae per bella et raptus. Nec arare terram aut expectare annum tam facile persuaseris quam vocare hostem et vulnera mereri; pigrum quin immo et iners videtur sudore acquirere quod possis sanguine parare*»; XV: «*Quotiens bella non ineunt, non multum venatibus, plus per otium transigunt, dediti somno cibique, fortissimus quisque ac bellicosissimus nihil agens, delegata domus et penatium et agrorum cura feminis senibusque et infirmissimo cuique ex familia*».

⁶³ См., напр.: Сага об Инглингах, IX // Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980. С. 15.

⁶⁴ Подробнее см.: Сидоров А. И. «Ближний круг» франкского короля в первой половине IX в.: поведенческие идеалы и культурная практика // Средневековая Европа. Проблемы идеологии и политики. М., 2000. С. 80–102.

Трудно отделаться от мысли, что Эйнхардом руководило желание «вернуть долг» умершему Карлу. Но он делает это не как германский воин, а как придворный интеллектуал времен каролингского ренессанса. Переживания Эйнхарда глубоко индивидуальны. Его никто не заставляет братья за перо. Он ощущает внутреннюю потребность сделать это. Он создает письменный текст, прославляющий Карла, и тем самым убеждает от забвения память о великом человеке, придавая ей вполне материальную форму. При таком взгляде на побудительные мотивы написания *Vita* вопрос о его датировке теряет свою остроту и политизированность. Внешние обстоятельства — недовольство автора политическим курсом Людовика, разрушение былого величия империи и т. д. — могли лишь подтолкнуть Эйнхарда к работе, обострив у него ностальгию по прошлому. Но сами по себе они не являлись достаточным условием. Кроме того, Эйнхард всегда сторонился активного участия в политической жизни, избегал открыто высказывать свои убеждения или пристрастия, до последних дней сохраняя вполне лояльное отношение к Людовику, хотя и не питая к нему особых симпатий. Критика благочестивого императора имеет место, но в целом она латентна и остается на периферии «Жизнеописания». Не удастся здесь обнаружить и дидактического начала. Эйнхард далек от наставлений и формулирования каких бы то ни было моральных сентенций. Вряд ли были правы те историки, которые предлагали рассматривать *Vita* как своего рода «зерцало» (*Fürstenspiegel*). Авторы зеркал призывали своих читателей следовать в поведении их высоким этическим нормам. Эйнхард, напротив, заявлял, что люди нынешнего времени вряд ли сумеют повторить деяния величайшего правителя минувшей эпохи⁶⁵. Итак, главная его цель — отблагодарить Карла, сохранив память о нем для потомков.

Следующий вопрос, тесно связанный с предыдущим: кому была адресована *Vita Karoli*? Довольно сложно ответить на него определенно. Экземпляр *Vita* точно имелся в библиотеке

⁶⁵ Einhard., prol.: «regis excellentissimi et omnium sua aetate maximi... egregios atque moderni temporis hominibus vix imitabiles actus pati».

Людовика⁶⁶. А придворный библиотекарь Гервард даже составил к нему небольшое поэтическое введение⁶⁷. Однако Эйнхард, кажется, не ориентировался исключительно на императора и его монашеское окружение. Во-первых, потому, — и здесь можно согласиться с Линтцелем, — что это произведение было не слишком лестным для благочестивого императора. Сравнение отца и сына, которое неизбежно приходило на ум читателю, оказывалось явно не в пользу последнего. Во-вторых, при дворе в 20-е гг. IX в. начинается спад интереса к истории⁶⁸. Кризис охватил даже официальную историографию. Не случайно *Анналы* королевства франков прекращают свое существование в 829 г. Еще более настороженно относились к устной исторической традиции — героическим песням о деяниях предков⁶⁹. Подобные увлечения явно отдавали язычеством и

⁶⁶ *Bischoff B. Die Hofbibliothek unter Ludwig dem Frommen // Bischoff B. Mittelalterliche Studien. Bd. 3. Stuttgart, 1981. S. 173.*

⁶⁷ *Gerward. Versus // MGH. Poet. lat. T. 2. P. 126: «Hanc prudens gestam noris tu scribere, lector, / Einhardum Magni magnificum Karoli».* По мнению М. Тишлера, Гервард как личный друг Эйнхарда и придворный библиотекарь был одним из первых, если не самым первым получателем *Vita*. См.: *Tischler M. Op. cit. Bd. 1. S. 159–162.* Д. Ганц, интерпретируя одно из писем Эйнхарда, высказал предположение, что он отправлял свое сочинение Герварду по частям для подготовки публикации и просил дать оценку его творению: *Ganz D. Einhard's Vita Karoli Magni: Reception and Intention // A paper presented at King's College. L., 1996. P. 105–142.*

⁶⁸ Спад интереса к истории при дворе еще более заметен на фоне активизации деятельности монастырских скрипториев. В первой половине IX в. в ряде крупных имперских монастырей (Санкт-Галлен, Корби, Райхенау, Сен-Рикье, Фульда, Феррьер и др.) создаются десятки рукописей исторических сочинений античных и раннехристианских писателей. Подробнее см.: *McKitterick R. The audience for Latin historiography in the early middle ages: text transmission and manuscript dissemination // Historiographie in frühen Mittelalter... S. 96–114.*

⁶⁹ Теган отмечает, что Людовик с презрением отверг германские героические песни, которые узнал в юности и предпочитал изучать богословскую литературу: *Thegan., 19: «Sensum vero in omnibus scripturis spiritualem et moralem, nec non et anagogen optime noverat. Poetica*

потому были не в чести. Предпочтение отдавалось богословской литературе, трудам Отцов Церкви, агиографии и т. д. Сочинение, написанное вопреки канонам Сульпиция, не могло рассчитывать на благожелательный прием. Судя по красноречивому молчанию двора, так оно и было. Впрочем, Эйнхард предвидел такую реакцию. Принимаясь за изложение современных событий, он допускает, что может возбудить неудовольствие тех людей, которые «презрительно относятся к старинным историческим памятникам, написанным учеными и искуснейшими мужами»⁷⁰. Вряд ли можно сомневаться, что речь идет в данном случае о монашеском окружении императора. Для этих людей даже античные историки авторитетами не являлись⁷¹.

Гораздо больше Эйнхард ориентировался на людей, «преданных досугу и наукам», которые «не считают современное положение дел столь презренным, что оно не достойно никакой памяти» и прославляют «выдающиеся деяния других». Именно к ним он апеллирует в прологе⁷². Но люди эти, «охваченные любовью к долговечности»⁷³, располагались за пределами королевского двора, главным образом в монастырях —

carmina gentilia quae in iuventute didicerat, respuit, nec legere, nec audire, nec docere voluit». Напротив, Эйнхард подчеркивает, что Карл любил во время трапезы слушать чтение книг, повествующих об истории и подвигах древних: Einhard., 24: «*Legebantur ei historiae et antiquorum res gestae*». Кроме того, он приказал записать «старинные варварские песни, воспевающие деяния и войны древних королей»: Einhard., 29: «*Item barbara et antiquissima carmina, quibus veterum regum actus et bella canebantur, scripsit memoriaeque mandavit*».

⁷⁰ Einhard., prol.: «*Vitam et conversationem et... res gestas... Karoli... quanta potui brevitate complexus sum, operam inpendens, ut... prolixitate narrandi nova quaeque fastidientium animos offenderem; si tamen hoc ullo modo vitari potest, ut nova scriptio non offendantur qui vetera et a viris doctissimis atque disertissimis confecta monumenta fastidiunt*».

⁷¹ Ср.: Beumann H. *Topos und Gedankengefüge*... S. 9.

⁷² Einhard., prol.: «*plures esse non ambigam, qui otio ac litteris dediti statum aevi praesentis non arbitrentur ita negligendum, ut omnia penitus quae nunc fiunt velut nulla memoria digna... potius velint... aliorum praeclara facta qualibuscumque scriptis inserere*».

⁷³ Einhard., prol.: «*amore diuturnitatis inlecti*».

центрах каролингского возрождения, где еще не угас интерес к интеллектуальным занятиям. Во всяком случае, одними из первых его труд прочитали те, кто имел отношение к аббатствам Фульда, Феррьер и Райхенау⁷⁴. От них же мы имеем и наиболее ранние отклики на *Vita Karoli*.

«Жизнеописание» воспринималось современниками по-разному. Кто-то видел в нем, прежде всего, историческое произведение, из которого можно почерпнуть необходимые факты. Для таких Валафрид Страбон в 840-е гг. разбил текст Эйнхарда на главы, «чтобы доступ к отдельным событиям был более легким для разыскивающего то, что ему необходимо»⁷⁵ и написал предисловие⁷⁶. Очевидно, в этом была реальная потребность — после смерти Людовика при дворе или, точнее, дворах вновь пробудился интерес к историописанию⁷⁷. Другие

⁷⁴ В Феррьерке экземпляр *Vita Karoli* мог появиться довольно рано. Очевидно, он был доставлен туда аббатом Альдрихом (821/822–829), бывшим нотарием канцелярии Карла Великого и придворным капелланом. Подробнее см.: Löwe H. Die Entstehungszeit... S. 95. Столь же рано (вероятно, ок. 829 г.) *Vita* появилась и в Фульде. По мнению Тишлера, Луп познакомился с ней именно там. См.: Tischler M. Op. cit. Bd. 1. S. 229–232. В Райхенау, как уже отмечалось, рукопись *Vita* скорее всего появилась в 40-е гг. IX в. при Валафриде Страбоне.

⁷⁵ Walafr., praef.: «Huic opusculo ego Strabo titulos et incisiones prout visum est congruum, inserui, ut ad singula facilius querenti quod placuerit elucescat accessus».

⁷⁶ О практике разбивки исторических текстов на книги и главы и снабжении их вспомогательными комментариями в средние века подробнее см.: Guenée B. Histoire et culture historique... P. 227–231.

⁷⁷ По мнению Д. Л. Нельсон, интерес к истории, заменившей при дворе героические песни, проявился уже при Людовике Благочестивом: Nelson J. L. History-writing... P. 435–437. Однако до конца 30-х гг. IX в. мы не находим сколько-нибудь заметных тому свидетельств. Хроника Фрекульфа из Лизьё, посвященная первым шести столетиям христианской истории, была написана в 829 г. по поручению императрицы Юдифи и предназначалась для обучения малолетнего Карла Лысого. Трудно сказать, насколько широкой была ее аудитория. Теган сочинил «Деяния императора Людовика» для

читатели *Vita Karoli* больше интересовались ею как литературным произведением. По-видимому, здесь сказывалось влияние раннесредневековой школьной традиции — привлечение исторических сочинений античных писателей для изучения грамматики и риторики. Луп Феррьерский с восхищением пишет автору о блестящей латыни его труда, аналога которой он не сумел найти, хотя прочитал немало книг. Его поразило красноречие (*facundia*) *Vita* — не только изящество мыслей, но и грамматические формы, не слишком длинные предложения, отдельные части которых соединяются больше оборота-

оправдания и наставления императора ок. 837 г. вдали от двора и неизвестно достигло ли это произведение своего адресата. Очевидное оживление историописания и интереса к чтению исторических сочинений наблюдается только с началом «войны братьев». Особенно отчетливо этот процесс прослеживается в Западно-Франкском королевстве. Карл Лысый приказывает Нитхарду написать «историю своего времени» и поручает снять копию с *Vita Karoli* Эйнхарда. Дьякон Флавиан отправляет королю поэму о происхождении народа франков — 145 строк в гекзаметре. Также некий анонимный автор посвящает Карлу *Carmen de exordio gentis Francorum*. Луп Феррьерский предоставил королю копию *Epitome de Caesaribus* Аврелия Виктора (Подробнее см.: McKitterick R. Charles the Bald (823–877) and his library: the patronage of learning // McKitterick R. The Frankish Kings and Culture in the Early Middle Ages. Adelshot, 1995. P. 32, 35). По приказу короля при дворе создается довольно внушительный компендиум меровингской и каролингской историографии. Он включал в себя обширный фрагмент из *Continuatio Fredegari, Liber historiae Francorum*, пасхальные таблицы 538–810 гг. (с 697 г. дополненные краткими заметками), *Annales regni Francorum, Vita Karoli* Эйнхарда, *Wita Hludowici* Астронома, а также *Genealogia regum Francorum*. Скорее всего, непосредственно к этому компендиуму восходит кодекс второй половины X в. из собрания Дубровского (РНБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, lat. F. v. IV, 4). Подробнее см.: Tresp E. Astronomus... S. 116, 123–124; Tischler M. Op. cit. Bd. 2. S. 1163–1177. Наконец, возрождается официальная анналистика в виде так называемых Сен-Бертенских анналов, вскоре обретших статус «официальной» хроники Западно-Франкского королевства.

ми, нежели с помощью союзов⁷⁸. К сожалению за пределы этих довольно общих суждений источники выйти не позволяют⁷⁹. Отметим, однако, что двойственное — историографическое и филологическое — восприятие *Vita Karoli* появляется отнюдь не в XX столетии, а прослеживается уже с самого рождения этого памятника. Остановимся на этом подробнее.

⁷⁸ Lupi epist. № 1: «Ibi elegantiam sensuum, ibi raritatem coniunctionum, quam in auctoribus notaveram, ibi denique non longissimis perhioidis impeditas et implicitas, at modicis absolutas spatiis sententias inveniens amplexus sum».

⁷⁹ Анализ рукописной традиции, проведенный Тишлером, позволяет получить некоторое представление о том, как *Vita Karoli* воспринималась младшими современниками Эйнхарда, Лупа и Валафрида, жившими уже во второй половине IX в. В кодексе из личной библиотеки Гримальда Санкт-Галленского *Vita* соседствует с дидактической литературой — Трактатом Валериана Кимейского и *Admonitio s. Basilii ad filium spiritualem* — и, следовательно, рассматривалась как зеркало в форме биографии. В рукописи западно-франкского происхождения, созданной в окружении Гинкмара Реймского, *Vita* завершает обширное собрание капитуляриев, что также может указывать на ее дидактическую ценность и практическое применение в деле воспитания молодого короля, в данном случае Людовика III (см.: Tischler M. Op. cit. Bd. 1. S. 214–216; Bd. 2. S. 1501–1515). Однако эти выводы, безусловно, заслуживающие внимания, не стоит абсолютизировать. Следует учитывать специфическую природу обоих кодексов, а также образование, социальное положение и род деятельности их владельцев. В обоих случаях мы имеем дело с виднейшими представителями франкской церкви второй половины IX в., пастырями и воспитателями королей. Можно говорить о том, что, прежде всего, в их среде *Vita Karoli* рассматривалась в качестве *Fürstenspiegel*. Реймская рукопись, хранящаяся ныне в Парижской национальной библиотеке (BN lat. 10758), имеет один нюанс, о котором следует сказать особо. Завещание Карла Великого, написанное той же рукой, что и вся остальная *Vita*, впоследствии было отторгнуто редактором кодекса, поместившим между ним и *Vita* Равеннский коронационный протокол Карла Лысого. Очевидно, в окружении Гинкмара завещание не считалось частью «Жизнеописания», а рассматривалось в качестве самостоятельного юридического документа.

Филологический интерес современников объяснялся, прежде всего, великолепной латынью «Жизнеописания»⁸⁰. Действительно, Эйнхард владел ею виртуозно. Он активно использует обширные возможности латинской грамматики. Инфинитивные обороты, конъюнктив, согласование времен, функции падежей — все это стоит на своих местах. Кроме того, автору было вовсе не чуждо стилистическое изящество. Чего стоит, например, пассаж в рассказе об одном из итальянских походов Карла: «Насколько труден был для вступившего в Италию (Карла) переход через Альпы и какими усилиями франков были преодолены непроходимые горные хребты и вздымающиеся к небу скалы, а также неприступные утесы, я описал бы в этом месте, если бы душой (моей) не было бы задумано с помощью этого сочинения увековечить в памяти больше образ его (Карла) жизни, чем (события) войн, которые он вел»⁸¹. Такой текст был способен удовлетворить высокие эстетические запросы самых утонченных интеллектуалов. Каролингская эпоха не могла похвастать большим количеством литературной продукции подобного рода. На ее фоне *Vita Karoli* заметно выделялась. Видимо, этим в значительной степени объясняется относительно широкая известность *Vita* буквально с первых лет ее существо-

⁸⁰ Эйнхард был одним из тех, кто писал на так называемой «новой» латыни, разительно отличающейся от варварской латыни меровингских времен. Для этого языка, детища каролингского ренессанса, было характерно существенное обогащение словарного запаса, уменьшение грамматических ошибок и стремление к стилистическому совершенству. В частности, Эйнхард активно осваивает лексикон Цезаря, Корнелия Непота, Тита Ливия, Курция Руфа, Тацита, Светония, Флора, Юстина и Орозия, а в стилистике подражает Цицерону. Подробнее см.: *Manitius M. Einhards Werke und ihr Stil* // NA. № 7. 1882. S. 517–568.

⁸¹ Einhard., 6: «Italiā intrantē quam difficilis Alpium transitus fuerit, quantoque Francorum labore invia montium iuga et eminentes in caelum scopuli atque asperae cautes superatae sint, hoc loco describerem, nisi vitae illius modum potius quam bellorum, quae gessit, eventus memoriae mandare praesenti opere animo esset propositum».

вания⁸². Ее активно переписывают в монастырских скрипториях. Но, по всей видимости, довольно часто используют и для образовательных нужд в качестве своего рода «учебного пособия» при изучении *artes liberales*, нежели только как историческое произведение⁸³. Можно даже предположить, что своей историографической славой *Vita* немало обязана той роли, которую она играла в повседневной школьной практике.

В глазах специалистов-историков «Жизнеописание» имело еще одно очень существенное отличие от всех прочих литера-

⁸² На сегодняшний день науке известно более 130 рукописей *Vita Karoli*, не считая многочисленных заимствований, скрытого и явного цитирования *Vita* другими авторами. Причем, как минимум, три рукописи восходят непосредственно к IX в. Подробнее см.: Tischler M. Op. cit. Bd. 1. S. 17–44. Эта цифра уже сама по себе говорит о невероятной популярности сочинения Эйнхарда. О количественном факторе как критерии успеха исторического произведения в средние века подробнее см.: Guenée B. Histoire et culture historique... P. 248–257. Кроме того, по самым скромным подсчетам цитаты из *Vita Karoli* встречаются, по меньшей мере, у десяти писателей IX в. Подробнее см.: Wevers M. Einhard's Vita Karoli Magni in der mittelalterlichen Geschichtsschreibung und Heldensage. Inaugural-Dissertation... Marburg, 1929. S. 65–70.

⁸³ На такое предположение наводит первое письмо Лупа, цитированное выше. Луп отмечает, что познакомился с *Vita* в тот момент, когда перешел от грамматики к риторике и прочим «свободным наукам». Произведения современных авторов его сильно разочаровали, поскольку существенно уступали классическим античным образцам. *Vita Karoli* на их фоне заметно выделялась и не могла не привлечь внимания. См.: Lupi epist. № 1: «a grammatica ad rhetoricam et deinceps ordine ad ceteras liberales disciplinas transire hoc tempore fabula tantum est, cum deinde auctorum voluminibus spatiari aliquantulum coepissem, et dictatus nostra aetate confecti displicerent, propterea quod ab illa Tulliana ceterorumque gravitate... oberrarent, venit in manus meas opus vestrum, quo memorati imperatoris clarissima gesta... clarissime litteris allegastis». Можно думать, что Луп был далеко не одинок в подобном восприятии *Vita*. Например, таким же по преимуществу филологическим было восприятие Астронома (об этом подробнее см. ниже). Впрочем, на протяжении всего средневековья заимствования из *Vita Karoli* оставались почти исключительно стилистическими. См.: Wevers M. Op. cit. S. 5.

турных памятников каролингской эпохи. Говорили о том, что Эйнхард применил нетипичную для того времени схему изложения материала. Он отказался от последовательного описания событий времен царствования Карла, распределив информацию по тематическим блокам. Действительно, беглое знакомство с *Vita* как будто подтверждает это мнение. Первые четыре главы имеют вводный характер. Они рассказывают о предыстории правления Карла — о захвате трона Каролингами и правлении Пипина Короткого. Главы с 5 по 16 повествуют о войнах и внешней политике Карла. Главы с 17 по 29 содержат сведения о внутренней политике Карла. Здесь же рассказывается о его семье, его повседневной жизни, характере и привычках. И наконец, в главах 30—32 повествуется о последних днях Карла, его болезни, кончине и погребении. Завершается «Жизнеописание» изложением завещания великого императора франков (гл. 33). Однако Эйнхарду далеко не всегда удается выдерживать тематический характер разделов. В гл. 17 наряду с описанием построек, появившихся при Карле, присутствует рассказ о франко-норманнских отношениях, который следовало бы отнести к внешнеполитической части. Определенно «внешнеполитическими» являются гл. 27—28, повествующие об имперской коронации в Риме и о дипломатических сношениях Карла с «заморскими королями». Кроме того, автор не способен до конца преодолеть хронологическую схему изложения. Он начинает с нее в гл. 1—4, излагая историю возвышения Каролингов, и возвращается к ней в гл. 28 и 30. Имперская коронация представляется Эйнхарду своеобразным итогом многолетних завоеваний, которые почти закончились к 800 г. Рассказу о ней он посвящает отдельную главу и помещает ее почти в самый конец *Vita*, соблюдая необходимую временную последовательность. И наконец, непосредственно перед сообщением о смерти Карла (28 января 814 г.) автор извещает читателя о коронации наследника, Людовика Благочестивого (11 сентября 813 г.).

В науке прочно утвердилось мнение, что в качестве образчика для собственного произведения Эйнхард выбрал «Жизнь двенадцати цезарей» Светония. На сегодняшний день с этим

фактом, впервые установленным еще в XVI в.⁸⁴, согласно большинство исследователей. На время оставим в стороне вопрос о том, как каролингский писатель использовал труд античного автора, и обратимся к другому, не менее важному: почему Эйнхард предпочел именно Светония? Исследователи отвечали на него по-разному. Говорили, что Светоний вдохновил Эйнхарда на характеристику персонажа, а не на описание его подвигов⁸⁵; что античный автор помог каролингскому Веселенду освободить образ короля от влияния монашеской этики⁸⁶; что в «Жизни цезарей» Эйнхарда привлекла сама форма подачи материала⁸⁷. Все так. И, тем не менее, не покидает ощущение какой-то неясности. «Почему Эйнхард выбрал Светония, остается загадкой» — под этими словами известного американского медиевиста могли бы подписаться многие исследователи⁸⁸. Думается, однако, что «загадочность» Эйнхарда в значительной степени объясняется тем, что историки превратили его в абсолютно уникальный персонаж каролингской историографии, который значительно опередил свое время и своих современников. Между тем жизненный путь этого человека — учеба в монастыре, деятельность при дворе в качестве учителя, архитектора, политика и особо доверенного лица короля, возвращение под старость в монастырь — был вполне обычным и даже типичным для каролингского интеллектуала первой половины IX в. Его литературное творчество, за исключением *Vita Karoli*, также не выходит за привычные рамки ни по тематике, ни по содержанию. Ничто не дает оснований предполагать, что Эйнхард был способен в чем-то опередить свое время. Это заставляет иначе взглянуть на его главное произведение. Как уже было сказано, Эйнхард поставил перед собой цель — от-

⁸⁴ Casaubonus I. C. Suetoni Tranquilli de XII Caesarum libros VIII animadversiones. Parisii, 1595. P. 37, 156.

⁸⁵ Hellmann S. Op. cit. S. 171; Ganshof F. L. L'historiographie... P. 648.

⁸⁶ Beumann H. Die Historiographie... S. 461.

⁸⁷ Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. S. 276.

⁸⁸ Smalley B. Op. cit. P. 68.

благодарить Карла, вернуть ему «долг любви и дружбы». Он решил это сделать, написав его житие. Сама идея рассказа о славной жизни достойного человека, несомненно, была под-сказана Эйнхарду агиографической традицией⁸⁹. Бывший фульдский послушник должен был изучить ее весьма основательно. Однако здесь он столкнулся с другой проблемой — как воплотить свою идею в жизнь. Ведь Карл не был ни епископом, ни монахом. Он не творил чудеса и не достигал вершин святости, но действовал в народном собрании или на поле брани, а также имел многочисленных жен и детей, которых очень любил. Агиографические образцы и, прежде всего, классическое «Житие св. Мартина Турского» здесь не годились. Нужен был образец, описывающий жизнь светского правителя. Такое произведение было знакомо Эйнхарду еще по Фульде — там он впервые познакомился с сочинением Светония. Эйнхард взял его за основу и постарался максимально точно воспроизвести те пункты, на которых сосредоточился античный биограф⁹⁰. Знаменитая «характеристика персонажа», отодвинувшая на задний план «рассказ о деяниях», была задана Светонием. В представлении Эйнхарда светского государя следовало описывать именно так — существенно иначе, чем святого⁹¹.

⁸⁹ Ср.: *Hellmann S. Op. cit. S. 168.*

⁹⁰ Характерно, что Эйнхард не опустил пункт о детстве и юности своего героя, хотя, по его собственному признанию, он не сумел найти о том времени какой-либо достоверной информации.

⁹¹ По мнению В. Бершина, традиция создания литературных портретов светских правителей не исчезла в IV в., а сохранилась в раннее средневековье. К их числу он относит биографические очерки о бургундском короле Сигизмунде (VI в.), вестготском короле Вамбе (VII в.), о Теодорихе Великом, Теодорихе II Тулузском (V в.) и о короле Нортумбрии Освальде (VIII в.). Таким образом, выбор в качестве образца именно Светония был сознательным решением Эйнхарда. См.: *Berschin W. Biographie und Epochenstil... S. 209–211.* Впрочем, это утверждение представляется не слишком убедительным. Все приведенные выше примеры имеют лишь некоторые элементы внешнего сходства с *Vita Karoli*. Да и вряд ли они вообще были известны Эйнхарду, кроме, может быть, истории Освальда, написанной Бедой.

В прологе к «Жизнеописанию Карла» Эйнхард утверждает, что опирается, прежде всего, на собственные знания. «Никто, кроме меня, не сможет описать более достоверно те (события), в которых я сам принимал участие и которые я знаю доподлинно, поскольку видел их собственными глазами»⁹². Действительно, большое количество живых подробностей и мелких деталей не оставляют сомнений в том, что в некоторых своих частях рассказ был написан очевидцем⁹³. Однако автору известно далеко не все. Карлу было уже под пятьдесят, когда Эйнхард впервые прибыл ко двору. Эту — бóльшую! — часть жизни своего героя автор представляет себе гораздо хуже. Он ничего не знает о детстве и юности Карла, поскольку не сумел найти ни чего-либо написанного по этому поводу, ни кого-либо, кто мог об этом рассказать⁹⁴. Несколько лучше дело обстоит с войнами Карла, которые к моменту появления Эйнхарда длились уже без малого четверть века. Информацию о них он черпает главным образом из Королевских анналов⁹⁵. Одна-

⁹² Einhard., prol.: «nullum ea veracius quam me scribere posse, quibus ipse interfui, quaeque praesens oculata... fide cognovi».

⁹³ К персональным воспоминаниям Эйнхарда восходят не только некоторые интимные подробности жизни его героя, которые автор имел возможность наблюдать, но и другие фрагменты *Vita*. Например, с трудностями перехода через Альпы при вступлении в Италию, столь красочно описанными в гл. 6, Эйнхарду пришлось лично столкнуться в 806 г., когда император отправил его к папе утверждать заветование (т. н. *Divisio regnorum*).

⁹⁴ Einhard., 4: «De cuius nativitate atque infantia vel etiam pueritia quia neque scriptis usquam aliquid declaratum est, neque quisquam modo superesse invenitur, qui horum se dicat habere notitiam, scribere ineptum iudicans». Признание Эйнхарда в том, что ему не удалось найти надежных свидетелей, способных рассказать о детстве и юности Карла, не кажется столь уж странным, если вспомнить, что он писал *Vita* во второй половине 20-х гг. IX в., находясь в удалении от двора. Многие сподвижники и даже родственники великого императора к этому времени либо умерли, либо оказались в изгнании.

⁹⁵ По мнению А. П. Левандовского, во «внешнеполитической» части «Жизнеописания» к сообщениям анналов восходит более 60% текста: Левандовский А. П. Эйнгард... С. 84. О параллелях между *Vita*

ко не переписывает их досконально, но весьма творчески компилирует, систематизируя и обобщая полученные данные⁹⁶. Можно предполагать, что какие-то сведения Эйнхард получил от очевидцев и участников политических предприятий Карла, а также из бесед с ним самим. Как мы видели выше в отношении Павла Диякона, такое было вполне возможно, хотя в данном случае вряд ли делалось целенаправленно.

Наиболее сложен вопрос об источниках центральной части *Vita*, где повествуется о *res gesta domi*, о *vita et conversatio* великого императора. Именно этот раздел, совершенно не характерный для каролингской литературы, вызывает у исследователей особый интерес. Считается, что он написан очевидцем и потому является ценнейшим историческим свидетельством⁹⁷. Постараемся выяснить, насколько верна такая оценка.

Хорошо известно, что в гл. 17–33 Эйнхард наиболее близок к схеме Светония. За исключением нескольких глав, отмеченных выше, он практически не нарушает ее. Из «Жизни двенадцати цезарей» автор также заимствует ряд пассажей

Karoli и *Annales regni Francorum* подробнее см.: Bernheim E. *Die Vita Karoli Magni...* S. 82–86; Также см.: Wattenbach-Levison-Löwe. *Op. cit.* S. 276. Гансхоф подчеркивает, что не только в фактах, но и в интерпретации политической истории времен Пипина Короткого и первой половины правления Карла Эйнхард зависит от версии, изложенной в *Annales regni Francorum*: Ganshof F. L. *L'historiographie...* P. 648.

⁹⁶ А. П. Левандовский в свое время провел тщательный анализ методики работы Эйнхарда с королевскими анналами и их переработки (т. н. *Annales Einhardi*). Исследователь отмечал, что Эйнхард широко использовал такие приемы, как перестановка слов и фраз; употребление синонимов; сокращение, обобщение и упрощение текста с изъятием фактов, умолчанием и краткими сентенциями; замена нескольких однородных фактов или событий одним из них с перенесением на него причинно-следственной связи, характерной для всего комплекса. Подробнее см.: Левандовский А. П. *Эйнгард...* С. 73–83.

⁹⁷ Действительно, в отличие от первой части Эйнхард не опирается здесь на какие-либо современные ему письменные источники, нарративные или документальные. Единственным исключением является гл. 33, в которой излагается завещание Карла. Считается, что Эйнхард воспроизвел здесь подлинный текст.

для описания внешности Карла и его привычек⁹⁸. Однако при внимательном сравнении текстов выясняется, что Эйнхард значительно более зависим от Светония, чем кажется на первый взгляд. К труду последнего, прежде всего к *Vita Augusti*, восходят многие существенные элементы *Vita Karoli*. Таковыми являются, например: упоминание о широком строительстве, предпринятом по инициативе императора, а также его исключительное внимание к восстановлению «рухнувших от ветхости» храмов⁹⁹; почтение и забота главного героя по отношению к матери и единственной сестре, умерших раньше его¹⁰⁰; скоротечность первого брака и активная сексуальная жизнь впоследствии¹⁰¹; подробности воспитания детей (обучение сыновей верховой езде, а дочерей — работе с прялкой; всех вместе — грамоте); путешествия отца в окружении собственных детей¹⁰²; измерение роста в футах, вообще описание внешности вплоть до хромоты под старость и констатации «соразмерности членов», скрывающей физические недостатки¹⁰³; пристрастие к ношению обычной одежды и ее перечисление¹⁰⁴; любовь к бане; умеренность в еде и питье (не более трех кубков за обед), послеобеденный сон, частые ночные пробуждения¹⁰⁵; прием друзей и служащих во время утреннего одевания¹⁰⁶; красноречие императора, его усердие на ниве образования, не слишком хорошее владение греческим языком¹⁰⁷; констатация щедрос-

⁹⁸ Jaffé Ph. Pref., P. 3–22; Bernheim E. Die Vita Karoli Magni... S. 74–76; Berschin W. Personenbeschreibung... S. 188–189; Hellmann S. Op. cit. S. 172, 180–182.

⁹⁹ Ср.: Einhard., 17; Suet. VA., 28 (3), 29, 32. Все ссылки на Светония даются по изданию: Suetonius Tranquillus. Collected works. Cambridge; L., 1979. Vol. 1. P. 1–497; Vol. 2. P. 1–385.

¹⁰⁰ Einhard., 18; Suet. VA., 61.

¹⁰¹ Einhard., 18; Suet. VA., 62 (1), 63, 69.

¹⁰² Einhard., 19; Suet. VA., 64 (2–3).

¹⁰³ Einhard., 22; Suet. VA., 79.

¹⁰⁴ Einhard., 23; Suet. VA., 73, 82.

¹⁰⁵ Einhard., 22, 24; Suet. VA., 74, 76, 77, 78.

¹⁰⁶ Einhard., 24; Suet. VA., 52 (2).

¹⁰⁷ Einhard., 25; Suet. VA., 84, 89.

ти, снисходительности и доброжелательности¹⁰⁸; верность дружбе и постоянное внимание к друзьям¹⁰⁹; забота об исправлении законов и уважение к древним традициям¹¹⁰; неохотное принятие высшего государственного титула¹¹¹; указание часа смерти и рассказ о знаменьях, связанных с молнией и надписями¹¹². Иными словами, Эйнхард акцентирует внимание на тех же моментах, что и Светоний, иногда буквально заимствует те или иные характеристики, однако непременно добавляет к ним собственный материал. Например, он перечисляет постройки Карла (гл. 17); называет имена его жен и детей, его учителей, титулы читаемых за обедом книг (гл. 18, 24, 25); упоминает о том, как его герой заботится о церкви и проявляет щедрость по отношению к иноземным государям (гл. 26, 27); отмечает его любовь к жареной пище (гл. 22); рассказывает об имперской коронации Карла и Людовика (гл. 28, 30); описывает одежду Карла (гл. 23); фиксирует его рост, характер заболевания и час смерти, добавляет новые знаменья (гл. 22, 30, 32); приводит текст завещания (гл. 33) и др. Кроме того, Эйнхард опускает многие пункты, характерные для «Жизни двенадцати Цезарей». Он не пишет о пороках своего героя, о неблагоприятных его поступках, вообще обо всем, что могло бы вызвать хоть малейшее осуждение. Напротив, Светоний значительно более свободен в подборе фактов и их оценках¹¹³. Иными словами

¹⁰⁸ Einhard., 20, 27; Suet. VA., 41, 51.

¹⁰⁹ Einhard., prol., 19; Suet. VA., 66.

¹¹⁰ Einhard., 29; Suet. VA., 30 (4), 34, 40 (5).

¹¹¹ Einhard., 28; Suet. VA., 52, 58.

¹¹² Einhard., 30, 32; Suet. VA., 97 (2), 100.

¹¹³ Светоний не скрывает подозрительности и жестокости своего героя, которые проявлялись даже по отношению к собственным детям, а также его чрезмерной сексуальной распушенности: Suet. VA., 65, 68—71. Вообще, описание недостатков императоров представлялось римскому историку столь же важным, как и рассказ об их достоинствах. То и другое он выявлял и исследовал самым тщательным образом. Об особенностях историографической работы Светония подробнее см.: *Гаспаров М. А. Светоний и его книга // Гай Светоний Транквилл. Жизнеописание двенадцати цезарей. М., 1966. С. 258—272.*

писательская манера Эйнхарда вырисовывается довольно отчетливо. Он излагает собственный материал, при этом постоянно оглядывается на образец. Он довольно жестко следует чужой схеме, но отбирает лишь те категории фактов, которые работают на его концепцию. Здесь мы видим те же приемы работы с источником, что констатировались выше относительно анналов — компиляция, систематизация, обобщение, перестановка фрагментов текста, умолчания, добавления и др. Разумеется, автор весьма существенно деформирует описываемую действительность — мы не можем быть до конца уверены в достоверности какого-либо элемента центральной части *Vita*. Вряд ли ее вообще можно использовать в качестве источника конкретных сведений о событиях времени правления Карла. Но эта деформация объясняется авторскими задачами — Эйнхард стремится прославить своего героя и создать величайший панегирик, которому не было аналогов в современности. Что касается буквального повторения многих персональных характеристик, то это можно объяснить отсутствием необходимой исторической дистанции, а также представлением о цикличности исторического процесса, столь характерным для сознания раннесредневекового человека.

Само изображение Карла представляется вполне традиционным. Прежде всего, образ великого императора, как и любого другого персонажа каролингской литературы, абсолютно статичен. Он лишен какого бы то ни было развития от рождения к смерти. Сознанию людей каролингской эпохи идея эволюционности была глубоко чужда. Культура того времени ориентировалась почти исключительно на воспроизведение образцов, общепризнанных моделей мышления, поведения, деятельности. Эта повторяемость проявлялась и на материальном уровне — в виде сооружения новых зданий из кусков старых построек, составления типовых грамот и формул, описывавших одни и те же процедуры, включения в новые капитулярии значительных отрывков из уже принятых и т. д. За всем этим угадывается общее основание — примитивная экономика малоподвижного аграрного общества, ориентированная на простое воспроизводство необходимых жизненных ресурсов.

Отдельные качества Карла также не обладали большой оригинальностью. Для современников варварский король прежде всего был воином. Львиная доля сообщений о деяниях королей, которые можно обнаружить в анналах, хрониках или *gesta* раннего средневековья, посвящены их военным предприятиям. Эйнхард в этом смысле также не является исключением — не случайно он начинает непосредственно с них. С 5 по 15 главу он в панегирическом тоне описывает многочисленные военные победы великого императора. Автор обращает в войну всякое военное столкновение франков с соседями. Так у него появляются Аквитанская (гл. 5), Баварская (гл. 11), Богемская (гл. 13), Линонская (гл. 13), Норманнская (гл. 14) войны, хотя они протекали главным образом в виде незначительных пограничных стычек, а в Баварии даже и тех не наблюдалось. О самой длительной и тяжелой войне с саксами Эйнхард сообщает, что она была исключительно оборонительной — Карл никогда не нападал первым, а лишь карал врагов за вероломство (гл. 7). Разумеется, императору всегда сопутствовала удача. Он выходил победителем из любого военного предприятия. О поражениях Карла, например в Саксонии в 775 и 782 гг., Эйнхард умалчивает, упомянув лишь о разгроме арьергарда франкского войска в Ронсевальском ущелье в 778 г. (гл. 9). Очевидно, это событие не рассматривалось автором как в прямом смысле слова военное поражение его героя. Арьергард был уничтожен басками, напавшими внезапно и поспешно удалившимися с места сражения, не осмелившись встретиться с Карлом в честном бою: «И до настоящего времени невозможно было отомстить за содеянное, поскольку враг, совершив это дело, настолько рассеялся, что не осталось даже молвы о том, среди каких племен его можно было бы отыскать»¹¹⁴. Карл не всегда принимал личное участие в сражениях. Но Эйнхард подчеркивает, что в этих случаях они неизменно оканчивались победой (гл. 8).

¹¹⁴ Einhard., 9: «Neque hoc factum ad praesens vindicari poterat, quia hostis re perpetrata ita dispersus est, ut ne fama quidem remaneret, ubinam gentium quaeri potuisset».

Отчасти Карл продолжал войны, начатые его отцом, Пипином Коротким. Рассказывая о них, Эйнхард преувеличивает роль первого и уменьшает значение второго. Карл не просто с успехом завершил войны в Аквитании (гл. 5) и Италии (гл. 5), но добился там принципиально иных результатов. Если отец ограничивался взятием заложников и принесением ему клятвы верности, то сына устраивала лишь полная капитуляция врага. Между тем известно, что господство франков над Аквитанией было восстановлено именно Пипином, а итальянские походы 752 и 756 гг. окончились значительными земельными приобретениями на Апеннинском полуострове.

Другая важная составляющая деяний Карла, которую стремится подчеркнуть Эйнхард, — забота о церкви и усилия по распространению христианской религии. Он восстанавливает «рухнувшие от старости храмы» и сооружает новые красивые церкви, щедро украшая их золотом и серебром (гл. 17, 26); старательно улучшает порядок пения псалмов и церковного чтения (гл. 26); тратит огромные средства на благотворительность, поддерживая христиан не только в своем королевстве, но даже в Александрии, Иерусалиме и Карфагене (гл. 27); порой и войны затеваются не столько с целью территориальных приобретений, сколько для обращения язычников и объединения *populus christianus* под властью одного правителя (гл. 7). Разумеется, Карл демонстрирует самую горячую личную религиозность — ревностно посещает церковь «утром и вечером, и даже в ночные часы» (гл. 26); просит, чтобы ему читали сочинения Блаженного Августина (гл. 24); настойчиво изучает *artes liberales*, что также предполагало личное интеллектуальное и духовное совершенствование на пути к Богу (гл. 25). Набор этих атрибутов становится вполне традиционным при характеристике короля уже со второй половины VIII в.¹¹⁵ Он утверждается в проповеди и богатой дидактической литературе, прежде всего в «Зерцалах». А с IX столетия его можно обнаружить практически во всех исторических сочи-

¹¹⁵ Подробнее см.: Флори Ж. Идеология меча. СПб., 1999. С. 82–114.

нениях, будь то анналы, хроники, истории или gesta. Произведение Эйнхарда не стало исключением. Однако здесь необходимо отметить следующее. Речь идет не о том, совершал ли Карл то, о чем рассказывает его биограф. Как показывают другие источники, Эйнхард довольно существенно исказил действительность, добавив ей блеска. Речь о том, из каких фрагментов он формирует облик своего героя, на что обращает внимание. Чтение Светония и стоиков не сделало Эйнхарда «антично» мыслящим писателем. Он без сомнения остается сыном своего века, отражая современную ему систему ценностей.

То же можно сказать и о самых замечательных главах *Vita Karoli* — тех, где Эйнхард описывает внешность, характер и привычки своего героя. Безусловно, в них есть живые подробности — любовь Карла к жареной пище (гл. 22), распорядок обеда или утреннего одевания императора (гл. 24), пристрастие к традиционной франкской одежде (гл. 23) и массовым купаниям в аахенских банях (гл. 22), прилежание в овладении artes liberales (гл. 25) и др. Однако наряду с этим мы обнаруживаем набор вполне традиционных характеристик, атрибутирующих всякого короля вообще и встречающихся в самых разных текстах. Прежде всего, Карл предстает физически крепким человеком, непревзойденным наездником и пловцом, страстным охотником (гл. 22). Эти качества служат личностным проявлением военной доблести короля в мирное время. Они демонстрируют окружающим способность правителя в случае необходимости достойно проявить себя на поле брани. Кроме того Карл обладает «природной добротой» (*naturae benignitate*) и «мягкостью» (*solita mansuetudine*), которые защищают его от «малейшей несправедливости или жестокости» (*minima iniustae crudelitatis*) (гл. 20) — о страшном терроре в Саксонии, как и других проявлениях жестокости своего героя Эйнхард умалчивает. Он щедр не только к друзьям, но и к чужестранцам, которые в большом количестве кормятся при дворе (гл. 21). Он — любящий отец, заботливый родитель и верный друг (гл. 19). Также Карл демонстрирует скромность и умеренность в быту. Он потребляет небольшое количество еды и, особенно, питья. Редко пирует, и то лишь по большим

праздникам (гл. 24). Не любит роскошных одежд, предпочитая носить простое франкское платье. Только в особо торжественных случаях он подпоясывается мечом, отделанным золотом и украшенным драгоценными камнями (гл. 23). Даже во внешнем облике Карла отсутствует какая-либо диспропорция — короткая толстая шея и выпирающий живот скрываются соразмерностью остальных членов (гл. 22)¹¹⁶.

Итак, перед нами предстает вполне типичный облик короля второй половины VIII–IX вв., сотканный из общепринятых христианских этических представлений, дополненный бенедиктинскими добродетелями (активная благотворительность, умеренность) и этическими нормами, характерными для варварской дружинной среды (воинская доблесть, исключительные физические параметры вождя, щедрость). Некоторое количество «жизненных» привычек и склонностей Карла общей картины не меняют. Важно, однако, учитывать пропорциональное соотношение всех элементов. В облике Карла значительно больше от традиционного германского *Volkskönig*, чем от христианского императора, каким он виделся, например, монашескому окружению Людовика Благочестивого. Эйнхард наделяет Карла и другими характеристиками, среди которых наиболее заметное место занимают его «душевное величие» (*magnanimitas*, *magnitudo animi*) и «стойкость духа» (*animositas*)¹¹⁷. Автор позаимствовал их из словаря стоической философии и сделал главными качествами своего героя¹¹⁸. Карл

¹¹⁶ Впрочем, даже при описании характерных деталей внешности Карла Эйнхард предпочитает обращаться к Светонию. «Крепкое тело» и «сверкающие очи» заимствованы из жизнеописания Тиберия (Suet. VTib., 1, 68), «красивая седина», «внушительность и представительность облика стоящего и сидящего императора» — из жизнеописания Клавдия (Suet. VCl., 30), короткая шея и выпирающий живот — из жизнеописания Нерона (Suet. VNer., 5)

¹¹⁷ Ср.: Einhard., 7, 8, 11, 19, 21, 28.

¹¹⁸ Hellmann S. Op. cit. S. 210; Бойманн полагал, что таким образом Эйнхард пытался защитить королевскую власть от нормативного влияния церковной этики: Beumann H. Die Historiographie... S. 460–461; Idem. Geschichtsschreibung... S. 77. По мнению Тишлера, поня-

мужественно переносит удары судьбы и настойчиво движется к достижению поставленных целей. Эти качества органично вписываются в общий облик Карла и нисколько не противоречат сказанному выше.

Vita Karoli традиционно считается светским произведением, написанным мирянином¹¹⁹. Однако это утверждение, очень часто априорное, требует некоторого разъяснения, поскольку не кажется столь уж очевидным. Дело даже не в том, что Эйнхард, как любой другой раннесредневековый писатель, обращает пристальное внимание на разного рода знамения, предвещающие будущее¹²⁰. Наш автор провел полжизни в монастыре, учился в монастырской школе, при дворе постигал тонкости свободных искусств под руководством одного из самых образованных монахов своего времени. Он не мог не впитать в себя культурные представления, характерные, прежде всего, для этой социальной среды, и *Vita Karoli* в какой-то степени несет на себе их печать. В других своих произведениях Эйнхард предстает перед нами очень религиозным человеком вполне ортодоксального толка, прекрасно разбирающимся в тонкостях христианской догматики. Однако созданный им образ Карла в целом остается секуляризованным. Перед нами германский правитель, принявший титул императора. В его облике отчетливо различимы христианские элементы, но общего впечатле-

ние *magnanimitas* позволило Эйнхарду создать в лице Карла образ германского правителя, обладающего личным благочестием, и противопоставить его представлениям о спиритуально-должностном характере власти императора, царившим в окружении Людовика Благочестивого. См.: *Tischler M. Op. cit. Bd. 1. S. 222–228.*

¹¹⁹ Представление об Эйнхарде как миряnine, а о *Vita Karoli* как светском произведении стало общим местом в историографии. Ср.: *Ebert A. Op. cit. S. 96; Beumann H. Die Historiographie... S. 453; Grundmann H. Geschichtsschreibung... S. 34; Smalley B. Op. cit. P. 67.*

¹²⁰ Эйнхард перечисляет многочисленные знамения, предвещавшие скорую смерть Карла: частые затмения солнца и луны, кометы, землетрясения, разрушение дворцового портика, сожжение моста через Рейн, внезапное падение лошади, удар молнии в аахенскую базилику, блеклость букв в надписи по краю ее карниза (Einhard., 32).

ния это не меняет. Столь явное противоречие могло объясняться целым рядом факторов. Очевидно, свою роль сыграло восточно-франкское происхождение Эйнхарда и его учеба в землях, где превалировали германские традиции, в том числе и в политической сфере; его исключительная образованность, знакомство с выдающимися памятниками античной литературы, сформировавшими у него соответствующую историографическую культуру; смена эпох с изменениями явно не в пользу новых времен, побуждавшими не столько к их сравнению, сколько к поиску различий между ними; особенности характера самого Эйнхарда, человека религиозного, но далекого от фанатизма и крайней ортодоксии. Как было показано выше, в его сознании еще прослеживаются значительные варварские пласты.

Светоний дал каролингскому историку лишь форму и общее направление мысли. Содержание *Vita Karoli* — исключительная заслуга Эйнхарда. Внешне техника его работы представляется вполне традиционной. С известной долей условности ее можно назвать компилятивной. Однако внутренний анализ показывает исключительную сложность этой компиляции — она лишена какой-либо механистичности и демонстрирует высокую степень творческой самостоятельности автора.

Для написания исторического труда Эйнхард не изобретает какой-то особой манеры письма. Он создает *Vita Karoli* по тем же принципам, что и другие свои произведения. Из разных источников он отбирает лишь те свидетельства, которые наиболее эффективно работают на соответствующий тезис или положение. Все прочие оставляет без внимания, отнюдь не стремясь к «научной объективности». Например, небольшая книжица о почитании креста содержит огромное количество цитат из различных книг Библии. Составленные вместе, они представляют развернутую аргументацию главной идеи автора. Аналогичному «толкованию» подвергается и жизнь реального исторического персонажа. Думается, такая манера работы была характерна, прежде всего, для кабинетных интеллектуалов, прошедших соответствующую школу работы с текстами. Кроме того, она демонстрирует, сколь незначительно было обособлено историческое описание от прочих видов литературной деятельности.

Когда мы пытаемся оценить степень достоверности исторических свидетельств *Vita Karoli*, нужно иметь в виду, что Эйнхард не является исследователем. Его не интересует абстрактная истина. Он в высшей степени пристрастен. Он пишет панегирик и поэтому трактует фактический материал в ущерб объективности. Представленная им картина, разумеется, далека от реальности, но производит поразительно правдивое впечатление¹²¹. Эйнхард очень свободно работает с источниками, которые относятся не только к разным жанрам, но и к различным эпохам. И вместе с тем он создает удивительно целостный образ главного героя. Сегодня мы хорошо знаем, какие элементы *Vita* заимствованы из Светония, какие из анналов или прочих текстов. Но «расчленив» это произведение, как и нащупать литературные «швы», не очень-то получается — оно все равно сохраняет свою поразительную целостность. В этом, пожалуй, заключается главная заслуга Эйнхарда. Немногие его современники могут похвастаться тем же. Оригинальность автора проявилась также и в самом факте создания биографии светского правителя, хотя идея, кажется, витала в воздухе. Каролингские правители со второй половины VIII в. активно вмешиваются в сферу сакрального, предпринимают значительные усилия по распространению христианства и укреплению Церкви, все больше сближаясь с великими епископами и бесстрашными подвижниками-миссионерами, чья жизнь и труды уже были описаны и не раз. В этих условиях появление королевских биографий было лишь вопросом времени. Эйнхард чутко уловил соответствующий момент, который реально оказался очень коротким. Помимо Карла только Людовик Благо-

¹²¹ В этом отношении особенно показательна судьба 15-й главы, где Эйнхард очертил границы завоеванных Карлом земель. На протяжении долгого времени эта глава пользовалась у историков очень высоким авторитетом и считалась лучшим географическим описанием каролингской империи. Однако при ближайшем рассмотрении она оказалась экстраполяцией античных географических представлений, почерпнутых автором из трудов Тацита и Плиния, и не имеющей никакого отношения к реальности. Подробнее см.: Левандовский А. П. Эйнгард... С. 112—128.

честивый удостоился собственного жизнеописания. С середины IX столетия вмешательство королей в сферу сакрального резко ограничивается. Начинается все более прогрессирующее ослабление королевской власти, которое идет рука об руку с усилением позиций каролингского епископата и светской аристократии. В этих условиях появление биографий светских правителей, их прославляющих, становится невозможным¹²².

* * *

О жизненном пути другого каролингского биографа, написавшего «Жизнеописание Людовика Благочестивого»¹²³, сведений почти не сохранилось¹²⁴. Мы не знаем даже его имени.

¹²² Ср.: Löwe H. *Geschichtsschreibung der ausgehenden Karolingerzeit* // DA. N. 1. 1967. S. 1–30, bes. 8–12. По мнению Д. Йонья-Пра, исчезновение королевских биографий с середины IX в. напрямую связано с изменением представлений о месте и роли государей в жизни франкской церкви: из *rectores ecclesiae* они превращаются в *filii ecclesiae*. См.: Iogna-Prat D. *La construction biographique du souverain carolingien* // A la recherche de légitimités chrétiennes. Représentations de l'espace et du temps dans l'Espagne médiévale (IX-e — XIII-e siècle). Casa de Velázquez, 2003. P. 197–224. Я хочу поблагодарить Доминика Йонья-Пра за то, что он обратил мое внимание на эту работу.

¹²³ Anonymus. *Vita Hludowici imperatoris* / Hg. C. Pertz // MGH. SS. T. 2. P. 604–648. Это издание с параллельным немецким переводом Й. фон Ясмунда, отредактированным В. Ваттенбахом, воспроизведено Р. Пау в: *Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte*. Bd. 1. Berlin, 1958. S. 258–381. Наиболее авторитетное на сегодняшний день издание осуществлено Э. Тремпом. Он подготовил критическое издание *Vita* вместе с сочинением Тегана: *Theganus. Die Taten Kaiser Ludwigs*. Astronomus. *Das Leben Kaiser Ludwigs* / Hg. und übers. von E. Treppe (MGH. SSrG in us. schol. T. LXIV). Hannover, 1995. См. также русский перевод: Аноним. *Жизнь императора Людовика* / Пер. с лат. и коммент. А. В. Тарасовой // *Историки эпохи Каролингов...* С. 37–94, 238–240.

¹²⁴ Об Астрономе см.: *Wattenbach-Levison-Löwe*. Op. cit. N. 3. S. 335–338; *Ebert A.* Op. cit. Bd. 2. S. 362–364; *Heyse E.* *Astronomus* // *LdM*. Bd. 1. München; Zürich, 1980. S. 1153.

Строго говоря, всю информацию биографического характера удастся почерпнуть только из его сочинения. Автор, безусловно, являлся духовным лицом, клириком или монахом в миру¹²⁵. Он противопоставляет мирские законы закону Божьему, называя его «нашим»¹²⁶. Кроме того, Аноним демонстрирует достаточно глубокие познания в области медицины и астрономии. Описывая предсмертную болезнь Людовика, он обращает внимание на отек легких, опасный для жизни нарыв в груди, хрипы и тошноту¹²⁷. А недомогание папы Григория объясняет сильным приливом крови, которая постоянно вытекала из носа¹²⁸. Характерно, что даже политические распри автор осмысливает в медицинских категориях, называя их недугами и заразой, которые следует лечить¹²⁹. Также Аноним постоянно интересуется различными небесными явлениями — затмениями солнца и луны и особенно появлением комет¹³⁰. А описание кометы Галлея, появившейся в 837 г., по точности считается едва ли не самым лучшим на протяжении всего средневековья. «В середине пасхальных торжеств... в созвездии Девы, там, где подол ее платья, появилась комета... Она направилась... к семи звездам на востоке и в течение двадцати пяти дней... пересекла созвездия Льва, Рака и Близнецов и расположилась над головой Тельца и под ногами Возничего... Когда император, очень внимательный к такого рода вещам, ...узнал об этом явлении, он сначала понаблюдав за ним, а затем... распорядился позвать некоего человека, т. е. меня, написавшего это, поскольку считалось, что я разбираюсь в таких вещах, и спро-

¹²⁵ На последнее обстоятельство указывает устойчивый интерес автора не столько к церковным преобразованиям Людовика вообще, сколько к проводимой им монастырской реформе. Ср.: Аноним., 19, 28.

¹²⁶ Anonym., 49: «leges forenses non contra unam culpam semel commissam bis invehant, et nostra lex (курсив мой. — А. С.) habeat, non iudicare Deum bis in id ipsum».

¹²⁷ Anonym., 62.

¹²⁸ Anonym., 56.

¹²⁹ Anonym., 3, 61, 63.

¹³⁰ Anonym., 27, 31, 42, 59, 62.

сил, что я об этом думаю»¹³¹. На основании данного сообщения за Анонимом в историографии закрепилось прозвище «Астроном». Большинство ученых считает его придворным капелланом¹³². В окружении Людовика он оказался, по крайней мере, с момента вступления императора на престол — к этому времени относятся первые сообщения, написанные автором на основании собственных наблюдений, — и оставался при дворе до самой его смерти¹³³.

Этническая принадлежность Анонима также устанавливается весьма приблизительно. Учитывая использование германских терминов вместо общеупотребительных латинских, его считают германцем из области романо-германского пограничья. Неясно, однако, относить ли его к западной или восточной части этого региона¹³⁴. «Жизнеописание Людовика» демонстрирует устой-

¹³¹ Anonym., 58: «mediante festivitate paschali... cometae sidus in signo Virginis apparuit, in ea parte eiusdem signi, qua penulam eius subtus... Quod... septem siderum orientem versus peteret, per viginti quinque dies... idem sydus et Leonis ac Cancri necnon et Geminorum transiens signa, in capite Tauri tandem sub Aurigae pedes... deposuit. Quod cum imperator talium studiosissimus... conspexisset, antequam... accitum quendam (idem me qui haec scripsi et qui huius rei scientiam habere credebar) percontari studuit, quid super hoc mihi videretur».

¹³² Эту точку зрения высказал Х. Лёве и утвердил Й. Флекенштайн: *Wattenbach-Levison-Löwe*. Op. cit. H. 3. S. 335; *Fleckenstein J.* Die Hofkapelle der deutschen Könige. Bd. 1. Stuttgart, 1959. S. 63, 73, 104, 234. По мнению Э. Тремпа, высокая образованность, членство в придворной капелле и солидная осведомленность относительно церковных дел позволяют считать Анонима одним из прелатов имперской церкви, а также отнести его к *proceres palatii*: *Tremp E.* *Astronomus...* S. 66.

¹³³ С тем, что Астроном оказался в окружении Людовика с 814 г. согласно абсолютное большинство исследователей. Лишь А. Эберт настаивал на 829 г.: *Ebert A.* Op. cit. Bd. 2. S. 362.

¹³⁴ На западнофранкском происхождении Астронома настаивали В. Ваттенбах, Р. Бергманн, В. К. Ронин: *Wattenbach-Levison-Löwe*. Op. cit. H. 3. S. 336; *Bergmann R.* Hutz «foras» in der Trierer Handschrift der Vita Hludowici des Astronomus // *Zeitschrift für deutschen Altertum und deutsche Literatur*. Wiesbaden, 1965. S. 17–21; *Ro-*

чивый интерес автора к событиям в Аквитании. Вероятно, он довольно долго прожил там¹³⁵. Высказывалось даже предположение об аквитанском происхождении Анонима, впрочем, не получившее поддержки¹³⁶. До сих пор не удается его идентифицировать и с каким-либо известным персонажем каролингской истории первой половины IX в., хотя попытки такого рода предпринимались. В свое время М. Бухнер стремился доказать, что под личиной анонимности скрывается аббат Сен-Медарда Хильдвин, впрочем, не слишком успешно¹³⁷. Ф. Депре высказал мнение, что Астрономом вполне мог быть ирландец Дикуйл, однако не привел никакой аргументации в пользу этой теории¹³⁸. Более солидную версию предложил М. Тишлер. Основываясь на обстоятельном анализе рукописной традиции, а также на фактах биографии, он предлагает считать автором «Жизнеописания Людовика» епископа Орлеанского Иону¹³⁹, что, вероятно, недалеко от истины¹⁴⁰. Впро-

нин В. К. Светские биографии в каролингское время: «Астроном» как историк и писатель // СВ. Вып. 46. М., 1983. С. 168. К *Francia orientalis* его относили М. Бухнер и Ф. Л. Гансхоф: *Buchner M. Entstehungszeit und Verfasser der «Vita Hludowici» des «Astronomen»* // *HJ. Bd. 60. 1940. H. 1/2. S. 14–45, bes. 16–17; Ganshof F. L. L'historiographie... P. 651.*

¹³⁵ Э. Тремп полагает, что Астроном относился к тем представителям франкской аристократии, которых при Карле Великом и Людовике Благодетелем посылали в Аквитанию для поддержания там франкского господства: *Tremp E. Astronomus... S. 62. Ср.: Аноним., 3, 6. По мнению В. Бершина, Астронома следует считать либо франком из Южной Галлии, либо вестготом из Северной Испании: Berschin W. Biographie und Epochenstil... S. 228.*

¹³⁶ Об аквитанском происхождении Астронома см.: *Manitius M. Op. cit. Bd. 1. S. 656.*

¹³⁷ *Buchner M. Op. cit. Критику точки зрения Бухнера см., напр.: Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 3. S. 336.*

¹³⁸ *Depreux Ph. Prosopographie de l'entourage de Louis le Pieux (781–840). Sigmaringen, 1997. P. 114.*

¹³⁹ *Tischler M. Op. cit. Bd. 2. S. 1103–1109.*

¹⁴⁰ Иона (780–843 гг.) происходил из Аквитании. В 818 г. получил епископскую кафедру в Орлеане. Сторонник Людовика Благо-

чем, окончательный ответ можно будет получить, лишь изучив вокабуляр и грамматику обоих авторов.

Напротив, в вопросе о датировке *Vita Hludowici* царит почти полное единодушие. Ее появление обычно относят ко времени не ранее ноября 842 г. — тогда умер королевский привратник граф Рихард, о чем упоминает автор¹⁴¹. После смерти императора Людовика большая часть его придворных перешла на службу к императрице Юдифи и ее сыну Карлу. Среди них, очевидно, был и Астроном¹⁴². Начавшиеся вскоре междоусобицы раскололи франкское общество на несколько противоборствующих лагерей и значительно его политизировали. Однако

честивого, он в идейном отношении был близок к кругу аквитанских церковных реформаторов во главе с Бенедиктом Анианским.

¹⁴¹ Аноним., 56. О датировке *Vita Hludowici* 842 годом см.: Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 3. S. 336; Ebert A. Op. cit. Bd. 2. S. 362; Manitius. M. Op. cit. Bd. 1. S. 656; Ронин В. К. Указ. соч. С. 168. Против этой даты выступает М. Бухнер. Он предлагает датировать памятник 845—848 гг.: Buchner M. Op. cit. S. 34, 45. Напротив, Э. Тремп относит появление *Vita* ко второй половине 840-началу 841 г., хотя и допускает более позднюю датировку: Tremp E. Astronomus... S. 66—68; Idem. Thegan und Astronomus, die beiden Geschichtsschreiber Ludwigs des Frommen // Charlemagne's Heir. New Perspectives on the Reign of Louis the Pious (814—840). Oxford, 1990. S. 695—696. Аналогичного мнения придерживается М. Тишлер: Tischler M. Op. cit. Bd. 2. P. 1111.

¹⁴² Э. Тремп относит Астронома к той части королевского двора, которая после смерти Людовика Благочестивого перешла на сторону нового императора Лотаря и боролась вместе с ним за сохранение единства империи: Tremp E. Astronimus... S. 67. Это предположение представляется не слишком убедительным. База власти Лотаря располагалась в Италии. Туда же перебрались и многие его сподвижники. Однако Астроном не слишком интересуется итальянскими делами, возможно потому, что плохо о них осведомлен. Напротив, все его внимание приковано почти исключительно к Аквитании. Кроме того, единственная оригинальная рукопись *Vita Hludowici*, судя по всему, находилась в библиотеке Карла Лысого (см. выше характеристику кодекса из коллекции Дубровского). О лотарингской или итальянской истории этого памятника в IX в. ничего не известно.

«Жизнеописание» не имеет ярко выраженной политической направленности. В отличие от другого своего современника, хорепископа Тегана, Астроном весьма умерен в критике и оценках. Он старается держаться подальше от партийных распрей королей и их магнатов — для времен «войны братьев» случай довольно редкий. Все же некоторые его предпочтения прослеживаются довольно отчетливо. Автор, несомненно, симпатизирует Карлу, неизменно подчеркивая огромную любовь к нему со стороны отца¹⁴³. В то же время — и это особенно примечательно! — он остается в высшей степени лояльным по отношению к Лотарю, его старшему брату и главному противнику. Астроном снимает ответственность с Лотаря даже за самые неприглядные его поступки. В мятежах тридцатых годов его фигура отодвинута на задний план. Пленение императора Людовика, организованное непосредственно Лотарем, трактуется как дело рук «неверных», а низложение в Суассоне как действие нескольких заговорщиков и епископов¹⁴⁴. Автор упоминает о страшной резне, учиненной Лотарем в Шалоне, но при этом подчеркивает, что старший сын императора не хотел сжигать город. Пожар и разграбление церквей произошли «по свирепому обычаю победителей» (*crudelium more victorum*), а казни совершались «с одобрения войска» (*adclamatione militari*)¹⁴⁵. Столь же лоялен Астроном и к ближайшим сподвижникам Лотаря, таким как Теодульф Орлеанский и Вала. Первого он называет «ученейшим мужем» (*vir doctissimus*)¹⁴⁶, а второго славит за «большое дружелюбие и сердечную доброту» (*multa alacritas et benignitas cordis*)¹⁴⁷. Рассказывая об эпидемии в войске Лотаря, которая унесла жизни многих его сторонников, активно воевавших против императора, автор с

¹⁴³ Anonym., 60, 61.

¹⁴⁴ Anonym., 48, 49.

¹⁴⁵ Anonym., 52. По мнению Э. Тремпа, Аноним был очень близок к Теодульфу, возможно, даже являлся его учеником: *Trempe E. Astronomus... S. 63.*

¹⁴⁶ Anonym., 21.

¹⁴⁷ Anonym., 55.

прискорбием отмечает, что «Франция осиротела знатью, обес-силела и оскудела разумом»¹⁴⁸.

Напротив, по отношению к Пипину Аквитанскому, среднему сыну императора, Астроном настроен крайне негативно. Тот грабит церкви, отнимая их владения¹⁴⁹; демонстрирует чрезмерную заносчивость и неповиновение по отношению к отцу¹⁵⁰; участвует в мятежах против Людовика, причем оказывается первым, к кому приходят заговорщики¹⁵¹. Такая оценка Пипина вписывается в более широкий контекст — отрицательную характеристику аквитанцев вообще¹⁵². Они представляются автору лживым народом, во всякое время готовым к мятежу и предательству. Решение императора передать Аквитанию Карлу, а не сыну Пипина автор объясняет тем, что последний вырос среди народа, который не мог научить его чему-либо хорошему¹⁵³. В начале 40-х гг. IX в. двор Карла Лысого состоял из двух частей. Сам Карл постоянно разъезжал по территории королевства лишь с небольшим количеством верных людей. Основная часть двора почти постоянно находилась в Аквитании при императрице Юдифи¹⁵⁴. Между тем претен-

¹⁴⁸ Anonym., 56: «quorum recessu... Frantia nobilitate orbata, fortitudine... evirata, prudentia his obeuntibus adnullata».

¹⁴⁹ Anonym., 53, 55.

¹⁵⁰ Anonym., 46: «inobedientia plurimaque... morum insolentia». См. также: Anonym., 47.

¹⁵¹ Anonym., 44.

¹⁵² Негативная характеристика аквитанцев проходит красной нитью через все сочинение Анонима. Ср.: Anonym., 1, 3, 5, 13, 18, 26, 32, 37, 47, 61. Напротив, о бретонцах автор отрицательно отзывался лишь дважды (30, 39), а о германцах — один раз (24).

¹⁵³ Anonym., 61: «ipse (т. е. император Людовик. — А. С.) morem gentis nativum noverit, utpote connutritus illis, et quia levitati atque aliis studentes vitiis, gravitati atque stabilitati penitus renuntiarint; et... talem Pippinum patrem eius facere possent (курсив мой. — А. С.)».

¹⁵⁴ По сообщению Нитхарда, Карл, находясь в Нейстрии и собираясь на встречу с Лотарем в Аттиньи, отправил в Аквитанию посланника и приказал матери вместе со своими аквитанскими сторонниками присоединиться к нему. Ср.: Nithard., II, 6: «Ergo omnes Aquitanos, qui suae favebant, una cum matre post se venire praecepit». См. также: II, 9; III, 2.

зии Карла на власть в этом регионе ожесточенно оспаривались наследниками Пипина. Сочинение Астронома, таким образом, несет на себе печать этой борьбы¹⁵⁵.

Аноним предварил свое произведение небольшим введением, где изложил его цели и задачи. Остановимся на нем подробнее. «Когда сохраняется память о добрых и дурных деяниях древних, особенно государей, этим доставляется читателям двоякая польза. Одни (деяния) приносят (воспитательную) пользу и способствуют их образованию, другие предостерегают. Ведь первые люди находятся на вершине, подобно сторожевым башням, и поэтому они не могут остаться скрытыми (от глаз), так что молва о них разносится более широко... и они привлекают своими достоинствами тем больше людей, чем выше стоят сами, побуждая подражать себе»¹⁵⁶. Таким образом, решившись описать жизнь императора Людовика, Астроном, прежде всего, думал о наставлении и предостережении своих читателей, т. е. ставил перед собой широкие дидактические задачи. Он не описывал историю очередного царствования, а излагал биографию выдающегося человека, чья жизнь должна служить примером. Подобная трактовка литературного творчества характерна в первую очередь для агиографии. Аналогичным образом ее понимает, например, Сульпиций Север, автор «Жизни св. Матрина Турского», классического образчика данного жанра. Он создавал свой труд, «чтобы не остались скрытыми деяния того, кому следу-

¹⁵⁵ Неприязнь к аквитанским Пипинидам и лояльность по отношению к Лотарю действительно могли объясняться более ранним появлением *Vita* (на чем настаивает Тремп) — расклад политических сил в конце 840-начале 841 г. был существенно иным, нежели после битвы при Фонтенуа. Самым опасным врагом Карла казался еще не столько Лотарь, сколько Пипин II.

¹⁵⁶ Anonym., prol.: «Cum gesta priscorum bona malave, maxime principum, ad memoriam reducuntur, gemina in eis utilitas legentibus confertur. Alia enim eorum utilitati et aedificationi prosunt, alia cautela. Quia enim primi in sublimi consistunt veluti specula, et ideo latere nequeunt, eo quod fama eorum latius propagatur... et tanto quique illorum bono plurimi alliciuntur, quando praeminentiores se imitari gloriantur».

ет подражать»¹⁵⁷. Многие писатели в течение столетий повторяли его слова. Выше я уже говорил о причинах появления королевских биографий в 20—40-е гг. IX в. И хотя мотивировка Астронома отличается от побудительных мотивов Эйнхарда, общей картины это не меняет. Собственных «Жизнеописаний» оказываются достойны лишь двое — Карл и Людовик. Последний, как известно, отличался особым религиозным рвением, уделял огромное внимание делам церкви и, кроме того, прошел через страшные унижения, из которых вышел победителем. Поэтому кажется вполне естественным, что его биография стоит значительно ближе к житиям, чем к жизнеописаниям римских цезарей.

Высказывались предположения, что *Vita Hludowici* написана для наставления молодого короля. В последнем видели то Карла Лысого¹⁵⁸, то Пипина II Аквитанского¹⁵⁹. Такое объяснение можно считать вполне возможным, но вряд ли исчерпывающим. Автор ничего не говорит о том, давались ли ему соответствующие поручения. В отличие, например, от Фрекульфа из Лизье он и сам не предлагает использовать свой труд в деле воспитания королевских отпрысков. Он вообще не называет никаких конкретных имен, зато дважды апеллирует во введении к «читателям». Он не только заботится о «пользе для читателей», но и предлагает «всякому читателю» узнать, правду ли написал автор¹⁶⁰. По всей видимости, возможная аудитория представлялась ему значительно более широкой, нежели наследник трона и его наставник. «Жизнеописание Людовика» должно было служить примером всякому доброму христианину (правда, умеющему читать, что уже само по себе указывало на его возможное социальное положение), наставлять его в вере и добродетелях, ориентируя на подражание.

¹⁵⁷ Sulpicii de vita beati Martini liber, 1 // PL. T. XX. Col. 161: «Dedimus tamen operam ne is lateret qui esset imitandus».

¹⁵⁸ Ронин В. К. Указ. соч. С. 169.

¹⁵⁹ Buchner M. Op. cit. S. 37, 45.

¹⁶⁰ Anonym., prol: «Sed haec utrum vera necne sint, perlegens quisque (курсив мой. — А. С.) scire poterit».

Аноним проявил известное усердие, собирая для своего труда необходимые сведения. Некоторые источники он называет сам. «Все, что я написал дальше вплоть до времени восшествия (Людовика) на престол, я добавил к повествованию Адемара, знатнейшего и благочестивейшего монаха, который был его родственником и вместе с ним воспитывался; далее, поскольку я принимал участие в дворцовых делах, я описал то, что видел и о чем имел достоверные сведения»¹⁶¹. Однако текст *Vita* обнаруживает знакомство автора и с другими письменными источниками. Центральная часть явно написана на основе сведений из *Анналов* королевства франков. Кроме того, местами прослеживаются небольшие заимствования из произведений Эйнхарда и Нитхарда.

Таинственное сочинение¹⁶² Адемара рассказывает об аквитанском периоде жизни Людовика. Оно, несомненно, составлено очевидцем и повествует главным образом о военных предприятиях франков в этом регионе. Еще в XIX в. исследователи предлагали видеть в авторе Гадемара, полководца Людовика и активного участника испанских войн 797–812 гг.¹⁶³ На сегодняшний день эта точка зрения не вызывает серьезных возражений¹⁶⁴. Действительно, военные походы описаны с большим знанием дела и массой профессиональных деталей. Автор рассказывает о том, как франки транспортировали разобранные на четыре части корабли, чтобы иметь возможность атаковать крепости арабов с воды; о том, как они жгли

¹⁶¹ Anonym., prol.: «Porro quae scripsi, usque ad rempora imperii Adhemari nobilissimi et devotissimi monachi relatione addidici, qui ei coaevus et connutritus est; posteriora autem, quia ego rebus interfui palatinis, quae vidi et comperire potui, stilo contradidi».

¹⁶² Астроном говорит о *relatio Adhemari*. Речь идет именно о письменном тексте, а не устном сообщении. Ср.: Ebert A. Op. cit. Bd. 2. S. 363–364; Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 3. S. 336.

¹⁶³ Monod G. *Études critiques sur les sources de l'histoire carolingienne*. P., 1898. P. 160–161. М. Бухнер выдвинул предположение, что за именем Адемара скрывается Адалард Корвейский, но его точка зрения никем не разделяется: Buchner M. Op. cit. S. 39–40.

¹⁶⁴ Tremp E. *Astronomus...* S. 69–75; Ронин В. К. Указ. соч. С. 180.

костры без дыма, как высылали разведчиков, какую тактику применяли для боевых действий в горах; о том, как по плывущему по реке конскому навозу арабы узнали о приближении врага и т. д. Указывается даже точное количество дней, потраченных на ту или иную операцию. Если войско франков разделалось, то описывался поход той ее части, где был Гадемар¹⁶⁵.

С произведением этого человека Астроном, скорее всего, познакомился в Аквитании и, как сам признается, дополнил его рассказ. Однако труд Адемара до нас не дошел. Поэтому лишь на основании этой части *Vita* трудно сказать, чем и как был дополнен его рассказ. Тем не менее мы имеем уникальную возможность изучить манеру работы Анонима с другими письменными источниками, ныне не сохранившимися. Поняв ее, можно сделать соответствующие предположения и относительно утерянного текста.

Центральные главы (с 23 по 43) более или менее полно воспроизводят сообщения из *Анналов* королевства франков. Эта часть *Vita* не вызвала у исследователей заметного энтузиазма. В ней видели обычную компиляцию с незначительными авторскими добавлениями, хотя и небезынтересными¹⁶⁶. Астроном действительно многое заимствует. Однако он вовсе не стремится точно копировать текст *Анналов*, напротив, весьма творчески его перерабатывает. Некоторые главы целиком укладываются в рамки погодных сообщений, но их не слишком много¹⁶⁷. Тем не менее уже здесь автор по-своему группирует материал, расставляя необходимые смысловые акценты. Например, под 815 г. *Анналы* рассказывают сначала о подготовке похода против данов; затем о помощи норманну Хериольду против сыновей конунга Готфрида; о заговоре римских магнатов против папы и вмешательстве в это дело франков; о при-

¹⁶⁵ Anonym., 13, 14, 15.

¹⁶⁶ Ebert A. Op. cit. Bd. 2. S. 364; Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 3. S. 337; Ganshof F. L. L'historiographie... P. 652; Heyse S. Op. cit. S. 1153.

¹⁶⁷ Главы 25, 26, 40, 41, 42, 43 воспроизводят сообщения *Анналов* соответственно под 815, 816, 826, 827, 828, 829 гг.

бытии посольств от арабов и византийцев; о землетрясении и наводнении летом и осенью того же года; и наконец, о разграблении папских поместий в предместьях Рима¹⁶⁸. Аноним выстраивает рассказ более концептуально. Сначала он повествует об итальянских делах; затем о подготовке похода против данов и борьбе с сыновьями Готфрида; о посольствах; и вновь возвращается к итальянским делам, но при этом добавляет некоторые подробности событий в Риме и называет некоторые имена, отсутствующие в *Анналах*¹⁶⁹. Автор и в других местах демонстрирует устойчивый интерес к тому, что происходит на Апеннинском полуострове. В этой главе сообщения о них он выносит вперед и дает более развернуто, одновременно ужимая до нескольких фраз повествование о других сюжетах, а материал о стихийных бедствиях и вовсе оставляет без внимания. Редакторская правка становится еще более заметной в других главах. Сообщения под 817 г. Аноним растягивает на три главы (27, 28, 29), собирает в одном месте многочисленные упоминания о посольствах и опускает подробности мятежа ободритов. Главы 30–32 рассказывают о событиях 818–819 гг., 33–34 о событиях 820 г. Напротив, глава 35 охватывает сообщения о 821–822 гг. 823 г. укладывается в главы 36–37, 824–825 гг. — в 38–39. Главы с 40 по 43 содержат погодные сообщения о 826–829 гг. соответственно. Автор не только растягивает погодный материал *Анналов* на несколько глав или ужимает его до одной. Он также переставляет сообщения *Анналов*, нарушая соответствие глав и погодных записей. Так, довольно обстоятельный рассказ о походе франков против Лиудевита, о государственном собрании в Нимвегене, о принятии иноземных посольств, помещенный в *Анналах* под 821 г., он переносит в главу 34, относящуюся к 820 г. Вообще у Анонима довольно много хронологических ошибок¹⁷⁰. Характерно, что он допускает их, даже располагая текстом *Анналов*. Более

¹⁶⁸ ARF., 815.

¹⁶⁹ Anonym., 25.

¹⁷⁰ Подробнее см.: *Meyer von Knonau C. Ueber Nithards vier Buecher Geschichten*. Leipzig, 1886. S. 129–132.

того, порой сознательно это делает. Очевидно, соотнесение события с конкретной датой представляется ему менее важным, чем собственно фиксация этого события. В событийном факте выражается деяние, а совокупность деяний составляет биографию. Автора прежде всего интересуют поступки его персонажей, ибо через них раскрываются их добродетели и пороки.

Довольно значительные фрагменты из *Анналов* автор вовсе опускает или излагает очень сжато. К ним относятся сообщения о походах против славян (817, 819, 820, 822 гг. — ср. главы 28, 32, 33, 35), о принятии посольств (824, 826 гг. — ср. главы 39, 40), о стихийных бедствиях и затмениях (815, 820, 824, 828 гг. — ср. главы 25, 33, 38, 42). Одновременно Аноним вносит целый ряд дополнений. В. К. Ронин предложил разделить их на «очищающие», «разъясняющие» и «панегирические»¹⁷¹. Первые предполагали «очищение» *Анналов* от явной политической тенденциозности — они составлялись под наблюдением Хильдвина Сен-Денийского, активного сторонника Лотаря и соответственно противника Карла Лысого. Вторые разъясняли причины и ход событий. Третьи прославляли императора Людовика¹⁷². В целом эта схема представляется не вполне удовлетворительной. Действительно, о некото-

¹⁷¹ Ронин В. К. Указ. соч. С. 181—182.

¹⁷² К «очищающим» вставкам В. К. Ронин относил сообщения о рождении Карла Лысого, упоминание имен Эйнхарда (соперника Хильдвина), а также Гуго и Матфрида, сторонников Лотаря (Аноним., 37, 41, 42). «Разъясняющими» исследователь полагал объяснения нерешительности Людовика в борьбе с ободритами и многочисленные посольства от болгар, которые якобы никак не могли добиться желаемого (Аноним., 40, 39). К ним следует добавить объяснение военной авантюры Бонифация в Африке и трактовку причин мятежа Бернарда Италийского (Аноним., 42, 29). «Панегирическими» В. К. Ронину представлялись вставки о роли Людовика в назначении Бернарда королем Италии, а также некоторые прямые похвалы императору (Аноним., 29, 24, 39). К «панегирическим» можно также отнести сообщения о церковных преобразованиях Людовика, о его справедливости, милосердии и снисходительности к врагам (Аноним., 28, 32, 34, 35, 37, 39, 42, 43).

рых событиях Астроном рассказывает более обстоятельно, чем Анналы, и это объясняется степенью его осведомленности. Таков рассказ о приезде папы Стефана во Франкию, о покорении Бретани, о том, как Лотарь улаживал итальянские дела, о мятеже Айзона¹⁷³ и др. Кроме того, не слишком удачной представляется трактовка «очищающих» вставок. Выше уже отмечалось, что Астроном был в высшей степени лояльным по отношению к Лотарю. Поэтому упоминание имен его сторонников, Гуго Турского и Матфрида Орлеанского, по вине которых была проиграна испанская кампания 827 г., вряд ли можно считать выпадом против старшего сына императора Людовика — автор относится к ним с уважением¹⁷⁴. Вставка о рождении Карла Лысого также не являлась «очищающей». Анналы в отличие от житий и биографий вообще не упоминают о рождении детей в королевских семьях. Напротив, о смерти даже малолетних представителей королевского дома, которая и была истинным их рождением в Боге, непременно рассказывается. Необходимо отметить еще одну группу вставок. Их следовало бы назвать «оправдательными». Действительно, некоторые поступки Людовика особенно в первые годы царствования никак не соотносились с образом справедливого, благочестивого и милосердного правителя. Речь идет, прежде всего, о нелегитимном свержении с трона Бернарда Италийского, о подавлении его мятежа и последующей варварской казни, а также об изгнании многих бывших верных людей Карла Великого и об отправке в монастыри собственных братьев и сестер. Мятеж Бернарда поставлен в один ряд с восстанием ободритов и трактуется автором как козни дьявола против храброго воина Христова (*Christi fortissimus bellator*) и всей церкви (*omnes ecclesiae ordines*). По утверждению Анонима, Людовик проявил снисхождение к мятежникам, сохранив им жизнь, — они «всего только» были наказаны изгнанием¹⁷⁵. Он всегда прощал грешников, но «враги этого не ценили» и

¹⁷³ Anonym., 26, 30, 38, 40. Ср.: ARF., 816, 818, 824, 826.

¹⁷⁴ Anonym., 41, 42. Ср. с оценкой сторонников Лотаря в главе 56.

¹⁷⁵ Anonym., 29, 30.

«подобно скорпионам» продолжали строить козни¹⁷⁶. Сестры также получили по заслугам. Они «погрязли в разврате» и тем оскорбляли королевское величие¹⁷⁷. К «оправдательным» вставкам следует отнести также подробный рассказ о «покаянии в Аттиньи» за все предшествующие прегрешения, совершенном Людовиком в 822 г.¹⁷⁸ По сообщению Астронома, император «настолько умилиствовал Бога, как будто эти его деяния, хотя они и были совершены по справедливости, избегали всякой жестокости»¹⁷⁹.

Итак, в центральных главах *Vita* хорошо видна методика работы Анонима с письменными источниками. Автор представит перед нами вполне творческой личностью, и называть его «типичным средневековым компилятором»¹⁸⁰ следует с известной осторожностью. Он комбинирует сообщения Анналов, выстраивает их в определенной логической последовательности, явно предпочитая ее хронологической точности. Он сокращает материал, обладающий невысокой биографической ценностью и, напротив, добавляет необходимые «житийные» сведения. Авторские вставки довольно многочисленны. Они носят преимущественно «разъясняющий», «панегирический» или «оправдательный» характер, хотя и не пренебрегают собственно информативной стороной содержания. Подчас Аноним сообщает какие-то подробности, которые совсем необязательно атрибутировать в таком ключе.

Все вышесказанное дает нам некоторое представление о том, как могла быть написана первая часть *Vita Hludowici*. По

¹⁷⁶ Аноним., 42, 43.

¹⁷⁷ Аноним., 21. В Анналах отсутствует всякое упоминание об изгнании сестер. Ср.: ARF., 814.

¹⁷⁸ В Анналах сообщение о съезде в Аттиньи занимает всего несколько строк и сводится к простой констатации примирения императора с изгнанными братьями и кузенами, сопровождавшегося публичной молитвой и покаянием: ARF., 822.

¹⁷⁹ Аноним., 35: «adeo divinitatem sibi placare curabat, quasi haec quae legaliter super unumquemque decurrerant, sua gesta fuerant crudelitate».

¹⁸⁰ Таковым Аноним представлялся В. К. Ронину: Ронин В. К. Указ. соч. С. 179.

собственному признанию автора, он взял за основу труд монаха Адемара и дополнил его. Не все из первых 22 глав восходят к первоисточнику. С уверенностью можно говорить лишь о главах с 3 по 18. Здесь содержатся сообщения о военных экспедициях в Испании и Италии, сопровождающиеся большим количеством профессиональных подробностей, о которых Аноним вряд ли был осведомлен¹⁸¹, а также рассказывается о состоянии дел в Аквитании¹⁸² и о выездах Людовика за ее пределы по приказу отца¹⁸³. Вмешательство Анонима в текст Адемара было не слишком значительным. Вероятно, авторский текст в его глазах обладал значительно большим авторитетом, нежели безымянные сообщения анналов. Кроме того, аутентичность свидетельств Адемара гарантировалась его высоким происхождением и близостью к королю. Небольшие вставки носят уже известный нам «разъясняющий», «оправдательный» и «панегирический» характер. К первой группе относятся упоминание о причинах, побудивших Карла короновать малолетних сыновей в Риме, — так они обретут Божью помощь в заботе о подданных и в борьбе с изменниками¹⁸⁴, а также объяснение, почему Карл вызвал малолетнего Людовика к себе, — отец боялся дурного влияния чужих обычаев, легко усваиваемых в этом возрасте¹⁸⁵; возможно сюда же следует отнести и отказ автора называть имена франков, погибших в Ронсевале, «ибо они хорошо известны»¹⁸⁶. Вторую

¹⁸¹ Anonym., 2, 6, 10, 13, 14, 15, 16, 17, 18. В рассказе о гибели франкского арьергарда в Ронсевальском ущелье (гл. 2) автор говорит о «неверной фортуне» и «переменчивом успехе» (*infidus incertusque fortunae ac vertibilis successus*). Эти понятия, восходящие к традициям античной историографии, совершенно чужды Астроному — в дальнейшем он нигде не оперирует ими.

¹⁸² Anonym., 3, 4, 5, 7, 8.

¹⁸³ Anonym., 9, 11, 12.

¹⁸⁴ Anonym., 4. Сообщение о коронации в Риме носит явный про-пагандный характер. Особое уважение к папству Аноним демонстрирует и в других местах (гл. 26, 37, 55).

¹⁸⁵ Anonym., 4.

¹⁸⁶ Anonym., 2: «*Quorum, quia vulgata sunt, nomina dicere supersedi*».

группу составляют сообщения об отмене Людовиком ежегодного военного налога и налога на вино — король проявил милосердие и благоразумие, свойственные ему от рождения, несмотря на «ропот воинов»¹⁸⁷; а также о том, почему Людовик в Аквитании на какое-то время стал королем только по имени — всякий знатный больше занимался личными делами, пренебрегая общими, и обращал общие дела в частные¹⁸⁸. К третьей группе примыкают сообщения о восхищении Карла налоговыми преобразованиями сына — отец даже решил подражать ему в этом (!)¹⁸⁹; и о военных успехах Людовика, внушившего сарацинам и маврам великий страх¹⁹⁰. Сочинение Адемара, кажется, было довольно односторонним. Написанное воином и дипломатом¹⁹¹, оно повествует главным образом о военной и профанной политической истории (военные предприятия, принятие и отправление посольств, созыв общекоролевских собраний и др.). Между тем хорошо известно, что именно в Аквитании Людовик провел первые церковные преобразования, сильно занимавшие его и в последующие годы. Однако в труде Адемара Аноним по-видимому не нашел никаких упоминаний на сей счет и вынужден был черпать сведения из других источников, чтобы дополнить свой рассказ. Знаменитая глава 19, в которой повествуется о монастырской реформе Людовика, очевидно, была написана на основании устных свидетельств.

¹⁸⁷ Anonym., 7.

¹⁸⁸ Anonym., 6: «privatis studens quisque primorum, neglegens autem publicorum, perversa vice, dum publica vertuntur in privata, nomine tenus dominus, factus sit pene omnium indignus».

¹⁸⁹ Anonym., 7: «In tantum autem regi patri haec placuisse dicuntur, ut hac imitatione (курсив мой. — А. С.) stipendiariam in Frantia interdiceret annonam militarem dari, et alia plurima corrigi iuberet». См. также 11: «plurima illum (т. е. Людовика. — А. С.) gratiarum actione et laude extulit, utilitatemque obsequelae illius saepe iterando, felicem se (т. е. Карл. — А. С.) tali filio praedicavit».

¹⁹⁰ Anonym., 16: «Quae res magnum Sarracenis et Mauris pro talibus gestis incussit metum».

¹⁹¹ В 12 главе рассказывается, что Людовик отправил Адемара послом к отцу: Anonym., 12.

Автор дважды (!) использует здесь характерное выражение «как говорят»¹⁹² — его можно встретить лишь в уже известных нам вставках¹⁹³. Кто были эти информаторы Анонима, определенно сказать трудно¹⁹⁴. Ясно только, что в окружении Людовика, особенно в первые годы его самостоятельного царствования, не было недостатка в людях, способных рассказать о подобных вещах. К тем же устным свидетельствам и, вероятно, личным наблюдениям автора восходят сообщения об обстоятельствах восшествия Людовика на престол после смерти отца¹⁹⁵. Путь из Аквитании в Аахен расписан буквально по дням. Автор рассказывает о страхе Людовика перед возможным мятежом бывших фаворитов Карла; о гибели Варнерия, его верного человека; о благожелательном приеме во дворце; о выполнении отцовского завещания.

Третья часть *Vita* (главы 44–64) была написана, главным образом, на основании личных наблюдений автора. Она охватывает 830–840 гг., т. е. самый драматический период правления благочестивого императора и содержит массу интереснейших подробностей о перипетиях в политической истории франкского королевства и личной судьбе Людовика. Аноним использовал сообщения очевидцев в тех случаях, когда сам не являлся свидетелем описываемого. Так, рассказ о последних днях жизни Людовика явно написан с чужих слов. Необходимые сведения автору мог сообщить Дрого Мецский, присутствовавший при кончине императора, или кто-то из тех немногих клириков, которые находились 20 июня 840 г. в королевской палатке на маленьком острове посреди Рейна.

¹⁹² Anonym., 19: «dictum est», «dicitur». Как представляется, Э. Тремп ошибочно относит 19 главу к *Relatio Adhemari: Tremp E. Astronomus... S. 75*.

¹⁹³ Например, в рассказе о том, как восхитили Карла налоговые преобразования Людовика. Ср.: Anonym., 7: «dicuntur».

¹⁹⁴ Среди возможных информаторов Анонима исследователи называли Эйнхарда, епископов Дрого Мецкого и Эброина из Пуатье, а также аббатов Хилдывина из Сен-Дени и Адребальда из Флавиньи: *Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 3. S. 337*.

¹⁹⁵ Anonym., 20, 21, 22.

Некоторые исследователи полагали, что в этой части *Vita* автор использовал также различные письменные свидетельства. Й. Гиргензон высказал предположение о применении Анонимом Сен-Бертенских анналов. Он обнаруживает ряд текстуальных параллелей в сообщениях о 830—835 гг., да и позднее находит общие ошибки, которые, кажется, нельзя объяснить иначе, как заимствованием¹⁹⁶. Однако его точка зрения не получила поддержки¹⁹⁷. Значительно более серьезные совпадения прослеживаются между 59—64 главами *Vita* и 6—8 главами I книги «Истории» Нитхарда (о Нитхарде подробнее см. ниже). Вопрос об их приоритете в свое время вызвал довольно бурную полемику¹⁹⁸. Строго говоря, на сегодняшний день его нельзя решить окончательно. Если исходить из общепринятой датировки *Vita* (не ранее осени 842 г.), то Нитхард вряд ли мог использовать сочинение Астронома, поскольку закончил первую книгу своего труда по меньшей мере за год до его возможного появления. Однако аргументация Э. Тремпа, хотя и не во всем бесспорная, заставляет осторож-

¹⁹⁶ *Girgensohn J. Zum Astronomus // Forschungen zur Deutschen Geschichte. Bd. 15. Neudruck der Ausgabe 1875. Osnabrück, 1968. S. 653—655.*

¹⁹⁷ *Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 3. S. 337.* По мнению Э. Тремпа, некоторые параллели, впрочем, весьма незначительные, между *Vita Hludowici* и Сен-Бертенскими анналами могут объясняться использованием общего источника. Ср.: *Tremp E. Astronomus... S. 91—92.*

¹⁹⁸ О приоритете «Историй» по отношению к *Vita Hludowici* см.: *Funck F. Ludwig der Fromme. München, 1832. S. 273; Meyer von Knonau G. Op. cit. S. 14—18, 135—136; Simson B. Jahrbücher des fränkischen Reichs unter Ludwig der Frommen. Bd. 2. S. 294, 299; Buchner M. Op. cit. S. 41—43.* О заимствованиях Нитхарда из произведения Астронома см.: *Wattenbach W. Op. cit. Bd. 1. S. 230 (7 ed.); Müller E. Nithard., Prefatio. S. VIII—IX; Manitius M. Op. cit. Bd. 1. S. 656.* Ф. Лозр и Х. Лёве предпочитали говорить об общих источниках для Нитхарда и Астронома: *Lauer Ph. Nithard., Preface. P. XIII; Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 3. S. 337;* Ныне их точку зрения разделяет Э. Тремп: *Tremp E. Astronomus... S. 86—91; Idem. Thegan und Astronomus... S. 697.*

но отнестись к проблеме датировки. Тем не менее зависимость между двумя текстами представляется более чем вероятной. Местами они обнаруживают разительное сходство не только в сюжетной линии, но даже в аргументации поступков отдельных персонажей¹⁹⁹. Значительные совпадения прослеживаются в описании коронации Карла Лысого и выделении ему Нейстрийского королевства²⁰⁰; в передаче тому же Карлу Аквитании, сопровождавшейся мятежом части местной знати²⁰¹; но особенно в рассказе о разделе империи в Вормсе между Лотарем и Карлом, где совпадает все вплоть до мельчайших деталей²⁰². Разумеется, Астроном мог лично присутствовать при упомянутых акциях. Однако мы уже видели выше, что, несмотря на собственную осведомленность, он предпочитает опираться на текст королевских анналов, лишь добавляя и корректируя его. Если исходить из традиционной датировки *Vita*, то с «Историями» Нитхарда ситуация могла быть похожей. Астроном, оказавшийся после смерти императора Людовика в окружении Карла Лысого, имел возможность познакомиться с этим текстом и активно использовал его при составлении *Vita*.

¹⁹⁹ Ср.: Anonym., 59: «persuaserunt imperatori, quantus ad Hlotharium filium suum missos mitteret, qui eum ad patrem invitarent, ea conditione, ut si fratris sui Karoli dilector et adiutor tutor atque protector esse vellet, veniret ad patrem, et sciret se ab eo omnium perperam gestorum indulgentiam adepturum; simul et meditatem imperii, excepta Baioaria, consecuturum, quae res tam Hlothario quam suis per omnia utilis visa est».

Nithard., I, 6: «idem olim patri matrique ac Karolo iuraverat, ut patrem regni quam vellet pater eidem daret, et eandem se consentire et protegere illi contra omnes inimicos omnibus diebus vitae suae deberet. Quam ob rem missos deligunt et in Italiam ad Lodharium mittunt promittentes, si patris voluntatem deinceps erga Karolum conservare vellet, omnia, quae in illum actenus deliquerat, remitti et omne regnum absque Baioaria inter illum et Karolum dividendum; quae quoniam Lodhario et suis rata videbatur».

²⁰⁰ Anonym., 59; Nithard., I, 6.

²⁰¹ Anonym., 61; Nithard., I, 8.

²⁰² Anonym., 60; Nithard., I, 7.

На знакомство с текстом «Историй», во всяком случае, с первой книгой, более определенно может указывать другое обстоятельство. Аноним несколько раз говорит об «общей пользе», «общем благе»²⁰³ и отмечает, что чрезмерное увлечение частными делами в противовес общим интересам пагубно сказывается на прочности государства²⁰⁴. Однако подобные рассуждения ему совсем не свойственны. Он вообще остается в стороне от дискуссий между противниками и сторонниками идеи имперского единства, хотя, безусловно, относится к последним. Рассказывая о церковных преобразованиях Людовика, автор не подводит под это никакой теоретической базы и объясняет все исключительно личным благочестием своего героя. Он как будто не знаком ни с многочисленными постановлениями синодов 20-х гг. IX в., ни с королевскими капитуляриями и, прежде всего, с *Admonitio ad omnes regni ordines*, где формулируются представления об *unitas imperii* и *unitas ecclesiae*. Напротив, Нитхард уделяет проблеме «общей пользы», страдающей от «частного интереса», огромное внимание, особенно в I книге. Противопоставление «*utilitas publica*» — «*cupiditas*» является краеугольным камнем его концептуальных построений. Если же исходить из более ранней датировки *Vita*, то придется принять точку зрения Леве и Тремпа об общих для Астронома и Нитхарда источниках²⁰⁵. Однако эти рассуждения не выходят за рамки предположений. Однозначного ответа на вопрос о соотношении двух произведений на сегодняшний день получить невозможно.

Некоторые исследователи полагали также, что отдельные фрагменты и пассажи *Vita Hludowici* восходят к *Vita Karoli* Эйнхарда. Таковым считается, например, рассказ о покорении Аквитании Карлом Великим²⁰⁶, а также упоминание о «33 го-

²⁰³ Anonym., 18, 54: «*publica utilitas*», «*a publica utilitate vacare*».

²⁰⁴ Аноним., 6.

²⁰⁵ Предположение о том, что Нитхард черпал сведения у Астронома, сегодня признается ошибочным. Соответствующую аргументацию подробнее см.: *Tremp E. Astronomus...* S. 86—91.

²⁰⁶ Anonym., 1, 2. Подробнее см.: *Tremp E. Astronomus...* S. 78—79.

дах саксонской войны»²⁰⁷. С меньшей определенностью говорили о параллелях в рассказе о Ронсевальской катастрофе 778 г.²⁰⁸ Однако пафосное и явно литературное описание высоких Пиренейских гор с обрывистыми скалами и непроходимыми дорогами, которые преодолели франки на пути в Испанию, демонстрирует очевидное знакомство автора с *Vita Karoli*. Оно почти полностью совпадает с эйнхардовым описанием «труднодоступных Альп»²⁰⁹. Но здесь подобная «литературность» кажется искусственной — стиль нашего автора весьма далек от изящества. Астроном, безусловно, знал Эйнхарда лично и, видимо, относился к нему с большим уважением. Следуя рассказу анналов о перенесении мощей св. Марцеллина и св. Петра, он не только упоминает отсутствующее там имя Эйнхарда, но и называет его «мудрейшим из людей своего времени»²¹⁰. Однако заимствования из *Vita Karoli* в целом довольно фрагментарны и носят вполне декоративный характер²¹¹. Иными словами Астроном не использовал это произведение как исторический источник в полном смысле слова. Скорее он отдал дань уважения *Vita Karoli* как литературному памятнику. Здесь мы вновь сталкиваемся с «филологическим» восприятием сочинения Эйнхарда некото-

²⁰⁷ Справедливо отмечается, что данная цифра приводится только в *Vita Karoli*: Ронин В. К. Указ. соч. С. 180; *Tremp E. Astronomus...* S. 79.

²⁰⁸ Ронин В. К. Указ. соч. С. 180, прим. 102.

²⁰⁹ Anonym., 2: «Qui mons cum altitudine coelum pene contingat, asperitate cautium horreat, opacitate silvarum tenebrescat, angustia viae vel potius semitae commeatum... intercludat». Ср.: Einhard., 6: «Italiam intranti quam difficilis Alpium transitus fuerit, quantoque Francorum labore invia montium iuga et eminentes in caelum scopuli atque asperae cautes superatae sint, hoc loco describerem».

²¹⁰ Anonym., 41: «Heinhardus sui temporis prudentissimus virorum». Ср.: ARF., 827: «Corpora beatissimorum Christi martyrum Marcellini et Petri de Roma sublata et... in Franciam translata et ibi... clarificata sunt».

²¹¹ О стилистических заимствованиях из *Vita Karoli* подробнее см.: *Tremp E. Astronomus...* S. 78, Anm. 241.

рыми современниками. Не стало оно для Анонима и образцом при составлении биографии Людовика. Автор отказался от проблемного принципа изложения материала, который Эйнхард позаимствовал у Светония, и вернулся к хронологической схеме. Также он не посчитал нужным давать концептуальную характеристику личности своего героя, но пошел по пути описания его качеств, раскрывающихся через деяния, что было характерно для агиографической и отчасти анналистской традиции.

Три части *Vita* прослеживаются довольно отчетливо. Манера повествования заметно меняется при переходе от одной части к другой. Эта разница определяется характером источника, на который в данный момент опирается автор. Аноним не копирует слепо свой материал, но комбинирует отдельные куски, в зависимости от конкретных задач сокращает или дополняет текст, делает соответствующие вставки. Однако этим, пожалуй, его творческая активность исчерпывается. В отличие от Эйнхарда он не заходит настолько далеко, чтобы нивелировать различия своих источников, письменных свидетельств, устных сообщений или личных наблюдений. Он не создает целостный текст, в котором не было бы заметно швов, а работает скорее по принципу дополняемости сведений. Особенно отчетливо это проявляется в том, что автор, например, не считает нужным использовать единую хронологию при изложении событий. Каждая часть сохраняет собственные хронологические параметры. Временные рамки первой части, восходящей к сочинению Адемара, явно носят военный характер и задаются сменой сезонов «зима — лето», когда боевые действия активизируются или, напротив, замирают²¹². Адемар был военачальником и, даже став монахом, видимо, не переставал отсчитывать время как солдат. Вторая часть датирует события подобно анналам. Сражения, обмен посольствами, проведение государственных собраний и т. д. происходят «в тот же год», «на следующий год», «в это же

²¹² Аноним., 9, 10, 11, 12, 14 (зима); 10, 11, 13, 14, 18 (лето); 17 (осень).

время», «после того», «между тем»²¹³. Третью часть отличает церковная хронология. События располагаются относительно церковных праздников — дней св. Мартина, св. Павла, св. Иоанна Предтечи, праздника очищения Марии, Пятидесятницы, Рождества, Пасхи или сорокадневного поста²¹⁴. Разумеется, в каждой части встречаются примеры «чужой» хронологии, но они ни в коем случае не доминируют²¹⁵.

Напротив, в концептуальном отношении *Vita Hludowici* производит более целостное впечатление. Его целостность определяется теми задачами, которые автор обозначает в прологе — дать образец для подражания. Людовик предстает перед нами в образе идеального правителя, воина Христа, и образ этот лишен какой бы то ни было эволюционности. Более того, он предзадан и состоит почти исключительно из библейских и агиографических топосов, а также из априорных этических максим, характерных для королевских зеркал. Их набор во многом перекликается с тем, который предлагает для Карла Эйнхард. Мы встречаемся с уже известными выдающимися внешними параметрами героя, его высокой нравственностью, военной удачей, заботой о благе подданных, исключительным вниманием к церкви и др. Но здесь значительно сильнее, чем в *Vita Karoli*, чувствуется влияние монашеской этики, трактующей власть монарха в духе *munus divinum*²¹⁶. В прологе Аноним

²¹³ Аноним., 24, 27, 34, 40, 41 (в тот же год); 25, 35 (на следующий год, через год); 32, 35, 37 (в это же время); 38 (между тем); 30, 39 (после того).

²¹⁴ Аноним., 47, 49, 53, 56, 57 (праздник св. Мартина); 48 (праздники св. Павла и св. Иоанна Предтечи); 46, 54, 56 (праздник очищения Марии); 52, 54 (праздник Пятидесятницы); 46, 54, 57, 60, 62 (Рождество); 58, 60, 62 (Пасха); 44, 54 (сорокадневный пост).

²¹⁵ «Военная» хронология встречается в главах 26, 32, 33, 36, 42. Анналистская датировка — в главах 5, 6, 16, 17. Датировка по церковным праздникам — в главах 9, 14, 20, 43.

²¹⁶ Влияние монашеского этического идеала на образ светского правителя становится особенно заметным именно в правление Людовика Благочестивого. Подробнее см.: Anton H. H. Fürstenspiegel und Herrscherethos in der Karolingerzeit. Bonn, 1968. S. 404–419.

обозначает четыре добродетели, вокруг которых он пытается организовывать свой материал: воздержанность, благоразумие, справедливость и добродетельность²¹⁷. Более того, во избежание неясности он старательно поясняет, о чем идет речь. «Воздержанность иначе называется умеренностью или сдержанностью» — его герой живет по принципу «ничего слишком»²¹⁸. Мудрость означает страх перед Господом²¹⁹. Справедливость есть «воздаяние каждому по заслугам, и Богу, прежде всего»²²⁰. Смысл добродетельности заключен в том, чтобы «не сломиться под тяжестью обид»²²¹. Лишь один недостаток приписывают Людовику завистники, добавляет автор, излишнюю снисходительность²²². Однако самому Анониму это качество вовсе не представляется порочным. При каждом удобном случае он стремится подчеркнуть исключительное милосердие своего героя, столь презируемое его врагами²²³. Автор неоднократно отмечает, что все эти качества были свойственны Людовику с рождения²²⁴. Он неизменно проявлял их на протяжении всей жизни. Благоразумие и милосердие сподвигли его на проведение налоговой реформы в Аквитании²²⁵. Муд-

²¹⁷ Anonym., prol.: «sobrietatem et sapientiam et iustitiam et virtutem». Уже эти характеристики со всей очевидностью указывают на принципиальные концептуальные расхождения *Vita Hludowici* и «Жизнеописания Карла Великого». Как отмечалось выше, герою Эйнхарда были свойственны, прежде всего, *magnanimitas* и *animositas*. В таком контексте более понятной становится и ограниченность влияния *Vita Karoli* на Астронома.

²¹⁸ Anonym., prol.: «frugalitas sive temperantia».

²¹⁹ Anonym., prol.: «timor Domini ipsa est sapientia».

²²⁰ Anonym., prol.: «quisque ordo hominum ordini suo iusta persolveret, et Deum super omnia».

²²¹ Anonym., prol.: «iniuriarum pondere frangi».

²²² Anonym., prol.: «Uni... ad aemulis ascribebatur succubuisse culpaе, eo quod nimis clemens esset».

²²³ Anonym., 7, 30, 34, 37, 39, 42, 44, 45, 46, 56. —

²²⁴ Anonym., 7: «prudencia et misericordia... sibi genuina probatur». См. также 42: «natura misericordissimus».

²²⁵ Anonym., 7.

рость (страх перед Господом!) побудила его взяться за монашескую реформу и прочие церковные преобразования²²⁶, а также не раз способствовала предотвращению кровопролития²²⁷. Забота о церкви вообще была ежедневным упражнением императора, его школьным занятием, добавляет Аноним²²⁸. Страшные унижения, пережитые Людовиком в первой половине 30-х гг. IX в., привлекают автора прежде всего тем, что они позволили его герою явить лучшие свои качества, «подражая в смирении Христу»²²⁹. Даже гибель его врагов во время чумы есть лишь напоминание Божие об умеренности, милосердии и набожности императора — узнав о случившемся, Людовик «с глазами полными слез» молился об их спасении²³⁰. Одним словом Людовик прожил жизнь так, что «обещал стать величайшим государем среди пастырей»²³¹. Не менее знаковый характер обретает в глазах Анонима смерть благочестивого императора. По собственному признанию автора, она явилась верным доказательством хорошо прожитой жизни. Последняя схватка с дьяволом оказалась выигранной — физически немощный, но крепкий духом Людовик прогнал его прочь (*hutz!*) и с радостью вверил себя небу²³². В представлении Анонима всякое событие предопределено Богом. И даже этот обычный, в общем-то, топос обращается на пользу его герою. Людовик пощадил Бернарда Италийского, заменив смертную казнь ослеплением. Однако «положенное возмездие было доведено до конца» — Бернард погиб во время этой варварской акции²³³. Аналогичная кара постигла бретонца Вимарка. Прощенный императором, он продолжал творить зло и, в кон-

²²⁶ Anonym., 19, 28, 32, 40, 53.

²²⁷ Anonym., 45, 50.

²²⁸ Anonym., 28: «*Haec erat sancti imperatoris exercitatio, hic cotidianus ludus, haec palaestrica agonia*».

²²⁹ Anonym., 28: «*imitando Christum*». См. также 44, 48, 49, 50, 51.

²³⁰ Anonym., 56.

²³¹ Anonym., 62: «*promisit se daturum maximus princepsque pastorum*».

²³² Anonym., 64.

²³³ Anonym., 30: «*ultio... elimata ad effectum... est perducta*».

це концов, был убит²³⁴. Одним словом, Аноним старательно подбирает для биографии Людовика те факты, которые раскрывают предустановленный и абсолютно идеализированный образ *miles Christi*, лишенный малейшей динамики.

Тем не менее даже в отборе фактов Аноним не демонстрирует полной свободы. Далеко не все сообщения из первой и второй частей соответствуют его концептуальным построениям. Таковы, например, главы об испанских походах, живо описанных Адемаром, или рассказы о делах на северных и восточных границах империи, восходящие к тексту анналов. Эти и многие другие сюжеты никак не раскрывают добродетели благочестивого императора. Подобные нестыковки объясняются, прежде всего, манерой работы Анонима с источниками, о которой уже говорилось выше. Он не способен нивелировать их информационные и жанровые различия, да, видимо, и не стремится этого делать, испытывая определенный пиетет по отношению к письменным источникам.

²³⁴ Аноним., 39.

МЕЖДУ БИОГРАФИЕЙ И GESTA: ТЕГАН ТРИРСКИЙ И «ДЕЯНИЯ ИМПЕРАТОРА ЛЮДОВИКА»

Наряду с произведениями Эйнхарда и Астронома к жанру каролингской светской биографии относят также труд Тегана¹. Он и в самом деле несет в себе значительное биографическое начало. Не случайно Г. Пертц назвал эту безымянную книжицу трирского хорепископа *Vita Hludowici imperatoris*, явно по аналогии с сочинением Астронома. Однако считать ее собственноручно «жизнеописанием», пожалуй, нельзя — здесь доминируют иные мотивы, не менее существенные в контексте нашей темы, и, прежде всего, — деяния императора франков. На это обратили внимание еще современники. Предваряя сочинение Тегана небольшим введением, Валафрид поясняет читателям, что речь идет именно о *gesta Ludewici imperatoris*². Указывал ли он таким образом на оригинальное название, как предполагал Гансхоф³, — вряд ли, скорее обозначал суть редактируемого текста⁴.

¹ Thegan. *Vita Hludowici imperatoris* / Hg. G. Pertz // MGH. SS. T. 2. P. 585–604. Этот текст с параллельным немецким переводом Й. фон Ясмунда, отредактированным В. Ваттенбахом, воспроизведен Р. Рау в: *Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte*. Bd. 1. Berlin, 1958. S. 216–253. Наиболее авторитетное на сегодняшний день издание Тегана (вместе с текстом Астронома) подготовлено Э. Тремпом (см. выше). См. также первое полное издание сочинения Тегана на русском языке: Теган. Деяния императора Людовика / Пер. с лат., коммент., ст. А. И. Сидорова. СПб., 2003.

² Walafr., praef.: «sanctae memoriae Ludewici imperatoris gesta et laudes saepius audire cupio».

³ Ganshof F. L. *L'historiographie...* P. 650.

⁴ Большинство современных исследователей предпочитают именовать сочинение Тегана *Gesta Hludowici*. Однако, по мнению В. Бер-

Несмотря на частое цитирование сочинения Тегана в исследованиях по самым разным проблемам истории франков IX в., его источниковедческая критика до недавнего времени оставалась не слишком удовлетворительной. Краткая характеристика *Gesta* содержится в общих трудах по истории средневековой литературы⁵, а также в нескольких очерках такого же общего плана⁶. Наиболее основательное исследование принадлежит Э. Тремпу⁷. Авторы главным образом пытались ответить на вопрос о причине создания этого произведения. Все сходились на том, что искать ее следует в ярко выраженной партийности чрезвычайно интенсивной политической жизни франкского королевства в 20–40-е гг. IX в. По их мнению, Теган, всецело стоявший на стороне императора

шина, правильное было бы вернуться к старому названию. Слово «gesta» заимствовано из предисловия Валафрида, которое сохранилось лишь в трех позднейших рукописях и, следовательно, оставалось неизвестным большинству переписчиков и читателей. См.: Berschin W. *Biographie und Epochenstil...* S. 223.

⁵ Manitius M. *Op. cit.* Bd. 1. S. 653–657; Wattenbach-Levison-Löwe. *Op. cit.* H. 3. S. 332–335; Ebert A. *Op. cit.* Bd. 2. S. 358–361.

⁶ Simson B. *Ueber Thegan den Geschichtsschreiber Ludwigs des Frommen* // *Forschungen zur Deutschen Geschichte*. Bd. 10. Göttingen, 1870. S. 325–352.

⁷ *Tremp E.* Studien zu den Gesta Hludowici imperatoris des Trierer Chorbischofs Thegan (MGH., Schriften. Bd. 32). Hannover, 1988; *Idem.* Thegan // Thegan. Die Taten Kaiser Ludwigs... S. 1–52. Краткое изложение основных положений исследования см.: *Tremp E.* Thegan und Astronomus... S. 691–700. Выполняя заказ для *Monumenta Germaniae Historica*, Э. Тремп провел образцовую источниковедческую работу и подготовил наиболее авторитетное на сегодняшний день академическое издание памятника. Однако его специфика не предполагала рассмотрения интересующих нас вопросов — выявления особенностей исторического сознания и исторического мышления автора. (К сожалению, эта публикация оказалась для меня недоступной при подготовке русского перевода *Gesta*. Лишь недавно я получил возможность познакомиться с ней и внести необходимые уточнения, за что выражаю искреннюю благодарность кафедре истории средних веков МГУ.)

Людовика, стремился оправдать его крайне противоречивые действия на государственном поприще, осудить его врагов, прежде всего сторонников императора Лотаря⁸. Однако далее единодушие утрачивалось. В сочинении Тегана видели то панегирик Людовику, имеющий мало отношения к реальности⁹, то чисто светскую политическую биографию¹⁰, то клерикальное сочинение¹¹. Говорили о том, что у Тегана имелись и личные мотивы — он писал отповедь тем, кто боролся против хорепископата во франкской церкви и оказался в стане врагов императора¹². Подобный разброс мнений, подчас прямо противоположных, объясняется, прежде всего, тем, что авторы в большинстве своем не ставили перед собой задачи тотального изучения этого памятника, а ограничивались характеристиками самого общего плана. По мере сил постараемся восполнить имеющийся пробел.

* * *

О жизни Тегана известно немного и все же несколько больше, чем о многих его современниках. Теган (Thegan, Deggan, Theganbert) принадлежал к знатному франкскому роду, чьи владения располагались, по всей видимости, между Маасом и Мозелем или в области среднего Рейна, т. е. там, где находилось «ядро» (Kernland) Каролингской державы¹³. О том, что это был аристократ, даже кичащийся своим благородством, с очевидностью говорят его выпады против архиепископа Эбо Реймского, чье «сервильное» происхождение никак не соответствовало занимаемому им положению¹⁴.

⁸ Simson B. Op. cit. S. 340; Ebert A. Op. cit. Bd. 2. S. 361; Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 3. S. 335; Tremp E. Thegan... S. 14.

⁹ Manitius M. Op. cit. Bd. 1. S. 654.

¹⁰ Ebert A. Op. cit. Bd. 2. S. 358.

¹¹ Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 3. S. 334.

¹² Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 3. S. 334; Tremp E. Thegan... S. 15; Idem. Studien... S. 72–76.

¹³ Tremp E. Thegan... S. 1.

¹⁴ Thegan., 20, 26.

На знатное происхождение Тегана указывает также его интерес к генеалогиям своих героев, прежде всего представителей правящего дома¹⁵. Можно сказать, что социальное мышление Тегана в целом генеалогично. Атрибуция человека в системе родственных связей для него такая же неперенная характеристика, как имя или занимаемая должность.

Дату рождения Тегана предположительно относят к 90-м гг. VIII в.¹⁶ Несколько лет он проучился в школе Лоршского монастыря, где занимался также составлением грамот¹⁷. *Gesta* сохранили следы особого отношения автора к Лоршу, который он без пояснений именуется «*monasterium sancti Nazarii*»¹⁸. А с Адалунгом (*venerabilem abbatem atque presbyterum*) он и далее сохранял тесные связи¹⁹. При трирском архиепископе Хетти (814–847 гг.) Теган получил должность хорепископа.

В 20-х гг. IX в. Теган довольно тесно общался с Валафридом Страбоном и аббатом Райхенау. В 825 г. он получил от них стихотворения, прославляющие его знания и мудрость²⁰. Около 836 г. Теган в знак дружеского расположения послал некоему знатному сеньору по имени Гатто сочинение Алкуина о св. Троице с комментариями²¹. Кем был этот Гато, определенно сказать трудно²². После 842 г. Теган одновременно за-

¹⁵ Thegan., 1, 2, 4, 26, 28. Генеалогия дома Каролингов (1); генеалогия Хильдегарды, матери Людовика Благочестивого (2); генеалогии его первой жены Ирмингарды (4), второй жены — Юдифи (26), а также Ирмингарды, супруги Лотаря I (28).

¹⁶ *Tremper E. Thegan...* S. 2; *Eggert W. Thegan // LdM. Bd. 8. München, 1997. S. 613.*

¹⁷ *Tremper E. Studien...* S. 5, 184, 186.

¹⁸ Thegan., 39.

¹⁹ Thegan., 30, 42.

²⁰ *Walafrid Strabo. Ad Deganum chorepiscopum Trevirensis in persona Tattonis // MGH. Poet. lat. T. 2. P. 351–352; Epist. T. 5. P. 337.*

²¹ *MGH. SS. T. 2. P. 586; MGH. Epist. T. 5. № 22. P. 337.*

²² Б. Симсон высказал предположение, что это некий восточнофранкский граф, но, возможно, епископ или аббат. В последнем случае речь может идти о епископе Базеля и аббате Райхенау Гатто, умершем в 836 г. Ср.: *Simson B. Op. cit. S. 330. Обзор дискуссионных вопросов о личности Гатто подробнее см.: Tremper E. Studien...* S. 9–15.

нимал должность пастора в боннских церквях св. Кассия и св. Флоренция, относящихся к кельнскому архиепископству²³. В 844 г. он перевез в монастырь Мюнстерайфель мощи св. Хризанта и св. Дарии, переданные прюмским аббатом Марквардом²⁴. Можно думать, что Валафрид, написавший предисловие к его труду, не преувеличивал, говоря о том, сколь ревностно Теган заботился о душах своей паствы²⁵.

В некрологе трирского аббатства св. Максимиана содержится упоминание о том, что Теган скончался 20 марта²⁶. Год его смерти точно неизвестен, однако это произошло не ранее 848 г.²⁷

«Знания и мудрость» Тегана, отмеченные Валафридом в одном из поэтических посланий²⁸, заставляют коснуться вопроса о его образовании. Все, что мы можем узнать об этом, содержится в *Gesta Hludowici* и только здесь. Тегану знакомы некоторые античные авторы — Гомер, Овидий, но, прежде всего, Вергилий. Произведения последнего он дважды цитирует²⁹.

²³ Первое упоминание о пастырском служении Тегана относится к 3 января 842 г. См.: *Ältere Urkunden bis 1100*. № 65. Publikationen der Gesellschaft für Rheinische Geschichtskunde. Bd. 57. Bonn, 1972. S. 78. В историографии, правда, существуют сомнения относительно того, насколько правомерно идентифицировать боннского пастора с автором «Деяний императора Людовика». См., напр.: *Schlager P. Thegan (Degan) of Treves // The Catholic Encyclopedia*. Vol. 14. N. Y., 1912.

²⁴ *Ex translatione ss. Chrisanti et Dariae // MGH. SS. T. 15. P. 375*: «*translata sunt sanctorum corpora et ab episcopo Theganberto admodum religioso... passionis eorum die... in possessione sancti Salvatoris... cum summo honore omniunqu gratulatione tumulata*».

²⁵ *Walafr., praef.*: «*Novimus et nos virum multa lectione instructum, sed praedicationis et correctionis studiis occupatum*».

²⁶ *Necrologium von St. Maximin // Jahrbuecher des Vereins der Altertumsfreunde im Rheinland*. Bd. 57. 1876. S. 111: XIII Kal. Apr. *Obitus Thegani episcopi*.

²⁷ Теган еще упоминается в документах от 15 мая 847 г. См.: *NA*. Bd. 10. S. 154. Тремп полагает, что Теган умер между 849 и 853 гг. См.: *Tremp E. Thegan... S. 4*.

²⁸ *Walafr., Ad Deganum...*

²⁹ *Thegan., 44, 52*.

Однако в целом его сведения об античной литературе скудны. Они ограничиваются необходимым минимумом риторического образования, основу которого составляли как раз произведения Овидия и Вергилия. С большой долей уверенности можно говорить о том, что Теган не слишком высоко ценил их. Показательно, в каком контексте они упоминаются в *Gesta*. Цитата из Энеиды иллюстрирует порочность «презренного серва» Эбо Реймского. По мнению автора, поэт, который сумел бы изложить в стихах многочисленные грехи этого человека, превзошел бы в славе Гомера, Овидия и Вергилия вместе взятых³⁰. Как разительно отличается это утверждение от слов Эйнхарда, полагавшего, что описать жизнь Карла Великого возможно лишь обладая красноречием Цицерона!³¹ И наконец, цитата из Эклоги, вставленная явно не к месту, дополняет рассказ о преступлениях Лотаря в Шалоне³².

Влияние античных классиков на Тегана минимально. Оно не прослеживается не только в идейном плане, но даже на уровне лингвистических заимствований. Язык *Gesta* далек от изящества. Теган зачастую избегает сложных грамматических построений и предпочитает использовать простые конструкции. Длинные фразы, в которых уместно было бы ожидать употребления инфинитивных оборотов, представляют собой лишь череду дополнительных и определительных придаточных предложений. Автор постоянно нарушает порядок согласования времен, неправильно употребляет конъюнктив. Даже в аналогичных случаях он не уверен в выборе наклонения³³. Путаница наблюдается в падежном согласовании имен, относящихся к

³⁰ Thegan., 44: «si aliquis fuisset, qui poetico carmine omnia facinora tua rimari voluisset, forsitan Smirnamum vatem, vetustum Homerum, Mincianumque Maronem cum Ovidio superare potuisset».

³¹ Einhard., prol.: «cui scribendae atque explicandae non meum ingenium, quod exile et parvum, immo poene nullum est, sed Tullianam par erat desudare facundiam».

³² Thegan., 52: «sanctimonialis feminam... nomine Gerbirch, iussit in vase vinatico claudere, et proicere in flumen Ararim, de quo poeta canit: Aut Ararim Parthus bibet, aut Germania Tygrum».

³³ Cp.: cum esset in iuventute (1); cum in iuventute erat (2).

разным склонениям³⁴, в использовании предлогов (*de* или *ex*), в правописании отдельных слов³⁵, в употреблении *ablativus absolutus*³⁶. Конечно, определенное количество ошибок можно было бы отнести на счет переписчиков³⁷. Однако в целом грамматический стиль произведения, безусловно, обладает ярко выраженным авторским началом. К его особенностям можно отнести также использование в одном предложении однокоренных слов³⁸, ненужных дополнительных синонимов³⁹, повторение одних и тех же слов и выражений, подчас весьма громоздких⁴⁰.

Те главы, что особенно напоминают анналы (10–15, 21–41), по стилю несколько отличаются от остальных частей произведения. Здесь преобладают простые грамматические формы, а сложноподчиненность почти целиком заменяется сложносочиненностью.

³⁴ Ср.: *sanctimonialis feminam* (52).

³⁵ Напр.: *obedire* вместо *oboedire*, *sepe* вместо *saepe*, *aeclesia* с дифтонгом в начале и без него.

³⁶ Ср.: *quod factum* (6, 7); *quod facto* (42); *hoc facto* (9, 15).

³⁷ Следы неправильного прочтения отдельных слов сохраняются даже в академических публикациях. Ср.: *regi* вместо *rei*, *has* вместо *ac* (6).

³⁸ Ср.: *obviam... obviantes* (16); *donis honorificis... honoravit* (12); *magnis honoribus... honoravit* (17).

³⁹ Напр.: *ipso eodemque anno* (*die*) (7, 22, 37, 57); *villas regias... fidelibus suis tradidit eas in possessionem* (19); *in villa inibi* (20).

⁴⁰ Например, Людовика Немецкого Теган зачастую именует *aequivocus filius* (4, 35–37, 39, 45, 47, 48, 54, 57). Часто используются и другие выражения: *Aquis ad sedem suam, ad sedem suam Aquisgrani palatio* (14, 19, 22, 37, 41, 48, 57); *cum consiliariis suis impiis* (48, 52, 55); *enim hoc diu temporis* (10, 13, 19); *talia... enumerare prolixum est* (3, 19); *amplexantes enim se et osculantes* (6, 16); *dimisit ire* (7, 14, 17, 32, 33); *non post multos dies* (6, 9, 18, 25, 29); *sequenti anno* (5, 26–29, 31, 33, 38); *alio anno* (4, 32, 34–36, 39); *supradictus* (4–6, 10, 13–14, 16, 18, 20–21, 30, 36–39, 42). По отношению к некоторым своим героям Теган применяет одни и те же эпитеты. Так, герцога Беренгария он называет *dux fidelis et sapiens* (54, 58); герцога Гебхарда — *nobilissimus atque fidelissimus dux* (47, 54); графа Гуго Турского — *timidus* (28, 55).

Уже современникам труд Тегана казался более правдивым, нежели изящным⁴¹. Его латынь значительно уступала высокому стилю Эйнхарда, Алкуина, Валафрида или Рабана Мавра⁴². Вряд ли, однако, это было бы правильно списывать на его занятость и многолетнее отправление пастырских обязанностей⁴³. Думается, что Теган сознательно не стремился к стилистическому совершенству. Его образованность носила иной характер. В ее основе лежали не произведения античных классиков, а Библия, сочинения отцов церкви, агиографическая литература. Не будем забывать, что Теган был, прежде всего, пастырем. В своей деятельности проповедника он неизбежно должен был ориентироваться преимущественно на эти тексты. *Gesta Hludowici* изобилует реминисценциями из Ветхого⁴⁴ и Нового⁴⁵ Заветов. И даже там, где нет прямого цитирования, Теган опирается на примеры библейской истории⁴⁶. На страницах *Gesta* упоминаются также «Пастырское правило» Григория Великого⁴⁷ и сочинение Тобия о блаженном Иове⁴⁸. Однако источником подлинного знания Тегану представлялась, прежде всего, Библия. Складывается впечатление, что он просто не испытывает необходимости искать истину где-либо еще и меньше всего в произведениях древних язычников. Этим, пожалуй, объясняется и скверный литературный стиль Тегана: латынь Вульгаты казалась ему

⁴¹ Ср: Walaf., praef.: «Hoc opusculum...vere potius, quam lepide... composuit».

⁴² Характерно, что, несмотря на плохую латынь, Валафрид считал Тегана очень образованным и достаточно сведущим в литературе, чтобы по достоинству оценить его собственные стихотворения. Однако контраст между *Gesta* и *Praefacio* слишком велик и наглядно показывает узость слоя подлинных творцов «каролингского ренессанса».

⁴³ Так считает Тремп: *Trempe E. Thegan... S. 5.*

⁴⁴ Thegan., 16, 20, 44, 52, 53.

⁴⁵ Thegan., 44, 49.

⁴⁶ Thegan., 3, 20, 44.

⁴⁷ Thegan., 20.

⁴⁸ Thegan., 44.

вполне приемлемой⁴⁹, более того, возможно, единственно достойной для реализации поставленных им задач. В конце концов, Теган писал не изящное литературное произведение, а в высшей степени эмоциональный полемический трактат с изрядной долей дидактизма. Трактат, весьма похожий на проповедь. Он и завершается как проповедь⁵⁰: хорепископ Трирский никогда не забывал о том, что он должен заботиться о душах своей паствы.

* * *

Сочинение Тегана поддается довольно точной датировке. Автор сообщает об эпидемии чумы, вспыхнувшей в войске Лотаря осенью 836 г.⁵¹ Однако еще не знает не только о мятеже Людовика Баварского против отца в 838 г., но и о смерти лоршского аббата Адалунга, случившейся 24 августа 837 г.⁵² Между тем о смерти других людей, не только врагов, но и друзей императора, например герцога Беренгария⁵³, Теган упоминает. Следовательно, свой труд он написал между осенью 836 г. и летом 837 г., самое позднее зимой 837/838 г.⁵⁴ Несмотря на быстроту, даже поспешность его создания, сочинение производит впечатление целостности в концептуальном

⁴⁹ На сходство лексикона Тегана и ветхозаветной латыни обратил внимание Б. Смейли: *Smalley B. Op. cit. P. 68.*

⁵⁰ *Thegan.*, 58: «Iste est annus vicesimus secundus regni domni Hludowici piissimi imperatoris, quem conservare et protegere diu in hoc saeculo dignetur feliciter commorantem, et post haec discurrentia tempora perducere concedat ad societatem omnium sanctorum eius ille, qui est benedictus in saecula saeculorum. Amen».

⁵¹ *Thegan.*, 55.

⁵² *Thegan.*, 30, 42.

⁵³ *Thegan.*, 58.

⁵⁴ На сегодняшний день эта точка зрения общепризнана. Ср.: *Manitius M. Op. cit. Bd. 1. S. 653; Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 3. S. 333. Simson B. Op. cit. S. 334; Ganshof F. L. L'histoire... P. 649; Temp E. Thegan... S. 5-7; Люблинская А. Д. Указ. соч. С. 82.*

плане и законченности по форме изложения. Между тем для сбора материала у Тегана было совсем немного времени, ведь замысел стал созреть у него, по всей видимости, лишь после восстановления императора Людовика на троне и его повторной коронации в Меце в 835 г. Побудительным толчком к этому стали события 833 г., образующие смысловое ядро произведения. Пожалуй, стоит согласиться с мнением Э. Тремпа, что катастрофа на Поле Лжи произвела на Тегана шоковое впечатление и подтолкнула к интенсивной рефлексии⁵⁵. Однако он взялся за перо, уже зная, что для его героя все закончилось благополучно.

Достаточно сложную проблему представляет вопрос об источниковой базе *Gesta Hludowici*. Теган не историк, он не пишет хронику очередного царствования, скрупулезно собирая материал. Не пишет он и биографию, также предполагавшую действие героя в строго определенном информационном поле. Трирский хорепископ излагает свое глубоко личное понимание проблемы, формирует некий концепт, лишь отталкиваясь от реальности. Он явно не пользуется официальной анналистикой: сообщения о большинстве событий, встречающихся у Тегана, в Анналах королевства франков значительно более обстоятельны. Вероятно, последние были недоступны автору, ведь он писал свой труд вдали от двора. Тем не менее было бы не совсем верно утверждать, что Теган совершенно незнаком с анналистикой или сознательно ею пренебрегает. Главы 14–17 и, особенно 21–41, скорее всего, восходят как раз к такому первоисточнику. Они содержат краткие, порой не более двух строчек, сообщения о различных событиях во внутренней и внешней политике (военные походы, обмен посольствами и др.). Эти реплики мало информативны и практически не играют роли в концептуальных построениях *Gesta*. Создается впечатление, что автору просто необходимо заполнить соответствующие временные пустоты. Однако здесь прослеживается не только строгая последовательность событий, но и правильная их хронология. Кроме того, указанные главы имеют харак-

⁵⁵ *Tremp E. Thegan... S. 14.*

терную датировку, — «на следующий год», «на другой год» (*sequenti anno, alio anno*), которая не выдерживается на протяжении всего текста. Можно предположить, что при написании этой части Теган опирался на какие-нибудь не дошедшие до нас местные анналы или, что также возможно, сам вел погодные записи в своем диоцезе.

В первой главе автор упоминает некие «многочисленные истории и рассказы отцов», из которых он черпает информацию⁵⁶. Кто были эти вольные или невольные информаторы Тегана, остается только догадываться. Очевидно, имелись в виду люди, с которыми он общался довольно тесно либо в силу личных симпатий, либо по роду своей деятельности. Среди таковых вполне могли оказаться аббат Лорша Адалунг, аббат Прюма Марквард, аббат Вайсенбурга Гримальд, а также граф Лангау Гебхард⁵⁷. Скорее всего, к устным рассказам восходят уникальные подробности коронации Людовика в 813 г. или приезда во Франкию папы Стефана в 816 г.⁵⁸ Пренебрежение Тегана к письменным текстам отмечается практически всеми исследователями⁵⁹. Однако некоторые предположения о том,

⁵⁶ Thegan., 1: «sicut paterno relatu didicimus, et multae testantur historiae».

⁵⁷ Например, от аббата Адалунга автор мог получить сведения о суде над папой Пасхалием (Thegan., 30) или о переговорах между папой и императором на Поле Лжи в 833 г. (Thegan., 42); от аббата Гримальда и герцога Гебхарда узнать подробности посольства к плененному императору Людовику, а после его восстановления — к мятежному Лотарю (Thegan., 47, 54). О втором посольстве к Лотарю летом 834 г. Тегану мог сообщить аббат Марквард (Thegan., 53); а о подчинении Лотаря и его свиты императору Людовику на равнине недалеко от Блуа — герцог Гебхард (Thegan., 55). На особое отношение Тегана указывают и соответствующие эпитеты, которыми сопровождается упоминание этих людей. Так, Адалунг и Гримальд названы *venerabiles abbates atque presbyteri*, а Гебхард — *nobilissimus atque fidelissimus dux*.

⁵⁸ Thegan., 6, 16–17.

⁵⁹ Simson B. Op. cit. S. 337; Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 3. S. 335; Tremp E. Thegan... S. 7–8.

из каких сочинений Теган мог черпать сведения, все же высказывались. Так, Б. Симсон полагал, что при составлении генеалогического древа Арнульфingов он опирался на «Деяния мецских епископов» Павла Диакона или «Генеалогию дома Каролингов»⁶⁰. Действительно, текстуальное сходство кажется здесь вполне очевидным⁶¹, хотя предполагать прямое заимствование в данном случае вовсе необязательно. Все патрилинейные генеалогии правителей каролингского дома восходили к

⁶⁰ *Simson B.* Op. cit. S. 338. Подробнее см.: *Domus carolingiae genealogia*, 1–2 // *MGH. SS. T. 2. P. 308–310; Liber de epp. Mett. P. 264–265.*

⁶¹ Ср.: *Thegan.*, 1: «Sanctus Arnulfus cum esset in iuventute dux, genuit Ansgisum ducem; Ansgisus dux genuit Pippinum seniore et ducem; Pippinus senior et dux genuit Karolum seniore et ducem; Karolus senior et dux genuit Pippinum, quem Stephanus Romanus pontifex consecrav et unxit in regem; Pippinus senior et rex genuit Karolum, quem Leo Romanus pontifex consecrav et unxit ad imperatorem in aecclesia ubi beatissimum corpus apostolorum principis Petri requiescit, die natalis domini nostri Iesu Christi».

Pauli Warnefr., lib.: «Anschisus genuit Pippinum, quo nihil umquam potuit esse audatius, Pippinus genuit Karolum, viris omnino fortissimis conferendum, qui inter cetera et magna bella quae gessit, ita praecipue Sarracenos detrivit, ut usque hodie gens illa truculenta et perfidia Francorum arma formidet. Hic itaque genuit Pippinum, sapientia nihilominus et fortitudine satis clarum... Huius item filius magnus rex Karolus extitit, qui Francorum regnum, sicut numquam ante fuerat, dilatavit» (*MGH. SS. T. 2. P. 265*).

Domus carol. genealog.: «Arnulfus genuit Flodulfum, Walchisum et Anschisum, fratres eius. Walchisus quouque genuit Wandregisilum confessorem Domini. Flodulfus genuit Martinum, quem interfuit Ebroinus Ercriaco palatio. Anschisus dux genuit Pippinum seniore et ducem. Pippinus senior et dux genuit Karolum seniore et ducem. Iterum Karolus senior et dux genuit Pippinum, quem Stephanus papa consecrav et benedixit in regem. Pippinus rex genuit domnum Karolum gloriosum caesarem quem Leo Romanus pontifex consecrav et unxit ad imperatorem in aecclesia beati Petri apostoli die natalis domini Iesu Christi. Karolus imperator genuit Hludowicum piissimum augustum» (*MGH. SS. T. 2. P. 309*).

одному образцу — традиционной библейской модели⁶². Кроме того, Теган не ограничился исключительно мужской генеалогией, но описал генеалогические древа четырех королей, не имевшие аналогов в каролингской литературе.

Большое число исследователей полагало, что образчиком для главы 19, в которой дается развернутая характеристика императора Людовика, послужила знаменитая *Vita Karoli* Эйнхарда⁶³. Действительно, в описании главных героев (впрочем, только здесь!) оба произведения демонстрируют значительное сходство. Однако в данном случае проблему заимствования нужно сформулировать иначе — на что именно ориентировался Теган. Очевидно, его могла привлечь сама форма подачи материала — несомненно, Эйнхард дал очень ясный пример описания королевской персоны. Напротив, содержание двух текстов явно восходит к одному общему источнику — расхожим представлениям о короле, его внешности, физических, нравственных и интеллектуальных достоинствах. Даже если Теган и опирался на «Жизнеописание Карла», то лишь фрагментарно, скорее как на литературный пример, нежели как на исторический источник.

С большей долей уверенности можно говорить о том, что глава 7 не являлась оригинальным творением Тегана. В ней повествуется о последнем годе жизни Карла Великого, его бо-

⁶² Таковой могла служить, например, новозаветная генеалогия Христа. Ср.: Матф. 1, 1:17. Библейская схема, по-видимому, являлась в средние века наиболее общей моделью для создания любых генеалогических построений. К ней восходят, например, генеалогии Больших Французских хроник, Истории герцогов Нормандии, а также многочисленные генеалогии аристократических линий. О формах и функциях генеалогий классического средневековья подробнее см.: Genicot L. *Les généalogies* (Typologie des sources du Moyen Âge). Turnhout, 1975; Spiegel G. *Genealogy: Form and Function in Medieval Historiography* // Spiegel G. *The Past as Text. Theory and Practice of Medieval Historiography*. Baltimore; L., 1997. P. 99–110.

⁶³ Simson B. Op. cit. S. 349; Ebert A. Op. cit. Bd. 2. S. 360; Manitius M. Op. cit. Bd. 1. S. 654; Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 3. S. 334; Ganshof F. L. *L'historiographie...* P. 650; Berschin W. *Biographie und Epochenstil...* S. 226; Tremp E. *Thegan...* S. 11–12.

лезни, смерти и погребении. Дата смерти императора обозначается как 7 индиктион⁶⁴. Подобной датировки в *Gesta* мы больше не обнаружим. Автор ориентируется либо на церковные праздники, либо использует хронологию анналов, а то и вовсе безличные «между тем», «в то время», «тогда». Чужая хронология явно заимствована, но сама по себе она вряд ли могла заинтересовать Тегана. Очевидно, индиктион попал в его сочинение вместе с куском текста. Какое произведение в данном случае являлось первоисточником, определенно сказать трудно⁶⁵. Отметим лишь, что королевские анналы, а вслед за ними Эйнхард и Астроном отсчитывают день смерти Карла от февральских календ⁶⁶.

* * *

Теган написал сплошной текст. Общепринятая ныне разбивка на главы была сделана Валафридом Страбоном в 40-х гг. IX в. «для облегчения чтения». В своем предисловии он отметил, что книжица эта написана «на манер анналов»⁶⁷. Однако структура ее представляется гораздо более сложной. Прежде всего, в анналах личность автора максимально нивелирована. Она присутствует в них латентно и раскрывается скорее в подборе фактов, их расстановке, акцентах, нежели в суждениях, тем более оценочных и эмоционально окрашенных. Составление анналов, где перечисляются достойные упоминания события, процесс, в принципе, бесконечный, не рассчитанный на завершение. *Gesta Hludowici*, напротив, целостное произве-

⁶⁴ Thegan., 7: «(Karolus) perrexit in pace... anno aetatis suae 72, indictione septima».

⁶⁵ По мнению Тремпа, седьмая глава (вместе с предыдущей) восходит к устному сообщению: *Trempe E. Thegan... S. 9*. Однако наличие в ней уникального хронологического ориентира заставляет усомниться в подобном утверждении и настаивать на неизвестном письменном свидетельстве.

⁶⁶ ARF., 814; Einhard., 30; Anonym., 20.

⁶⁷ Walafr., prae.: «hoc opusculum in morem annalium».

дение. Кроме того, в нем отчетливо прослеживается сильное авторское начало. Теган стремился донести до читателей некую идею, и форма анналов хотя бы внешне вполне соответствовала поставленной задаче. Ведь главный герой *Gesta* — император Людовик, а личность неотделима от деяний, она реализуется и раскрывается в них. Более того, для сознания раннесредневекового человека вне деяний не существовало ни личности, ни истории.

Главы 1 и 2 содержат генеалогические древа родителей Людовика, императора Карла Великого и королевы Хильдегарды соответственно. В главе 3 помещены рассуждения о нравственном превосходстве младших сыновей — важный элемент для последующих концептуальных построений Тегана. Далее описывается женитьба Людовика, рождение его детей и смерть братьев (4–5). В главе 6 содержится подробнейшее описание коронации главного героя и последовавшие за этим болезнь и смерть его отца в январе 814 г. (7). Главы 8–18, 21–43, 45–49, 51–58 излагают историю царствования Людовика и доводят описание до 836 г. В промежутках Теган помещает ряд моральных сентенций, увещаний, рассуждений, цементирующих факты и придающих создаваемой картине целостный вид. В главе 19 дана развернутая характеристика физических и нравственных качеств главного героя. Главы 20 и 50 содержат острый полемический выпад против выдвижения людей низкого происхождения на ведущие должности в духовной и светской иерархии. Теган доказывает опасность подобной практики, ее пагубность для королевства и всего *regnum christianus* и страстно призывает Людовика отказаться от этого зла. Данный пассаж даже завершается словом «Аминь»! К этим главам органически примыкает глава 44, в которой повествуется не столько о суде над императором, сколько дается суровая отповедь архиепископу Эбо Реймскому: степень предательства и морального падения последнего Теган прямо связывает с его сервильным происхождением. И наконец, в главе 53 не очень значительное событие (попытка очередного примирения отца с Лотарем) представляется Тегану удобным поводом порассуждать о необходимости почитания родителей детьми.

Подчеркнем еще раз, подробное и обстоятельное изложение событий царствования Людовика для Тегана вовсе не самоцель. Исторические факты интересуют его не сами по себе, а лишь как способ раскрытия определенной идеи. Хотя следует признать, что там, где его сообщения проверяются другими источниками, Теган очень точен.

* * *

Ни по роду своей деятельности, ни в силу подчиненного положения внутри церковной иерархии и удаленности от двора, а следовательно, и от эпицентра политической жизни, Теган не был предрасположен к тому, чтобы написать *Gesta Hludowici*. В том, что это была его личная инициатива, сомневаться не приходится — текст начисто лишен каких-либо указаний на официальный заказ. Что же в таком случае побудило автора взяться за перо? Мотивацию Тегана можно понять, проследив основные сюжетные линии *Gesta*. Через все произведение проходит несколько тем, тесно связанных между собой и дополняющих одна другую. Первая и главная среди них — оправдание императора Людовика. Теган хочет понять, почему и как стали возможны те невероятно тяжелые испытания и унижения, что выпали на долю христианнейшего правителя франков. В его описании Людовик предстает идеальным королем, защитником Церкви, вдов и сирот, обладающим всеми моральными и физическими качествами, необходимыми для того, чтобы вести к спасению вверенный ему *populus christianus*. Он красив и физически крепок; прекрасно образован и интеллектуально развит; знает языки и способен понимать высший мистический смысл священных текстов. Он скромен в быту, воздержан в еде и питье, прост в одежде. Он в высшей степени религиозен, каждый день посещает церковь и смиренно молится по многу часов; очень тяжело впадает в гнев, зато всегда открыт для страдания⁶⁸; стремится разрешить миром любой конфликт⁶⁹,

⁶⁸ Thegan., 19.

⁶⁹ Thegan., 39.

но в случае необходимости являет себя храбрым воителем⁷⁰; милостиво прощает своих врагов⁷¹, а если кто-то из них и гибнет, то не по вине императора⁷²; ежедневно раздает щедрую милостыню нищим и во время разъездов в местах своих остановок непременно организует странноприимные дома⁷³; незаконно притесненным возвращает свободу и собственность⁷⁴; подтверждает все иммунитеты и привилегии, данные церквям, и заботится о папе⁷⁵. Портрет Людовика трудно назвать оригинальным. Он целиком соткан из расхожих представлений об идеальном правителе, разве что доведен до абсолютного совершенства. Как же могло случиться, что благочестивейшего императора свергли с трона собственные сыновья, а епископы подвергли его унижительному суду? Теган приводит единственное разумное с его точки зрения объяснение. Виной тому пагубная практика возвышения в епископское достоинство людей низкого происхождения. Прежде кроткие и услужливые, они становятся заносчивыми, упрямыми и дерзкими. Они настолько порочны, что этого не скрывает даже их ученость. Они пренебрегают своими пастырскими обязанностями, и от этого страдает весь христианский народ⁷⁶. Разумеется, именно такие люди, лишенные каких-либо моральных принципов, могли совершить столь ужасное злодеяние по отношению к христианнейшему королю⁷⁷.

⁷⁰ Thegan., 15, 25, 31.

⁷¹ Thegan., 49.

⁷² Теган снимает с Людовика ответственность за гибель Бернарда Италийского, варварски ослепленного королевскими советниками якобы вопреки воле императора. Он рассказывает, что, узнав об этом, Людовик «долго плакал в великой скорби и принял на себя епитимию за то, что не воспрепятствовал советникам совершить это изувечение» (Thegan., 22–23).

⁷³ Thegan., 19.

⁷⁴ Thegan., 13.

⁷⁵ Thegan., 10, 30.

⁷⁶ Thegan., 20.

⁷⁷ Thegan., 43: «*Omnes episcopi molesti fuerunt ei, et maxime hi, qui ex vilissima servili conditione honoratos habebat, cum his qui ex barbaris nationibus ad hoc fastigium perducti sunt*».

Вина последнего заключалась лишь в том, что он до сих пор не пресек подобную порочную практику. Характерно, что роль светской аристократии в событиях, связанных со свержением Людовика, оказывается второстепенной. Теган только упоминает о «некоторых других», не уточняя, о ком идет речь⁷⁸. Впрочем, страдания Людовика имеют и более персональный смысл: «тот, кто по доброй воле не принимает наказания Господня, не сможет стать его сыном», — заключает автор⁷⁹.

С первой сюжетной линией тесно связана следующая — ненависть, которую автор питает к архиепископу Реймса Эбо. Дело здесь не только в ущемленных аристократических амбициях Тегана, волею судьбы оказавшегося на значительно более низкой ступени в церковной иерархии, чем его враг — человек далеко не столь благородного происхождения. Гораздо более важным представляется тот факт, что в 30-х гг. IX в. Эбо являлся одним из лидеров церковной партии, боровшейся против хорепископата.

Институт хорепископов появился в первые века нашей эры и сыграл значительную роль в утверждении и распространении христианства⁸⁰. Поначалу хорепископы, рукоположенные епископами и формально подчиненные им, возглавляли христианские общины, располагавшиеся вне городов — центров епархий. В провинции они проводили рукоположение в сан священников и дьяконов, освящали церкви и алтари, брали на себя «заботу о душах». Они пользовались значительной самостоятельностью, но уже с IV в. по мере оформления церковной иерархии церковь стремится подчинить их епископам городов. Во Франкском королевстве хорепископы встречались главным образом в центральных и восточных областях, т. е. там, где епархии были либо очень обширными (Майнц, Кельн, Трир, Лион), либо оказывались тесно связанными с миссионерской

⁷⁸ Thegan., 43: «ceteris nonnullis».

⁷⁹ Thegan., 49: «qui sponte correptiones Domini non suscipit, filius eius non poterit».

⁸⁰ Подробнее см.: *Gottlob Th. Der abendländische Chorepiskopat. Kanonistische Studien und Texte. Bd. 1. Köln, 1928.*

деятельностью (Пассау, Зальцбург). Они появились здесь в первой половине VIII в. и с самого начала располагали большой самостоятельностью. Однако уже при Карле Великом их деятельность стала подвергаться всяческой регламентации. Стремясь унифицировать церковную организацию и упростить ее иерархическое устройство, Карл запрещал хорепископам исполнять на местах епископские полномочия⁸¹, рукополагать в сан без назначения к определенному месту, принимать в число своего клира так называемых *clerici vagantes* и др.⁸² Еще более отчетливо данная тенденция проявилась в первой половине IX в. Церковная партия, к которой принадлежал Эбо Реймский, изложила свою программу на Парижском синоде 829 года. В ряду прочего там постановили не считать хорепископов *vicarii episcoporum*, деятельными помощниками епископов. Последние становились единственными носителями епископской власти. Только они располагали исключительным правом рукоположения, освящения церквей и алтарей. Освящения и рукоположения, совершенные хорепископами, объявлялись недействительными. Теган, по-видимому, очень ответственно относившийся к своим пастырским обязанностям и много внимания уделявший «заботе о душах», усматривал в деятельности этой партии прямую угрозу собственному положению. Он страстно доказывает, что подобная политика является если уж не происками дьявола, то, во всяком случае, достойным всяческого осуждения поведением презренных людей и, прежде всего, тех самых неблагородных выскочек, которые вредны не только для церкви и паствы, но и для государства⁸³, тех, которые пали настолько низко, что не убоялись свергнуть с трона и подвергнуть невероятным унижениям императора, помазанника Божьего⁸⁴. Теган призывает подверг-

⁸¹ MGH. Capitularia. T. 1. № 22, Cap. 9: «ut corepiscopi cognoscant modum suum et nihil faciant absque licentia episcopi in cuius parrochia habitant».

⁸² MGH. Capitularia. T. 1. № 22, Cap. 3; 28, Cap. 27–28.

⁸³ Thegan., 20.

⁸⁴ Thegan., 44.

нуть их всеобщему осуждению и впредь не допускать, чтобы они занимали столь высокие и ответственные должности: вместо того, чтобы «заботиться о душах» вверенной им паствы, эти люди пекутся лишь о себе. От этого страдает весь *populus christianus* и в конечном счете дело веры и спасения. Усиливая эмоциональное воздействие своих слов, Теган обращается персонально к Эбо. Такой прием, восходящий к проповеднической практике, в других памятниках каролингской историографии обнаружить не удастся.

Еще один лейтмотив *Gesta* — союз двух Людовиков, отца и сына. Именно здесь, пожалуй, сильнее всего проявляется партийность Тегана. Он явно относит себя к числу сторонников Людовика Немецкого, в то время как Лотарь и его люди для него «чужие». Образы двух сыновей благочестивого императора выписаны по принципу антитезы. Если Людовик демонстрирует всяческое уважение к родителю, оказывает ему помощь и поддержку, помогает словом и делом, добрым советом и собственным мечом⁸⁵, то Лотарь, напротив, лишен всякого почтения к отцу, организует против него заговоры, постоянно нарушает данные клятвы, свергает с трона, бросает в тюрьму, подвергает невероятным унижениям, словом, нарушает все библейские заповеди⁸⁶. Хотя Теган не скрывает участия Людовика в некоторых выступлениях против отца⁸⁷, однако все же уподобляет его «младшим сыновьям», носителям истинной нравственности⁸⁸. Напротив, Лотарь, который не обладает никакими моральными достоинствами, грозит нарушить не только нравственный, но и социальный порядок. Этому тирану и злодею служат такие же безнравственные люди, вроде Эбо Реймсского. Картина выстраивается вполне определенная. Упомянутые особенности *Gesta* обеспечили этому

⁸⁵ Thegan., 36, 45, 46–48, 54.

⁸⁶ Thegan., 28, 37, 40, 43, 46–49, 52–54.

⁸⁷ Thegan., 35, 39, 42.

⁸⁸ Thegan., 57: «*obviam ei (imperatorii Hludowici) venerunt filii sui Pippinus et aequivocus filius eius, qui adhuc imitator filiorum est supradictorum, qui natum iuniores fuerunt*».

произведению долгую жизнь в той части франкской империи, где утвердилась власть Людовика Немецкого и его преемников. На сегодняшний день известны восемнадцать рукописей XI — начала XVI в., и почти все они имеют германское происхождение. А первые заимствования из *Gesta* восходят непосредственно к IX в.⁸⁹

Итак, скорее всего, взяться за перо Тегана побуждает необходимость разумно объяснить немыслимые с его точки зрения события 833–834 гг. Не будем забывать, что автор был, прежде всего, пастырем. Перед своей аудиторией ему неизбежно приходилось отвечать на вопросы о судьбах христианского мира. Свержение Людовика, наиболее значительной фигуры после папы, должно было иметь некий высший смысл, который и предстояло постичь. Кроме того, на страницах *Gesta* Теган демонстрирует личную заинтересованность в происходящем и стремится использовать случившееся в собственных интересах.

В таком контексте становится более понятным, на кого ориентировался хорепископ Трирский. Непосредственно к безымянной и безграмотной пастве обращены лишь отдельные, хотя и очень важные фрагменты *Gesta*. Вместе с тем сам текст отнюдь не представляет собой только проповедь. Это целостное литературное произведение, в котором концептуально осмысливается недавнее прошлое. Содержание и форма *Gesta* позволяют предположить, что Теган предназначал свой труд для представителей высшего клира, постоянных участников церковных синодов и королевских советников⁹⁰. Можно ли называть среди потенциальных читателей самого Людовика? Кажется, Теган не исключал такой возможности. Во всяком слу-

⁸⁹ Подробнее см.: *Tremp E. Thegan... S. 23–40.*

⁹⁰ Тремп полагает, что *Gesta* предназначались, прежде всего, для влиятельных деятелей восточнофранкской церкви, таких как Рабан Мавр или Марквард Прюмский. В их среде во второй половине 30-х гг. IX в. были предприняты шаги к восстановлению Эбо в сане архиепископа Реймского. Против этого якобы и протестовал Теган, впрочем, безуспешно. Ср.: *Tremp E. Thegan... S. 17.*

чае он осмеливается дать своему герою небольшой совет: «Ему всеми силами следует остерегаться, чтобы и далее рабы становились его советниками»⁹¹.

Сочинение Тегана дошло до своей аудитории⁹², но как оно было воспринято, мы не знаем. В источниках не сохранилось почти никаких откликов на сей счет. Известна лишь рецензия Валафрида, который отредактировал текст между 840 и 849 гг., но постарался по возможности дистанцироваться от резких выпадов Тегана, списав их на природную страстность автора, неспособного терпеть несправедливость⁹³. Кроме того, в венской рукописи XI в., которая восходит к более ранней из двух авторских версий, сохранилось небольшое продолжение *Gesta*. Оно появилось еще при жизни императора Людовика (т. е. до лета 840 г.)⁹⁴ и повествует о событиях 836–837 гг. Автор его неизвестен, но, по всей видимости, он имел непосредственное отношение к монастырю св. Кастора в Кобленце⁹⁵ и, вероятно, был знаком с Теганом. В дополнении рассказывается о перенесении мощей св. Кастора из Карадона в Кобленц и о посещении императором монастырской церкви, где отныне покоилось тело святого. Эта часть существенно от-

⁹¹ Thegan., 50: «Sed summopere praecavendum est, ne amplius fiat, ut servi sint consilarii sui».

⁹² Одна из рукописей оказалась в личной библиотеке аббата Гримальда.

⁹³ Изучение рукописной традиции позволяет предположить, что почти с самого начала существовали две редакции «Деяний». Валафрид располагал второй, более поздней версией, которая, вероятно, также восходит к Тегану. Подробнее см.: Oomen H.-G., Oomen I. Zur Überlieferungsgeschichte von Thegans Vita Hludowici imperatoris // *Geschichtsschreibung und geistiges Leben...* S. 158–171.

⁹⁴ *Trempe E.* Thegan... S. 23; *Idem.* Studien... S. 101–103. До исследований Оомена и Тремпа появление венского продолжения относили ко времени после 847 г., поскольку оно не было знакомо Валафриду. Ср.: *Manitius M.* Op. cit. Bd. 1. S. 655; *Wattenbach-Levison-Löwe.* Op. cit. H. 3. S. 334.

⁹⁵ *Wattenbach-Levison-Loewe.* Op. cit. H. 3. S. 334; *Eggert W.* Op. cit. S. 614.

личается по стилю от всего произведения, так что не остается никаких сомнений в том, что они принадлежат двум разным людям. Аноним несравненно лучше знаком с латинской грамматикой, правильно употребляет конъюнктив и согласует времена. В отличие от Тегана он активно использует инфинитивные обороты: в небольшом венском дополнении их едва ли не больше, чем во всем произведении хорепископа Трирского. Думается, не прав был А. Эберт, который полагал, что продолжение написано в том же духе и стиле, что и основной труд⁹⁶. Напротив, оно выглядит явно искусственным: анонимный автор не понял самой сути сочинения Тегана и увидел в нем не концептуальный полемический трактат, а всего лишь анналы очередного царствования, которые можно продолжить. Этот факт, безусловно, любопытен и заслуживает внимания, ибо позволяет увидеть, как воспринималось сочинение Тегана его современниками. Кроме того, дополнение прекрасно иллюстрирует одну из характерных черт каролингской историографии — ориентацию на определенную микрогруппу и ее консолидацию через самоидентификацию ее членов. События, описываемые Анонимом, имели значимость, прежде всего, для братии аббатства св. Кастора.

Gesta Hludowici не поддаются точной жанровой идентификации. Это явно не анналы, хотя они и представлялись таковыми современникам. Не являются они и житием. Герой Тегана вовсе не безгрешный святой, который при жизни и после смерти творит чудеса во славу Божию. Он живой человек, ошибающийся, пусть и невольно, терзаемый сомнениями, далеко не всегда и во всем последовательный, хотя автор и стремится убедить нас в обратном. Более того — и это особенно удивительно, — на страницах сочинения хорепископа трирского практически вообще нет места чудесному. Такие расхожие литературные топосы каролингской эпохи, как упоминание всякого рода знамений в виде комет, эпидемий или стихийных бедствий, в нем отсутствуют. А ведь их можно встретить даже в эйнхардовой биографии Карла

⁹⁶ Ebert A. Op. cit. Bd. 2. S. 361.

Великого, где светское начало выражено значительно более определенно⁹⁷.

Нельзя отнести труд Тегана и к жанру светской биографии, который возрождается в первой трети IX в. Этот жанр, представленный уже упомянутыми сочинениями Эйнхарда и Астронома, несмотря на существенное различие двух произведений, имеет некоторые общие характеристики: жизненный путь главных героев прослеживается от колыбели до могилы и жизнеописание составляется уже после их смерти; авторы очень хорошо знали своих героев лично и не один год провели в тесном общении с ними. Сочинение Тегана этим характеристикам не соответствует. *Gesta* появились еще при жизни императора Людовика. При этом автор вовсе не стремился описать ее во всей полноте, но коснулся лишь двух последних десятилетий. Кроме того, Теган, судя по всему, не был слишком близко знаком со своим героем⁹⁸. Как уже отмечалось, взяться за перо его побудили не личные симпатии, привязанность или благодарность, а пастырские обязанности, оскорбленное самолюбие и стремление отстоять собственное положение внутри церковной иерархии.

В каролингскую эпоху большое распространение получили так называемые королевские и княжеские зерцала, сборники моральных сентенций и наставлений, рассчитанные на воспитание идеального правителя. В *Gesta Hludowici* элементы такой дидактической идеализации главного героя очевидны. При этом Теган не ограничивается развернутой характеристикой выдающихся физических и душевных качеств благочестивого императора, но и наставляет его, указывая на то, что тому

⁹⁷ Эйнхард сообщает о целой череде знамений, возвещавших о скорой кончине его героя. Так, незадолго до смерти Карла стали происходить солнечные и лунные затмения, падали кометы, случались землетрясения, рушились до того казавшиеся очень прочными постройки и т. д. (Einhard., 32).

⁹⁸ Нельзя согласиться с мнением А. П. Левандовского, что Теган писал при дворе — ничто в его произведении не позволяет сделать такого вывода. См.: Левандовский А. П. Эйнгард... С. 132.

следовало бы делать. В частности, королю необходимо отказаться от пагубной практики назначения на высшие государственные должности людей незнатного происхождения. Однако подобного рода суждения, демонстрирующие немалую личную заинтересованность автора, весьма далеки от идеализированных и обезличенных норм зеркал.

Сочинение Тегана нельзя отнести ни к одному известному нам жанру исторической и дидактической прозы каролингского времени даже при всей условности их дефиниций. И вместе с тем это в высшей степени каролингское произведение, соединившее в себе элементы разных жанров. Анналистская схема создает скелет для систематизации излагаемого материала. Идеальный облик главного героя, для которого характерно отсутствие какой бы то ни было эволюционности, формируется под влиянием традиций житийной литературы. В моральных сентенциях слышны отголоски зеркал. Но, пожалуй, самым существенным является ярко выраженная биографичность *Gesta*, что особенно характерно для исторической литературы первой половины IX в.

Жанровая эклектика произведения Тегана отчасти объясняется неоднородностью его источниковой базы. Отдельные фрагменты восходят к анналистским записям, каким-то неизвестным текстам и устным рассказам. Подобно Астроному наш автор не слишком тщательно работает с ними, и при внимательном чтении они довольно легко вычлениваются. Особый интерес представляют те главы, которые несут на себе явный отпечаток авторства. В них наиболее полно выражается то понимание истории, которое было присуще самому Тегану. Его можно было бы назвать библиистским. Из Библии автор черпает не только многочисленные моральные сентенции, но и целые «конкретно-исторические» фрагменты. Временами создается впечатление, что и собственные сведения он выстраивает вокруг библейских сюжетов. Иногда не столько ветхозаветные параллели иллюстрируют события IX в., сколько сама окружающая действительность представляется Тегану повторением или развитием священной истории. Император Людовик естественным образом оказывается в глазах автора носителем

высших христианских добродетелей. Ведь он был младшим из сыновей Карла, а «от начала мира много раз случалось так, что младший превосходил в добродетелях старшего». Таковым были Авель, младшие сыновья Авраама, Исаака, Иессы. Даже Христос родился от той ветви царей Израиля, которая восходила к одному из младших отпрысков⁹⁹. Среди недостатков своего героя Теган замечает лишь один — тот посвящал в епископы людей низкого происхождения. Собственно, этот порок зародился очень давно. «И это есть величайшее зло, как свидетельствует история царей от Иероваама, сына Набада, который был рабом царя Соломона», — заявляет автор, приводя в доказательство поучительную библейскую историю¹⁰⁰. Вина Людовика заключалась лишь в том, что он не препятствовал подобной практике, хотя и знал о ее пагубности. Во время суда в Компьене, когда император был низложен «сервом» Эбо Реймским, «исполнились слова пророка Иеремии, сказавшего: рабы будут нам господами»¹⁰¹. Также Лотарь, приказавший утопить Титбергу «по суду жен своих нечестивых советников, исполнил слова псалмопевца: с чистым ты будешь чист, с развращенным — развращен»¹⁰². Некоторым событиям автор не находит подходящего объяснения, но и собственное непонимание осмысливает с помощью примеров библейской истории. Так, рассказывая о суде над императором, Теган искренне недоумевает, почему Господь немедленно не покарал Эбо Реймского подобно другим грешникам: «О Господи Иисусе Христе, где был ангел твой, который за одну

⁹⁹ Thegan., 3: «Erat enim optimus filiorum eius, sicut ab exordio mundi frequenter iunior frater seniore[m] fratrem meritis praecedebat».

¹⁰⁰ Thegan., 20: «tamen maximum malum est in populo christiano, sicut testantur Regum historiae de Hieroboam filio Nabad, qui erat servus regis Salomonis».

¹⁰¹ Thegan., 44: «Tunc impletum epilogium Hieremiae prophetae dicentis: Servi dominati sunt nostri».

¹⁰² Thegan., 52: «extinxit eam iudicio coniugum impiorum consiliariorum eius, implens psalmodicam prophetiam: Cum sancto sanctus eris, et cum perverso perversus».

ночь уничтожил все первородство Египта? И тот, который в лагере ассирийцев, возглавляемых Сенахерибом, царем неправедным, за одну ночь легко уничтожил 185 000 нечестивцев, как свидетельствует пророк Исая? Или тот, что поразила младшего Ирода, среди речи его, так что тот немедленно закишел червями? И ты, земля, когда носила его, почему не разверзла твою пасть, чтобы поглотить его, как прежде ты сделала это с Датаном и Абироном?»¹⁰³

Таким образом, историческое сознание Тегана характеризуется отсутствием какой-либо эволюционности, представлением о цикличности исторического процесса, который зачастую трактуется как повторение библейской истории, и провиденциализмом. Можно думать, что авторские главы *Gesta* отражают те черты исторической культуры каролингского времени, которые были свойственны прежде всего ортодоксальной части франкского духовенства, получившего «профессиональное» образование и имевшего богатый опыт в области экзегетики священных текстов¹⁰⁴.

¹⁰³ Thegan., 44: «O domine Iesu Christe, ubi erat angelus tuus, qui omnia primogenita Aegypti una nocte facile delevit? Et ille qui in castris Assyriorum sub Sennacherib, rege iniquo, nocte una centum octuaginta quinque milia perfidorum extinxit, testante Esaia propheta? Aut ille qui Herodem iuniorem concionantem percussit, ut statim scatere coepit vermibus? Et tu terra, quae eum sustulisti illo in tempore, quare non aperuisti os tuum, ut devorares eum, sicut iam olim fecisti Dathan et Abiron?»

¹⁰⁴ О содержании и методах образования каролингского духовенства подробнее см.: Riché P. Les écoles et l'enseignement... P. 187–284, part. 280–284.

НИТХАРД И ЕГО «ИСТОРИИ»

«Четыре книги историй»¹ графа Нитхарда по праву считаются одним из шедевров исторической мысли каролингского времени². Очень ясный, предельно рациональный, лишенный каких-либо библейских реминисценций и богословских рассуждений, этот текст на первый взгляд кажется совершенно понятным и потому максимально доступным для исследователя. Его не

¹ Оригинального названия сочинения Нитхарда не сохранилось. Впрочем, неизвестно, имелось ли оно вообще. Поэтому разные издатели именовали его по-разному. Ж. П. Минь, отталкиваясь от содержания текста, озаглавил его «О раздорах сыновей Людовика Благочестивого»: Nithard. De dissensionibus filiorum Ludovici Pii. PL. T. CXVI, 1852. Col. 46–76. Ф. Лоэр остановился на «Истории сыновей Людовика Благочестивого»: Nithard. Histoire des fils de Louis le Pieux. P., 1926 (éd. Ph. Lauer). Название «Четыре книги историй» было предложено Г. Пертцем и принято Э. Мюллером: Nithard. Historiarum libri IIII / Hg. G. Pertz // MGH. SS. T. 2. P. 649–672; Nithard. Historiarum libri IIII / Hg. E. Müller // MGH. SSrG. Hannover, 1907. Этот текст с параллельным немецким переводом Й. фон Ясмунда, отредактированным В. Ваттенбахом и Э. Мюллером, воспроизведен Р. Пау в издании: Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte. Bd. 1. Berlin, 1958. S. 385–461. См. также наш перевод: Нитхард. История в четырех книгах / Пер. и коммент. А. И. Сидорова // Историки эпохи Каролингов... С. 97–140, 240–250.

² Р. Беццола видел в Нитхарде достойного последователя Эйнхарда: Bezzola R. R. Op. cit. P. 209. Ф. Л. Гансхоф полагал, что «Истории» вследствие их исключительно высокого историографического качества можно поставить даже выше *Vita Karoli: Ganshof F. L. L'historiographie...* P. 653. Барнс также называл Нитхарда наиболее талантливым историком позднекаролингской эпохи: Barnes H. E. A History of Historical Writing. N. Y., 1963. P. 63.

обошел вниманием ни один историк эпохи Нового времени, писавший о событиях правления Людовика Благочестивого или «войны братьев». С Нитхарда порой «списывались» целые главы научных монографий³. А его рассказы о битве при Фонтенуа и Страсбургской клятве давно стали школьной классикой. Однако при более внимательном рассмотрении эта легкость в понимании оказывается довольно обманчивой. Чем больше читаешь текст, тем больше вопросов он вызывает, а ясности становится все меньше. Даже фигура автора как будто скрывается за полупрозрачной пеленой. Однако обо всем по порядку...

О Нитхарде известно совсем немного. Почти все сведения биографического характера за неимением других источников можно получить из его сочинения. Дата рождения устанавливается только приблизительно — последнее десятилетие VIII столетия. Именно в эти годы при каролингском дворе появляется поэт Ангийберт, в скором времени вступивший в связь с Бертой, одной из дочерей Карла Великого. Император с неохотой выдавал замуж свое женское потомство, предпочитая держать дочерей при себе⁴, и потому сквозь пальцы смотрел на подобного рода союзы, считая их меньшим злом. Между тем Ангийберт был вполне достойной партией. Блестящий поэт, прозванный в придворной Академии Гомером, он являлся одним из ближайших помощников Карла в самых разных начинаниях. Получив пост аббата Сен-Рикье (Центулы), Ангийберт за короткое время превратил свою обитель в образцовый бенедиктинский монастырь и активно внедрял здесь многочисленные церковные преобразования, которыми была так богата каролингская эпоха.

От многолетней связи с Бертой у него родилось двое сыновей — Гартнид, о котором не известно ничего, кроме имени, а также Нитхард⁵. Можно думать, что последний с самого рож-

³ См., напр.: *Dümmler E. Geschichte des ostfränkischen Reiches. Bd. 1. Leipzig, 1888. S. 139–188.*

⁴ Einhard, 19.

⁵ Nith., IV, 5: «Angilbertus vir memorabilis... ex eiusdem magni regis filia nomine Berehta Hartnidum fratrem meum et me Nithardum genuit».

дения возвращался при королевском дворе. Однако до 840-х гг. мы о нем ничего не слышим. Судя по тому, что от этого периода его жизни не сохранилось никаких упоминаний в источниках⁶, положение Нитхарда вряд ли было столь уж заметным⁷. Тем не менее он получил от императора Людовика какие-то земли⁸. Вероятно, это была награда за участие в некоторых из многочисленных военных кампаний 820—830-х гг.⁹ Во второй половине 20-х гг. IX в. персональный состав двора существенно обновился. Императрица Юдифь, прибравшая к рукам не только мужа, но и все рычаги управления страной, активно создавала собственную партию. На ключевые позиции она выдвинула своих родственников и фаворитов, таких как герцог Септимании Бернард. Последний занял пост королевского камерария и вскоре даже стал в глазах современников «вторым в империи после короля»¹⁰. Разумеется, прежние фавориты, а также многочисленные королевские родственники, которых, по правде говоря, недолюбливал сам император, были удалены от двора. Среди них, вероятно, был и Нитхард. Очевидно, этим объясняется немногословность нашего автора

⁶ Даже новейшие изыскания в этой области не дали никаких положительных результатов. Так, в недавнем фундаментальном просопографическом исследовании окружения Людовика Благочестивого Нитхард вовсе не упоминается. См.: *Depreux Ph. Prosopographie de l'entourage de Louis le Pieux (781–840)*. Sigmaringen, 1997.

⁷ По всей видимости, Нитхард был оттеснен на вторые роли еще кланом императрицы Ирмингарды, удерживавшим свои позиции при дворе до второй половины 20-х гг. IX в. Следы былой вражды сохранились в «Историях». Нитхард — единственный из современников, кто назвал по имени убийцу Бернарда Италийского. Им оказался некий Бертмунд, приближенный Ирмингарды. Ср.: *Werner K. F. Hludovicus Augustus: Gouverner l'empire chrétien — Idées et réalités // Charlemagne's Heir... P. 46–54*.

⁸ Nith., II, 2: «pater (т. е. император Людовик. — А. С.) honores... dederat».

⁹ Ср.: *Nelson J. L. Public Histories and Private History in the Work of Nithard // Speculum. № 60/2. 1985. P. 269*.

¹⁰ Nith., I, 3: «secundus a se in imperio».

и его сдержанность при описании событий времен Людовика Благочестивого. Характеристика самого императора, сжатая до неприлично малых размеров, ограничивается лишь кратким упоминанием о его происхождении¹¹. Мы тщетно будем искать в тексте какие-либо суждения и оценки его деяний¹². Эта сдержанность становится еще более очевидной при сравнении с характеристикой, которую Нитхард дает Карлу Великому¹³. Напротив, ближайшему фавориту Людовика, Бернарду Септиманскому, достается весьма основательно¹⁴ при том, что его

¹¹ Nith., I, 2: «Heres autem tante sublimatis Lodhuwicus, filiorum eius (т. е. Карла Великого. — А. С.) iusto matrimonio susceptorum novissimus, ceteris decentibus successit».

¹² Известную холодность характеристики, которую дал Людовику Благочестивому Нитхард в первой книге «Историй», отмечал В. Ваттенбах: *Wattenbach-Levison-Löwe*. Op. cit. Н. 3. S. 354. О «красноречивом молчании» Нитхарда в отношении императора говорил и Р. Беццола: *Bezzola R. R.* Op. cit. P. 144. Й. Х. Бэру схематичное и сухое изложение фактов в первой книге напоминало анналистскую манеру письма: *Bähr J. Ch. F.* Op. cit. S. 226.

¹³ Нитхард посвятил Карлу первую главу I книги, которая является настоящим панегириком великому императору: «Карл, славной памяти император, заслуженно названный всеми народами Великим... всю Европу оставил после себя наполненной всяческими благами. Без сомнения, он был мужем, который мудростью и доблестью во всех отношениях настолько превосходил людей своего времени, что представлял перед всеми жителями земли достойным страха, любви и одновременно восхищения, да и правил он во всех отношениях достойно и бескорыстно». Ср.: Nith., I, 1: «Karolus bone memoriae et merito Magnus imperator ab universis nationibus vocatus... omnem Europem omni bonitate repletam reliquit, vir quippe omni sapientia et omni virtute humanum genus suo in tempore adeo praecellens, ut omnibus orbem inhabitantibus terribilis, amabilis pariterque et admirabilis videretur, ac per hoc omne imperium omnibus modis... honestum et utile effecit».

¹⁴ Нитхард говорит, что, будучи еще при императоре Людовике «вторым человеком в империи», Бернард «безрассудно злоупотребляя властью, совершенно разорил государство, вместо того, чтобы укрепить его, как он должен был (это сделать)» (*Qui dum inconsulte re publica abuteretur, quam solidare debuit, penitus evertit*) (Nith., I, 3). Несмотря на то, что Бернард принес Карлу Лысому вассальную присягу

роль в повествовании в целом скромна¹⁵. Здесь мы сталкиваемся с довольно распространенным в каролингской литературе топосом — критикой государя через его окружение.

Далее Нитхард скорее всего отправился в Сен-Рикье, легендарную обитель Ангильберта. Возможно, он довольно рано получил здесь пост графа-аббата¹⁶, во всяком случае, задолго до 842–843 гг., как то полагают некоторые исследователи¹⁷. Новый виток его карьеры приходится на первую половину 40-х гг. IX в. После смерти Людовика Благочестивого Нитхард оказался в свите Карла Лысого. Это был хороший шанс поправить пошатнувшееся было положение и занять достойное место в королевском окружении. И действительно, Нитхард довольно заметен. Восемнадцатилетний король поручает ему составить историю своего времени¹⁸, отправляет его в самое

и был принят в число «друзей короля» (*Karolus... in societatem amicitiae suscepit*), Нитхард обвиняет его во лжи, неверности и частом нарушении клятв (*solutio iuramento... seductiones faciebat*) (Nith., II, 5).

¹⁵ Бернард Септиманский был чрезвычайно заметной фигурой в политической жизни франкского королевства в 30-е — начале 40-х гг. IX в. Однако Нитхард упоминает его лишь трижды и каждый раз эпизодически: Nith., I, 3; II, 5; III, 2.

¹⁶ Монастырь Сен-Рикье вполне мог быть одним из тех *honores*, которые Людовик Благочестивый пожаловал Нитхарду.

¹⁷ *Bossuat R.* Dictionnaire des lettres française. P., 1964. P. 552; *Sprigade K.* Zur Beurteilung Nithards als Historiker // *HJb.* Bd. 16. 1972. S. 102; *Nelson J. L.* Public Histories... P. 281, 291; *Goetz H.-W.* Nithard // *LdM.* Bd. 6. München; Zürich, 1993. S. 1201. X. Лёве предлагает еще более позднюю датировку — начало 845 г.: *Wattenbach-Levison-Löwe.* Op. cit. H. 3. S. 356. В. Велен воздерживается от всяких предположений по поводу того, что делал Нитхард между 20 марта 843 г. и 15 мая 845 г.: *Wehlen W.* Geschichtsschreibung und Staatsauffassung im Zeitalter Ludwigs des Frommen. Lübeck, 1970. S. 58. Лишь А. Кра полагает, что Нитхард стал графом-аббатом Сен-Рикье еще во времена Людовика Благочестивого, правда, она никак не аргументирует свою точку зрения: *Krah A.* Die Entstehung der «*potestas regia*» im Westfrankenreich während der ersten Regierungsjahre Kaiser Karls II (840–877). Berlin, 2000. S. 179.

¹⁸ Nith., I, prol.: «*vos... precepistis, ut res vestris temporibus gestas stili officio memoriae traderem*».

первое и очень ответственное посольство к Лотарю. На предложение последнего перейти к нему на службу Нитхард ответил отказом, оставшись верным своему государю. Он хорошо проявил себя в битве при Фонтенуа, храбро сражаясь при Соленнате¹⁹, участвовал в королевских комиссиях по вопросам разделения империи. Однако вскоре при дворе вновь начались интриги. Нитхард не сумел стать *secundus a rege* — это место занял герцог Адельхард, в конце концов женившийся короля на своей племяннице. С большой долей уверенности можно говорить о том, что именно этот человек способствовал вытеснению Нитхарда из ближайшего королевского окружения²⁰. Наш герой удаляется в Сен-Рикье и проводит там остаток жизни. Как и когда она оборвалась, достоверно неизвестно²¹. Высказывались предположения о гибели Нитхарда в знаменитой битве при Ангулеме 14 июня 844 г. — тогда сторонники

¹⁹ Nith., II, 10: «*pars vero, quae in Solennat Adhelardum ceterosque, quibus haud modicum supplementum Domino auxiliante prebui, appetiit, strenue confligit*».

²⁰ Характеристика Адельхарда, вполне благожелательная на протяжении всего текста, резко изменяется в самом конце. Нитхард обвиняет его в пренебрежении общим благополучием, в потакании частновладельческим интересам знати и в истощении государства: «*Qui utilitati publicae minus prospiciens placere cuique intendit. Hinc libertates, hinc publica in propriis usibus distribuere suasit ac, dum quod quique petebat, ut fieret, effecit, rem publicam penitus annullavit*» (Nith., IV, 6). Это высказывание явно перекликается с негативной оценкой Бернарда Септиманского и местами почти полностью повторяет ее (см. прим. 14).

²¹ В поэтической эпитафии, составленной ок. 853 г. монахом Сен-Рикье Миконом, говорится, что Нитхард «погиб от вражеского меча за восемнадцать дней до июльских календ»: «*Occubuit Iuli octavo decimoque Kalendas / Hostili gladio*» (Epytafium. MGH. Poet. lat. T. 3. Berlin, 1896. № 33. P. 310–311). Вся датировка базируется на этом упоминании. Правда, часть историков полагает, что текст эпитафии сохранился недостаточно хорошо и вместо Iuli следует читать Iuni. В зависимости от прочтения гибель Нитхарда приходится на середину июня или середину мая.

Пипина II Аквитанского наголову разбили войска Карла Лысого²². Однако большинство исследователей сходится на том, что он погиб 15 мая 845 г. — в этот день норманны захватили монастырь Сен-Рикье и предали его разграблению²³. Нитхард был похоронен в родной обители рядом с отцом²⁴. В посвященной ему эпитафии говорится, что он был суровым воином, искусственным в военном деле, но также и вкусившим от священной мудрости, возвышенным, мягким и смиренным, благо-разумно управлявшим своей паствой²⁵.

²² Так полагали наиболее авторитетные издатели сочинения Нитхарда Э. Мюллер и Ф. Лоэр: *Müller E. Praefacio. P. VI–VII; Lauer Ph. Introd. P. VI*. Эта точка зрения нашла отражение и в некоторых фундаментальных трудах по истории средневековой литературы: *Ebert A. Op. cit. Bd. 2. S. 373; Manitius M. Op. cit. Bd. 1. S. 657; Bossuat R. Op. cit. P. 552*.

²³ Эту точку зрения впервые высказал Ф. Л. Гансхоф: *Ganshof F. L. Note critique sur la biographie de Nithard // Mélanges Paul Thomas. Brügge, 1930. P. 335–344*. Ее принял Х. Лёве, а вслед за ним и другие историки: *Wattenbach-Levison-Löwe. Op. cit. H. 3. S. 356; Wehlen W. Op. cit. S. 58; Sprigade K. Op. cit. S. 102; Goetz H.-W. Op. cit. S. 1201*. В середине 80-х гг. Д. Л. Нельсон предприняла замечательную попытку критически осмыслить аргументацию Гансхофа и показала, что право на существование имеют обе даты: *Nelson J. L. Public Histories... P. 291–293*. Сама она придерживается более ранней датировки (Р. 281). Однако в последнем по хронологии и наиболее авторитетном академическом справочном издании (*Lexikon des Mittelalters*) принята более поздняя датировка. Строго говоря, вопрос остается открытым и по сей день.

²⁴ Хариульф, написавший в XI в. хронику монастыря Сен-Рикье, сообщает, что аббат Гервин вскрыл гробницу Ангильберта и обнаружил в ней двойной гроб. В одной из частей лежало тело Нитхарда, законсервированное в соли, а на его голове еще можно было разглядеть след от смертельного ранения: *Hariulf. Chronicon Centulense. IV, 32. P., 1894: «invenit lecticam ligneam coriatam domni Nithardi... abbatis et comitis, illa percussura qua eventu praelii fuit occisus»*.

²⁵ *Epitafium: «Nomen rectoris qui modico tenuit... Astu nam belli viguit quasi fortis Asilas / Nec non ex sophia floruit ipse sacra. / Extitit elato ridigus, miti humilisque, / Contra commissus pacificusque gregem»*.

Остановимся подробнее на второй части этой довольно типичной характеристики. Какое образование получил Нитхард, какие книги оказали наибольшее влияние на его интеллектуальное и духовное становление? Без ответа на эти вопросы мы вряд ли поймем, какова его собственная логика конструирования истории и историографического осмысления реальности. Разумеется, все, что можно узнать на сей счет, не выходит за рамки текста «Историй». Последний же изобилует большим количеством лексики из политического словаря римской античности (*res publica*, *utilitas publica*, *jus*, *pacis*, *concordia*, *iustitia*, *scientia rem publicam gubernandi* и др.). В 70-х гг. прошлого столетия появился ряд работ, исследовавших отдельные понятия и их сочетания²⁶. Было установлено, что Нитхард весьма основательно проштудировал сочинения некоторых античных авторов. Наибольшее влияние на него оказали Тацит, Саллюстий, Сенека и Цицерон. Невероятная даже для каролингского времени концентрация социально-политической латинской лексики в одном произведении подтолкнула некоторых историков к весьма радикальным высказываниям. Иные без обиняков называли Нитхарда политическим моралистом, ориентированным на утверждение античных государственных идей. Полагали, что события «войны братьев» он описывал исходя исключительно из античных философских и исторических суждений²⁷. Вряд ли стоит говорить об этом всерьез. Представление о государстве как *res publica*, убеждение в том, что правитель непременно должен обладать *scientia rem publicam gubernandi*, чтобы заботиться об *utilitas publica* и отстаивать интересы всех своих подданных, были связаны с формированием каролингской монархической идеологии, с утверждением августиновской идеи движения *populus christianus* по направлению к Божьему Граду. Особенно активно этот процесс шел с

²⁶ Wehlen W. Op. cit. S. 57–131; Sprigade K. Op. cit. S. 94–105; Patze H. *Iustitia bei Nithard* // Festschrift für Hermann Heimpel. Bd. 3. Göttingen, 1972. S. 147–165.

²⁷ Sprigade K. Op. cit. S. 95, 105.

конца VIII по 30-е гг. IX в. После смерти Людовика Благочестивого он постепенно сходит на нет. Свое выражение это нашло, в частности, в изменении терминологии источников — уже во второй половине IX столетия термин *res publica* сравнительно редко использовался для обозначения государства²⁸.

Тем не менее текст «Историй» действительно насыщен образами и скрытыми цитатами, почерпнутыми из произведений римских классиков. Рассуждения Нитхарда о фортуне, которая вертит им без сострадания, о надежной гавани, в которой можно было бы укрыться от жизненных бурь, явно восходят к Сенеке и Цицерону. Пассаж о пользе историописания для будущих поколений апеллирует к Саллюстию²⁹. Нитхард использует и чисто литературные приемы, встречающиеся в произведениях античных писателей. Например, он вводит прямую речь для оживления повествования³⁰. Все это позволяет с уверенностью говорить о том, что наш герой получил очень неплохое по тем временам образование³¹. Он явно учился при дворе или в одном из монастырей — центров каролингского возрождения. В последнем случае речь может идти о Центуле, где имелась прекрасная библиотека³².

²⁸ Wehlen W. Op. cit. S. 131. По мнению Ф. Депрё, предел активному использованию термина *res publica* в политической лексике каролингского мира положили события на Поле Лжи 833 г. и последовавшее затем свержение императора Людовика Благочестивого. Подробнее см.: *Depreux Ph. Nithard et la res publica: un regard critique sur le règne de Louis le Pieux // Médiévales. № 22–23 (printemps). 1992. P. 149–161.*

²⁹ О литературных заимствованиях подробнее см.: *Sprigade K. Op. cit. S. 102–103.*

³⁰ Таким образом Нитхард описал просьбу Лотаря, обращенную к отцу, императору Людовику, простить ему все прегрешения: *Nith., I, 7.*

³¹ Об образовании мирян в каролингскую эпоху подробнее см.: *Riché P. Les écoles et l'enseignement... P. 289–300.*

³² Известно, что Ангильберт, став аббатом Сен-Рикье, передал в монастырскую библиотеку около 200 книг из собственного собрания: *Hariulf., II, 10; III, 3.*

К сожалению, этим почти исчерпываются наши знания об эрудиции Нитхарда³³.

Несмотря на известное соприкосновение с письменной культурой, литературный стиль Нитхарда далек от изящества³⁴. Автор избегает сложных грамматических построений, предпочитая достаточно простые формы и не слишком длинные фразы. Правда, это не уберегает его от ошибок — их довольно много в согласовании времен и употреблении падежей. Не стремится он и к лексическому разнообразию, зачастую используя одни и те же слова и выражения. Язык Нитхарда явно тяготеет к разговорной латыни и выдает в нем скорее образованного человека, нежели ученого мужа, каролингского интеллектуала, вроде Алкуина, Валафрида или Рабана Мавра. Однако это вряд ли можно объяснить лишь тем, что Нитхард вращался преимущественно «в миру»³⁵. Аналогичными особенностями характеризуется, например, литературный стиль Тегана, которого никак нельзя назвать мирянином ни по образованию, ни по роду деятельности. Очевидно, многое объяснялось спецификой аудитории, к которой обращался автор. Читатели Нитхарда и паства Тегана были далеко не так хорошо образованы и зачастую владели латынью значительно хуже тех, к кому обращались Рабан, Луп Феррьерский или Иоанн Скотт Эриугена. Известные литературные недостатки скорее объяснялись желанием быть понятым, услышанным и прочитанным.

³³ М. Манициус полагает, что в пятой главе третьей книги почти дословно воспроизводится пассаж из *Historia Langobardorum* Павла Диакона: *Manitius M. Op. cit. Bd. 1. S. 660*. Справедливости ради отметим, что это предположение никем не разделяется.

³⁴ Подробнее см.: *Prümm H. Sprachliche Untersuchungen zu Nithardi historiarum libri quattuor. Greifswald, 1910*.

³⁵ На этом настаивал, в частности, А. Эберт, называвший Нитхарда «хотя и литературно образованным, но совершенно неученым солдатом и государственным деятелем»: *Ebert A. Op. cit. Bd. 2. S. 374*.

В мае 841 г., еще до того как Карл Лысый прибыл со свитой в город Шалон-на-Марне, он поручил Нитхарду, одному из своих *primores*, написать историю своего времени. Карлу тогда едва исполнилось восемнадцать, никаких особых деяний он совершить не успел. Поэтому речь могла идти лишь о событиях, связанных с дележом отцовского наследства. Вопрос действительно был крайне запутанным. Людовик Благочестивый трижды изменял условия (в 817, 831 и 838 гг.), давая сыновьям земли и отнимая их, периодически увеличивая или уменьшая объем их властных полномочий. В 838 г. на государственном собрании в Вормсе император поделил территорию королевства примерно поровну между Карлом и Лотарем. Первый получил западные провинции (часть Австразии, Нейстрию и Аквитанию). Второму достались обширные владения на юге и востоке страны, за исключением Баварии, «милостиво» уступленной Людовику Немецкому. Соглашение было скреплено клятвой, а с Лотаря взято обещание во всем помогать младшему брату. Однако Лотарь, еще в 817 г. получивший титул императора и объявленный соправителем отца, стремился вернуться к самому первому разделу, т. н. *Ordinatio imperii*, кстати сказать, официально так и не отмененному. *Ordinatio* предоставляло в его распоряжение огромную власть и почти всю территорию королевства франков. При этом младшие братья, получавшие небольшие окраинные территории, ставились в абсолютно зависимое положение — без разрешения Лотаря они не могли даже жениться. Конфликт оказался неизбежен. Собственно, «война братьев» происходит отсюда. Однако соперники понимали, что сила оружия решает далеко не все. Необходимо было доказать законность собственных притязаний, чтобы приобрести в дальнейшем достаточное число сторонников. Именно в этом и заключалось поручение Карла. Нитхард должен был не просто «написать историю своего времени», ему необходимо было обосновать права своего сеньора на часть отцовского наследства, а также оправдать его участие в мятежах против законного императора.

Карл лишь обозначил основную задачу, предоставив Нитхарду полную свободу в ее реализации. Он сам решал, какой материал отбирать, в какие хронологические рамки его поместить и как интерпретировать³⁶. Об этом ясно говорят предисловия ко всем книгам «Историй». «Я не хотел сначала касаться событий правления вашего благочестивого отца», — обращается Нитхард к Карлу в самом начале своего труда, — «но читателю будет более понятна истина о ваших разногласиях, если я коснусь кое-чего из того, что произошло в его царствование. Притом мне кажется неприличным обойти полным молчанием и деяния вашего благословенной памяти деда, и с этого я должен начать свою историю»³⁷. Рассказав о том, по праву ли Лотарь начал преследовать своих братьев, он перешел к описанию того, «с каким рвением и усердием Лотарь исполнял свои планы»³⁸. Завершив вторую книгу, Нитхард признается,

³⁶ В свое время Д. Нельсон высказала предположение, что Нитхард писал не только «публичную», официальную историю (*Public Histories*), оправдывая действия своего государя. Воспользовавшись поручением Карла, Нитхард постарался реализовать с помощью этого сочинения собственные интересы — сделать карьеру, получить обратно отнятые Лотарем земли и т. д. Причем в IV книге *Private History* начала доминировать над всем остальным: *Nelson J. L. Public Histories... P. 251–293*. Однако позднее она отказалась от такой трактовки «Историй», отметив, что в эту эпоху противопоставление частного и публичного, в том числе и в историографии, вряд ли имело место: *Nelson J. L. History-writing at the courts of Louis the Pious and Charles the Bald // Historiographie im frühen Mittelalter... S. 435–442, bes. 439*. По этой же причине кажется неверной трактовка «Историй» как политических мемуаров Нитхарда, на чем настаивал, например, Р. Беццола: *Bezzola R. R. Op. cit. P. 210*.

³⁷ Nith., I, prol.: «Praeterire autem ea quae temporibus pii patris vestri gesta sunt disposueram, sed facilius cuilibet legenti altercationum vestrarum veritas patebit, si quaedam, quae suo in tempore contigisse novimus, summotenus praelibavero. Avi quoque insuper vestri venerandam memoriam per omnia obmittara ratum minime videtur; ac per hoc textus hinc sumat exordium».

³⁸ Nith., II, prol.: «hinc iam, qua virtute ac industria hoc exsecutus sit... notare curabo».

что сначала хотел вовсе окончить свой труд. Однако обеспокоенный тем, что кто-нибудь другой попытается изобразить «историю нашего времени иначе, чем она была на самом деле», он вновь берется за перо³⁹. К четвертой книге его самостоятельность кажется еще большей. Нитхард желает быть «полезным будущим поколениям», рассеяв перед ними «облако заблуждений», и, располагая досугом, решает продолжить рассказ «о деяниях наших государей и их вельмож»⁴⁰.

Главным источником сведений для Нитхарда служили его собственные воспоминания. Во всяком случае, прежде всего к ним апеллируют предисловия II, III и IV книг⁴¹. В искренности автора сомневаться не приходится. В его пользу говорит невероятно богатая фактура «Историй» с большим количеством уникальных подробностей, знать которые мог лишь очевидец. Таково, например, описание Страсбургской присяги⁴² или военных игр Карла Лысого и Людовика Немецкого⁴³. Кроме того, Нитхард дважды сообщает о личном участии в описываемых событиях — речь идет о неудачном посольстве к Лотарю и битве при Фонтенуа. В основном на личных воспоминаниях строится и первая книга. Однако какие-то пробелы в

³⁹ Nith., III, prol.: «ut finis optatus libri secundi affuit, per omnia finire hoc opus animus decrevit; sed ne forte quilibet quocumque modo deceptus res nostro in tempore gestas, praeterquam exactae sunt, narrare praesumat... tertium libellus ut adderem acquievi».

⁴⁰ Nith., IV, prol.: «Interim autem si aliquod tempus otiosum reperero, quid oberit, si... facta principum procerumque nostrorum stili officio memoriae mandare curabo? Ergo huic operi quarto assistam et, si in ceteris rebus futuris prodesse nequivero, saltem in his erroris nubeculam proprio labore posteris detergam».

⁴¹ Nith., II, prol.: «prout memoria viresque suppleverint, notare curabo»; III, prol.: «ex his quibus interfui tertium libellum ut adderem acquievi»; IV, prol.: «facta principum procerumque nostrorum stili officio memoriae mandare curabo».

⁴² Нитхард не ограничивается простой констатацией самого факта присяги, но приводит речи королей и собственно текст клятвы на старофранцузском и старонемецком языках (Nith., III, 5).

⁴³ Nith., III, 6.

своих знаниях — особенно если иметь в виду его удаленность от двора в 30-е гг. IX в. — Нитхард мог восполнить, беседуя с вельможами из ближайшего окружения Карла Лысого. Вероятнее всего, от них он получил точные сведения о том, как происходило последнее примирение Лотаря с отцом в Вормсе⁴⁴. Близость ко двору обеспечивала Нитхарду доступ к некоторым официальным документам. Этим можно объяснить точность, с которой он воспроизводит, например, названия городов и областей, отошедших Карлу по одному из разделов⁴⁵. Не имея под рукой такого рода текстов в более позднее время, он не рискует точно фиксировать границы новых разделов⁴⁶. Такая сдержанность вполне понятна — в IX в. мало кто имел хоть какое-то представление о географических параметрах империи⁴⁷. Некоторые исследователи высказывали предположение, что Нитхард использовал также какие-то нарративные сочинения вроде Сен-Бертенских анналов⁴⁸. Однако это звучит не слишком убедительно, особенно если вспомнить те по-

⁴⁴ Nith., I, 7.

⁴⁵ Нитхард сообщает, что Карлу была передана «вся Фрисландия от моря у границ Саксонии до границ Рипуарии и от границ Рипуарии — графства Муалла, Хеттра, Хаммолант, Маасгау; затем область между Маасом и Сенной до Бургундии, вместе с областью Верден; и у границ Бургундии графства Туль, Орнуа, Беденсер, Блезуа, Пертуа, оба Бара, Бриенн, Труа, Оксерр, Санс, Гатинуа, Мелюн, Этамп, Шартр и Париж; затем вдоль Сены вплоть до океана и по морю до Фрисландии все епископства, аббатства, графства и земли королевского фиска» (Nith., I, 6).

⁴⁶ Об этом красноречиво говорят пробелы в первой главе IV книги, где рассказывается об очередном разделе королевства. Ф. Лоэр справедливо полагал, что они имелись уже в автографе: Nithard. *Histoire des fils...* P. 121, n. 2.

⁴⁷ Нитхард рассказывает о казусе, приключившемся с комиссией по подготовке Верденского раздела. Во время одного из заседаний вдруг выяснилось, что никто толком не знает истинных размеров империи и того, какие земли входят в ее состав. А ведь комиссия насчитывала сто двадцать ведущих каролингских аристократов! (Nith., IV, 5).

⁴⁸ *Lauer Ph. Introd.* P. XII–XIII; *Ganshof F. L. L'histoire-graphie...* P. 654.

ходные условия, в которых писались «Истории». Да и текстуральные различия двух памятников достаточно очевидны. Что касается гипотетических заимствований из анонимной *Vita Hludowici*, то об этом уже говорилось выше⁴⁹.

«Истории» состоят из четырех книг⁵⁰. По-видимому, Нитхард изначально не имел четко продуманного плана. Из предисловий видно, что работа над текстом шла в несколько этапов. Поэтому структура сочинения сложилась в общем спонтанно. Получив в мае 841 г. соответствующее указание от короля, Нитхард тем не менее не сумел сразу взяться за выполнение поставленной задачи. Бурные события лета и начала осени (битва при Фонтенуа, многочисленные военные столкновения с людьми Лотаря и Пипина Аквитанского, постоянные переезды с места на место) отложили реализацию задуманного плана до октября. Только тогда, во время небольшой передышки, находясь вместе с королем в монастыре Сен-Клод, Нитхард написал первые две книги, доведя изложение событий до 25 июня 841 г. Победа над Лотарем при Фонтенуа определила их концептуальное содержание. Первая книга целиком посвящена времени правления Людовика Благочестивого (814—840 гг.). Стремясь обосновать справедливость претензий Карла на свою долю наследства, Нитхард излагает предысторию нынешних разногласий братьев. Он показывает, как и когда стареющий император выделил Карлу его часть, перечисляет земли, которые в нее вошли, подчеркивает, что Лотарь публично признал правильность подобного разделения и в присутствии многочисленных вельмож поклялся сохранять данное решение. Однако еще при жизни отца он не раз нарушал данные им клятвы, организовывал мятежи и даже лишил трона помазанника Божия. Виной всему были его эгоизм и неумеренная жадность (*cupiditas*), ибо Лотарь всячески стремил-

⁴⁹ См. гл. 2, прим. 198.

⁵⁰ Разбивка на главы была сделана в Новое время. Она имеется уже в издании Г. Пертца и сохраняется в последующих изданиях Э. Мюллера и Ф. Лоэра. Лишь в *Patrologia latina* Минья приводится сплошной текст (см. прим. 1).

ся завладеть всем наследством отца. Разумеется, после смерти императора он тут же позабыл свои клятвы и начал преследовать младших братьев, Карла и Людовика. Те не раз предлагали ему мир и просили не терзать войной королевство, Церковь и весь христианский народ. Однако Лотарь не внял их просьбам, за что и поплатился. В битве при Фонтенуа он потерпел от братьев сокрушительное поражение. Нитхард трактует это событие как Божий суд, указавший, на чьей стороне правда. Собственно, для выполнения поставленной Карлом задачи написанного было вполне достаточно — справедливость его претензий была обоснованна и, более того, подтверждена высшим Судией. Поэтому Нитхард вряд ли лукавил, заявляя в предисловии к третьей книге, что здесь он намеревался поставить точку⁵¹. Однако некоторое время спустя он решает продолжить свой труд, опасаясь, что «кто-нибудь другой, введенный каким-либо образом в заблуждение, изобразит историю нашего времени иначе, чем она была на самом деле». Вряд ли им двигало лишь стремление к истине. По-видимому, после битвы при Фонтенуа, которая произвела очень тяжелое впечатление на современников, из противоположного лагеря стали раздаваться обвинения в адрес Карла⁵². Успех союзников не казался столь уж очевидным, а поражение Лотаря таким уж полным. Широкие слои светской и духовной аристократии, даже не входившие в партию «имперского единства», прежде всего в Лотаре видели наиболее законного правителя. Особенно это ощущалось в центрально-франкских областях. В противном случае трудно будет объяснить, почему и до, и после 25 июня 841 г. знать продолжала переходить на сторону Лотаря, не желая служить Карлу⁵³. Нитхард стремится не

⁵¹ Nith., III, prol.: «ut finis optatus libri secundi affuit, per omnia finire hoc opus animus decrevit».

⁵² Очевидно, для этого имелись серьезные основания. Победу при Фонтенуа Карлу и Людовику принесло внезапное нападение на лагерь Лотаря. Атака была предпринята значительно раньше установленного накануне срока: Nelson J. L. Public Histories... P. 263.

⁵³ Nith., II, 3, 4, 6, 7; III, 2.

упустить инициативу и продолжает повествование в том же духе — вскрывает порочные деяния Лотаря и демонстрирует исключительно высокие моральные качества Карла. Третья книга доводит изложение до марта 842 г. За месяц до того младшие братья заключили в Страсбурге договор о взаимной поддержке и теперь предприняли новую атаку на Лотаря. На сей раз дело обошлось без кровопролития — Лотарь оставил Аахен и поспешно отступил к Роне. В трактовке Нитхарда это означало, что тот потерпел очередное крупное поражение, вновь показавшее, на чьей стороне Божья правда. Однако и этот рассказ не стал завершением «Историй». Нитхард вновь берется за перо и продолжает работу над своим произведением, по крайней мере, еще на протяжении полутора лет. Он доводит изложение до 19 марта 843 г., завершив его сообщением о лунном затмении⁵⁴. Хотя автор не посчитал нужным описывать важнейшие, с нашей точки зрения, события лета 843 г., и прежде всего, Верденский раздел, можно думать, что он дописывал «Истории» уже после Вердена. На это косвенно указывает пассаж из четвертой главы последней книги: отправляясь осенью 842 г. на охоту в Арденнский лес, Лотарь якобы уже знал, на какую часть королевства падет его выбор⁵⁵. Почему Нитхард не коснулся эпохального для последующей европейской истории раздела? Скорее всего, договор в Вердене, утонувший в бесчисленном множестве прочих разделов и переделов того времени, вовсе не представлялся таковым современникам. Банальное с их точки зрения событие⁵⁶ обрело значимость только в исторической перспективе.

⁵⁴ Nith., IV, 7: «eclipsis lunae XIII. Kal. Aprilis contigit».

⁵⁵ Nith., IV, 4: «Lodharius autem iam, ut sibi videbatur, de electione regni partium securus Ardennam venatu petit».

⁵⁶ Например, Ксантенские анналы сообщают о Верденском разделе следующее: «Три... короля... послали в качестве послов самых знатных своих людей, чтобы они... поровну разделили королевство Франков на три части. И поскольку между ними возникли разногласия, короли сошлись сами, уладили их спор и отделились друг от друга». Ср.: «III reges miserunt legatos suos proceres... ut... aequè tripartirent regnum Francorum. Cumque et inter illos dissensio facta est,

С четвертой книгой связано, пожалуй, наибольшее число споров. О чем она? Когда составлена? Почему автор решил писать дальше? Дописал ли он ее или оборвал повествование на полуслове? Некоторые исследователи считают, что последнюю часть «Историй» Нитхард составлял уже будучи удаленным от двора. Этим объясняют, в частности, многочисленные пробелы в тексте четвертой книги. Автор якобы специально оставил место для перечисления территорий, входивших в различные доли братьев, поскольку больше не располагал достоверной информацией⁵⁷. Одни полагали, что в этой части следует видеть скрытую критику политики Карла, который перестал заботиться об «общем благе», — автор больше не желал быть его апологетом⁵⁸. Другие утверждали, что для подобных суждений нет никаких оснований⁵⁹. Говорили, что Нитхард перестал быть историографом и сделался повествователем (*Gelegenheitsschriftsteller*), просто фиксирующим факты современной истории. По этой же причине четвертая книга как будто лишена концептуальной целостности — автору не доставало необходимой исторической перспективы, в силу чего он не знал конечного пункта своего повествования⁶⁰. Кто-то даже считал, что заключительная часть «Историй» обращена исключительно к потомкам и вряд ли предназначалась для современников⁶¹.

venerunt ipsi reges in unum locum et dissonantiam illorum coadunaverunt, et separati sunt a se» (*Annales Xantenses*, 843 // MGH. SS. T. 2. P. 217–235, bes. 227).

⁵⁷ *Histoire des fils...* P. 121, n. 2; *Krah A. Op. cit.* S. 172.

⁵⁸ *Kuntzemüller O. Nithard und sein Geschichtswerk.* Jena, 1873. S. 5; *Sprigade K. Op. cit.* S. 100.

⁵⁹ *Wehlen W. Op. cit.* S. 59.

⁶⁰ *Krah A. Op. cit.* S. 172–173. В свое время А. Эберт высказал мнение о том, что собственно историографическими можно считать лишь две первые книги «Историй». Уже в третьей книге автор лишился необходимой исторической перспективы и его описание начинает приобретать характер анналов. В четвертой книге анналистская манера изложения фактов становится определяющей: *Ebert A. Op. cit.* Bd. 2. S. 370–373.

⁶¹ *Nelson J. L. Public Histories...* P. 268, 281.

С большей частью этих высказываний согласиться довольно трудно. Очевидно, что многих исследователей заворожил пролог последней книги. Попробуем «прочитать» его более внимательно. Действительно, Нитхард заявляет здесь о своем желании «совершенно отойти от общественных дел», о поиске тихой «гавани», в которой можно было бы укрыться от жизненных бурь, о неожиданно появившемся у него досуге и о том, что он хочет быть полезен будущим поколениям, развеив перед ними «облако заблуждений». Странно было бы предполагать, что историк вдруг превратился в простого собирателя фактов; что верный апологет Карла в считанные месяцы разочаровался в нем и принялся критиковать своего сеньора; что писатель, столь концептуально выстроивший первые три книги, в четвертой части безвозвратно утратил концептуальное единство. Если Нитхард и был удален от двора (у него появилось свободное время!), то в политической жизни он все же принимал некоторое участие, в чем сам же и признается: «Судьба то здесь, то там связывает меня со всякого рода заботами... и бросает меня в неистовые бури»⁶². Примечательно, что образовавшийся досуг он решает заполнить не чем иным, как записью «воспоминаний о деяниях наших государей и их вельмож», «как и было приказано». Не говорит ли это о его желании вернуться в ближайшее окружение Карла? Далее, о каком «облаке заблуждений» он толкует, стремясь рассеять его перед потомками? Эта фраза, не слишком замеченная исследователями, явно апеллирует к пассажиру из предисловия к третьей книге — автор опасается, что кто-нибудь, введенный каким-либо образом в заблуждение, попытается изобразить историю нашего времени иначе, чем она была на самом деле (!). Иными словами, Нитхард вновь чувствует угрозу из лагеря противника и стремится отвести опасность. Действительно, за несколько месяцев ситуация вряд ли могла сильно измениться. Четвертая книга хорошо вписывается в общий контекст. Нитхард показывает здесь, как Лотарь шаг за шагом сдает пози-

⁶² Nith., IV, prol.: «me de rebus universis fortuna hinc inde iunxit validisque procellis moerentem vehit».

ции, как торжествует правда Карла и Людовика, за которую они так отчаянно боролись. Враг и теперь не менее коварен. Лотарь сбивает с толку послов братьев и заставляет их пообещать гораздо больше того, на что они были уполномочены. Он подвергает опасности *primores* Карла и Людовика, оказывая на них давление и переманивая к себе. Однако все его усилия заканчиваются ничем — Божья правда торжествует.

Из общего контекста несколько выбивается заключительная глава. Нитхард возвращается к временам Карла Великого, когда царили мир и согласие, изобилие и радость. И сетует на то, что ныне повсюду видны вражда и раздоры, бедствия и печали. Даже ненастье — справедливое наказание Господне — отнимает последнюю надежду на лучшее. В этой главе историки усматривали критику политики Карла Лысого и полагали, что Нитхард окончательно разочаровался в окружающей действительности. Между тем это никак не сочетается со всем предыдущим текстом. Следовательно, автор придавал седьмой главе иной смысл. Очевидно, она гораздо более утилитарна, чем кажется. Ее значение позволяет понять предыдущая глава. В ней Нитхард рассказывает о женитьбе Карла на племяннице Адельхарда. И далее он приводит весьма нелицеприятную характеристику этого последнего, своего наиболее вероятного обидчика. Еще Людовик Благочестивый был так сильно привязан к Адельхарду, что делал только то, что было угодно ему. «Но тот, меньше заботясь о всеобщем благополучии, больше старался каждому нравиться. И оттого он советовал раздавать привилегии и имущество к выгоде частных лиц». Этим он «совершенно истощил государство»⁶³. Иными словами в окружении Карла оказался очень опасный человек, от которого не приходится ждать чего-либо хорошего (справедливости ради отметим, что раньше Нитхард так не думал). На это юному королю указывают и стихи. Карл женился 14 декабря, а последовавшая за этим зима оказалась на редкость суровой. Та-

⁶³ Nith., IV, 6: «Qui utilitati publicae minus prospiciens placere cuique intendit. Hinc libertates, hinc publica in propriis usibus distribuere suasit ac, dum quod quique petebat, ut fieret, effecit, rem publicam penitus annulavit».

ким образом, седьмую главу нужно понимать как своего рода предостережение Карлу и одновременно призыв не отступать от ранее избранного пути. «Из этого обстоятельства каждый мог бы видеть, сколь безрассудно пренебрегать общим благополучием и служить только лишь удовлетворению всяческих частных и личных желаний, поскольку и то и другое так гневит всемогущего Творца, что он обратил против такого безумства все стихии»⁶⁴. Напомним также, что разделение на главы не более чем прихоть издателей. В рукописи имеется лишь разделение на книги, внутри которых идет сплошной текст. Можно думать, что и воспринимался он изначально несколько иначе — более целостно.

Седьмая глава заставляет нас обратиться к другому, не менее важному вопросу — для кого писал Нитхард и как он понимал значение своего труда. Автор явно рассчитывал на читателей (*legentes*). Он дважды апеллирует к ним и заботится о том, чтобы им все было понятно⁶⁵. Характерно, что речь идет именно о читателях, а не слушателях. Можно предположить, что Нитхард рассчитывал, прежде всего, на визуальное, а не слуховое восприятие текста. Здесь мы вновь сталкиваемся с уже известным феноменом — автор сознательно ограничивает свою аудиторию грамотными людьми, сведущими в письменной латыни⁶⁶. «Истории», таким обра-

⁶⁴ Nith., IV, 7: «Hic quique colligat, qua dementia utilitatem publicam neglegat, privatis ac propriis voluntatibus inserviat, dum ex utrisque creatorem adeo offendet, ut etiam omnia elementa eius vesaniae contraria reddat».

⁶⁵ Nith., I, prol.: «facilius cuilibet legenti altercationum vestrarum veritas patebit»; II, prol.: «lector scire cupiens... colligat et... cognoscat».

⁶⁶ Следует, правда, отметить, что вплоть до конца IX в. на территориях бывшей римской Галлии многие в большей или меньшей степени были способны воспринимать латынь на слух. В этой связи Р. Райт даже предлагает говорить о своего рода монолингвизме населения западно-франкских провинций в VIII–IX вв. По его мнению, каролингская латынь и многочисленные романские диалекты в то время еще представляли собой различные уровни развития одного и того же языка. Подробнее см.: *Wright R. Late Latin and early Romance in Spain and Carolingian France*. Liverpool, 1982; *Idem*. Latin and the

зом, оказываются произведением для посвященных. Среди наиболее вероятных читателей прежде всего следует назвать самого Карла, а также его ближайшее окружение⁶⁷. Нитхард, один из королевских *participes secretoꝝ*, просит у них соисхождения за возможные пробелы и недостатки, которых следовало бы избежать из-за важности описываемого предмета⁶⁸. В том, что эти люди были способны прочесть его сочинение, сомневаться не приходится. Карл получил хорошее образование в дворцовой школе. Его учителем был Валафрид Страбон, один из самых эрудированных интеллектуалов своего времени, сумевший привить юному королю вкус к приобретению новых знаний⁶⁹. Среди светской аристократии грамотный человек в те времена также не был большой редкостью⁷⁰.

Romance languages in the early middle ages. L., 1991. См. также: *Banniard M.* Viva Voce: communication écrite et communication orale du IV-e siècle en occident latin. P., 1992. Однако это утверждение следует принимать с известной долей условности, иначе будет трудно понять, почему Нитхард посчитал необходимым воспроизвести текст Страсбургской клятвы на трех (!) языках: Nith., III, 5.

⁶⁷ Д. Нельсон полагает, что в ближайшем окружении Карла Лысого в 841–843 гг. насчитывалось не более двенадцати *primores*: *Nelson J. L.* Public Histories... P. 256. Их примерный список она попыталась реконструировать (P. 290–291).

⁶⁸ Nith., I, prol.: «si quod minus vel incultius quam oportuerit pro rerum magnitudine, huic operi inveneritis insertum... venia a vobis vestrisque mihi debetur».

⁶⁹ Перечень книг из библиотеки Карла Лысого, которая появляется уже с первых лет его царствования и постоянно пополнялась на протяжении всей его жизни, демонстрирует устойчивый интерес короля к теологии, истории, агиографии и различным вопросам государственного управления. Подробнее см.: *McKitterick R.* Charles the Bald (823–877) and his library... P. 28–47. По инициативе Карла был организован перевод с греческого многочисленных памятников агиографической литературы, а также трактатов Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника. См.: *Riché P.* Les écoles et l'enseignement... P. 78.

⁷⁰ В IX в. некоторые светские магнаты из числа австразийской знати, подражая королям, обзаводятся довольно солидными библио-

К середине IX столетия каролингское общество уже начало пожинать плоды «возрождения»⁷¹.

Количество читателей, на которых рассчитывал Нитхард, было довольно ограниченным. Вряд ли он искал их за пределами «ближнего круга» короля. Вне этой социальной среды его сочинение мало кого могло заинтересовать⁷². Но среди

теками. Например, в собраниях Эберхарда Фриульского и Эккарда Маконского помимо многочисленных книг религиозного содержания (Библия и ее отдельные части, литургические и житийные сочинения, сборники проповедей, пенитенциалии, зерцала, сочинения отцов церкви) имелись труды по истории, кодексы римского права и сборники варварских законов, бестиарий, космография, а также трактаты по военному делу, медицине и даже сельскому хозяйству: *Riché P. Les bibliothèques de trois aristocrates laics carolingiens // Le Moyen Âge. № 69. 1963. P. 87–104*. Эти библиотеки были в высшей степени функциональны. Их фонды предназначались для непосредственного практического применения и позволяли получать сведения по различным областям знаний. Десятками рукописей располагали и другие каролингские магнаты, например графы Вильгельм и Ротхарий, пожертвовавшие свои коллекции в библиотеки основанных ими монастырей, Геллоне и Шарру соответственно. А персональные библиотеки клириков и монахов вообще были довольно распространенным явлением в каролингскую эпоху: *Riché P. Les écoles et l'enseignement... P. 300–303; Lesne E. Histoire de la propriété ecclésiastique... T. IV. P. 452–461*. Высокий уровень образованности в среде каролингской аристократии, по мнению Р. МакКиттерик, является достаточным основанием для того, чтобы дифференцировать ее представителей не только по происхождению, количеству богатств и масштабам влияния, но и по уровню грамотности: *McKitterick R. The Carolingians and the written word... P. 245–250*.

⁷¹ Характерно, что среди *litterati* в это время мы встречаем немало женщин: *Lesne E. Op.cit. P. 451*. Некоторые из них, такие как Дуода Септиманская или дочери Эберхарда Фриульского, демонстрировали весьма значительную начитанность и отнюдь не только в области религиозной литературы. Такие женщины зачастую оказывались и первыми учителями собственных детей. Подробнее см.: *McKitterick R. The Carolingians and the written word... P. 223–227, 247–248*.

⁷² На отсутствие сколько-нибудь заметного интереса к сочинению Нитхарда у современников и потомков указывает состояние

королевских *primores* к нему наверняка отнеслись с большим вниманием⁷³ прежде всего потому, что «Истории», утверждающие законность и богоугодность деяний Карла, должны были немало способствовать конституированию и сплочению этой группы, а также выработке у ее представителей особого самосознания⁷⁴. Здесь мы вновь сталкиваемся с одной из важнейших функций каролингской и, более широко, средневековой историографии — историческое произведение призвано консолидировать определенную микрогруппу. Д. Нельсон справедливо полагает, что историописание в каролингском обществе первой половины IX столетия кроме всего прочего могло рассматриваться и как особый способ участия интеллектуалов в королевских *concilia*. Письменный текст приравнивался к устному высказыванию и содержал в себе практические указания к действию⁷⁵. Всякая «текстуальная» критика имела смысл, прежде всего, с этой точки зрения. Нитхард критиковал Адельхарда, явно рассчитывая на то, что это будет иметь определенные последствия. И случайно ли последний

рукописной традиции. «Истории» дошли до нас в единственной рукописи второй половины X в. Очевидно, других экземпляров не было вовсе. Во всяком случае «Истории» оставались неизвестны широкому кругу читателей на протяжении всего средневековья. Лишь автор анонимной *Historia rerum Francorum*, составленной в XIII в., цитирует этот текст. Подробнее см.: Müller E. Praef. S. IX; Lauer Ph. Intro. P. XVII.

⁷³ Р. МакКиттерик полагает, что сочинение Нитхарда так никогда и не дошло до той аудитории, которой предназначалось: McKitterick R. The Carolingians and the written word... P. 237 (напротив, в более ранней работе она утверждала, что оно должно было находиться в библиотеке Карла Лысого: McKitterick R. Charles the Bald (823–877) and his library... P. 32). Это предположение не кажется слишком убедительным. Текст «Историй» явно указывает на то, что он писался в непосредственной близости от тех, кто должен был его читать. Нитхард завершал вторую книгу в монастыре Сен-Клод осенью 841 г., когда монастырь на время превратился в базовый лагерь Карла и его сторонников (Nith., II, 10).

⁷⁴ Подробнее см.: Сидоров А. И. «Ближний круг»...

⁷⁵ Nelson J. L. History-writing... P. 438.

был удален от двора менее чем через год? Как бы то ни было, такого рода функциональность историографии со счетов сбрасывать не следует.

Еще один спорный вопрос — располагаем ли мы полным текстом «Историй» или всего лишь фрагментом, хотя и достаточно обширным? Однозначного ответа здесь дать практически невозможно. До нашего времени дошла лишь одна рукопись второй половины X столетия⁷⁶. Большинство исследователей полагает, что труд Нитхарда завершен⁷⁷. Их аргументация сводится к доказательству концептуальной целостности данного произведения: оно заканчивается тем же, чем и начинается — описанием «золотого века» Карла Великого. Заключительная глава, исполненная крайнего пессимизма, якобы позволяет думать, что автор сознательно прервал свой труд, не видя никакого смысла в его продолжении⁷⁸. Однако выше мы уже говорили, что этот текст можно прочитать совсем иначе и тогда «начало» и «конец» оказываются простым совпадением. Разумеется, это всего лишь предположения. На завершенность текста как будто указывает и состояние рукописи. Правда, последний лист, на котором располагаются пять заключительных строк седьмой главы четвертой книги, обрзан. Однако на лицевой стороне внизу правой колонки имеется

⁷⁶ Рукопись происходит из монастыря св. Медарда близ Суассона. В настоящий момент она находится в Парижской национальной библиотеке (BN lat. 9768). Все академические издания сделаны именно с этого кодекса. Исследователи по-разному датируют рукопись. Ф. Лоэр относил ее к концу IX в.: *Lauer Ph. Introd.* P. XIV. Его точку зрения разделяет А. Крах: *Krah A. Op. cit.* S. 172. М. Манициус и Д. Нельсон более обоснованно полагают, что говорить следует о второй половине или конце X в.: *Manitius M. Op. cit.* Bd. 1. S. 660; *Nelson J. L. Public Histories...* P. 252. В Парижской национальной библиотеке имеется также рукопись XV в. (BN lat. 14663), которая является неполной копией суассонской рукописи.

⁷⁷ Вслед за М. Манициусом на незавершенности произведения настаивает лишь Д. Нельсон: *Manitius M. Op. cit.* Bd. 1. S. 658; *Nelson J. L. Public Histories...* P. 253.

⁷⁸ *Müller E. Praef.* S. VI; *Ganshof F. L. L'historiographie...* P. 655.

одна чистая строчка. Левая колонка и вовсе не использована (fol. 18r col. 1–2). Чистой остается и лицевая сторона следующего листа, на обороте которого начинаются «Анналы» Флодорда (fol. 19r-v). Можно думать, что переписчик скопировал весь текст, имевшийся в его распоряжении: в нескольких местах он старательно оставил пробелы, вероятно, восходящие к первоисточнику⁷⁹. Тем не менее один пассаж из шестой главы четвертой книги позволяет думать, что сочинение Нитхарда могло быть несколько бóльшим по объему. Автор заверяет читателей в том, что он уже рассказывал о женитьбе Карла на племяннице Адельхарда⁸⁰, но ничего подобного в тексте обнаружить не удастся. Что же касается концептуальной целостности произведения — она очевидна.

В суассонской рукописи имеются три вставки, сделанные позднее одним из читателей Нитхарда, скорее всего монахом-переписчиком X в. В первой главе первой книги сообщение о смерти Карла Великого дополнено довольно неуместной цитатой из *Vita Karoli* Эйнхарда⁸¹. Упоминание аахенского дворца в первой главе четвертой книги сопровождается пояснением, что «тогда это была главная королевская резиденция Франции»⁸². И наконец, в завершении второй главы третьей книги

⁷⁹ На оборотной стороне четырнадцатого листа имеются два довольно больших пробела после слов «Evenit Lodhuvico omnis Frisia et cetera...» и «Karolo vero...» в три и четыре строчки соответственно (fol. 14v col. 2). Несколько слов пропущено и на пятнадцатом листе между словами «maxime... adiit» (fol. 15r col. 2) и «absque... illi» (fol. 15v col. 2). Эти пробелы были заполнены в XVI в. рукой П. Питу, первого издателя сочинения Нитхарда.

⁸⁰ Nith., IV, 6: «Accepit quidem Karolus, uti praefatum est (курсив мой. — А. С.), in coniugio... neptem Adelhardi».

⁸¹ Карл Великий скончался «около трех часов дня» (hora videlicet plus minus diei tertia... decedens) (Nith., I, 1). Ср. у Эйнхарда: Карл «умер... в три часа дня» (decessit... hora diei tertia) (Einhard., 30). На заимствование этой фразы из *Vita Karoli* обратил внимание Мейер фон Кнонау: Meyer von Knonau G. Op. cit. S. 92. Anm. 2.

⁸² Nith., VI, 1: «Aquis palatium (quod tunc sedes prima Frantiae erat)».

в середине предложения помещена довольно длинная фраза, отредактированная читателем XI в., а затем продолженная на полях читателем XII в. Очевидно, кто-то из монахов аббатства Сен-Медард посчитал уместным упомянуть здесь о посещении монастыря Карлом Лысым в 841 г. и о просьбе братии подействовать в перенесении святых мощей в новую церковь, «где они теперь покоятся»⁸³. Исследователи высказывали различные предположения по поводу авторства этих вставок⁸⁴. Однако проблема остается нерешенной и по сей день. Тем не

⁸³ Fol. 11r col 2. Текст XI в. представляет собой палимпсест и состоит из перечня святых, вставленного в строку после слов «deprecantes ut corpora sanctorum Medardi, Sebastiani, Gregorii, Tiburtii, Petri et Marcellini, Marii, Marthe, Audifax et Abacuc, Honesimi, Meresme et Le(ocadie)» (курсив мой. — А. С.). Последнее имя не дописано из-за нехватки места. Перед началом следующего предложения помещен крест, отсылающий к фразе внизу страницы, которая, скорее всего, была стерта в колонке: «...in basilicam ubi nunc quiescunt». Строчка написана той же рукой XI в. Читатель XII в. продолжил на полях список святых: «Mariani, Pelagii et Mauri, Floriani cum sex fratribus suis, Gildardi, Sereni et domni Remigii (далее идет почти совсем стертая строка: Remensium archiepiscopi) Rotomagorum archiepiscopi». Непосредственно в тексте рукой XII в. поверх креста между строк дописано имя Le(ocadie). Очевидно, этот же читатель поместил в текст схематичное изображение трехнефной церкви, нарисованное красной краской. Рисунок как бы включает в себя имена святых от Медарда до Леокадии, похороненных в церкви. Краской помечен и список на полях. Скорее всего, анонимный монах Сен-Медарда сделал это для того, чтобы другие читатели, вероятно, из монастырской братии, сразу могли найти нужное место.

⁸⁴ Э. Мюллер полагал, что вставки принадлежат автору XI в., составившему также *Translatio ss. Tiburtii, Marcellini et Petri*: Müller E. Praef. S. XI; Критический анализ вставки в III, 2 подробнее см.: Müller E. Die Nithard Interpolation und die Urkunden- und Legendenfälschungen im St. Medarduskloster bei Soisson // NA. № 34. 1909. S. 681–722. По мнению М. Бухнера, они сделаны еще в IX в. Хильдвином, аббатом монастыря Сен-Медард, которому ученый приписывает также авторство анонимной *Vita Hludowici imperatoris*: Buchner M. Op. cit. S. 44.

менее последняя вставка, несомненно, обладает самостоятельной познавательной ценностью. Она наглядно демонстрирует, каким образом исторические сочинения, написанные в разное время и в разных местах, адаптировались применительно к локальным нуждам конкретных институтов, в данном случае — монастырской общины. Даже случайное упоминание монастыря в хронике, составленной «на злобу дня» в совершенно других социокультурных условиях, использовалось монахами для прославления собственной обители и обоснования авторитетности хранившихся здесь мощей.

* * *

Следующий вопрос, который следует задать: как Нитхард выстраивает рассказ, как организует материал, какими приемами и методами пользуется, какими топосами оперирует? Даже при самом поверхностном знакомстве с текстом бросается в глаза его дихотомичность. Весь текст построен на противопоставлениях. Прежде всего, Карл естественным образом противопоставляется своим врагам — Лотарю и его людям. Однако автору этого недостаточно. Он стремится показать принципиальные различия между ними, для чего необходимо идентифицировать тех и других. Нитхард выбирает единственно верный, как ему кажется, критерий — моральные качества, которые непременно проявляются в поведении.

Лотарь и его приверженцы — враги Карла Лысого предстают в описании историка средоточием всех возможных пороков. Прежде всего, они нарушают клятвы и постоянно склоняются к неверности. Еще в малолетство Карла император Людовик обратился к сыновьям с просьбой позволить ему пересмотреть условия *Ordinatio imperii* и выделить младшему отпрыску часть уже поделенных земель. «Лотарь согласился и подтвердил согласие клятвой, что отец может дать сыну ту часть королевства, которую пожелает... Но подстрекаемый Гуго (Турским), чью дочь Лотарь назвал женой, а также Матфридом (Орлеанским) и другими, он раскаялся позже в том, что сделал, и искал возможности устранить совершен-

ное»⁸⁵. Лотарь постоянно организует заговоры против отца, при этом, заверяя его в сыновней покорности и готовности подчиниться любому его приказанию⁸⁶. Верность для него ничего не значит. Сам изменник, он постоянно склоняет к предательству людей Карла и Людовика Немецкого⁸⁷. Даже по отношению к собственным сторонникам Лотарь ведет себя подло. После подавления мятежа 830—831 гг. «те, которые были связаны с Лотарем, предстали перед (королевским) судом, и самим Лотарем были осуждены на смерть или отправлены в изгнание, если им была дарована жизнь»⁸⁸. Казнить собственных *primores*, чтобы оправдаться перед отцом! Можно думать, что Нитхарду — и его читателям — подобное представлялось поистине чудовищным преступлением. Разумеется, старший сын императора Людовика заставляет служить себе не иначе, как угрожая лишением земель и даже жизни. После смерти отца он поспешно отправился из Италии в Аахен, послав вперед себя гонцов. Те должны были «связать колеблющихся присягой на верность» и заставить их «как можно скорее двинуться ему навстречу. Тем же, кто не пожелает этого сделать, он велел пригрозить смертью»⁸⁹. Нитхард и сам пострадал от коварства Лотаря — за отказ перейти к нему на службу император лишил его ленов⁹⁰. Лотарю неведомо сострадание, он разоряет церкви и жестоко расправляется с пленными хрис-

⁸⁵ Nith., I, 3: «Lodharius consensit ac sacramento testatus est, ut portionem regni quam vellet eidem pater daret... Instigante autem Hugone, cuius filiam in matrimonium Lodharius duxerat, ac Mathfrido ceterisque, sero se hoc fecisse penituit et, quemadmodum illud quod fecerat annulare posset, querebat».

⁸⁶ Nith., I, 3, 5.

⁸⁷ Nith., II, 2, 3, 4, 7.

⁸⁸ Nith., I, 3: «hi qui cum Lodhario senserunt in concilium deducti et ab ipso Lodhario ad mortem diiudicati aut vita donata in exilium retrusi sunt».

⁸⁹ Nith., II, 1: «Dubios quoque fidei sacramento firmari praecepit; insuper autem iussit, ut, quantotius possent, obviam illi procederent, nolentibus vero capitate supplicium ut praediceretur, indixit».

⁹⁰ Nith., II, 2: «Insper etiam, quoniam ad ipsum se vertere frustrata fide noluerunt, honoribus, quos pater illis dederat, privavit».

тианами. Взяв штурмом город Шалон, «он приказал сжечь его вместе со всеми церквями. (Монахиню) Гербергу он повелел... утопить в Соне, (графов) Гоцхельма и Сенилу обезглавил»⁹¹. Братья устами Нитхарда постоянно призывают Лотаря «отказаться от преследования святой божьей Церкви, сжалиться над бедными вдовами и сиротами, не терзать войной королевство... и не заставлять христиан убивать друг друга»⁹². Они просят мира, а он склоняется к войне. Накануне битвы при Фонтенуа братья не раз отправляли к Лотарю послов с мирными предложениями. Но он отверг их, заявляя, что «желает битвы и ничего другого». Тогда Карл и Людовик, зная коварный нрав старшего брата, просили его о том, чтобы сражение состоялось «без всякого обмана и хитрости»⁹³. Картина глубины морального падения Лотаря дополняется сообщением о том, что для реализации своих подлых планов он не постыдился прибегнуть к помощи язычников. «Он отправил гонцов к саксам и велел им обещать... что, если они последуют за ним, он возвратит им закон, который они имели еще во времена язычества... Кроме того, Лотарь призвал на помощь норманнов и отдал им во владение часть христианских земель, а также позволил им грабить другие христианские народы»⁹⁴.

Между тем Карл выступает в «Историях» полной противоположностью старшего брата. Он верен своим клятвам, постоянно стремится к миру и жаждет справедливости. Он с

⁹¹ Nith., I, 5: «una cum ecclesiis incendit. Gerbergam... in Ararim mergi praecepit, Gozhelmum et Senilam capite punivit».

⁹² Nith., III, 3: «cesset a persecutione sanctae Dei ecclesiae, misereatur pauperum, viduarum orfanorumque et regnum... ut ingrediatur omittat, ne forte iterato populum Christianum ad cedem mutuam confluere compellat».

⁹³ Nith., II, 10.

⁹⁴ Nith., IV, 2: «hinc etiam in Saxoniam misit... promittens, si secum sentirent, ut legem, quam antecessores sui tempore, quo idolorum cultores erant, habuerant, eandem illis deinceps habendam concederet... Insuper autem Lodharius Nortmannos causa subsidii introduxerat partemque Christianorum illis subdiderat, quibus etiam, ut ceteros Christianos depredarent, licentiam dabat».

презрением отвергает предложение Лотаря разорвать союз с Людовиком, скрепленный клятвой⁹⁵. Ради общего благополучия он готов пожертвовать даже жизнью⁹⁶. Карл не бежит от опасностей, он отважный и благородный воин. «Когда Карл узнал, что его преследует Лотарь, он тотчас покинул свой лагерь... и двинулся навстречу брату, чтобы... померяться силами в открытом бою»⁹⁷. Переправляясь через Сену, берега которой были заняты врагом, он посылает вперед себя людей, чтобы предупредить о своем прибытии и «предложить прощение каждому, кто хотел его получить»⁹⁸. Карл заботится о своих *rimores*. Узнав, что один из них, некий Адельгар, брошен в тюрьму в городе Лаон, он немедленно спешит ему на выручку и за ночь преодолевает расстояние в тридцать миль, несмотря на сильные заморозки. Адельгар освобожден, но этого мало. «Побужденный состраданием к церквям божьим и всему христианскому народу», Карл запрещает своим людям разорять город и ограничивается лишь выражением покорности со стороны жителей⁹⁹. Разумеется, такого сеньора окружают исключительно преданные, отважные и благородные сподвижники. Среди опасностей, не имея ничего «кроме собственных тел и жизней, они охотнее соглашались умереть с честью, чем предать и оставить своего короля»¹⁰⁰. Карл милостив и всегда готов простить раскаявшегося врага. Несколько раз обманутый Бернардом Септиманским, Карл неожиданно напал на него, так что тот едва спасся бегством. Однако стоило Бернарду попросить о пощаде и поклясться в верности, как Карл «наделил его дарами и своей благосклонностью и принял в круг своих

⁹⁵ Nith., III, 3.

⁹⁶ Nith., II, 5.

⁹⁷ Nith., II, 9: «Cumque Karolus a Lodhario persequi se didisset... ut absque qualibet difficultate, si Lodharius vellet, congregi possent, protinus obviam illi perrexit».

⁹⁸ Nith., II, 6: «ingressus praemittit, qui se venturum prenuntient, unicuique volenti delicta cedens».

⁹⁹ Nith., III, 4.

¹⁰⁰ Nith., II, 4: «nihil praeter vitam et corpora reliquum habebant, elegerunt potius nobiliter mori quam regem proditum derelinquere».

друзей»¹⁰¹. Разумеется, Господь в споре братьев стоит на его стороне — победа при Фонтенуа продемонстрировала это всем¹⁰². Но правда приоткрылась ему еще раньше, когда накануне Пасхи неожиданно прибыли послы из Аквитании и торжественно вручили Карлу корону и королевские украшения. Это было тем более удивительно, пишет Нитхард, что Карл никогда не знал, где он будет находиться завтра. «Это событие показалось всем особым даром и знамением Божиим и... возбудило твердую надежду на спасение»¹⁰³. Высокие моральные качества Карла находят прямое продолжение в его физических и интеллектуальных достоинствах. Вместе с Людовиком, своим братом и союзником, они составляли славную пару. «Оба были среднего роста, красивы собой, в равной степени образованны и ловки во всякого рода телесных упражнениях; оба отважны, щедры, рассудительны и красноречивы»¹⁰⁴.

Характеристики Лотаря и Карла являют собой два законченных образа, лишенных малейших полутонов и какой-либо эволюции. Они почти целиком состоят из обычных для того времени топосов. «Свои», Карл и его сподвижники, с которыми идентифицирует себя Нитхард, предстают пред читателем носителями высоких моральных качеств. Они верны клятвам, отважны и честны в бою, жаждут мира, защищают церковь, вдов и сирот, служат справедливости, милосердны. Господь любит таких и потому помогает им.

«Чужие», Лотарь и его люди, наделяются самыми негативными чертами. Они склонны к изменам, трусливы и коварны, раздувают пожар войны, повсюду сеют грабежи и раздоры, причиняют зло церкви и христианскому народу, дружат

¹⁰¹ Nith., II, 5: «ditatum muneribus et gratia in societatem amocotiae suscepit».

¹⁰² Nith., III, 1.

¹⁰³ Nith., II, 8: «Quem... eventum haud aliter quam munere ac nutu divino visum est... maximam ad spem salutis erexit».

¹⁰⁴ Nith., III, 6: «Erat quidem utrisque forma mediocris cum omni decore pulchra et omni exercitio apta; erat uterque audax, largus, prudens pariter et eloquens».

с язычниками. Они предали Бога и Всевышний отвернулся от них — они обречены на поражение. Трудно отделаться от мысли, что противопоставление Карла и Лотаря представляет собой конкретно-историческую интерпретацию традиционной библейской модели о нравственной чистоте младших братьев и моральной испорченности старших. Эта модель фигурирует во многих памятниках каролингского времени, в том числе историографических. Ее можно обнаружить у Павла Диакона, Эйнхарда, Анонима-Астронома. Но особенно интенсивно ее эксплуатирует Теган.

Противопоставлением «своих» и «чужих», наделенных соответствующими моральными характеристиками, определяется отбор и оценка фактов в «Историях». Кроме того, они служат основой построения причинно-следственных связей. Последние в интерпретации Нитхарда получают весьма своеобразную трактовку. Они характеризуются неизменной статичностью. «Война братьев» представляется автору запрограммированной и, в сущности, неизбежной. Ее корни — в изначальной моральной испорченности Лотаря. Строго говоря, вся первая книга, в которой Нитхард стремится изложить «происхождение междоусобий», посвящена раскрытию дурного нрава старшего сына императора Людовика. Автор даже не пытается объективно анализировать события и факты. Он использует их исключительно в качестве иллюстраций для заранее известной картины. Картина же эта предустановлена Богом. То, что Он практически не появляется на страницах «Историй», не должно вводить в заблуждение. В самые ответственные моменты автор и его герои апеллируют к Вседержителю, а отдельные события предоставляют им возможность постичь Его волю (например, в случае с битвой при Фонтенуа). Таким образом, «античный» рационализм Нитхарда-политика, о котором столь часто говорили исследователи, на поверку оказывается довольно поверхностным. Автор «Историй» во всем остается сыном своего века.

Однако за текстом угадывается реальность. Местами она прорывается к читателю вопреки воле автора. За обвинениями Лотаря в коварстве и в том, что он постоянно сманивает у

братьев их верных, угадывается его большая популярность и страх Карла, чье положение было далеко не таким прочным. На сторону Лотаря переходят очень многие. Среди «переметчиков» мы встречаем таких могущественных аристократов, как аббат Сен-Дени Хильдвин или граф Парижский Герард¹⁰⁵. Знать Австразии и Нейстрии делала выбор явно не в пользу Карла. Впрочем, последний при случае и сам аналогичным образом старался пополнить число своих сторонников. Однако Нитхард подает это как «предоставление прощения каждому, кто хотел (его получить)»¹⁰⁶.

Равным образом «трусость» Лотаря скрывает за собой явное нежелание решать дело о наследстве с помощью оружия. Поэтому он вынужден искать, «при помощи каких хитростей он мог бы, избежав сражения, обмануть и одолеть Карла»¹⁰⁷. Наибольшая вина в разжигании «войны братьев» лежит как раз на Карле, который никак не желал уступать своей доли наследства, выделенной незадолго до смерти Людовика Благочестивого из земель Лотаря. Это обстоятельство побуждает Нитхарда пространно рассуждать о том, что *utilitas publica* поκειται не на *unitas imperii*, как утверждали сторонники Лотаря — представители «партии единства», а на *concordia fratrum* — братья должны владеть примерно равными долями королевства франков, и только при этом условии они смогут жить в мире и согласии друг с другом¹⁰⁸. Таким образом, Нитхард предстает перед нами сторонником традиционной для франков формы наследования, уходящей своими корнями в далекое германское прошлое. Можно думать, что его взгляды разделяли многие каролингские аристократы. Радикальные

¹⁰⁵ Nith., II, 3

¹⁰⁶ Nith., II, 6.

¹⁰⁷ Nith., II, 4: «Lodharius... quo astu absque praelio illum (т. е. Карла. — А. С.) decipere ac superare posset, operam dabat».

¹⁰⁸ Подробнее см.: Сидоров А. И. Представление об «общем благе» в сочинении раннесредневекового хрониста Нитхарда // Науч. тр. Моск. пед. гос. ун-та. Серия: социально-политические науки. М., 2000. С. 190–197.

преобразования Карла Великого и Людовика Благочестивого, покоящиеся на августиновских идеях, едва ли были глубоко усвоены даже в кругах социальной элиты, не говоря уже о других слоях общества.

* * *

Итак, «Истории» Нитхарда представляют собой еще один вариант историографического осмысления реальности. Окружающая действительность представляется Нитхарду биполярной. Она состоит только из светлого или темного, хорошего или плохого. Никаких полутонов и оттенков. Не то чтобы они вовсе отсутствовали в реальной жизни. Просто Нитхард их не замечает. Такая дихотомия, весьма характерная для средневекового сознания в целом, обретает в «Историях» абсолютный характер. На противопоставлениях выстраивается весь рассказ: «общая польза» — «частный интерес», «свои» — «чужие», «добродетели» — «пороки». Носителями доброго начала являются Карл и его люди. Напротив, Лотарь и его приверженцы выражают все самое отрицательное. Никакой эволюции образов здесь мы не встретим.

«Истории» писались, прежде всего, как оправдательный документ и вместе с тем как определенная идеологическая программа. Нитхард ориентирован на настоящее, в нем ищет все необходимые аргументы. Его не интересует древность, потому что она ничего не дает для реализации поставленной задачи. Это поразительное равнодушие к прошлому простирается даже до того, что автор не проводит никаких исторических параллелей, хотя он читал римских историков и, разумеется, знал Библию.

Очевидно «Историям» отводилась особая роль в партийной идентификации и консолидации довольно зыбкого на первых порах круга сторонников Карла Лысого. Текст писался главным образом для них и одним из них. Может быть, отчасти, поэтому он лишен какой-либо интеллектуальности. Мы не встретим здесь никаких цитат — следовательно, апелляция к авторитетам не была непременным условием историко-

графической работы. Специфическими задачами текста объясняется также и практически полное отсутствие в нем дидактического начала. Некоторые элементы наставления, да и то в сильно завуалированной форме, появляются лишь к концу четвертой книги.

Нитхард совершенно пренебрегает церковной хронологией. Он располагает факты не относительно тех или иных церковных праздников, а отталкивается от реальных политических событий. Первые две книги завершаются победой над Лотарем при Фонтенуа. Третья — его отступлением к Роне. Известная незавершенность четвертой книги не позволяет с уверенностью сказать, чем она должна была закончиться. Вышесказанное представляется тем более удивительным, что Нитхарда вряд ли можно с уверенностью назвать мирянином. Сын одного из самых известных каролингских аббатов, учившийся в монастыре или дворцовой школе, насквозь проникнутой церковным началом, граф-аббат Сен-Рикье, он, безусловно, должен был испытать значительное влияние церковной культуры. Однако его произведение почти полностью ее игнорирует. Следовательно, в каролингское время был вполне возможен существенно иной взгляд на историю: вполне рациональный и даже светский. Манера историописания Нитхарда значительно отличается от той, что была присуща Павлу, Эйнхарду, Астроному и Тегану и скорее напоминает ту, что, вероятно, была характерна для Адемара. Наш автор не являлся ни кабинетным ученым, ни, так сказать, профессиональным клириком. Он не прошел необходимой школы и не приобрел тех навыков интеллектуальной работы, которыми владели они. Он не ищет в исторической реальности некий таинственный высший смысл, скрытый от посторонних глаз. Он не раскрывает «деяния Бога через людей», но описывает поступки последних, видя причины земных событий в моральном совершенстве или испорченности своих героев.

Не будь Нитхард воином и политиком, привыкшим проводить время в походах, а не в тиши библиотек, его «Истории», скорее всего, мало, чем отличались бы от «Жизнеописания Людовика». Это была бы компиляция чужих текстов с

фрагментами лично пережитого. При желании Нитхард легко мог бы раздобыть значительное количество письменных свидетельств об интересующих его сюжетах — анналов, королевских биографий и др. Невозможно поверить, что он не знал об их существовании. Однако он их совершенно игнорирует и предпочитает основываться на собственных наблюдениях или сообщениях очевидцев. Как мы видели, он использует лишь документальные материалы, да и то скорее для уточнения отдельных моментов (например, для обозначения территориальных разделов), нежели для построения сентенций. Аргументация Нитхарда не носит литературного характера. Он не привлекает Библию или труды авторитетов для подкрепления своих положений. Он исходит, скорее, из расхожих представлений, черпая их в ментальном пространстве эпохи. Такая писательская манера, с одной стороны, и трактовка истории — с другой, были глубоко чужды церковной культуре. Можно предположить, что именно поэтому сочинение Нитхарда не обрело большой популярности ни у современников, ни у потомков.

ИСТОРИК В ЛУЧАХ ЗАКАТА: РЕГИНОН ПРЮМСКИЙ И ЕГО «ХРОНИКА»

В этой главе мы обратимся к сочинению, которое можно считать в полном смысле слова рубежным для каролингской историографии — хронике Регинона, аббата Прюмского монастыря¹. Она появилась в самом начале X в. и стала последним крупным историческим произведением великой эпохи, стремительно уходящей в прошлое. Далее наступает молчание длительностью в несколько десятилетий. Затяжной политический кризис, сопровождавшийся ослаблением королевской власти и ростом влияния магнатов, а также многочисленные набеги норманнов и венгров пагубно сказались на судьбе историографии. Многие центры каролингской культуры приходят в упадок. Прекращается переписка рукописей, перестают писать «истории» монастырей и епископств, исчезает хронистика. Серьезные трудности переживает анналистика. Она возвращается в примитивное состояние, к редким фрагментарным записям, составленным на очень плохом языке, и постепенно вовсе замирает. В условиях крайней социальной нестабильно-

¹ Хроника была впервые опубликована в 1521 г. Себастьяном фон Ротенханом: Sebastian von Rotenhan. Reginonis monachi Prumiensis annales, non tam de Augustorum vitis, quam aliorum Germanorum gestis et docte et compendiose disserentes, ante sexigentos fere annos editi. Moguntia, 1521. Это издание стало основой для всех последующих публикаций, включая публикацию Г. Пертца в *Monumenta Germaniae Historica: Reginonis Chronicon* // MGH. SS. T. 1. P. 537–612. В 1890 г. Ф. Курце подготовил новое отредактированное издание Хроники: *Regino. Chronicon* // MGH. SS. in us. schol. Hannover, 1890. Этот текст с незначительными изменениями и параллельным переводом Э. Дюммлера воспроизведен Р. Пау в: *Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte*. Bd. 3. Berlin, 1960. S. 179–319.

сти некоторое оживление испытывает разве что агиография и литература жанра *translationes*². Собственно историческая мысль возрождается лишь во второй половине столетия. Но в трудах Видукинда Корвейского, Лиутпранда Кремонского или Рихера Реймского, в жизнеописаниях представителей саксонского дома, в анналистике мы сталкиваемся уже с чем-то существенно иным, что позволяет нам говорить о начале национальных историографий. Разумеется, они оглядываются на предшествующую эпоху, питаются ее соками, но их собственные приоритеты и круг интересов заметно изменяются.

* * *

Биографических сведений о Региноне сохранилось очень немного³. По свидетельству Прюмских анналов XVI в., достоверность сообщений которых, впрочем, не оспаривается большинством современных исследователей, Регинон родился около 840 г. в знатной семье в местечке Альтрип неподалеку от Шпайера. Уже в раннем возрасте, видимо, при аббате Ансбальде, он оказался в Прюмском монастыре. Можно предположить, что он являлся облатом — для IX в. ситуация вполне обычная⁴.

² О судьбах каролингской историографии на рубеже IX—X вв. подробнее см.: Löwe H. *Geschichtsschreibung der ausgehenden Karolingerzeit...* S. 1—30.

³ О жизни и деятельности Регинона подробнее см.: *Wattenbach-Levison*. Op. cit. Bd. 1. (6 Aufl.) S. 257—262; *Manitius M.* Op. cit. Bd. 1. S. 695—701; *Schmitz G.* Regino von Prüm // *Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon*. Bd. 7. Berlin; N. Y., 1989. S. 1115—1122; *Eggert W.* Das ostfränkisch — deutsche Reich in der Auffassung seiner Zeitgenossen. Wien; Köln; Graz, 1973. S. 155—157; *Laudage J.* Regino // *LdM*. Bd. 7. München, 1995. S. 579—580; *Brunhölzl F.* Op. cit. Bd. 2. S. 82—89.

⁴ О преобладании практики *oblatio* над *conversio* в каролингскую эпоху см. подробнее: *Weitzel J.* Oblatio puerorum // *Vom-mittelalterlichen Recht zur neuzeitlichen Rechtswissenschaft*. Paderborn, 1994. S. 59—74; *Grundmann H.* Adelsbekehrung im Hochmittelalter // *Grundmann H.* *Ausgewählte Aufsätze*. Stuttgart, 1976. S. 127—131.

Как протекала жизнь Регинона в монастыре, определенно сказать трудно. Однако он, несомненно, пользовался у братии большим авторитетом и занимал одно из ведущих мест в монастырской иерархии. Недаром в 892 г., когда после очередного норманнского набега аббат Фараберт и большинство монахов, спасаясь от ужасного врага, покинули Прюм, оставшиеся избрали своим главой Регинона⁵. Ему досталось тяжелое наследство. За предшествующее десятилетие норманнские нашествия основательно расстроили монастырское хозяйство. Однако новый аббат вскоре преуспел в своей деятельности. При нем был составлен знаменитый Прюмский урбарий (893 г.), с помощью которого удалось реорганизовать монастырское землевладение, восстановлены разрушенные постройки, налажено производство. К Прюмской обители стала постепенно возвращаться ее бывшая слава.

Тем не менее благополучное правление Регинона оказалось недолгим. Уже в 899 г. из-за интриг представителей могущественного клана Матфридингов — Рихария, Герарда и Матфрида — он вынужден был оставить свой пост и перебраться в Трир⁶. Некоторые исследователи высказывали мнение, что за спиной этих магнатов стоял сам Карл Простоватый, король Западно-Франкского королевства⁷. Как бы то ни было, Регинон нашел радушный прием у архиепископа Трирского Ратбода. Из рук последнего он получил аббатство св. Мартина, незадолго перед тем сильно разрушенное норманнами. Вновь Регинону приходилось восстанавливать монастырское хозяйство. Но и на

⁵ Regin., 892: «Farabertus abba Prumiensis cenobii curam pastorem sua sponte per consecutum regis deposuit et ego, quamvis indignus, secundum regularem auctoritatem per electionem fratrum in regimine successi».

⁶ Regin., 899.

⁷ Эту точку зрения разделяют Й. Хаттунг и В. Ваттенбах: *Hatting J. Über Regino von Prüm // Forschungen zur deutschen Geschichte. Bd. XVIII. 1878. Neudr.: Osnabrück, 1968. S. 365–367; Wattenbach W. Op. cit. Bd. 1. S. 261; Г. Шмитц предлагает рассматривать это в качестве предположения: Schmitz G. Op. cit. S. 1120; против данной точки зрения высказался К. Ф. Вернер: Werner K. F. Zur Arbeitsweise des Regino von Prüm // WaG. № 1. 1959. S. 116.*

сей раз он блестяще с этим справился. Всего через несколько лет все было приведено в порядок, а сама обитель заново отстроена⁸. Таким образом, факты говорят о незаурядных организаторских способностях и деятельной натуре Регинона. Умер он в 915 г. в Трире и похоронен в аббатстве св. Максимиана — во всяком случае, там был обнаружен его надгробный камень⁹.

Даже при беглом взгляде на обстоятельства жизни бывшего Прюмского аббата заметно, что он как будто не поддерживал никаких отношений со своей семьей или родственниками. Во всяком случае, они не фигурируют в биографических данных источников, включая Хронику. Даже в самую трудную минуту Регинон не обращается к ним за помощью и предпочитает искать ее на стороне. Это совсем не характерно для развитого «семейного» сознания аристократии каролингского времени¹⁰. К сожалению, источники ситуации не проясняют. Остается лишь предполагать, что либо Регинон по неизвестным нам причинам лишился всех своих родственников (а это маловероятно), либо сознательно порвал с ними все отношения и обрел известную квазисемейственность в рамках монастырской общины.

Литературное наследие бывшего Прюмского аббата невелико, однако представляет для современного исследователя значительный интерес. Регинон оставил после себя три произ-

⁸ Vita s. Magnerici auctore Eberwino // MGH. SS. T. 8. P. 208: «Ecclesia autem illa longo ante tempore cum senio esset lapsa et vastatione Normannica cum ipsa civitate succensa, a Rabbodo Trevirensi episcopo Reginoni abbati, religioso cuidam et ecclesiastico viro, est commissa, et ab eo in pristinum statum reparata».

⁹ Сохранившийся фрагмент надгробной надписи воспроизведен Г. Пертцем: *Pertz G. Praef.*, P. 537: «... fessa Reginonis contineat ossa. Abbas egregius. Praefuit ipse pius. Coenobio quondam Prumiensi moribus almis postquam... o DCCCCXV». См. также: *Wattenbach W. Op. cit. Bd. 1. S. 259; Manitius M. Op. cit. Bd. 1. S. 697.*

¹⁰ В среде высшей каролингской аристократии семейные интересы, родовая солидарность подчас стояли выше даже отношений верности. Между тем, ценность последних была чрезвычайно велика. Подробнее см.: *Бессмертный Ю. Л. Мир глазами знатной женщины IX в. // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 83—107, особ. 95—96.*

ведения, написанные практически одновременно в 905—908 гг. Стремясь улучшить технику песнопения в трирском диоцезе он создал первый дошедший до нас средневековый *Tonarius*, объединивший мелодии для различных литургических книг. В качестве введения к этому труду Регинон написал небольшой трактат *De harmonica institutione*¹¹. Идея его мало оригинальна. По общему признанию исследователей автор находился под сильным влиянием Боэция, Макробия, Марциана Капеллы и Ремигия Осерского. В сущности, речь идет лишь о кратком изложении традиционной музыкальной теории¹². Однако трактат и еще более личные усилия Регинона по исправлению *confusi voces* были замечены и по достоинству оценены архиепископом Ратбодом. Вскоре ему была поручена чрезвычайно ответственная работа по созданию краткого систематического собрания канонов по важнейшим вопросам, касавшимся церковных и мирских дел. Этот новый компендиум должен был служить практическим руководством для епископа и его помощников во время инспекционных поездок по диоцезу. Так, в 906 г. появились *Libri duo de synodalibus causis et disciplinis ecclesiasticis*¹³, получившие очень широкое распространение и быстро снискавшие популярность — в свое время на них ссылался даже Бурхард Вормский¹⁴.

¹¹ Reginonis *De harmonica institutione* // PL. T. 132. Col. 483—502. Об этом сочинении подробнее см.: Huglo M. *Les Tonaires*. P., 1971. P. 71—89; Bernhard M. *Studien zur Epistola de armonica institutione des Regino von Prüm*. Wien, 1979.

¹² Schmitz G. *Op. cit.* S. 1117; Eggert W. *Op. cit.* S. 155; Manitius M. *Op. cit.* Bd. 1. S. 696; Brunhölzl F. *Op. cit.* Bd. 2. S. 83.

¹³ Reginonis abbatis Prumiensis libri duo de synodalibus causis et disciplinis ecclesiasticis / Ed. F. W. H. Wasserschleben. Leipzig, 1840 (Nachdr.: Graz, 1964). Об этом произведении подробнее см.: Fournier P. *L'oeuvre canonique de Reginon de Prüm* // BECH. № 81. 1920. P. 5—44; Frage G. *Germanisches Heidentum und christliche Erziehungsbemühen in der karolingische Zeit nach Regino von Prüm* // Theologische Studien und Kritiken. Bd. 106. 1934/35. S. 213—240.

¹⁴ Manitius M. *Op. cit.* Bd. 1. S. 696; Schmitz G. *Op. cit.* S. 1117—1118; Eggert W. *Op. cit.* S. 155.

Таким образом, Регинон предстает перед нами отнюдь не кабинетным ученым, но, скорее, практикующим пастырем, искренне радеющим за распространение и утверждение христианской религии¹⁵. Несомненно, тонарий и синодальные книги предназначались, прежде всего, для практического применения в рамках трирского диоцеза. Думается, неверно было бы приписать литературную активность нашего автора только благодарности по отношению к архиепископу Ратбоду, приютившему изгнанника. Весь образ жизни Регинона демонстрирует искреннюю и горячую религиозность (не здесь ли кроется одна из возможных причин его отстраненности от собственной семьи?). Думается, это принципиально важный момент, без которого невозможно сколько-нибудь верно оценить его главный литературный труд, принесший ему по-настоящему широкую известность¹⁶.

В 908 г. Регинон завершил свою «Хронику»¹⁷ и посчитал нужным точно указать дату ее окончания¹⁸. Она представляет

¹⁵ Ср.: *Brunhölzl F.* Op. cit. Bd. 2. S. 83.

¹⁶ Автографа «Хроники» не сохранилось. Однако первые рукописи восходят непосредственно к X в. Тогда же мы сталкиваемся с первыми попытками введения «Хроники» в литературный оборот — довольно значительный ее фрагмент заимствует автор Мецских анналов, а епископ Магдебурга Адальберт составляет к ней собственное *Continuatio*. В разное время к материалам «Хроники» обращались такие известные писатели, как Мариан Скотт, Гуго из Флавиньи, Герман из Райхенау, Оттон Фрайзингенский, *Annalista Saxo*. «Хроника» была известна авторам Райхерсбергских, Ниенбургских, Магдебургских анналов и даже нотарию венгерского короля Белы IV. Подробнее см.: *Pertz G.* Praef., P. 538—543; *Rau R.* Einleitung. S. 9—10; *Kurze F.* Handschriftliche Überlieferung und Quellen der Chronik Reginos und seines Fortsetzers // *NA.* Bd. 15. 1890. S. 295—312.

¹⁷ Называя собственное произведение, Регинон использует женский род: *Regin.*, prol.: «*Chronicam... comprehendi*». Однако издатели почему-то публикуют ее под мужским именем — *Chronicon*.

¹⁸ *Regin.*, prol.: «*Quam in duobus libellis distinxī, exordium capiens a primo incarnationis domonicae anno et consummans coeptum opus usque in presentem annum, qui computatur a prefata incarnatione Domini nongentesimus octavus*».

собой более или менее систематическое изложение истории христианского мира от Рождества Христова *ad tempora nostra* и доведена до 906 г. Основной текст автор предваряет небольшим введением, где излагает цели и задачи своего труда. Остановимся на нем подробнее. «Мне показалось возмутительным, что, в то время как деяния иберов, греков и римлян и других народов историографы тех времен, записав, передали нам, чтобы мы знали о них, о наших временах, хотя и более незначительных, сохраняется такое вечное молчание, что как будто в наши дни... не произошло ничего достойного, что заслуживало бы быть преданным памяти и... не нашлось никого подходящего, чтобы описать их... По этой причине я не стерпел, чтобы времена наших отцов и наши собственные миновали совершенно неизвестными, но я постарался записать кое-что из многого»¹⁹. Таким образом, к сочинению хроники Регинаона побуждает стремление сохранить память о собственной эпохе. Это кажется исключительно его личной инициативой. Во всяком случае, он ничего не говорит о каком-либо поручении на сей счет. В предисловии упомянуто имя епископа Адальберона Аугсбургского, но роль его прописана вполне определенно — на его милостивый суд автор представляет свое сочинение, чтобы оно «было одобрено или отвергнуто»²⁰. Адальберон являлся воспитателем Людовика Дитяти, последнего из восточнофранкских Каролингов. На этом основании некоторые исследователи делали предположение, что «Хроника» предназначалась, прежде всего, для наставления молодого короля²¹.

¹⁹ Regin., prol.: «Indignum etenim mihi visum est, ut, cum Hebreorum, Grecorum et Romanorum aliarumque gentibus historiographi res in diebus suis gestas scriptis usque ad nostram notitiam transmiserint, de nostris quamquam longe inferioribus temporibus ita perpetuum silentium sit, ut quasi in diebus nostris... fortassis nil dignum, quod memoriae fuerit commendandum, egerint aut... nullus ad haec litteris mandanda idoneus inventus fuerit... Hac itaque de causa non passum sum tempora patrum nostrorum et nostra per omnia intacta preterire, sed ex multis pauca notare curavi».

²⁰ Regin., prol.: «Chronicam... vestrae singulari prudentiae examinandam transmissi, ut vestro perspicaci iudicio aut approbetur aut condempnetur».

²¹ Manitius M. Op. cit. Bd. 1. S. 696; Schmitz D. Op. cit. S. 1119.

Такое представляется вполне возможным, однако недостаточным. Регинон явно рассчитывал на более широкую аудиторию и желал иной судьбы своему детищу. «Я прошу читателя, если ему понравится сказанное нами и он захочет переписать это себе, ни в коем случае не опускать это небольшое введение»²². Можно думать, что автор ориентировался не просто на *litterati* или рядовых монахов-переписчиков, но на людей, занятых интеллектуальным трудом и умеющих работать с историческими текстами. Скорее всего, для них он рассказывает, какими источниками пользовался и какого рода свидетельства ему представляются наиболее достоверными. Все изложенное до 813 г. Регинон «разыскал в некоей книжице, написанной плебейским и крестьянским языком». «Иное из того я улучшил в соответствии с правилами латинской грамматики и добавил другое, что услышал из рассказов старших. То, что следует дальше... я нашел упомянутым в книгах хроник, а также смог услышать из рассказов отцов... Там, где дело доходит до нашего времени, я представил свой рассказ более широко, так как, по словам Иеронима, увиденное излагается лучше услышанного: чем лучше мы знаем, тем лучше излагаем»²³. Отметим, что некая иерархичность по степени достоверности устанавливается лишь между *visa* и *audita*, в то время как *scripta* остается вне подобной источниковедческой критики и подвергается лишь филологической оценке. Это вновь заставляет нас

²² Regin., prol.: «obsecro lectorem, ut, si illi haec dicta nostra qualiacumque sint, placuerit et ea sibi describi voluerit, hanc praefatiunculam nullatenus omittat». Правда, как показывает рукописная традиция, переписчики далеко не всегда считали нужным прислушиваться к просьбе автора. Например, в рукописи XI в., предположительно происходящей из Хальберштадта, введение к хронике опущено (BN lat. 5018 1v—76v).

²³ Regin., 813: «Haec, quae supra expressa sunt, in quodam libello repperi plebeio et rusticato sermone composita, quae ex parte ad latinam regulam correxi, quaedam etiam addidi, quae ex narratione seniorum audiui. Cetera, quae secuntur... prout in chronicorum libris adnotata inveni aut ex relatione patrum auditu percipere potui... Ubi vero ad nostra tempora ventum est, latius narrationis sermonem protraxi: "aliter enim, ut Ieronimus ait, narrantur visa, aliter audita; quae melius scimus, melius et proferimus"».

скорректировать утвердившееся в современной историографии представление об иерархии источников для средневековых писателей. Написанный текст, по всей видимости, воспринимался как более аутентичный описываемой реальности, нежели «увиденное» и «услышанное». Характерно, что, по утверждению Регинона, он ничего не выбрасывает из таинственной «книжицы», а только исправляет грамматические ошибки, улучшает стиль и добавляет некоторые сведения. Он, впрочем, как и другие каролингские авторы, испытывает подсознательный пиетет перед письменным словом. Такое отношение к scripta очевидно связано с особой ролью Библии в каролингской культуре. Можно думать, что уважение к Завету, который, к слову сказать, одновременно являлся и наиболее авторитетным историческим сочинением, распространялось на любую записанную историю вообще.

Вопрос о том, из каких источников хронист черпал необходимые ему сведения, на сегодняшний день изучен достаточно хорошо, однако нуждается в некоторой корректировке. Хроника состоит из двух книг. Первая охватывает годы от Рождества Христова до 741 г. и называется *Libellus de temporibus dominicae incarnationis*²⁴. По единодушному мнению исследователей, эта часть совершенно несамостоятельна. Она представляет собой более или менее обстоятельную компиляцию сведений из сочинений Беды, «Истории лангобардов» Павла Диакона, *Gesta pontificum Romanorum*, *Gesta Dagoberti*, собрания испанских канонов и декреталий (т. н. *Collectio Hispana*), писем папы Григория I к Леандеру Севильскому, а также многочисленных житий (св. Мартина, св. Колумбана, св. Вестада, св. Арнульфа, св. Ламберта и др.)²⁵. Здесь же цитируется и *Visio Wettine* Хейто. Регинон излагает материал по правлению императоров, но в анналистской манере²⁶. Однако мы почти

²⁴ Pertz G. Op. cit. P. 544–566.

²⁵ Подробнее см.: Kurze F. Op. cit. S. 312–318; Manitius M. Op. cit. Bd. 1. S. 699.

²⁶ См., напр.: Regin. Anno dominicae incarnationis 171. Macrinus regnat annum unum; Anno dominicae incarnationis 172. Marcus Aurelius

ничего не узнаем о римской истории эпохи империи — рассказ ведется в основном о взаимоотношениях христиан и иудеев. Кроме того, здесь имеются значительные временные пробелы, достигающие порой нескольких десятилетий.

Вторая книга охватывает 741—906 гг. и называется *Liber de gestis regum Francorum*²⁷. Структура ее достаточно сложна. В первой, также еще во многом несамостоятельной части (до 813 г.), изложение ведется уже собственно по анналистской схеме. Главным источником сведений в данном случае автору служили *Annales regni Francorum*. Очевидно, в распоряжении Регинона оказалась неполная версия анналов — после 813 г. он опирается уже на другие источники.

Х. Кортюм полагает, что анналы и были той самой книжкой, написанной на плохой латыни, о которой говорилось выше²⁸. Действительно, при ближайшем рассмотрении заметно, как Рeginon изменяет «крестьянский язык» своего источника и добавляет в него новые сведения. Он проводит относительно небольшую редакторскую правку, которая носит преимущественно литературный характер — убирает некоторые длинноты, вводит обороты, заменяет сложносочиненность сложноподчиненностью, добавляет пояснения, улучшает стилистику²⁹. В отдельных местах автор несколько отступает от

Antoninus regnavit annos 4; Anno dominicae incarnationis 176. Aurelius Alexander annos tredecim regnavit; Anno dominicae incarnationis 189. Maximinus regnat annos 3; Anno dominicae incarnationis 192. Gordianus regnavit annos 6 etc.

²⁷ Pertz G. Op. cit. P. 566—612.

²⁸ Kortüm H.-H. Weltgeschichte am Ausgang der Karolingerzeit: Regino von Prüm // Historiographie im frühen Mittelalter... S. 501. Прочие исследователи обходят этот вопрос стороной, ограничиваясь лишь констатацией самого факта привлечения анналов в качестве источника для второй книги.

²⁹ См., напр.: Regin., 747: «Grifo collecta manu, una cum Saxonibus... sedit in locum, qui dicitur Orhemum». Ср. ARF., 747: «Grifo collectam fecit una cum Saxonibus... in loco, qui dicitur Orhaim».

Regin., 748: «Grifo de Saxonia egressus est, in Baioariam pervenit, ipsumque ducatum sibi subiugavit Hiltrudem cum Tassilone cepit, et suae

хронологии анналов. Однако это связано не столько с его личной инициативой, сколько со спецификой структуры последних. Например, под 751–752 гг. в них не содержится никаких сообщений. Регинон выходит из положения следующим образом: для 751 г. он заимствует текст из анналов под 753 г., а для 752 г. соответственно под 754 г. Образовавшуюся пустоту под 753 г. он заполняет письмом папы Стефана к Пипину Короткому, а 754 г. минует вовсе. Годовое расхождение в хронологии восстанавливается уже к 760 г. В целом автор послушно следует за источником и по мере приближения к концу все реже что-либо меняет в нем. Однако нет никаких веских оснований предполагать, что пресловутой книжицей являлись именно анналы. По словам самого Регинона, к ней восходит все, написанное до 813 г. С большой долей вероятности можно говорить, что оттуда заимствована и первая книга «Хроники». Прежде всего, она написана еще более простым языком, лишенным какого бы то ни было стилистического изящества. Здесь практически нет оборотов, а короткие фразы зачастую представляют собой цепочку однородных членов. Все же Регинон владел латынью достаточно хорошо, чтобы не писать так. Кроме того, первая часть представляет собой довольно сложную компиляцию из большого количества источников. Между тем, судя по началу второй книги, Регинон был не слишком склонен к обширным компилятивным построениям. Он послушно следует за текстом анналов, лишь немного исправляя

ditioni subiecit». Ср. ARF., 748: «Grifo de Saxonia iter peragens, fugiendo in Baioariam usque pervenit, ipsum ducatum sibi subiugavit, Hiltrudem cum Tassilone conquisivit».

Regin., 764: «rex Pippinus habuit placitum suum in Wormatia, et causam diligenter pertractavit inter Waifarum et Thassilonem». Ср. ARF., 764: «Tunc Pippinus rex habuit placitum suum ad Wormatiam, et nullum iter aliud fecit, nisi in Frantia resedit, causam pertractabat inter Waifarum et Tassilonem».

Regin., 771: «Venit autem Carolus ad villam Carboniacum, ubi venerunt ad eum Folcarius et Folradus capellani...» Ср. ARF., 771: «Domnus rex Carolus venit ad Corbonacum villam, ibique venientes Wilcharius archiepiscopus et Folradus capellanus...»

их стиль. Здесь можно обнаружить только одну собственно текстуальную вставку — выдержку из *Revelatio facta s. papae Stephano*. Скорее всего, *Libellus plebeio et rusticano sermone* была составлена кем-то из монахов Прюма не позднее второй половины 810-х гг. На время ее создания указывает не только хронология последней части, но и специфика языка. Выше уже говорилось, что в первые десятилетия IX в. появляется т. н. «новая» латынь, для которой характерно значительное увеличение лексического запаса, усложнение грамматических конструкций и стремление к стилистическому изяществу. На этом языке творили Эйнхард, Рабан Мавр, Валафрид Страбон, Луп Ферьерский. Даже Теган, чей стиль не отличался совершенством, писал значительно сложнее автора *libellus*. Наконец, само содержание первой книги говорит не в пользу авторства Регинона. Анекдоты из истории иудео-христианских отношений, привлекавшие внимание анонимного писателя-монаха, далеко отстоят от проблематики второй книги, по преимуществу социально-политической, а не церковно-религиозной³⁰.

С 813 г. повествование приобретает самостоятельный характер. К. Ф. Вернер, исходя из гетерогенности источниковой базы хрониста, выделил в этой части три составных блока³¹. Для первого (813–840 гг.) Регинон черпал сведения практически целиком из устной традиции³². Вообще он довольно плохо представлял себе историю царствования Людовика Благочестивого, в целом невысоко ее оценивая и оставаясь в неведении относительно глубоких церковных и государственных

³⁰ Не все исследователи уделяли должное внимание проблеме «книжицы». Например, А. Д. фон ден Бринкен вовсе обходит этот вопрос молчанием, что приводит ее к весьма противоречивым оценкам хроники. Автор не в силах объяснить глубокие различия в содержании, принципах отбора материала и языке двух частей текста. Подробнее см.: *Brincken von den A. D. Studien zur lateinischen Weltchronistik bis in das Zeitalter Otton von Freising*. Düsseldorf, 1957. S. 128–133.

³¹ *Werner K. F. Zur Arbeitsweise...* S. 98.

³² Об использовании Региноном устной традиции см. также: *Wattenbach W. Op. cit. Bd. 1. S. 259; Kurze F. Op. cit. S. 318; Schmitz G. Op. cit. S. 1120; Eggert W. Op. cit. S. 156.*

преобразований того времени. Устные свидетельства современников сохраняют для хрониста свою значимость и во втором блоке (840–875/877 гг.). Однако здесь Регинон опирается на сообщения иного рода. Так, по делу Лотаря II о разводе он приводит постановления III Аахенского синода 862 г., письма папы Николая I, папскую буллу об отлучении Вальдрады. Кроме того, он использовал, по всей видимости, старые Прюмские анналы (*libri chroniconum*), монастырские некрологи, а также сведения из истории Бретани и Анжу. Последние Регинону удалось собрать во время своих инспекционных поездок в тамошние владения Прюмского аббатства³³. Третий блок (875/877–906 гг.) написан главным образом на основании собственных наблюдений автора. Однако и здесь мы вновь встречаемся с реминисценциями из «Истории лангобардов» Павла Диякона (например, при описании быта и нравов венгров), а также из произведений Вергилия и Юстина. Последний вообще оказал огромное влияние на Регинона. По образному выражению М. Манициуса, тот «писал свою историю с Юстином в руках»³⁴. Однако в описании современных событий наш автор проявляет известную осторожность. «Там, где я обращаюсь к настоящим временам, я сдержал свое перо, чтобы не обидеть некоторых людей, которые еще живы»³⁵. Очевидно, речь шла, прежде всего, о личных врагах Регинона, могущественных Матфридингах, сыгравших в его судьбе довольно печальную роль.

Тем не менее, несмотря на кажущуюся обширность источниковой базы Регинона, она была не слишком значительной.

³³ Werner K. F. Zur Arbeitsweise... S. 107–108; Manitius M. Op. cit. Bd. 1. S. 700; Schmitz G. Op. cit. S. 1120; Eggert W. Op. cit. S. 156.

³⁴ Manitius M. Regino und Justin // NA. Bd. 25. 1899. S. 192–201, bes. 197. О влиянии Юстина на историческое сознание хрониста см. также: Löwe H. Regino von Prüm und das historische Weltbild der Karolingerzeit // Geschichtedenken und Geschichtsbild im Mittelalter. Darmstadt, 1961. S. 91–134.

³⁵ Regin., prol.: «ubi ad presentia tempora ventum est, stilo temperavi propter quorundam offensam, qui adhuc sunt superstites».

Многие выдающиеся памятники каролингской историографии остались ему неизвестны. Автор сам признается, что «о временах Людовика (Благочестивого) написал очень мало, поскольку не нашел ни чего-либо написанного, ни от стариков не услышал того, что было бы достойно упоминания»³⁶. Он ничего не знает не только о сочинениях Эйнхарда, Тегана, Астронома, Нитхарда, но и о Фульдских, Сен-Бертенских, Ксантенских и прочих анналах³⁷. Такое неведение поистине поразительно! Но говорит ли оно о недобросовестности Регинона-историографа? Вряд ли — автор проявляет заметное усердие в сборе необходимого материала. Очевидно, объяснение следует искать в другом. К концу IX в. резко ослабевают связи между отдельными центрами «каролингского возрождения», в том числе и в плане обмена рукописями. Но еще более существенным представляется падение роли королевского двора или, точнее, дворов как центров и главных инициаторов культурной жизни каролингского мира.

Пробелами в знаниях объясняется также почти полностью ошибочная хронология при описании событий 813–875 гг. Хотя автор использует схему анналов, он располагает сведения по годам достаточно произвольно. При этом разновременные события смешиваются воедино, а ошибки в датировке достигают порой нескольких десятилетий. Положение меняется лишь в последнем блоке, где хронист опирается на собственный опыт. Ошибки здесь крайне редки и в целом не выходят за рамки двух-трех лет.

³⁶ Regin., 813: «de Ludowici... temporibus perpauca litteris comprehendendi, quia nec scripta repperi, nec a senioribus, quae digna essent memoriae commendanda».

³⁷ Этот факт, а также плохая осведомленность Регинона о ключевых тенденциях социально-политического развития первой половины IX в. заставляют задуматься о масштабах и глубине того культурного явления, которое называют «каролингским возрождением». Можно думать, что оно было в высшей степени локальным, фрагментарным и поверхностным, в известном смысле придворным. По всей видимости, теми же характеристиками отличалось и освоение этой культуры современниками.

Регинон написал «Хронику» очень быстро, всего за каких-нибудь три-четыре года, уже находясь в Трире. Естественно, он не мог располагать всеми необходимыми для работы источниками и обработать такое большое количество материалов в столь сжатые сроки. По всей видимости, еще в бытность монахом Прюма он провел какую-то подготовительную работу, делая необходимые выписки из различных текстов и фиксируя устные свидетельства или собственные наблюдения³⁸. Можно думать, что сама идея хроники родилась у него задолго до изгнания из Прюма. Следовательно, было бы неправильно видеть в этом сочинении лишь учебник для Людовика Дитяти.

Весьма любопытным представляется то, как Регинон осмысливал свою роль в описании исторических событий. «Мы приняли решение показать деяния, нас обеспокоившие, а не объяснять, размышляя, причины деяний»³⁹. Хронист отказывается это делать, даже рассказывая о перипетиях собственной судьбы⁴⁰. Демонстрация «христианского терпения» (*christiana patientia*) представляется для него более важной, чем сведение личных счетов⁴¹. Однако это не все. По всей видимости, объяснение причин представляется Регинону бессмысленным главным образом потому, что все они имеют единую первопричину — Божью волю. И хорошее и дурное одинаково необходимы. Они обладают неким высшим смыслом, который следует понять и определить. Победа или поражение христиан в борьбе с языч-

³⁸ *Kurze F. Op. cit. S. 316; Werner K. F. Op. cit. S. 100.*

³⁹ *Regin., 899: «Res enim gestas... notare statuimus, non rerum gestarum causas certis rationum indiciis enucleare».*

⁴⁰ М. Линтцель обоснованно предполагал, что это вызвано страхом Регинона перед своими могущественными противниками, страхом, который заставил автора уничтожить в рукописи текст, повествующий о предыстории его избрания на пост аббата. См.: *Lintzel M. Zur Chronik Reginos von Prüm // Lintzel M. Ausgewählte Schriften. Berlin, 1968. Bd. 1. S. 299–301.* По мнению А. Д. фон ден Бринкен, Регинон уничтожил и некоторые другие фрагменты хроники, с чем связаны, в частности, пробелы для 904 и 907–908 гг. См.: *Brincken von den A. D. Op. cit. S. 129.*

⁴¹ *Regin., 899.*

никами, свержение короля его приближенными и разорение христианских церквей, нашествие саранчи и ее гибель в Бретонском море и т. д. — все это есть реализация Божьей воли. Вместе с тем Регинон убежден, что *providentia Dei* нельзя разгадать, анализируя предшествующие события. Она всегда обрушивается на человека неожиданно и превращает его в игрушку *fortuna*⁴². Это понятие, вычитанное у Юстина⁴³, хронист использует довольно часто. Вероятно, для характеристики современной эпохи оно казалось ему вполне подходящим: в условиях обострения политических противоречий, усугубления социальной нестабильности и роста внешней угрозы любой человек (даже король!) мог не только приобрести многое, но и потерять все. Перипетии собственной судьбы также должны были убедить Регинона в правильности подобных суждений.

Итак, Регинон предпринял грандиозную попытку написать историю христианского мира от его зарождения до настоящего времени⁴⁴. Однако в хронологическом отношении он распре-

⁴² О представлении Регинона о месте и роли в истории *fortuna*, подчиненной *providentia Dei*, подробнее см.: Löwe H. *Regino von Prüm...*

⁴³ X. Кортюм полагает, что трактовка *fortuna* в том виде, в каком она используется в хронике, восходит к Боэцию: Kortüm H.-H. *Op. cit.* S. 499—513. Однако эта точка зрения не представляется слишком убедительной. Литературных заимствований из произведений Боэция, в отличие от Юстина, до сих пор обнаружить не удается. Данный факт кажется тем более примечательным, что Регинон, несомненно, был знаком с сочинениями Боэция и привлекал их для составления своего тонария.

⁴⁴ В историографии довольно прочно укоренился взгляд на «Хронику» как на *Weltchronik* или *Universalchronik*: Schmitz G. *Op. cit.* S. 1116; Löwe H. *Geschichtsschreibung...* S. 15; Brincken von den A. D. *Op. cit.* S. 128; Ondraček C. *Die lateinische Weltchronistik bis in das 12 Jh. // Weltbild und Realität: Einführung in die mittelalterliche Geschichtsschreibung.* Pfaffenweiler, 1992. S. 8. Обстоятельную характеристику жанра средневековой универсальной хроники подробнее см.: Krüger K. H. *Die Universalchroniken (Typologie des sources du Moyen Âge occidental)*. Turnhout, 1976. Между тем, Регинон начинает свою историю не от сотворения мира, а с пришествия Христа, т. е. описывает не все шесть *aetates mundi*, а лишь последний из них.

делает материал довольно неравномерно. Основной объем информации приходится на *tempora nostra*, в то время как рассказ о первых веках христианства довольно краток и схематичен⁴⁵. Дело здесь, кажется, не только в специфике источниковой базы. Регинона-хрониста, прежде всего, волнует современность⁴⁶. Выше уже говорилось о том, что одним из побудительных мотивов автора было желание «сохранить память о наших временах», подобно тому, как это сделали когда-то греки и римляне.

* * *

Обратимся теперь к вопросу, наиболее важному в контексте нашего исследования: как осмысливал автор известное ему прошлое, как воспринимал окружающую его реальность? Я останавлиюсь главным образом на той части «Хроники», которая, по общему признанию исследователей, является наиболее оригинальной и охватывает 813–906 гг. Здесь Регинон обретает известную независимость от своих источников. Это позволяет более отчетливо увидеть, как он отбирает материал, как расставляет акценты, какой смысл вкладывает в создаваемый текст.

При ближайшем рассмотрении в повествовании обнаруживается несколько мотивов. Высшей ценностью человеческого бытия, по мнению Регинона, является служение Богу. Характерно, что идея эта утверждается в хронике главным образом «от противного». Зачастую автор рассказывает о каре, которая следует за отказ от этого служения. Так, Пипин Аквитанский, средний сын императора Людовика Бла-

⁴⁵ Х. Кортюм обоснованно указывает на исключительно вводный, вспомогательный характер первой книги «Хроники»: *Kortüm H.-H.* Op. cit. S. 502–503.

⁴⁶ Представление о Региноне как историке современности стало утверждаться в историографии совсем недавно: *Brunhölzl F.* Op. cit. Bd. 2. S. 86; *Kortüm H.-H.* Op. cit. S. 500.

гочестивого, якобы был определен отцом в духовное сословие (*clericatum officium*). Однако по настоянию старшего брата Лотаря тот был оставлен в миру и вскоре получил в управление Аквитанию. Подобная «измена» вызывает у Регинона суровое осуждение. Отказ от «*a Deo cultura et servitio*» не принес Пипину благополучия. «День и ночь он предавался пьянству и кутежам, утратил, наконец, сознание, впал в беду горячку и с позором окончил земную жизнь»⁴⁷. Строго говоря, эти сведения не имеют никакого отношения к Пипину Аквитанскому. Духовная карьера предназначалась, по-видимому, Бернарду Италийскому, незаконному и единственному сыну другого Пипина, брата императора Людовика⁴⁸. Однако после смерти отца тот был возвращен в мир и получил из рук Карла Великого итальянскую корону. В 817 г. в связи с принятием *Ordinatio imperii*, лишившим его власти, Бернард поднял мятеж, был схвачен и вероломно убит сторонниками императора Людовика. Очевидно, в данном случае Регинон воспроизвел некую устную традицию, превратившую несостоявшегося клирика Бернарда в мятежного Пипина Аквитанского. Однако от этого рассказ не становится менее интересным, ибо он многое говорит о мировосприятии самого Регинона. Праведность или греховность человеческой души в представлении хрониста неизменно образом должны проявляться в поведении. Иными словами, степень близости к Богу или удаленности от него демонстрируется определенной поведенческой моделью. Регинон знает, как должен вести себя грешник. Считая таковым Пипина, он приписывает ему соответствующие пороки и, прежде всего, чрезмерную приверженность телесным наслаждениям. С большой долей уверенности можно предполагать, что и читатель хроники аналогичным образом трактовал соответствующие пассажи. Очевидно, мы сталкиваемся здесь с опре-

⁴⁷ Regin., 853: «*ebrietatibus enim et comessionibus die doctuque vacans ad extremum mente captus in amaniacam incidit passionem et presentem vitam cum dedecore amisit*».

⁴⁸ Ср.: *Werner K. F. Hludovicus Augustus... S. 35.*

деленным кодом интерпретации окружающей реальности. В далеких от действительности топосах описывается смысл происходящего, но не оно само.

С сообщением о Пипине перекликается другой рассказ. На сей раз речь идет о Карломане, сыне Карла Лысого. Еще в детстве повелением отца «он был пострижен и сделан клириком» (*ad tonsus clericus effectus est*). Подросткового юношу против его воли поставили дьяконом — он читал вслух Евангелие и прислуживал епископу при мессе. Однако позднее он отошел «от церковного благочестия» (*ab ecclesiastica religione*) и «сделался вторым Юлианом... поскольку пренебрег данной ему милостью»⁴⁹. Естественным следствием подобного отступничества стало то, что Карломан «собрал большую банду разбойников, начал опустошать церкви Божьи и нарушать мир, грабить и творить неслыханные злодеяния»⁵⁰. Создается впечатление, что Регинон непременно стремится к целостности образа. Как позитивный, так и негативный облик кого-либо из персонажей должен быть предельно завершенным. Человек не может сочетать в себе противоречивые черты, но способен выступать лишь как носитель добра или зла. В итоге он непременно получает воздаяние в соответствии со своей нравственной идентификацией⁵¹. И если Пипин спился, то Карломан по

⁴⁹ Regin., 870: «*per apostasiam recedens ab ecclesiastica religione, abiciens ac spernens neglegenter gratiam, quae ei data erat per impositionem manus, alter Iulianus efficitur*». Характерно, что Регинон ничего не говорит о причинах этого отступничества — для него важен сам факт такового. Между тем известно, что Карломан, аббат Сен-Медарда, Сен-Рикье и Сен-Жермен в Оксере восстал против отца, намереваясь захватить трон или, во всяком случае, заполучить часть королевства. При этом он опирался на поддержку довольно многочисленных сторонников из среды каролингской знати (см.: *Annales Bertiniani, 870—871* // MGH. SS. T. 1. S. 419—515).

⁵⁰ Ibid.: «*Collecta quippe predonum non modica turba ecclesias Dei cepet devastare, ea, quae pacis sunt, inugnare, cuncta diripere et inaudita mala perpetrare*».

⁵¹ Аналогичную трактовку персонажей и их действий можно обнаружить в «Историях» Нитхарда.

приказанию отца был схвачен и ослеплен. «Так по справедливому Божьему суду лишился внешнего света тот, кто изгнал из своей груди внутренний свет, который есть Христос», — заключает хронист⁵².

«Вина» Карломана представляется автору несравненно более тяжелой, чем заблуждения Пипина. В отличие от последнего Карломан оставил церковное служение уже будучи духовным лицом. Соответственно и его дальнейшее поведение обозначает иную степень падения. Он погряз в страшных преступлениях (которые вполне мог и не совершать в реальности⁵³), во всем уподобляясь язычникам. Более того, если отказ Пипина от вступления в духовное сословие оборачивается его личной трагедией, то в случае с Карломаном это становится в известном смысле бедой всего *populus christianus* — за грехи одного человека расплачиваются многие. Этот топос — персонафикация целого в его части — весьма характерен для раннесредневекового коллективного сознания⁵⁴.

Перед любовью к Богу, превыше которой не может быть ничего, отступает не только родительская, но и всякая иная любовь. Развивая эту тему, Регинон приводит другие, не менее убедительные примеры. Повествуя о крещении болгар, автор рассказывает о некоем болгарском царе, который по ночам облакался в рубище и часами молился в церкви. Утвердив в стране христианство, он оставил трон старшему сыну, а сам удалился в монастырь, «чтобы (потом) вечно царствовать с Христом на небесах». Однако наследник начал восстанавливать язычество. Как и полагается язычнику, он был склонен к

⁵² Ibid.: «*justo Dei iudicio lucem exteriorem amittens, qui interiorem, quae Christus est, a suo pectore effugaverat*».

⁵³ Сен-Бертенские анналы также сообщают о том, что Карломан и его сторонники творили чудовищные злодеяния и опустошали целые области (Ann. Bertin., 870–871). Думается, однако, что в данном случае мы сталкиваемся с тем же механизмом идентификации «чужого» с целью его последующей изоляции и устранения, которым пользуется Регинон.

⁵⁴ Гуревич А. Я. Начало феодализма в Европе // Гуревич А. Я. Избранные труды. Т. 1. М.; СПб., 1999. С. 257–258.

грабежам, кутежам и пьянству, а также испытывал особую страсть к плотским наслаждениям. Узнав об этом, отец на время снял с себя монашеские одеяния, вновь опоясался мечом и пошел войной на сына. Вскоре отступник попал в плен и был ослеплен⁵⁵. Поражает сходство обоих сюжетов: крещение, отступничество, чудовищные злодеяния «второго Юлиана», неизбежное наказание — позорная (для аристократа!) смерть или ослепление, которое можно трактовать как физическое проявление духовной слепоты.

Отметим еще раз, что мы имеем дело не столько с подлинными фактами, сколько с их весьма своеобразной интерпретацией. Регинон придает описываемой реальности совершенно особый смысл, наделяет ее своим пониманием. При этом довольно существенно искажает ее. Однако для хрониста здесь, по-видимому, не было никакого противоречия. Он твердо знает, как должно было быть, и формирует собственную концепцию. История представляется ему цепью событий, любое из которых всегда морально, ибо в них проявляется высшая воля. Любое событие есть нравственный урок. И главная задача хрониста заключается в том, чтобы его извлечь и обозначить в доступных для всеобщего понимания формах.

Не менее примечательным представляется рассказ о предосудительной любви Лотаря II к его рабыне Вальдраде. Оставляя в стороне все перипетии этого дела, достаточно хорошо известного⁵⁶, остановимся лишь на одной детали. Регинон определенно осуждает эти отношения и приписывает такую сильную страсть к женщине заслугам дьявола⁵⁷. Это самым непосредственным образом сказывается на всей судьбе Лотаря. Отправившись однажды на помощь брату, Людовику II, воевавшему с сарацинами, он потерял большое количество людей из-за эпидемии дизентерии. «Уже тогда стало ясно, что Бог стоит не только против Лотаря по причине его заносчивости и

⁵⁵ Regim., 868.

⁵⁶ См., напр.: Ewig E. Frühes Mittelalter. Düsseldorf, 1980. S. 167–174.

⁵⁷ Regim., 864: «diabolo inflammante nimio diligebat amore».

нежелания раскаиваться, но и против всего его королевства»⁵⁸. Грехов Лотаря в глазах Регинона не искупает даже благая цель — борьба с язычниками. Поразительно, с какой ревностью хронист относится к земной любви короля — никакое чувство не может стоять выше любви к Богу. Думается, именно по этой причине Регинон вставил в хронику рассказ о суде, устроенном Карлом Толстым над собственной женой. Ее обвинили в адюльтере с ближайшим сподвижником короля, епископом Верчелльским Лиутвардом. Представ перед собранием знати (*in contione*), королева публично поклялась в том, что никогда не вступала в сексуальную связь ни с одним мужчиной. И, несмотря на более чем десятилетнее замужество, сохранила свою непорочность. «Она была воистину благочестивая женщина», — с удовлетворением заключает хронист⁵⁹.

В рассказе о Лотаре автор впервые прямо говорит о том, что греховность натуры короля не является только личным делом правителя. Он несет ответственность пред Богом за весь свой народ. Поэтому его грехи во много раз опаснее грехов любого другого человека. С духовными и физическими качествами правителя напрямую связывалось благополучие общества. Поэтому от него требуются порой сверхусилия, публичная демонстрация выдающихся личностных качеств, намного превосходящих возможности других людей, обладание не только моральной чистотой, но и физической стойкостью. Последняя же в определенном смысле является зеркалом первой. Поэтому в хронику попадает, например, следующее сообщение, носящее на первый взгляд частный характер и, с точки зрения современного человека, имеющее весьма отдаленное отношение к всемирной истории. При падении с обрушившегося балкона Людовик Немецкий сломал два ребра. «Однако мужество и стойкость этого князя были столь велики, что, хотя некоторые слышали треск сломанных и трущихся друг об друга ре-

⁵⁸ Regin., 867: «iam tunc daretur intellegi, quod propter duriciam et cor inpoenitens Deus non solum Lothario, verum etiam omni regno eius adversaretur».

⁵⁹ Regin., 887: «erat enim religiosa femina».

бер, но никто не слышал от него ни стога, ни жалобы»⁶⁰. Я далек от мысли, что никто кроме короля не ломал себе кости. Важно то, что именно на этом фиксируется внимание Регинона. Соответствующее поведение правителя обретает в глазах хрониста определенную знаковую ценность.

В таком контексте несколько иное содержание получают и другие сообщения. Вот как описывает Регинон провал очередного похода Карла Лысого против бретонцев. После двух тяжелейших поражений король однажды «ночью в чрезвычайном страхе бежал тайком от своего войска, бросив палатку, лагерь и все королевские инсигнии; войско, узнав о бегстве короля, исполнилось невероятным страхом и не помышляло ни о чем, как только о бегстве»⁶¹. Иными словами такое недостойное поведение правителя способно мгновенно деморализовать армию и уничтожить в ней всякий боевой дух. Характерно, что в этих обстоятельствах никому даже в голову не пришло взять на себя командование.

Для Регинона очевидна связь между благополучным царствованием и добродетелями правителя. Некоторым из них автор посвящает весьма обстоятельные эпитафии. «Хороший» король Людовик II Итальянский, активно боровшийся с сарацинами, представляется ему «князем благочестивым и сострадательным, преданным справедливости, чистым в простоте своего сердца, защитником церквей Божьих, отцом для малолетних и сирот, щедрым раздатчиком милостыни, смиренно подчинившим себя слугам Божьим»⁶². В другом месте,

⁶⁰ Regin., 870: «Tanta huius principis duritia, tanta animositas fuit, ut, cum etiam fragor fractarum costarum adinvicem collidentium a nonnullis audiretur, nemo tamen propterea audierit eum suspirium trahentem vel gemitum emittentem».

⁶¹ Regin., 860: «Carolus nimio terrore dissolutus noctu incognito exercitu clam aufugit, derelicto papilione, tentoriis et omni regio apparatu; cum exercitus fuga lapsum regem comperisset, nimia formidine repletur nihilque aliud nisi de fuga meditatur».

⁶² Regin., 874: «Princeps pius et misericors, iustitiae deditus, simplicitate purus, ecclesiarum Dei defensor, orphanorum et pupillorum pater, elemosinarum largus largitor, servus Dei humiliter se submittens».

теперь уже о Людовике Немецком, читаем: «Это был христианнейший государь... яростно каравший то, что угрожало религии, миру и справедливости; искуснейший в дарованиях, предусмотрительнейший в совете... он был самым непобедимым в сражениях и более усердствовал в подготовке оружия, чем пиров... он больше любил прочность железа, чем блеск золота»⁶³. Даже о не слишком благополучном короле Карле Толстом хронист отзывается хорошо: «Это был христианнейший государь, боявшийся Господа и всем сердцем охранявший его заповеди, в высшей степени преданный и послушный церковным предписаниям, щедрый в милостыни, неустанно занятый молитвой и пением псалмов, неутомимо посвящавший себя восхвалению Господа; все надежды и планы он возлагал на Божий промысел... поэтому все королевства франков, которые его предшественники приобрели не без кровопролития и с большим трудом, он легко получил за короткое время без всяких усилий»⁶⁴. То, что Карл незадолго до смерти лишился власти и богатств, Регинон расценивает как Божье испытание. По мысли автора, оно должно было способствовать нравственному очищению свергнутого императора и давало ему прекрасную возможность продемонстрировать свои набожность, терпение и смирение.

Характерно, что во всех случаях речь идет либо о потомках Лотаря I, либо о восточнофранкских королях. Это объясняется

⁶³ Regin., 876: «Fuit iste princeps christianissimus... quae religionis sunt, quae pacis, quae iusticiae ardentissimus executor, ingenio callidissimus, consilio providentissimus... in preliis victoriosissimus, armorum quam convivorum apparatibus studiosior... plus dirigens ferri rigorem quam auri fulgorem».

⁶⁴ Regin., 888: «Fuit vero hic christianissimus princeps, Deum timens et mandata eius ex toto corde custodiens, ecclesiasticis sanctionibus devotissime parens, in elemosinis largus, orationi et psalmorum melodiis indesinenter deditus, laudibus Dei infatigabiliter intentus, omnem spem et consilium suum divinae dispensationi committens... omnia regna Francorum, quae predecessores sui non sine sanguinis effusione cum magno labore adquisierant, ipse perfacile in brevi temporum spatio sine conflictu, nullo contradicente, possidenda perceperit».

как особым статусом Прюма в Срединном королевстве, так и перипетиями личной судьбы хрониста — его друзья и покровители происходили из центральной и восточной частей каролингского мира. Напротив, правители Западно-Франкского королевства получают весьма не лестные оценки. Так, Карл Лысый в глазах хрониста обладал лишь малой толикой переносимых выше добродетелей⁶⁵. На это косвенно указывают обстоятельства его смерти. Регинон повторяет слухи о том, что король во время пребывания в Италии был отравлен его доверенным лицом — неким евреем Седехией, лжецом, колдуном и магом⁶⁶. Можно только догадываться, сколь предосудительной в глазах хрониста была близость короля с подобного рода сомнительной личностью, ведь статус *familiaris regis* обладал для современников Регинона совершенно определенным значением. Преданность представителей ближайшего окружения была исключительно высока. На примере Нитхарда мы видели, что разрушить ее не могла подчас ни утрата земельных владений, ни даже угроза жизни. И уж тем более мы не найдем в каролингских хрониках ни одного примера, когда кто-либо из «близких» покушался на жизнь своего короля. Таким образом, сообщение Регинона обретает совершенно определенную смысловую нагрузку. Преступление *familiaris* Карла можно расценивать как чрезвычайное происшествие и одновременно как указание на греховность короля. Данное обстоятельство косвенно подтверждается тем, что он допустил в свое окружение нехристианина. Еврей Седехия, представитель иной веры и иной культуры, пугает Регинона и естественным образом оказывается в глазах хрониста колдуном и магом, в сущности, слугой дьявола⁶⁷. Только такой человек был спосо-

⁶⁵ Показательно, что Регинон даже не удостоил его посмертной эпитафии.

⁶⁶ Regin., 877: «hic sicophanta erat et magicis prestigiis incantationibusque mentes hominum deludebat; ei familiaris adherebat».

⁶⁷ Любопытно, что авторы параллельных источников воздерживаются от негативных характеристик по отношению к Седехии, хотя и констатируют факт отравления. Напротив, Гинкмар Реймский

бен совершить немыслимое, с точки зрения каролингского аристократа, преступление. Регинон подает слухи о смерти Карла под определенным углом зрения. Трудно отделаться от ощущения, что он стремится, прежде всего, утвердить некую моральную сентенцию в топосах, понятных человеку IX столетия, а не зафиксировать реальный исторический факт. Завершая создание негативного образа Карла Лысого, Регинон добавляет, что труп его начал быстро разлагаться и источать невыносимое зловоние, так что не было никакой возможности довести королевские останки до Сен-Дени⁶⁸.

Итак, короли являются своего рода примером для всех остальных христиан. Наиболее ценимые качества и добродетели проявляются прежде всего у них. Среди таковых ведущее место занимает, как уже было сказано, служение Господу, защита Церкви, помощь бедным, борьба с язычниками и распространение христианства. Однако Регинон не ограничивается только этим. Скрыто или явно он утверждает необходимость для каждого христианина вырабатывать в себе определенные личностные качества. Первое место среди них занимает христианское смирение. Рассказывая о перипетиях собственной жизни, о том, как могущественные враги сместили его с поста аббата Прюма, Регинон крайне сдержан в оценках. Он намеренно стремится «избежать ошибки многословности»: «Что было совершено против меня, я избегаю показать в этом месте, чтобы это не выглядело так, будто я, побужденный несправедливостью, позволил (себе) возвеличить причины моего преследования больше, чем христианское терпение, и описанием бесчисленных обстоятельств надоесть слушате-

подтверждает, что тому действительно удалось снискать любовь и доверие короля (*nimius dilectus ac credulus medicus*). См.: Ann Bertin., 877; *Annales Vedastini*, 877 // MGH. SS. T. 1. S. 516–531. О толерантности каролингских правителей по отношению к евреям подробнее см.: Riché P. *Die Welt der Karolinger*. Stüttgart, 1999. S. 150–155.

⁶⁸ Regin., 877: «*quia foetor intollerabilis ex putredine cadaveris baiulantes gravabat, compulsi sunt illud terrae mandare*».

лям»⁶⁹. Именно с этой точки зрения его привлекает и история свержения Карла Толстого, о которой говорилось выше. Человек, обладавший всем и все потерявший, покорно принимает удар судьбы, ибо это — благо. Господь таким образом заботится о спасении его души. Трудно отделаться от мысли, что судьба Карла и ее оценка должны были сформировать у читателей соответствующее отношение к перипетиям личной судьбы хрониста.

Другим важнейшим качеством Регинону представляется умеренность. Повествуя о борьбе с норманнами, автор приводит следующий поучительный рассказ. Некий Визигейл, герцог бретонцев, не стал дожидаться подмоги от другого герцога, Алана, а в одиночку напал на лагерь норманнов. Враги обратились в бегство. Однако христиане так увлеклись преследованием, что не заметили, как из победителей превратились в побежденных. Славный герцог погиб, ибо «он не знал, что побеждать хорошо, но нехорошо побеждать чрезмерно; ибо безнадёжность опасна»⁷⁰.

Явному осуждению подвергает Регинон такие качества, как легкомыслие и алчность. Однажды принц Карл, сын Карла Лысого, «возбужденный юношеским легкомыслием, решил испытать отвагу и неоднократно восхваляемую стойкость (некоего) Альбуина»⁷¹ и напал на него, возвращавшегося с охоты. Поскольку принц был в закрытом шлеме, Альбуин, не ведая, кто перед ним, тяжело ранил нападавшего и отобрал у него оружие и лошадь. Таким образом свершилось Божье воздаяние за грех. Сам Карл Лысый попытался после смерти своего

⁶⁹ Regin., 899: «Qualiter autem erga me actum sit, idcirco hoc in loco notare distuli, ne forte iniuriis provocatus ultra, quam christiana patientia permittit, persecutionis meae causas exaggerasse viderer et ne prolixae rationis oratio, quae multiplex atque perplexa est, fastidium inferret audientibus».

⁷⁰ Regin., 890: «vincere bonum est, supervincere bonum non est; periculosa est desperatio».

⁷¹ Regin., 870: «Carolus levitate iuvenili ductus, temptare volens Albuini... audatiam ac saepe laudatam constantiam».

брата, Людовика Немецкого, захватить его земли. Однако в битве при Андернахе он был наголову разбит племянником, Людовиком Юным. По мнению Регинона, главной причиной поражения стала чрезмерная алчность (*immoderata cupiditatis ambitio*) Карла, направленная против принципов справедливости, скрепленной божественными и человеческими законами⁷².

Хорошо известно, что такие качества, как христианское смирение и умеренность, а также всяческое подавление собственного эгоизма и себялюбия, культивировались, прежде всего, в монашеской среде⁷³. Напротив, поведение светской аристократии отличалось как раз чрезмерной демонстративностью и своеволием. Регинон приводит достаточное количество примеров такого рода. Выше уже говорилось об «отступнике» Карломане. Однако еще более примечательным выглядит рассказ о некоем бретонском герцоге Вурфанде, восходящий, возможно к эпической традиции⁷⁴. Накануне столкновения со своим старым врагом герцогом Пасквитаном Вурфанд обнаружил, что тот располагает гораздо большим количеством людей. Приближенные герцога посоветовали ему отступить и не ввязываться в сражение. Однако Вурфанд гордо возразил им: «Невозможно, чтобы сегодня я сделал то, чего не делал никогда, а именно, чтобы я обратил к врагам своим тыл, и тем была бы опозорена слава имени нашего. Лучше славно умереть, чем позорно сохранить жизнь... Испробуем силы удачи (в борьбе) с врагами, ведь счастье не в многочисленности, но больше в Боге»⁷⁵. Излишне говорить, что Господь оказался на его стороне и даровал ему победу. Характерно, что в данном

⁷² Regin., 876.

⁷³ См., напр.: Карсавин Л. П. Монашество в средние века. М., 1992. С. 59–61; Усков Н. Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего средневековья. СПб., 2001. С. 66.

⁷⁴ Так считает Х. Кортюм: Kortüm H.-H. Op. cit. S. 509–510.

⁷⁵ Regin., 874: «Absit... ut hodie faciam, quod nunquam feci, scilicet ut inimicis meis terga vertam et gloria nominis nostri infametur. Melius nobiliter mori, quam ignominia vitam servare... neque enim salus est in multitudine, sed potius in Deo».

случае Регинон описывает подобное поведение в позитивных тонах — Вурфанд демонстрирует слепую веру в Божью справедливость и получает соответствующее воздаяние. Некоторое время спустя Вурфанд принял участие в осаде норманнского лагеря. Желая проявить особую доблесть, он попросил у короля разрешения задержаться под стенами крепости на три дня после ухода христианского войска только со своими людьми. В случае отказа он пригрозил все равно поступить именно так. В результате Вурфанд простоял возле крепости не три дня, а целых пять и даже враги поразились его храбрости. Иными словами, не всякое своеволие автор считает грехом, но лишь то, которое направлено против веры, закона, справедливости и христианского миропорядка. Не будем забывать, в какие времена живет наш хронист — во времена слабой королевской власти и сильной аристократии, которая все более сближается с клиром и во многом определяет образ его жизни⁷⁶.

Окружающий мир представляется Регинону расколотым на две части, существенно дополняющие друг друга. За пределами христианского *orbis terrarum* расположено царство зла, населенное язычниками и еретиками — норманнами, венграми и арабами. Этот своего рода антимир играет огромную роль в картине мира хрониста и в его историографических построениях. Регинон наделяет обитателей «чужого» пространства качествами и характеристиками, которых должны быть лишены истинные христиане⁷⁷. Они демонстрируют заведомо неправильное поведение. Прежде всего, таковым является необузданная жестокость. Всякое упоминание о нашествии язычни-

⁷⁶ Некоторые представители духовенства, которые, по сути, дела являлись местными властителями, получают в «Хронике» довольно высокую оценку именно за свою деятельность на политическом поприще. Regin., 867: «Hugo abba vir strenuus, humilis, pacificus et omnium morum honestate fundatus... in locum Ruotberti (qui marcam tenebat)»; 887: «Hugo abba, magnae potestatis vir et magnae prudentiae... ducatus... tenuerat et strenue rexerat».

⁷⁷ В отечественной историографии уже не раз писалось об особенностях восприятия «другого» в культуре. См. подборку статей в выпусках сб. «Одиссей».

ков сопровождается сообщением о том, что они «опустошили все убийствами, грабежом и пожарами» (*caedibus, rapinis ac incendiis*) или «убили всех, кто попал к ним в руки»⁷⁸. В этом отношении весьма показательно описание народа венгров, появившегося в Европе незадолго до написания «Хроники», но уже ставшего грозой христиан. «Род венгров самый дикий и более жестокий, чем всякий хищный зверь... Они живут не как люди, а как скот. Питаются сырым мясом, пьют кровь, жадно глотают в качестве лекарства порезанные на куски сердца своих пленных, их нельзя смягчить никакими стенаниями, нельзя поколебать никаким чувством сострадания»⁷⁹. Христиане напрасно пытаются противостоять «их неистовству и животной свирепости» (*violentiae ac beluino furori*)⁸⁰. Трудно отделаться от мысли, что Регинон стремится вызвать у читателя чувство отвращения к этому народу. И одновременно он в зримых образах демонстрирует ужасающую дикость язычества как такового, противопоставляя его порядкам христианского общества.

Духовная слепота проявляет себя в повседневной жизни самым страшным образом. Так, язычники демонстративно пренебрегают христианской верой и творят чудовищные святотатства. Они совершают свои набеги в церковные праздники, чаще всего на Пасху⁸¹. Убивают во время богослужения священников, проливая кровь на алтарь⁸². Они охотно действуют по ночам, т. е. в то время суток, когда силы зла обретают наибольшее могущество⁸³. Напротив, христиане с наступлением сумерек прекращают не только сражение, но даже совещания⁸⁴.

⁷⁸ Regin., 853, 867, 873, 888, 891, 901.

⁷⁹ Regin., 889: «*Gens Hungarum ferocissima et omni belua crudelior... Vivunt non hominum, sed beluarum more. Carnibus siquidem, ut fama est, crudis vescuntur, sanguinem bibunt, corda hominum, quos capiunt, particulatim dividentes veluti pro remedio devorant, nulla miseratione flectuntur, nullis pietatis visceribus commoventur*».

⁸⁰ Regin., 901.

⁸¹ Regin., 853, 883.

⁸² Regin., 853.

⁸³ Regin., 892.

⁸⁴ Regin., 901: «*nox superveniens conventum solvit*».

От темного времени суток не приходится ждать ничего хорошего. Оно всегда таит в себе неведомую опасность. Регинон не преминул отметить, что некий граф Стефан «был смертельно ранен отравленной стрелой, влетевшей ночью в окно его спальни»⁸⁵. Язычники используют в своих целях опасные и сомнительные, с точки зрения христиан, пространства. Так, норманны охотно прячутся в лесах и болотах. Христиане же предпочитают останавливаться в бургах или виллах⁸⁶.

Равным образом язычники лишены и каких-либо моральных принципов. Им присущи коварство и подлость. В 890 г. норманны осадили крепость Сен-Ло. Жители бурга, отрезанные от источников воды, вступили с ними в переговоры и пообещали сдать крепость при условии сохранения им жизни. Однако едва горожане открыли ворота, как норманны, «вероломное племя» (*gens perfida*), нарушили данное слово и убили всех, в том числе епископа Кутанса⁸⁷. В 884 г. незадолго до гибели короля Карломана норманны заключили с ним договор о ненападении. Но, узнав о его смерти, они тотчас вторглись в пределы Западно-Франкского королевства. На упреки в неверности они отвечали, что заключили договор лично с королем и ни с кем другим, поэтому считают себя свободными от клятвы⁸⁸. Год спустя Готфрид, один из норманнских вождей, осевших во Фрисландии, нарушил присягу на верность Карлу Толстому и потребовал от него новых земельных пожалований. В противном случае он грозился привести войско «в самое сердце королевства»⁸⁹.

Итак, антимир обладает сложной семантической нагрузкой. Наделяя его представителей определенными характеристиками, Регинон как бы воссоздает идеальный облик истинного христианина, утверждает (от противного) те нормы,

⁸⁵ Regin., 901: «a quondam per fenestri cubiculi sagittae toxicatae ictugraviter vulneratur, ex quo vulnere eadem nocte extinguitur».

⁸⁶ Regin., 891, 892.

⁸⁷ Regin., 890.

⁸⁸ Regin., 884.

⁸⁹ Regin., 885.

которым полагается следовать. Соответственно те, кто не желает этого делать, уподобляются неправедным язычникам. Идентификация «своего» зла происходит через сопоставление со злом, носителем которого является «другой». Конечный смысл этой процедуры, как представляется, заключен в последующей культурной изоляции внутреннего порока и вытеснении его в сферу «чужого». Так раннесредневековая культура сохраняет собственную целостность.

Однако это далеко не все. Язычники обладают и другой, не менее важной социальной функцией. Через них в мире реализуется Божья воля. В одних случаях они выступают как орудие Божьего гнева, карающее христиан за их грехи. Именно так объясняются военные неудачи Карла Толстого в борьбе с норманнами («гнев неба свирепствовал против народа, оскверняющего христианскую религию» — *indignatione caelesti super populum christianam religionem profanantem deseiente*), поражение франков при Гуле (они много грешили — *peccatis facientibus*)⁹⁰ или гибель графов, защищавших границы Бретани («Господь отвернулся от жителей той земли» — *Deo habitatoribus terrae adversante*)⁹¹. В других случаях — это доказательство того, что Бог любит свой народ. С Божьей помощью спаслись от норманнского нашествия жители Санса, «хотя вся Бургундия была опустошена»⁹². Божье провидение уберегло в сходной ситуации Париж (*Deo opem ferente (Nortmanni) nihil prevalent*)⁹³. А в 891 г. в битве на Диле франки добились впечатляющей победы, поскольку «Господь с неба придал им силы» (*Deo vires caelitus administrante*)⁹⁴.

Представители антимира служат для Регинона законченным образчиком зла, с которым он сравнивает внутренних врагов *populus christianus*. Таковым в «Хронике» оказывается, например, Гуго Бастард, сын Лотаря II от Вальдрады. С точ-

⁹⁰ Regin., 891.

⁹¹ Regin., 873.

⁹² Regin., 888.

⁹³ Regin., 889.

⁹⁴ Regin., 891.

ки зрения автора, этот человек обладает весьма сомнительными моральными принципами. Он постоянно стремится к мятежам и раздорам, не желает подчиняться законным государям — своим дядьям, даже вступает в сговор с норманнами. Вокруг него собираются всякого рода разбойники (*innumera multitudo predorum*), приверженцы раздоров и распрей (*discordiarum ac litium spectatores*). В числе последних оказались, кстати, многие лотарингские магнаты — местная знать не желала мириться с утратой своего некогда ведущего положения в рамках империи. «В королевстве ими были учинены такие грабежи и насилия, что между злобой их и норманнов не было никакой разницы, разве что они воздерживались от убийств и поджогов»⁹⁵. Примечательная оговорка! Даже самый дурной христианин стоит, по мнению Регинона, выше любого язычника. Тем не менее и эти люди привлекают внимание хрониста. Прежде всего потому, что их «неправильное» поведение имеет большое воспитательное значение. Подобно язычникам они дают (от противного!) полезный моральный урок добрым христианам. Автор добавляет к портрету Гуго еще некоторые весьма существенные характеристики. Бастард убивает графа Викберта, «который с самого юного возраста был к нему благосклонен». Несколько дней спустя он приказал подло убить некоего Бернарда, «мужа знатного и ему преданнейшего» (*nobilem virum sibi que fidelissimum*). И все из-за того, что Гуго, сраженный красотой его жены, воспылал к ней страстью. Эти факты позволяют Регинону создать вполне законченный образ своего героя. Степень морального падения этого человека обозначается, во-первых, демонстративным презрением к отношениям личной верности, игравшим колоссальную роль в каролингском обществе, а во-вторых, особой склонностью, по определению порочной, к физическому, прежде всего сексуальному наслаждению. Нужно сказать, что и вдова досталась Бастарду соответствующая. Она уже дважды побывала замужем и име-

⁹⁵ Regin., 883: «*tanta rapina et violentia ab his in regni fit, ut inter horum et Nortmannorum malitiam nil differet, preter quod a cedibus et incendiis abstinerent*».

ла дочь. Последняя была обезглавлена своим мужем из-за прекращавшегося распутства⁹⁶. Зло тянется к злу, порок влечет за собой порок — картина завершена.

Почему Регинон уделяет столь большое внимание врагам *populus christianus*? Выше уже говорилось об их особой культурной функции. Однако, как кажется, есть и еще одно обстоятельство. В представлении хрониста земля оказывается полем духовной битвы. Сражение идет постоянно как внутри христианского мира, так и на его границах. И важна не только сама по себе победа — она конечная идеальная цель, достижимая не в скором будущем. Важна битва как таковая, ведь в ходе нее делается крепче вера и достигается спасение. Всякий, кто стоит за Бога, будь то клирик или мирянин, становится его орудием и побеждает зло. Оступившегося Господь карает, даруя злу временное превосходство. Хорошо известно, сколь беспокойной была современная Регинону эпоха. Возможно, так автор пытался осмыслить и принять необходимость постоянного насилия, социальной нестабильности и личных неурядиц.

Итак, материалы «Хроники» позволяют довольно отчетливо представить себе облик писателя-историка, жившего на закате каролингской эпохи. Подобно своим коллегам старшего поколения Регинон видит в истории, прежде всего, средство наставления и воспитания, инструмент утверждения в читателях норм христианской морали. Автор отбирает необходимую фактуру — «кое-что из многого» — в соответствии со строго определенными дидактическими задачами и придает ей соответствующую моральную трактовку. Он переработал огромное количество источников, черпая сведения из нарративных и документальных памятников, устной традиции и личных наблюдений. Однако он творил уже на закате «каролингского ренессанса» и высшие достижения этой культуры в области историографии остались ему неизвестны. Регинон компилирует добытую информацию, подобно Астроному составляя швы на стыке отдельных ее частей и не придерживаясь общей хронологии. Но созданный им конструкт настолько

⁹⁶ Regin., 883: «propter stuprum commissum comes decollari iussit».

сложен, что и по сей день остаются сомнения относительно происхождения отдельных фрагментов, тезисов, терминов или идей. Регинона нельзя считать универсальным хронистом. Он пишет историю только шестого aetas mundi. Все же большая часть материала «Хроники» посвящена современности и несет на себе ее неизгладимую печать, довольно полно отразив все противоречия эпохи (ослабление королевской власти, активизация внутренних войн, рост внешней угрозы и др.). Особо стоит отметить тот факт, что субъективные интенции автора лежат вне сферы чистой дидактики, как это наблюдается у Тегана или Астронома. Он стремится подобно Эйнхарду, прежде всего, сохранить для потомков «память о наших временах». Но память эта невольно окрашивается в нравоучительные тона. Для Регинона и других авторов, в отличие от современного историка, здесь, видимо, не было никакого противоречия. Так что историоризирующую мораль или морализирующую историю можно признать фундаментальной характеристикой историографического мышления писателей каролингской эпохи.

НОТКЕР И «ДЕЯНИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО»: УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ, РАССКАЗАННЫЕ МОНАХОМ ИЗ САНКТ-ГАЛЛЕНА

«Деяния Карла Великого»¹, написанные одним из самых знаменитых санкт-галленских монахов IX в., стоят несколько особняком в каролингской литературе историографического толка. Если отталкиваться от сочинений Павла Диакона, Эйнхарда, Нитхарда, Тегана, Астронома и Регинона, то назвать *Gesta* историческим произведением можно, кажется, лишь с большими оговорками. Тем не менее это, безусловно, история, осмысленная не столько в рационально-конкретных, сколько в образно-категориальных формах. Она представляет особенный интерес, прежде всего, потому, что рассказывает не об отдаленном и уходящем в седые времена, а о совсем недавнем прошлом. Ноткер даже общался с людьми, жившими в эпоху, о которой пишет. Однако он смотрит на нее совершенно по-особому и помещает свое повествование в очень специфические рамки. Как бы то ни было, но без *Gesta Karoli* современ-

¹ Monachus Sangallensis. De gestis Karoli imperatoris libri duo / Ed. G. Pertz // MGH. SS. T. 2. P. 726–763. С параллельным немецким переводом, выполненным В. Ваттенбахом (1850), а затем отредактированным Р. Пау, этот текст под титулом *Gesta Karoli Magni* воспроизведен в: Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte. Bd. 3. Berlin, 1960. S. 322–427. См. также: Monachus Sangallensis. Gesta Karoli Magni / Ed. Ph. Jaffé // BRG. T. 6. P. 631–700. Наиболее авторитетное на сегодняшний день академическое издание подготовлено в середине прошлого века Х. Хефеле: Notker Balbulus. Gesta Karoli Magni imperatoris / Ed. H. F. Haefele. München, 1959 (MGH. SSrG. NS.; Bd. 12). На русский язык *Gesta* переводились лишь фрагментарно. См.: Народные предания о Карле Великом, ближайшие к нему по времени. Монах Сангалленский // Стасюлевич М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 88–110.

ное представление об историописании каролингского времени, несомненно, было бы неполным. Анализом этого выдающегося памятника раннесредневековой литературы мы и завершаем наше исследование.

* * *

Жизненный путь Ноткера известен достаточно хорошо². Он не был насыщен яркими событиями, не знал резких изменений жизненных обстоятельств и даже территориально был локализован в очень узких пределах. Ноткер родился около 840 г. в Тюргау (Алеманния), в области, которая ныне зовется Йоншвилль. Он сам засвидетельствовал это обстоятельство в *Gesta*, назвав некоего мужа из Тюргау своим земляком³. Мальчик родился в довольно знатной семье местных землевладельцев, представители которой исполняли должности сотников и фогтов. Однако он рано осиротел и был взят на воспитание неким Адальбертом, ветераном войн Карла Великого против саксов, аваров и славян⁴. Вскоре по воле приемного отца Ноткер сделался облатом Санкт-Галленского монастыря. Сначала он оказался под опекой монаха Веринберта, родного сына Адальберта, а затем поступил на воспитание к двум блестящим санкт-галленским учителям Изо и Марцеллу. Первый прославился как комментатор Пруденция и руководитель

² О Ноткере подробнее см.: *Manitius M.* Op. cit. Bd. 1. S. 354–367; *Wattenbach-Levison-Löwe.* Op. cit. H. 6. S. 750–755; *Brunhölzl F.* Op. cit. Bd. 2. S. 28–58; *Langosch K.* Op. cit. S. 137–185; *Haefele H. F.* Notker I von St. Gallen // *Verfasserlexikon.* Bd. 6. S. 1187–1210; *Haefele H. F., Gschwind Ch.* Notker (Balbulus, «der Stammler») // *LdM.* Bd. 6. S. 1289–1290; *Steinen W. von den.* Notker der Dichter und seine geistige Welt. Bd. 1–2. Bern, 1948 (Neudr. 1978); *Goetz H.-W.* Strukturen der spätkarolingischen Epoche...; *Berschlin W.* Biographie und Epochenstil... S. 388–416.

³ Notker., II, 12: «ex unius comprovintialium meorum... vir de Durgowe».

⁴ Notker., I, 34: «qui cum domino suo Keroldo et Hunisco et Saxonico vel Sclavico bello interfuit et cum iam valde senior parvulum me nutriet».

внешней монастырской школы. Второй, ирландец по происхождению, руководил внутренней школой, одно время трудился в должности библиотекаря и, кроме того, считался крупнейшим специалистом в области музыки. Под их руководством мальчик получил прекрасное образование.

Жизнь Ноткера в монастыре была вполне традиционной и в целом не слишком примечательной. Он не занимал высоких должностей. Как и прочие монахи активно привлекался к составлению грамот и переписыванию книг, некоторое время исполнял обязанности библиотекаря и госпитария, а также являлся учителем монастырской школы. Среди его учеников были такие блестящие фигуры, как епископ Констанца и аббат Санкт-Галлена Саломо III, епископ Фрайзинга Вальдо и др. Ноткер испытывал искреннюю привязанность к своим подопечным и со многими из них до конца жизни сохранял очень тесные отношения. В памяти последующих поколений санкт-галленских монахов он остался «немоощным телом, но не духом, заикающимся голосом, но не душой, возвышенным в делах божественных, терпеливо переносящим невзгоды, ко всему снисходительным, строгим наставником», бесстрашно сражающимся с демонами, неутомимым в молитве, чтении и наставлении⁵. Умер Ноткер 6 апреля 912 г. — дата сохранилась в монастырских анналах⁶.

Однако истинным призванием Ноткера, несомненно, была литературная деятельность. Мало кто из его современников может похвастать таким количеством сочинений, написанных в разных жанрах стихами и прозой⁷. *Liber Ymnorum*, сборник

⁵ Ekkehard IV. Casus s. Galli, 3 / Hg. G. Pertz // MGH. SS. T. 2. P. 94: «Notker corpore non animo gracilis, voce non spiritu balbulus, in divinis erectus, in adversis patiens, ad omnia mitis, in nostrarum acer erat exactor disciplinis; ad repentina timidus et inopinata, praeter demones infestantes, erat; quibus quidem se audenter opponere solebat. In orando, legendo, dictando creberimus».

⁶ Annales Sangallenses maiores (Tab. III), a. 912 // MGH. SS. T. 1. P. 77: «Notkerus magister obiit».

⁷ О хронологии сочинений Ноткера подробнее см.: Steinen W. von den. Op. cit. S. 492–496.

произведений духовной поэзии, предназначенных главным образом для литургии, выдвинул Ноткера в число самых великих поэтов средневековья. Его перу принадлежат также четыре гимна в честь Стефана Мецского; поэтико-прозаическое житие святого Галла, написанное в соавторстве с любимыми учениками Гартманном и Ратпертом; книга формул — образцовых документов и писем, составленных для Салома III по случаю его возвышения; два наставительных письма *Notatio de viris illustribus*, предназначенных тому же Салома; большое количество дидактических писем в стихах и прозе; обширный мартирологий, скомпилированный из трудов Адо Вьеннского и Рабана Мавра; и наконец, два историографических сочинения. Первое называется *Continuatio breuiarii Erchanberti* и представляет собой краткие сообщения о важнейших событиях 840—881 гг. Второе — одно из лучших историко-литературных произведений каролингской эпохи, известное ныне как *Gesta Karoli Magni*⁸.

Долгое время историки относились к этому сочинению с большой настороженностью. В нем отказывались видеть нечто большее, чем сборник причудливых анекдотов, имевших мало отношения к реальности и лишенных какой-либо самостоятельной познавательной ценности. Рассказы Ноткера казались неоригинальными, искаженными авторской фантазией и заимствованиями из многочисленных письменных источников, прежде всего *Vita Karoli* Эйнхарда⁹. Такая оценка на несколько десятилетий определила почти исключительно филологический интерес к *Gesta*¹⁰. Только во второй половине XX в., когда под влиянием работ Г. Бойманна у исследователей по-

⁸ Оригинального названия этого произведения не сохранилось. Устоявшееся сегодня название (*Gesta Karoli Magni*) было придумано его первым издателем Г. Канизием. См.: *Canisius H. Antiquae lectionis tomus I. Ingolstadii, 1601. P. 360—428.*

⁹ *Halphen L. Le moine de Saint-Gall // RH. № 128. 1918. P. 260—298; Wevers M. Op. cit. S. 18—19.*

¹⁰ *Lehmann P. Das literarische Bild Karls des Grossen...; Steinen W. von den. Op. cit.*

степенно изменилось отношение к историческому нарративу и в нем перестали видеть простую «каменоломню конкретных фактов», сочинение санкт-галленского монаха было оценено по достоинству. Г. Хефеле, Х. Леве и, особенно, Г.-В. Гетц убедительно доказали его значимость как источника по истории представлений социальной элиты позднекаролингской эпохи, а также как текста, достаточно полно отразившего социально-политические и духовные реалии последней четверти IX в.¹¹ В 90-е гг. прошлого столетия с развитием у историков интереса к проблеме исторической памяти, а также к соотношению устной и письменной традиции в рамках средневековой культуры *Gesta* обрели еще бóльшую актуальность. Благодаря усилиям М. Иннза существенно расширились наши представления о принципах и технике создания Ноткером исторического нарратива, о методах его работы с источниками, а также о литературных конструкциях, в которые он укладывал соответствующий культурный и социальный опыт¹². Тем не менее все еще недостаточное внимание уделено *Gesta* как памятнику каролингской историографии.

* * *

Об обстоятельствах появления *Gesta* сам автор¹³ высказался вполне определенно. Эта работа была поручена Нот-

¹¹ Haefele H. Op. cit.; *Idem*. Studien zu Notkers Gesta Karoli // DA. № 15. 1959. S. 358–392; Löwe H. Das Karlsbuch Notkers von St. Gallen und sein zeitgeschichtlicher Hintergrund // Löwe H. Von Cassiodor zu Dante... S. 123–148; Goetz H.-W. Strukturen...

¹² Innes M. Memory, Orality and Literacy in an Early Medieval Society // Past and Present. № 158. 1998. P. 3–36.

¹³ Уже Г. Канизий полагал, что автором *Gesta* являлся Ноткер, однако это предположение долгое время вызывало у исследователей сомнение (см., напр.: Pertz G. Praefacio. P. 729). Лишь в конце XIX в. авторство Ноткера было доказано со всей убедительностью К. Цоймером и Э. Цеппелином. См.: Zeumer K. Der Mönch von Sanct Gallen // Historische Aufsätze dem Andenken an Georg Waitz gewidmet. Hannover, 1886. S. 97–118; Zeppelin E. Wer ist der «Mo-

керу Карлом Толстым¹⁴. В декабре 883 г. тот посетил Санкт-Галлен и в течение нескольких дней слушал от многомудрого монаха истории о своем великом прадеде. Рассказы, которые существенно отличались от того, что можно было найти у Эйнхарда или в Анналах королевства франков, настолько увлекли Карла, что он пожелал иметь их у себя и приказал записать в отдельную книгу. Таким образом, *Gesta* увидели свет в 884—887 гг., однако ко времени свержения Карла еще не были завершены. Автор планировал воплотить свой замысел в трех книгах. Первая была посвящена взаимоотношениям Карла Великого с Церковью. Вторая рассказывала о военных деяниях и политических мероприятиях императора. В третьей, скорее всего, речь должна была идти о частной жизни и повседневных привычках Карла. Однако текст сохранился лишь фрагментарно. До нас не дошли предисловие к первой книге¹⁵, заключительные главы второй и вся третья книга. Не очень понятно, окончил ли Ноткер задуманную работу или «Деяния» так и остались недописанными. Второе предположение кажется более вероятным. Автор вполне отдавал себе отчет в том, что своими рассказами он мог приобрести большое количество врагов среди представителей всех сословий, но особенно «высшего сословия епископов». Однако, оставаясь под защитой короля, он не слишком об этом беспокоился¹⁶. После свержения Карла Толстого осенью 887 г. ситуация резко изменилась. Ноткер, лишенный покровительства, мог вполне сознательно прервать начатый труд. Кроме того, конкретный заказчик и адресат, к кото-

nachus Sangallensis»? // *Schriften des Vereins für Geschichte des Bodensees und seiner Umgebung*. Bd. 19. 1890. S. 33—47.

¹⁴ Notker., I, 18: «iussionem vestram implere cupio».

¹⁵ О его наличии автор сам упоминает (Notker., I, 34: «In praefatione huius opusculi»).

¹⁶ Notker., I, 18: «Nimium pertimesco, o domine imperator Karole, ne... omnium professionum et maxime summorum sacerdotum offensionem incurram. Sed tamen de his omnibus non grandis mihi cura est, si tantum vestra defensione non destituar».

рому автор постоянно апеллировал в тексте¹⁷, теперь тоже отсутствовал¹⁸.

Довольно сложен вопрос об источниках информации, из которых Ноткер черпал необходимые сведения¹⁹. Правда в одном месте автор высказался на сей счет как будто вполне определенно, прокламируя приверженность к устным свидетельствам современников: «Я клятвенно пообещал следовать только трем авторитетам». Двух из них он называет по имени. Это монах Веринберт и его отец Адальберт. Первому Ноткер обязан сведениями о религиозных и церковных деяниях Карла. Автор закончил книгу вынужденно, через несколько дней, после того как его учитель и главный информатор ушел из жизни²⁰. К рассказам Адальберта, участника войн против аваров, славян и саксов, восходят сообщения о военных деяниях Карла²¹. Третий «авторитет», опираясь на свидетельства которого Ноткер, вероятно, рассчитывал написать заключительную книгу, неизвестен²².

Уже М. Иннз убедительно показал, что большинство историй Ноткера не выходят за рамки семейных, монастырских и сеньориально-клиентельных рамок. Его рассказы концентри-

¹⁷ См., напр.: Notker., II, 8, 9, 12, 14, 16, 17.

¹⁸ Представление о незавершенности *Gesta* за последние полвека прочно утвердилось в историографии. См.: Steinen W. von den. Op. cit. Bd. 1. S. 493; Langosch K. Op. cit. S. 159; Löwe H. Karlsbuch... S. 135; Berschin W. Biographie und Epochenstil... S. 400.

¹⁹ По мнению В. Бершина, исследователям вряд ли когда-нибудь удастся восстановить во всей полноте круг источников Ноткера: Berschin W. Op. cit. S. 400.

²⁰ Веринберт умер 24 мая 884 г. Следовательно, первую книгу Ноткер написал примерно за пять месяцев и окончил ее 30 мая.

²¹ Notker., I, 34: «tres tantum auctores me secuturum spondi. Sed quia praecipuus eorum Werinbertus septimo die de hac vita recessit... hic fiat terminus libelli istius, qui ex sacerdotis eiusdem ore de religioſitate et aecclesiastica domni Karoli cura processit. Sequens vero de bellicis rebus acerrimi Karoli ex narratione Adalberti, patris eiusdem Werinberti, cudatur».

²² М. Иннз высказал предположение, что третьим информатором Ноткера мог быть Гримальд, аббат Санкт-Галленского монастыря, игравший заметную роль при дворах Людовика Благочестивого и Людовика Немецкого. См.: Innes M. Memory... P. 19.

руются, с одной стороны, вокруг семьи Адальберта—Веринберта, а с другой, вокруг родной обители²³. Например, к рассказам Адальберта с большой долей уверенности можно отнести истории о королеве Хильдегарде, супруге Карла Великого (единственной, названной по имени!) и сестре Герольда, под командованием которого старый воин сам сражался, о брате Герольда Удальрихе, о его вассалах Изанбарте и Варине²⁴, а также сообщение о двух его *privati homines*. Последние отличились при штурме крепости и получили от Карла большую награду: один из них стал префектом графств между Рейном и итальянскими Альпами, а второму пожаловали земли. В последней четверти IX в. их потомки, вероятно, пользовались значительным влиянием и не желали вспоминать о своем невысоком происхождении, поэтому Ноткер опасается называть конкретные имена²⁵.

От Адальберта наш автор услышал, по всей видимости, и другие истории эпохи саксонской и аварской войн: о двух бастардах, прислуживавших Карлу и однажды пробравшихся во вражеский лагерь, чтобы геройски погибнуть (II, 4); о сыновьях неких герцогов, заснувших в карауле (II, 3). К тому же первоисточнику восходит и детальное описание устройства знаменитого аварского Ринга, помещенное в начало второй книги (II, 1)²⁶. Более того, здесь Ноткер сумел передать атмосферу живого общения: безусый юноша задает наивные вопросы, а убеленный сединами старец терпеливо на них отвечает²⁷.

²³ *Innes M. Op. cit. P. 19–35.*

²⁴ *Notker., I, 4, 13, 17; II, 8.*

²⁵ *Notker., II, 2: «In bello Saxonico... quidam privati homines, quorum etiam nomina designarem, nisi notam arrogantiae vitarem, testitudine facta muros firmissimae civitatis vel aggeris acerrime destruebant... Karolus primum illorum praefectum inter Renum et Alpes Italicas instituit, alterum praediis admodum ditavit».*

²⁶ Впрочем, в описании Ринга некоторые исследователи усматривают параллели с девятью кругами Стикса, описанными Вергилием, и отрицают какую бы то ни было историчность в рассказе Ноткера. См.: *Halphen L. Études critiques... P. 134; Innes M. Op. cit. P. 17.*

²⁷ *Notker., II, 1: «cum ego... nescius interrogarem... respondit. Cum... nescirem... inquisitus... dixit».*

Тем не менее значительная часть второй книги написана на основе иных свидетельств. Адальберт вряд ли мог что-то поведать относительно итальянских походов Пипина Короткого и Карла Великого, а также о захвате последним Павии (II, 15, 17), красочных эпизодах общения Карла и Людовика с византийскими, норманнскими и персидскими послами (II, 5–6, 9, 18), поучительных, но вымышленных историях внутрисемейных отношений в императорской фамилии (II, 10) или деталях антикоролевских заговоров (II, 12). И даже если принять во внимание почтенный возраст Адальберта²⁸, трудно представить, что этот закаленный в сражениях воин всерьез рассказывал о великанах, потомках сыновей Сета и дочерей Каина, боровшихся за корону франков (II, 12), или о схватке Пипина Короткого со злым духом в аахенских банях (II, 15). Кроме того, в детстве Ноткер, по его собственному признанию, не слишком усердно внимал рассказам Адальберта, не желая долго сидеть на одном месте и постоянно норовя сбежать²⁹. Так что вряд ли он запомнил достаточно много. Скорее, вынес некое общее представление о той эпохе, которое наложилось на другие свидетельства.

С первой книгой дело обстоит несколько иначе. Она значительно более однородна по содержанию. Ноткеру было уже далеко за сорок, когда умер Веринберт. По всей видимости, он действительно довольно тесно общался с ним в течение нескольких десятилетий и питал большое уважение к старшему (в Боге и по родству) брату. Так что голос последнего здесь слышен вполне отчетливо. Тем не менее и в этой части есть главы или их фрагменты, которые явно восходят к другим источникам. Например, многочисленные рассказы о епископах, имеющих отношение к Страсбургу и Мецу, скорее всего, попали в Санкт-Галлен через Констанц. Впрочем, монастырь был свя-

²⁸ На возраст Адальберта как возможное обстоятельство искажения исторической достоверности рассказов указывает Ф. Брунхельцль. См.: *Brunhölzl F. Op.cit. S. 55.*

²⁹ Notker., I, 34: «(Adalbertus) senior parvulum me... retinentem et sepius effugientem, vi tandem coactum... instruere solebat».

зан узами побратимства с большим количеством церквей, и какие-то истории сюда могли занести странствующие братья, паломники, официальные или неофициальные делегации. Однако устная традиция не была единственным источником сообщений, собранных в первой книге. Рассказы об имперской коронации Карла или об обширном строительстве великого императора (I, 26, 28, 30) демонстрируют знакомство Ноткера с сочинением Эйнхарда. Судя по всему, наш автор в свое время довольно основательно его проштудировал. Парафразы и скрытые цитаты из *Vita Karoli* разбросаны по всему тексту *Gesta*. К *Vita* восходят, например, реплики по поводу зависти (*invidia*) греков и римлян по отношению к франкам³⁰; утверждение, что Карл воздвиг в Аахене исключительной красоты базилику, более величественную, чем древние строения римлян³¹, а также великолепный мост через Рейн возле Майнца, «опоры которого видны и поныне»³²; рассказ о приверженности великого императора к простому франкскому платью³³; констатация того, что Карл неохотно принял помазание в сан императора³⁴; сообщение об антикоролевских заговорах³⁵; наконец, замечание о личном участии Карла в саксонской войне и о том, что в ходе аварской войны «гунны» были уничтожены без следа³⁶. У Эйнхарда, скорее всего, была заимствована и сама идея разбить повествование на три смысловых блока. Однако в концептуальном плане *Vita Karoli* не стала для Ноткера образцом для подражания. Эйнхард раскрывает величие Карла, обращаясь к самым прославленным его деяниям и показывая огромные масштабы совершенного им. Напротив, Ноткер уделяет исключительное внимание «малому», незначительным деталям, «повседневным поступкам» своего героя. У Эйнхарда, опиравшегося на античную литературную традицию, Карл прежде

³⁰ Notker., I, 10, 26; II, 15. Ср.: Einhard., 28.

³¹ Notker., I, 28. Ср.: Einhard., 17, 26.

³² Notker., I, 30. Ср.: Einhard., 17, 32.

³³ Notker., I, 34; II, 17. Ср.: Einhard., 23.

³⁴ Notker., I, 26. Ср.: Einhard., 28.

³⁵ Notker., II, 12. Ср.: Einhard., 20.

³⁶ Notker., II, 1, 2. Ср.: Einhard., 8, 13.

всего воин и император. У Ноткера, апеллировавшего к агнографии и эпическому наследию, он — «епископ епископов», наставник, всевидящее око и высший судия.

Целый ряд пассажей указывает на знакомство Ноткера с другими произведениями. Рассказ о плаще святого Мартина восходит к *De ecclesiasticarum rerum exordiis et incrementis* Валафрида Страбона³⁷. Фраза о том, что Алкуин услышал, будто Карл по всей земле разыскивает мудрецов, заимствована из жития легендарного британца³⁸. Основание Мецской школы описано в соответствии с *Vita Gregorii Magni* Иоанна Диякона³⁹. Сообщение о том, что Карл подарил персидским послам собак, является пересказом фрагмента «Естественной истории» Плиния, где повествуется о дарах короля Албании Александру Великому⁴⁰. На страницах *Gesta* упоминается «Церковная история» Беды, правда, в несколько странном аспекте. Ноткер сетовал, что за последние полтора столетия о королях франков никто не удосужился оставить памятных свидетельств (!)⁴¹. Исключение составил разве что Беда, посвятивший Пипину Короткому «почти целую книгу» (*integrum pene librum*). Между тем в «Церковной истории» Пипин упоминается лишь мельком в двух небольших главках пятой книги⁴². Некоторые исследователи настаивают на знакомстве Ноткера с сочинением Тегана. По мнению Э. Тремпа, к *Gesta Hludowici* восходит описание личных качеств и королевских достоинств Людовика Благочестивого и Людовика Немецкого⁴³. В принципе, это представляется

³⁷ Notker., I, 4. Ср.: Walafrid Strabo. *De ecclesiasticarum rerum exordiis et incrementis* // MGH. Capit. T. 2. P. 515.

³⁸ Notker., I, 2. Ср.: Vita Alchvini // PL. T. 100. Col. 91.

³⁹ Notker., I, 10. Ср.: Iohannus Diaconus. *Vita Gregorii Magni*, II, 9 // PL. T. 75. Col. 91.

⁴⁰ Notker., II, 9. Ср.: Плиний. Естественная история. 8, 40.

⁴¹ Notker., II, 16: «de quibus propter ignaviam modernorum grande silentium est».

⁴² Bede. *Historia ecclesiastica*. V, 10–11.

⁴³ Notker., II, 10–11, 20–21. О заимствованиях Ноткера из сочинения Тегана подробнее см.: Tremp E. *Studien zu den Gesta Hludowici...* S. 129–130.

возможным, хотя звучит не слишком убедительно. Описание королевских достоинств — очень расхожий сюжет каролингской литературы. Искать здесь прямые заимствования не представляется настолько уж перспективным занятием. Скорее следует считать, что различные писатели черпали эти идеи из общего культурного фона эпохи, из огромного комплекса наиболее актуальных в то время представлений о короле. Кроме того, если Ноткеру был известен труд Тегана, кажется довольно странным, что он посетовал на молчание современников относительно предков Карла Толстого, включив в этот список и Людовика Благочестивого. Единственным положительным аргументом в данном случае можно считать цитату из Эклоги, аналогичную той, что приводит Теган, — к этому сочинению Вергилия Ноткер больше нигде не обращается⁴⁴. Однако, учитывая хрестоматийность произведений римского поэта и их повсеместное использование в рамках школьной программы, не следует отрицать и наличия общего для обоих писателей источника в виде какого-нибудь учебника по римской словесности с выдержками из сочинений античных классиков.

Строго говоря, перечисленные выше тексты нельзя рассматривать в качестве источников *Gesta Karoli Magni*. Их появление на страницах «Деяний» указывает, скорее, на общую эрудицию автора, нежели на сознательный сбор историографического материала. Это явление того же порядка, что и обильное цитирование «Энеиды» Вергилия⁴⁵, а также различных книг Библии. Ноткер не стремится к фактографической точности. В нем ни в коем случае нельзя видеть историографа, стремящегося подобно Эйнхарду, Нитхарду или Регинону, к воссозданию исторической картины прошлого, «каковой она была на самом деле», чтобы сохранить ее для потомков. Главным источником информа-

⁴⁴ Notker., II, 9: «Aut Ararim Parthus bibet aut Germania Tigrim». Ср.: Thegan., 52. Отметим, что Теган пишет название реки Тигр через «у» (Tygrim), а Ноткер через «i». Разница в написании одного слова вполне может указывать на использование различных учебников по грамматике, а не на знакомство одного автора с произведением другого.

⁴⁵ См., напр.: Notker., I, 25, 31, 34; II, 8.

ции для Ноткера нужно считать богатейшую устную традицию (семейную и монастырскую), зафиксировавшую события недавнего прошлого в формах, близких к эпическим. Именно поэтому, несмотря на заявленную разницу источников, из которых автор черпает информацию, «Деяния» поражают читателя концептуальной целостностью, а также законченностью и непротиворечивостью образов. Во всяком случае, мы не встретим в *Gesta* тех явных различий, которые прослеживаются, например, в отдельных частях сочинений Регинона или Астронома. Очевидно, что Ноткер, приступая к их написанию, имел четкое понимание сущности своих героев и логики их поступков. Он не стремился к исторической достоверности в современном понимании этого слова, не собирал по крупицам необходимый материал, а лишь отталкивался от различных свидетельств, прежде всего обширной устной традиции, в том числе рассказов Веринберта и Адальберта, заимствуя детали сюжета, но не суть историй. Возведение последних к сообщениям двух верных людей, возможно, было вполне сознательной посылкой Ноткера — таким образом для читателя удостоверилась подлинность событий и фактов, какими бы удивительными они ни казались.

Судя по другим составляющим обширного литературного наследия Ноткера, а также по немногим известным фактам его биографии, вторым, помимо литературной деятельности, призванием нашего автора являлось учительство в самом широком смысле слова. Основной пафос «Деяний» также заключается в наставлении. Каждый рассказ, написанный живо и увлекательно, несет в себе значительный нравственно-дидактический заряд. Это, прежде всего, моральный урок, преподнесенный монахом своему королю. На этом основании некоторые исследователи относили *Gesta* к жанру зеркал⁴⁶. Однако с большим основанием их следовало бы отнести к жанру *exempla*⁴⁷.

⁴⁶ Haefele H. F. Studien... S. 390; *Idem*. Notker I... S. 1200; Innes M. Op. cit. P. 13.

⁴⁷ О жанровой характеристике средневековых *exempla* подробнее см.: Гуревич А. Я. *Exemplum* // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 594–597.

К сожалению, составить сколько-нибудь полное представление о восприятии *Gesta* современниками невозможно. В источниках отсутствуют какие бы то ни было свидетельства на сей счет (разумеется, кроме самого факта заказа, поступившего от Карла Толстого, очарованного поразительными историями). Оригинального текста «Деяний» также не сохранилось. Самые ранние рукописи восходят лишь к XII в. Однако отметим, что во всех четырех кодексах, датируемых этим столетием, сочинение Ноткера помещено в один ряд с *Vita Karoli* Эйнхарда и Анналами королевства франков, что до известной степени позволяет судить о характере его интерпретации в более позднее время. Любопытен и тот факт, что кодекс, хранящийся ныне в Вене, в свое время попал в раздел *historiae ecclesiasticae*⁴⁸.

* * *

Все герои *Gesta* мало напоминают реальных людей. По большей части они представляют собой типические образы, сформированные в соответствии с определенными этико-поведенческими установками и выполняющие различные дидактические задачи. Поскольку «Деяния», прежде всего, предназначались для наставления Карла Толстого, то совершенно естественно, что основной упор Ноткер сделал на формировании облика идеального государя. Таковым перед читателем предстает великий император франков Карл. Его образ формируется под сильным влиянием библейских моделей, монашеского идеала, дидактической литературы жанра зеркал, германских героических песен и исторических реалий, современных времени создания текста. Речь, разумеется, идет не столько о подлинном историческом деятеле второй половины VIII — начала IX в., сколько о человеке-мифе, ставшем существенным элементом культурного самосознания интеллектуальной и политической элиты франкского королевства.

⁴⁸ О ранних рукописях *Gesta* подробнее см.: Pertz G. Praefacio. P. 726–727; Rau R. Einleitung. S. 14–15.

Довольно полное представление об образе легендарного императора и элементах, его составляющих, дают многочисленные эпитеты, которыми его наделяет Ноткер. В целом они группируются вокруг традиционных характеристик короля как доброго христианина, покровителя Церкви, защитника слабых, вдов и сирот, блюстителя справедливости и непобедимого воина. Карл видится нашему автору:

— «религиознейшим»; «благочестивейшим»; «умереннейшим»; «щедрейшим»; «неутомимым любителем божественной службы»; «боящимся Бога»; «епископом епископов»⁴⁹;

— «наимудрейшим»; «ученейшим»; «проницательнейшим»; «всегда жаждущим мудрости»; «предусмотрительнейшим»⁵⁰;

— «отважнейшим любителем правды»; «справедливейшим»; «судьей, самым справедливым после Бога»; «радеющим о справедливости»; «суровым разыскателем истины»; «непреклоннейшим», но при этом «милосерднейшим»; «наимягчайшим»; «добрейшим»; «милейшим» и «великодушным»⁵¹;

— «непобедимейшим»; «непобедимым и никогда непобежденным»; «воинственнейшим»; «отважнейшим»; «неукротимейшим»; «устрашающим»; «воинственнейшим Давидом» и даже «железным»⁵².

⁴⁹ Religiosissimus regum (I, 2, 18, 25, 32; II, 14, 17); religiosissimus et temperantissimus (I, 11); piissimus (I, 5, 14); moderantissimus hominum (I, 4, 5, 15); liberalissimus regum (I, 29; II, 9); indefessus divine servitutis amator (I, 10); timoratus (I, 14); episcoporum episcopus (I, 25).

⁵⁰ Sapientissimus (regum) (I, 3, 5, 11, 14, 16, 25; II, 6, 10, 13, 14, 17); doctissimus (I, 7); peritissimus (I, 30); ingeniosissimus (I, 10); sagacissimus (I, 16; II, 7, 12); semper amator et cupidissimus sapientiae (I, 1); providentissimus (I, 4, 13, 31; II, 10).

⁵¹ Fortissimus veritatis amator (I, 4); iustissimus (II, 2); iudex post Deum iustissimus (I, 31); equissimus (I, 15); districtissimus inquisitor iusticiae (I, 25, 32); rigidissimus (I, 34); misericordissimus (I, 13); clementissimus (I, 5, 11); benignissimus (II, 6); laetifice (I, 5); magnanimus (I, 26; II, 5, 12).

⁵² Invictissimus, invictus (I, 18, 26, 33; II, 1, 13, 17); invictus nes vincendus unquam (II, 13); bellicosissimus (David) (I, 17, 27; II, 5, 19); fortissimus (I, 8); acerrimus (I, 34); indefessus (II, 6, 9); metuendus (II, 17); ferreus (II, 17).

Картину дополняют такие характеристики, как «славнейший», «несравненный», «светлейший», «прекраснейший», «почтеннейший», «выдающийся», «искуснейший», «снисходительнейший родитель», «неутомимый», «всегда бодрствующий», «энергичнейший», «не знающий покоя и праздности», «самый тренированный из самых тренированных франков», «князь князей», «первый из смертных»⁵³. В *Gesta* встречается даже столь необычная для каролингского времени характеристика, как «даритель и восстановитель здоровья»⁵⁴.

Пожалуй, как никто из писателей VIII–IX вв., Ноткер проявил поразительную изобретательность в подборе необходимых эпитетов. Их комплекс даже вне конкретного контекста отдельных анекдотов представляется в высшей степени примечательным. Отметим, что, за редким исключением, все эпитеты, которых насчитывается более шестидесяти, употребляются в превосходной степени. Можно сказать, что Ноткер изобрел вполне оригинальный литературный прием, по крайней мере, в рамках каролингской литературы. Из отдельных титулов, как из кирпичиков, складывается невероятно целостная и концептуальная трактовка центрального образа всего произведения. Автор сумел произвести необходимое и очень сильное впечатление вполне маргинальным способом. Карл предстает перед нами исключительной личностью. В нем всего с избытком, много больше, чем необходимо обычному человеку. Только такому правителю было под силу создать великую империю. Карлу Толстому, его правнуку по прямой мужской линии, выпало на долю собрать в своих руках почти все части обширного каролингского наследства. Если он хочет удержать их под своей властью, он должен демонстрировать те же качества, что и прадед.

⁵³ *Gloriosissimus* (I, 9, 10, 26, 31, 33; II, 6); *incomparabilis* (I, 17, 33; II, 8, 17); *illustris* (I, 10; II, 16); *praeclarissimus* (II, 6); *honestissimus* (I, 12); *excellentissimus* (II, 8); *artificiosissimus* (II, 17); *genitor indulgentissimus* (II, 10); *vigilantissimus semper* (II, 12); *vigorosissimus* (II, 9); *quietis et otii impatientissimus* (II, 8); *exercitatissimus exertatissimorum Francorum* (II, 17); *satrapum satrapa* (II, 9); *princeps mortalium* (II, 6).

⁵⁴ *Donator et restitutor sanitatis* (I, 26).

Ноткер, однако, не останавливается на достигнутом, но поднимает образ Карла на еще большую высоту, хотя это и кажется почти невозможным. Он стремится убедить читателей, что его герой не просто сверхчеловек, но почти Бог. Во всяком случае, он удален от земли на недостижимое расстояние, что естественным образом проявляется в его деяниях. Например, Карл не только спас Римского Папу Льва от рук мятежников, но, уверившись в его невинности, «даритель и восстановитель здоровья» (*donator et restitutor sanitatis*) дал ему, ослепленному врагами, более зрячие глаза, чем у того были ранее. Единственным знаком этого чуда являлся красивый рубец, который, как тонкая нить снежной белизны, украшал его лицо⁵⁵.

Подобно Господу Карл постоянно наблюдает за своими подданными, и никто не может укрыться от его взгляда. Рассказывая о постройках в Аахене, Ноткер отмечает, что не только знаменитая базилика, но и светские здания, а также дома знатных, расположенные вокруг королевского дворца, по распоряжению Карла были выстроены таким образом, что сквозь решетку своего балкона он мог видеть все, что делали входящие и выходящие, сам при этом оставаясь незамеченным. Развивая тему, Ноткер добавляет, что жилища магнатов строились на сваях, чтобы под ними в случае непогоды могли укрыться воины и слуги⁵⁶: «от непогоды, но не от глаз прони-

⁵⁵ Notker., I, 26.

⁵⁶ Судя по этому рассказу, Ноткер никогда не видел Аахенского дворца. Последний представлял собой типичную романскую постройку с большим количеством глухих стен и замкнутых пространств. Дома знатных палатинов располагались за крепостной стеной и были недоступны взгляду стороннего наблюдателя. Разумеется, строительная техника была развита не настолько хорошо, чтобы сооружать дома на сваях. С известным допущением в последних можно видеть разве что крытые галереи первого этажа. Образ Аахенского пфальца в *Gesta* насквозь метафоричен. Он представляет собой некое мифическое пространство, в котором действуют не менее мифические персонажи-типажи, и позволяет Ноткеру глубже раскрыть облик главного героя. О королевском дворце в Аахене (с воспроизведением планов и моделей реконструкции) подробнее см.: Riché P. *Die Welt der Karolinger...* S. 60–65.

цательнейшего Карла»!⁵⁷ В этом отношении весьма показателен следующий анекдот. На место умершего епископа Карл назначил некоего юношу. Слуги последнего в соответствии с новым высоким саном их господина подвели коня к ступеням дворцовой лестницы. Однако тот рассердился, посчитав, что его уже держат за больного, и лихо прыгнул в седло с верхней ступеньки. Карл, наблюдавший за этой сценой из окон дворца, немедленно приказал позвать юношу к себе и обратился к нему с такой речью: «Добрый человек, ты быстрый и ловкий, проворный и стремительный. Ты знаешь, что спокойствию нашей империи повсюду угрожают многочисленные войны. Поэтому в моей свите найдется дело для такого клирика. Оставайся соучастником трудов наших до тех пор, пока ты сможешь также быстро садиться на коня»⁵⁸. Из этой истории для читателя — прежде всего, Карла Толстого! — вытекал двойной моральный урок, что вообще характерно для многих *exempla* Ноткера. Король должен хорошо знать каждого своего подданного и давать ему такие поручения, в которых его личные качества раскрылись бы наиболее полно. Кроме того, ему следует окружать себя людьми, способными сражаться. Не будем забывать, что на середину 80-х гг. IX в. пришелся очередной всплеск норманнской агрессии, и правнуку великого императора приходилось каждый год давать ей отпор. Не слишком, впрочем, удачно.

В ряде случаев Ноткер помещает Бога и Карла в один смысловой ряд. Однажды Карл устроил экзамен ученикам дворцовой школы. Выяснилось, что бедные и незнатные школяры овладели науками несравненно лучше отпрысков благородных и богатых фамилий, которые учились без должного усердия. Тогда, «подражая суду вечного судии», император

⁵⁷ Notker., I, 30.

⁵⁸ Notker., I, 6: «Bone vir, celer es et agilis, pernix et praepeus. Utque ipse tu nosti, multis bellorum turbinibus undique serenitas imperii nostri turbatur. Idcirco opus habeo tali clerico in comitatu meo. Esto igitur interim socius laborum nostrorum, dum tam celeriter ascendere potes caballum tuum».

поставил первых по правую руку от себя, вторых — по левую и вручил первым епископства и аббатства, а вторых выгнал с позором⁵⁹. Также некий клирик читает Евангелие «перед высшим Богом и святыми ангелами и на виду у суровейшего короля и его знатных»⁶⁰. Школяр, оставленный в капелле, смиренно говорит Карлу: «все в Божьей воле и твоей власти»⁶¹. Наконец, к Богу и королю обращаются одинаково: «Domine».

Богоизбранность Карла проявляется также в том, что Господь постоянно помогает ему, защищает его интересы там, где он сам по разным причинам не в состоянии этого сделать. Король назначил руководителем строительных работ в Аахене некоего «наиболее сведущего» аббата. Однако тот оказался мошенником, нещадно эксплуатировал рабочих, практически не давая им денег, и нагребил большое количество золота и серебра. Однажды в его доме, где хранились несправедливо нажитые богатства, случился пожар. Аббат бросился спасать свое добро и погиб в огне. «Так Божий суд неустанно заботился за религиознейшего Карла в тех делах, которым он уделял меньше внимания, занятый делами королевства»⁶².

Развивая эту мысль, Ноткер рассказывает еще два анекдота. Некий искусный, но жадный мастер по изготовлению колоколов получил от короля заказ и необходимые материалы, но утаил большое количество серебра и добавил в колокол цинк. Новый колокол, очень красивый внешне, повесили в церкви, однако он не зазвенел. Мастер попробовал позвонить сам, дернул за язык, но тот отвалился и раздавил вора. Серебро потом нашли, и справедливейший Карл приказал разделить его среди бедных палатинов⁶³. Также некий препозит Лиутфрид

⁵⁹ Notker., I, 3: «sapientissimus Karolus aeterni iudicis iusticiam imitatus».

⁶⁰ Notker., I, 32: «coram summo Deo et sanctis angelis et in conspectu severissimi regis et procerum eius».

⁶¹ Notker., I, 4: «Domine, hoc in Dei nutu et potestate yestra situm est».

⁶² Notker., I, 28: «Ita divinum iudicium pro religiosissimo Karolo vigilavit, ubi ipse regni negotiis occupatus minus intendit».

⁶³ Notker., I, 29.

основательно нажился на рабочих, строивших в Аахене. Такое количество денег можно было бы перевести в ад только с помощью верблюда. Вскоре некий клирик увидел во сне огромного верблюда, которого к дому препозита вел великан Полифем, а затем ехал обратно и вез человека. На утро выяснилось, что Лиутфрид мертв. Карл, «судья, самый справедливый после Господа», приказал разыскать его богатства и раздать их работникам и бедным⁶⁴.

В иных случаях Карл выступает своего рода медиатором божественной воли, но не как слепое орудие возмездия, а в качестве того, кто это возмездие организует. Причем королевский и Божественный суды здесь тесно переплетены — один от другого отделить очень непросто. Некий епископ погряз в разврате. Когда молва об этом достигла ушей Карла, он отправил двух палатингов с поручением лично присутствовать на мессе и заставить грешника совершить таинство. Тот, «боюсь людей больше, чем Бога», погрузил члены в холодную воду купели. Но поскольку грешные мысли не оставляли его сердце, вода проникла в его члены, он заболел и вскоре умер. «Так по решению сурового и вечного Судии он должен был испустить дух»⁶⁵. Другой священник читал Евангелие перед «Господом с ангелами и на виду у короля со свитой», чистый телом, но с нечистой совестью⁶⁶. Во время богослужения с потолка церкви несколько раз спускался ядовитый паук и кусал его за голову. Карл не позволил прервать мессу, хотя видел происходившее. Едва покинув церковь, священник умер —

⁶⁴ Notker., I, 31.

⁶⁵ Notker., I, 25: «vel conscientia cor quatiente vel aqua venas penetrante, tanto frigore correptus est, ut nullorum medicorum adminiculo possit adiuvari, sed immanissima febrium valitudine oerductus ad mortem, districti et aeterni iudicis decreto animam reddere cogereetur».

⁶⁶ По мнению некоторых исследователей, речь в данном случае идет о грехе содомии (fornicatio), в котором клирик не покался. Вопрос о том, стояла ли за этим анекдотом подлинная история, остается без ответа. См.: Losek F. Die Spinne in der Kirchendecke — Eine St. Galler Klostergeschichte (Notker, Gesta Karoli 1, 32) // Historiographie im frühen Mittelalter... S. 253–261.

Божье возмездие свершилось. Карл же возложил на себя публичное покаяние, за то, что не остановил службу и тем самым нес ответственность за гибель грешника, пусть и справедлиую⁶⁷. Еще один клирик, *veluti familiarissimus* императора, был невероятно искусен в песнопениях, но воспринимал это как данность и не возблагодарил достойно «дарителя сих даров». Господь жестоко покарал его — стоя рядом с Карлом (отметим факт личного присутствия императора в момент совершения возмездия!), тот в одно мгновение превратился в кучку пепла⁶⁸. Вообще, в *Gesta* Бог, в отличие от дьявола, не имеет сколько-нибудь конкретного образа. Это обстоятельство должно было еще больше усиливать у читателей ощущение богоподобности Карла, при этом вполне зримого и осязаемого⁶⁹.

В трактовке исключительного, недостижимого и величественного образа Карла особый интерес представляют две следующие истории. Они помещены во второй книге и, по словам автора, восходят к сообщениям Адальберта. Однако с большим основанием их следует считать талантливой литературной обработкой некоего мифопоэтического сюжета, не связанного непосредственно с рассказом приемного отца Ноткера. Наш автор использовал здесь специфический литературный прием, который можно было бы назвать «затягиванием ожидания» или «нагнетанием напряжения». Первая история повествует о византийских послах, которых франки решили наказать за оскорбительное обращение с их собственным посольством в Константинополе. Незадачливых легатов долго водили по дворцу. Те принимали за императора каждого знатного, который выделялся одеждой и сидел на возвышающемся месте, и простирались перед ним на полу. Сначала им «повстречался» коннетабль, затем пфальцграф, стольник, камерарий. Лишь после этого в окне появился «Карл, славнейший из королей, сияющий подобно восходящему солнцу, украшенный золотом

⁶⁷ Notker., I, 32.

⁶⁸ Notker., I, 33.

⁶⁹ Ср.: Goetz H.-W. Strukturen... S. 62.

и драгоценными камнями... Вокруг него подобно воинству небесному стояли три его сына, дочери с матерью, мудростью и красотой украшенные не менее чем драгоценностями, епископы, несравненные обликом и добродетелями, и аббаты, выделяющиеся знатностью и святостью. Также и герцоги, подобные тем, которых некогда увидел Иосия в лагере Гальгалы; и воинство, подобное тому, которое изгнало сирийцев и ассирийцев из Самарии, так что Давид, если бы он был среди них, по праву пропел бы: «Цари земные и все народы, князья и все судьи земные, юноши и девицы, старцы и отроки, да хвалят имя Господа»⁷⁰. Излишне говорить, что византийские послы были полностью раздавлены таким величием и будто мертвые повалились на землю. Усиливая напряжение рассказа и подчеркивая целостность создаваемого образа, Ноткер акцентировал пространственную дистанцию между Карлом в окружении блестящей свиты и легатами из Константинополя. Карл не появился непосредственно перед ними в том же помещении, а показался в окне верхнего этажа, демонстрируя свою недостижимость для простых смертных.

Тот же прием Ноткер использовал в рассказе, посвященном завоеванию Лангобардского королевства⁷¹. Лангобарды вместе со своим королем Дезидерием удерживали Павию и ожидали подхода войска Карла. И вот оно появилось. Первые его полки напоминали полчища Дария или Юлия. Затем дви-

⁷⁰ Notker., II, 6: «Stabat autem gloriosissimus regum Karolus iuxta fenestram lucidissimam, radians sicut sol in ortu suo, gemmis et auro conspicuus... In cuius undique circuitu consistebat instar militiae coelestis, tres videlicet iuvenes filii eius... filiaeque cum matre non minus sapientia vel pulchritudine quam monilibus ornatae, pontifices forma et virtutibus incomparabiles praestantissimique nobilitate simul sanctitate abbates; duces vero tales, qualis quondam apparuit Iosue in castris Galgalae; exercitus vero talis, qualis de Samaria Siros cum Assiriis effugavit, ut, si David medius esset, haec non inmerito praecinisset: "Reges terrae et omnes populi, principes et omnes iudices terrae, iuvenes et virgines, senes cum iunioribus laudent nomen Domini"».

⁷¹ Notker., II, 17.

галось войско, «собранное из всех земель обширнейшей империи» (*exercitum popularium de latissimo imperio congregatum*). Далее шла дворцовая гвардия (*sermocinantibus scola*), никогда не знавшая покоя. Затем епископы, аббаты и капелланы со своей свитой. «В этом ли войске Карл?» — постоянно спрашивал Дезидерий у некоего франка Откера⁷² и каждый раз получал отрицательный ответ. Когда появится Карл, будет сразу видно, заверил тот, ибо поле покроется железом как нивой, а По и Тицин вместе с морскими волнами почернеют от железа и выйдут из берегов. И вот на западе, северо-западе и севере показались черные тучи, а вскоре появился сам «железный» Карл, блеском оружия превративший день в ночь. Он был весь закован в доспехи, держал железное копье в левой руке, а меч в правой и даже масть его коня отливала железом. Более грозного зрелища нельзя было себе представить. «Ох, железо! Ах, железо!» — в ужасе кричали жители города. «Перед железом трепетала прочность стен и молодых, погибал совет стариков» (*Ferro contremuit firmitas murorum et iuvenum, consilium ferro deperit seniorum*). Ноткер создал поистине эпическое полотно, несколькими мазками нарисовав невероятно величественную картину. Кстати, именно в этом месте он именует себя *balbulus et edentulus* — обычное самоуничижение раннесредневекового автора, к тому же монаха. В самом ли деле он был беззубым зайкой? Вполне возможно, что обидное прозвище закрепилось за ним в веках по недоразумению.

Как уже отмечалось, для исторического сознания Ноткера характерна мифологизация и эпизация относительно недавнего (отстоящего не более чем на три поколения) прошлого. Незначительная временная дистанция, отделяющая события, о которых идет речь, от эпохи Ноткера, ничуть его не смущает⁷³.

⁷² По сообщению *Liber pontificalis* Откер находился в Вероне, а не в Павии вместе с Дезидерием: *Gesta pontificum Romanorum* / Hg. T. Mommsen (MGN SS). München, 1898. Bd. 1. S. 495.

⁷³ С подобным феноменом мифологизации недавнего прошлого мы сталкиваемся, например, в хронике Фредегара, где автор повествует о чудесном происхождении Меровингов от мифического

Продолжая рассказ о завоевании Павии, Ноткер сообщает, что в день подхода войска франков город не сдался. Карл, не желая проводить день в бездействии, приказал выстроить ора-торий. Королевские мастера всего лишь за восемь часов возве-ли церковь от основания до кончика крыши и даже украсили ее росписью, «так что казалось, будто ее строили целый год». На следующее утро Павия сдалась без всякого кровопролития. В этом рассказе Карл представляется своего рода культурным героем, совершающим деяния, которые не под силу простым смертным. Кроме того, для эпического повествования харак-терна резкая деформация хронологии: разновременные собы-тия происходят одновременно, а растянутые во времени — за очень короткий срок. Хорошо известно, например, что осада Павии длилась почти десять месяцев.

В этой связи стоит упомянуть не менее эпический рассказ о Пипине Коротком, который позволяет лучше понять логи-ку исторических реконструкций Ноткера. Узнав, что некото-рые знатные (*primates exercitus*) не желают ему повиновать-ся, Пипин собрал всех и приказал привести льва и огромного быка. Животных стравили, и лев вышел победителем. Тогда Пипин предложил присутствующим оттащить льва от жерт-вы или убить его. Смельчаков не нашлось. Магнаты заве-рили короля, что «на земле нет ни одного человека, который бы осмелился совершить такое». Разумеется, Пипин обна-жил меч и поверг ужасного льва. Затем возвратился на трон и обратился к стоящим вокруг: «Вам не кажется, что я мог бы быть вашим государем? Разве вы не слышали, что ма-ленький Давид сделал с большим Голиафом, а коротышка Александр со своими высокими сателлитами?» «Только глу-пец, — последовал ответ, — мог усомниться в вашей власти над смертными»⁷⁴.

морского чудовища. Хильдерик, хорошо известный исторический персонаж, оказывается всего-навсего внуком человека-зверя. См.: Fredegar. Liber Chronicarum. III, 9.

⁷⁴ Notker., II, 15: «Quo ille confidentior exurgens de throno et extracta spata per cervicem leonis cervicem tauri divisit ab armis et spata in vaginam

История с Пипином имела не менее примечательное продолжение. Однажды в аахенских банях на него напал злой дух⁷⁵. Король защитился крестным знамением, а затем увидел тень на земле и вонзил в нее меч. «Старый враг» бежал, забрызгав все вокруг плесенью, кровью и жиром. Прибежавший на шум королевский камерарий был в ужасе. «Не беспокойся об этом, — сказал Пипин, — просто очисти воду, чтобы я мог искупаться»⁷⁶. Строго говоря, это почти все, что Ноткер знает о времени Пипина Короткого. Он добавляет лишь один небольшой рассказ об итальянском походе короля франков. Разбив лангобардов, тот отправился помолиться в Рим. Горожане встретили его торжественными песнопениями, которые обычно исполнялись в дни рождения апостолов. Не желая вызвать зависть «у римлян, или, лучше сказать, константинопольцев», тот поспешил возвратиться на родину⁷⁷. Известно, однако, что Пипин никогда не бывал в Риме. Возможно, Ноткер путает это событие с итальянским походом Карла Великого, состоявшимся в 774 г. Как бы то ни было, но франкская история древнее 70-х гг. VIII в. для него абсолютно неизвестна и представляется своего рода сказочным лесом, где обитают великие герои, совершающие удивительные деяния. Правда, следует отметить, что за исключением эпизода с Пипином он ее больше не касается.

remissa consedit in solio: Videtur vobis, inquiens, utrum dominus vester esse possim? Non auditis, quid fecerit parvus David ingenti illi Goliath vel brevissimus Alexander procerissimis satellitibus suis? Tunc quasi tonitru perculsi ceciderunt in terram dicentes: Quis nisi insaniens dominationem vestram mortalibus imperare detrectet?»

⁷⁵ Об образе дьявола и его роли в *Gesta* подробнее см.: Haefele H. F. Teufel und Dämon in den Gesta Karoli // Schweizerisches Archiv für Volkskunde. № 51. 1955. H. 1/2. S. 5–20; Goetz H.-W. Strukturen... S. 63–66.

⁷⁶ Notker., II, 15: «Pippinus dixit ad cubicularium: Non sit tibi cura de talibus. Fac affluere infectam illam aquam, ut in ea quae pura-manaverit sine mora lavari debeam».

⁷⁷ Ibid.: «Ipse vero, invidiam Romanorum, immo verius loquar Constantinopolitanorum declinans, mox in Franciam revertitur».

Эти рассказы явно восходят не к интеллектуальной традиции, отраженной в письменном нарративе. Также представляется неправильным приписывать их исключительно повествованию Адальберта. Скорее всего, мы имеем редкую возможность соприкоснуться с устной исторической традицией, с особой, эпической по своей сути, формой бытования исторической памяти. Она характеризуется, прежде всего, трансформацией реальных событий в категориальные действия, исход которых всегда предсказуем, а также размытием индивидуальной природы действующих лиц и превращением их в типажи⁷⁸. Судя по содержанию приводимых Ноткером анекдотов, данная устная традиция формировалась главным образом в среде социальной элиты⁷⁹, а транслятором этой эпической памяти (что весьма примечательно) выступает образованный санкт-галленский монах, который облачает ее в христианские одежды. Можно думать, что в последней четверти IX в. Рейн все еще оставался своеобразной границей между достаточно прагматическим, уходящим корнями в античность, и мифо-эпическим, связанным с германским варварством, осмыслением исторической действительности. Последнее давало о себе знать, несмотря на мощные пласты интеллектуальной культуры, созданные «каролингским возрождением», и монастырские стены, эту культуру хранившие. Характерно, что Ноткер несколько раз подчеркивает свое гер-

⁷⁸ Подробнее см.: *Scheibelreiter G. Vom Mythos zur Geschichte. Überlegungen zu den Formen der Bewahrung von Vergangenheit im Frühmittelalter // Historiographie im frühen Mittelalter... S. 26–40.*

⁷⁹ Устную мифоэпическую традицию осмысления прошлого не следует понимать как явление исключительно «народной культуры». Ее создателями и носителями в равной степени являлись представители всех социальных групп. Разумеется, они придавали ей соответствующую элитарную или, напротив, демократическую окраску, что проявлялось, прежде всего, в содержательной стороне тех или иных сюжетов. О специфических историях из области германского прошлого, бытовавших в среде каролингской аристократии, см.: *Innes M. Teutons or Trojans? The Carolingians and the Germanic past // The Uses of the Past... P. 227–249.*

манское происхождение, идентифицирует себя с Германией и теми, кто говорит на немецком языке⁸⁰. Вряд ли это обстоятельство следует считать случайным⁸¹.

Однако вернемся к Карлу. Рассказывая истории о своем герое, Ноткер не только прославляет его, но реализует таким образом многие собственные интенции в понимании окружающей действительности. Полнее всего это прослеживается в его трактовке епископата. В целом автор создает довольно неприглядный облик епископа, что отчасти видно из приведенных выше примеров. Люди, на которых возложены пастырские обязанности, погрязли в грехе и разврате (I, 22, 25), имеют нечистую совесть (I, 32), недостаточно благодарят Господа за свои дарования (I, 33). В развитие этой темы Ноткер рассказывает еще несколько анекдотов. Одного капеллана, выделявшегося ученостью и знатностью происхождения, Карл назначил епископом. На радостях тот закатил пир и настолько увлекся вином, что пропустил мессу в день св. Мартина. Когда во время литургии подошла его очередь петь стих, наступила пауза. Возмущенный император потребовал, чтобы хоть кто-нибудь спел полагавшийся стих, и тогда положение спас некий бедный клирик, с блеском исполнив трудное песнопение. В награду Карл отдал ему епископство, накануне пожалованное нерадивому капеллану⁸². Другой епископ был невероятно богат, однако никогда ничего не раздавал бедным. Карл решил его наказать, но не ограничиваться простым внушением. Подобно Богу, который выбирает подходящего слугу для реализации собственных намерений, он повелел некоему еврейку

⁸⁰ Ср., напр.: Notker., II, 9: «Ad huius rei testimonium totam ciebo Germaniam»; II, 11: «apud eos, qui in his regionibus Latino sermone utuntur, aecclesiastica cantilena dicatur Mettensis, apud nos autem, qui Teutisca lingua loquimur, aut vernacule met aut mette vel secundum Grecam devitationem usitato vocabulo mettisca nominetur».

⁸¹ Как показал Гетц, Ноткер полнее всего идентифицирует себя с собственным монастырем, затем с Алеманией, границ которой он никогда не пересекал, и наконец, с теми, кто говорит на немецком языке. См.: Goetz H.-W. Strukturen... S. 10–21.

⁸² Notker., I, 5.

явиться к епископу и сделать его всеобщим посмешищем. Тот забальзамировал мышь, выдал ее за невиданное животное, привезенное из дальних стран, и продал нерадивому пастырю за большое количество серебра. На ближайшем синоде правда открылась, епископ был публично опозорен, а король обратился к присутствующим со следующим наставлением: «Вы, епископы, отцы и попечители наши, вы должны служить бедным, но еще более Христу в них, а не думать о суетных вещах. Вы же обратились к противоположному и превосходите всех смертных в суетной славе и жадности»⁸³. Еще один епископ, экономивший на бедняках, за большие деньги купил мула и едва не поплатился за это жизнью, поскольку в животное превратился сам дьявол⁸⁴. Отметим, однако, что речь идет не столько о критике епископата в целом, сколько о вреде назначения на кафедры богатых и знатных людей. Они развращены, ленивы, безнравственны, эгоистичны и, строго говоря, малопригодны для пастырского служения. Социальная направленность анекдотов и яркая апология бедности прослеживается у Ноткера полнее, чем у кого-либо из его современников. Он ставит своей целью показать, как «Карл возвышал слабых и ниспровергал могущественных» (*humiles exaltaverit, superbos humiliaverit*). Не забудем, что вторая половина IX в. была временем укрепления феодализирующегося епископата, что сполна ощущали на себе слабеющая королевская власть, с одной стороны, и монастыри, утрачивающие королевскую защиту, — с другой. Развивая эту тему, Ноткер рассказывает несколько историй о бедных епископах. Один пастырь во время королевского визита угостил Карла заплесневелой коркой сыра — это было лучшее, что он мог предложить королю. Карл поблагодарил его за прием и подарил небольшое поместье (*optimam curtem*), чтобы епископ и его преемники всегда имели в своем распоряжении

⁸³ Notker., I, 16: «sic pronuntias ait: Vos, patres et provisores nostri episcopi, pauperibus immo Christo in ipsis ministrare, non inanibus rebus inhiare debuistis. Nunc autem in contrarium cuncta vertentes cenodoxiae vel avariciae super omnes mortales intenditis».

⁸⁴ Notker., I, 24.

вдоволь хлеба и вина⁸⁵. Другой епископ столь тщательно готовился к приезду императора, что растратил все свои запасы. Карл оценил его намерения и подарил часть земель фиска, чтобы он и его преемники впредь ни в чем не нуждались⁸⁶.

Антипотестарная тенденция прослеживается не только в церковных сюжетах. Однажды Карл, «самый тренированный из самых тренированных франков», решил поохотиться. Одетый в овечий тулуп, который был «не намного дороже платья св. Мартина», он приказал свите, облаченной в роскошные одежды, следовать за собой в лес. Дорогие заморские ткани, расшитые золотом и серебром, превратились в лохмотья, цепляясь за ветки и колючки. Магнаты сетовали, что за один день они потеряли очень много денег. Тогда Карл обратился к ним со словами: «О глупейшие из смертных! Чье платье теперь дороже и полезнее, мое, купленное за солид, или ваше, стоившее даже не фунты, а многие таланты?»⁸⁷ «И ваш отец Людовик, — продолжает Ноткер, обращаясь к Карлу Толстому, — всю жизнь следовал этому правилу, так что никто в походе не осмеливался носить одежду, иначе как из шерсти и льна. Если кто появлялся в дорогом платье, того позорили со словами: «О, ты дважды золотой! О, ты серебряный! Ты раскрашенный в пурпур! Ты бедный и несчастный! Тебе не достаточно того, что ты один и участвуешь в жребии войны; ты хочешь отдать в руки врагов богатство, которым можно было бы выкупить твою душу, чтобы они украсили ими идолов?»⁸⁸

Рассказ о королевском платье ценою в один солид явно противоречит другим историям *Gesta*. Выше уже приводился

⁸⁵ Notker., I, 15.

⁸⁶ Notker., I, 14.

⁸⁷ Notker., II, 17: «(Karolus) haec pronuntiavit: O stolidissimi mortaliū! Quod pellicium modo preciosius et utilius, istudne meum uno solido comparatum an illa vestra non solum libris sed et multis coempta talentis?»

⁸⁸ Ibid.: «O te bis aureum eccum! O te argenteum! O te totum coccineum! Miser et infelix, non tibi sufficit, ut tu solus vel sorte belli intereas; quin etiam et res, quibus anima tua redimi valeret, in manus hostium tradas, ut de eis simulacra gentium adornentur».

замечательный фрагмент об унижении византийских послов в аахенском дворце — Карл предстал перед ними в блеске золота и драгоценных камней, окруженный не менее великолепной свитой. Это противоречие не единственное. Так, история о капеллане, пропившем только что пожалованное епископство, никак не состыкуется с подробнейшим изложением порядка чтения респонсория в королевской капелле. Как мы помним, пафос первой истории заключался в том, что бедный клирик великолепно исполнил трудный фрагмент литургии, закрепленный за нерадивым палатином. Между тем в другой главе той же книги Ноткер сообщает, что за отдельными капелланами не закреплялся конкретный отрывок респонсория. Никто не отмечал свой кусок в тексте царапиной или воском, но каждый стремился познакомиться со всем произведением. Начало и конец очередного отрывка обозначал сам Карл. Все внимательно следили за его голосом и жестами, чтобы вовремя вступить или, напротив, оборвать чтение⁸⁹. Подобные противоречия объясняются тем, что в разных историях решаются различные дидактические задачи. Если золотое одеяние императора призвано ошеломить спесивых греков, то скромное платье Карла, напротив, оказывается средством прославления бедности как важнейшей христианской добродетели. Рассказ о порядке чтения респонсория понадобился для того, чтобы подчеркнуть исключительную грамотность королевских капелланов и образцовое знание ими литургии (*omnes in eius palatio lectores optimi fuissent*) — то и другое у служителей церкви оставляло желать лучшего не только во времена Ноткера. В свою очередь история с бедным священником демонстрировала развращенность знатных и богоизбранность *pauperes*. Иными словами, в *Gesta* моральная сентенция доминирует над

⁸⁹ Notker., I, 7: «Nullus in basilica doctissimi Karoli lectiones cuiquam recitandas iniunxit, nullus ad terminum vel caeram imposuit vel saltim unguibus quantulumcumque signum impressit; sed cuncti omnia, quae legenda erant, ita sibi nota facere curarunt, ut, quando inopinato legere iuberetur, inreprehensibiles apud eum invenirentur. Digito autem vel baculo... demonstravit, quem legere voluisset».

конкретным образом. Последний выступает скорее как средство выражения соответствующей идеи.

Апология бедности и презрение к богатству занимают, пожалуй, основное место в этических сентенциях Ноткера. Переходя от рассказов о Карле к историям о других королях, он вновь возвращается к излюбленному сюжету. Однажды Людовик Немецкий принимал норманнских послов. В подарок от своих конунгов они преподнесли ему золото, серебро и мечи. Король приказал бросить деньги на землю, чтобы их топтали как дерьмо. Мечи же, напротив, лично испытывал на прочность, сгибая их руками, и один даже сломал. Пораженные послы воскликнули: «О, если бы нашим князьям золото и серебро казалось таким же дешевым, а железо таким ценным!»⁹⁰ Равным образом благочестие императора Людовика, деда Карла Толстого, выражалось, прежде всего, в его заботе о бедных и раздаче щедрой милостыни. Однажды «во имя Христа» он одел огромное количество народу. Более того, взял за правило, принимая субботнюю ванну, раздавать всю свою одежду за исключением меча и перевязи слугам. На время своего отсутствия во дворце Людовик назначил одного бедняка, немощного телом, но изрядного духом, судить дела рауерес, а также следить за возвращением отнятого у них имущества, выплатой пособия больным и немощным. В случае особо тяжких преступлений он мог даже приговаривать к обезглавливанию и повешению виновных⁹¹.

Отношением к бедности, по мнению Ноткера, выявляются не только нравственные качества человека, но также глубина и искренность его веры. Так, дед Карла Толстого Людовик Благочестивый крестил много норманнов, облакая в дорогие одежды каждого поднявшегося от купели. Однажды таковых собралось довольно много и платья на всех не хватило. Король приказал распороть ткань и сплести «наподобие изгороди»

⁹⁰ Notker., II, 18: «legati semet aspectantes et ad alterutrum obstupescentes: O, inquiunt, utinam principibus nostris tam vile videretur aurum et argentum, et ferrum tam preciosum».

⁹¹ Notker., II, 20, 21.

крестильные рубахи. Когда такую одежду предложили одному из норманнских вождей (*cuidam seniorum*), он пришел в бешенство и разразился такой тирадой: «Меня искупали уже раз двадцать и предлагали мне самые лучшие и самые белые одежды, однако этот мешок больше подошел бы свинопасу, чем воину. Я оставляю тебе твою одежду вместе с твоим Христом». Так оправдались слова апостола, который предостерегал против презирающих веру и нарушающих клятву: «Они снова распинают Сына Божьего и ставят к позорному столбу вместо себя», — заключает Ноткер⁹².

Этот анекдот выводит нас на другой существенный элемент мифоэпических построений *Gesta*, а именно восприятие «чужих»⁹³. Таковыми здесь оказываются, прежде всего, римляне, греки и арабы. Их образ представляется абсолютно гротескным и наделяется немногими, но очень яркими чертами. Определяющим качеством римлян и греков оказывается зависть к славе франков. Этот тезис, скорее всего, восходит к *Vita Karoli* Эйнхарда, о чем уже говорилось выше, хотя нельзя не учитывать и общего негативного восприятия представителей греко-римского мира на землях к северу от Альп. Однако его конкретное наполнение в *Gesta* оказывается вполне оригинальным. Наиболее яркой иллюстрацией *invidia* является рассказ о введении во франкской церкви римского песнопения. Ноткер создает причудливую мозаику, полностью смешивая хронологию и существенно искажая факты. Карл Великий обратился к папе Стефану II с просьбой прислать из Рима клириков, способных научить франкских священников «правильному» песнопению.

⁹² Notker., II, 19: «ille... dixit ad imperatorem: iam vities his lotus sum et optimis candidissimisque vestibus indutus, et ecce talis saccus non milites sed subulcos addecet... amictum tuum cum Christo tuo tibi relinquerem. Tanti pendunt hostes Christi, quod ait apostolus Christi... et quod maxime contra contemptores fidei violatoresque sacramentorum vigilat: Rursum crucifigentes sibi filium Dei et ostentatui habentes».

⁹³ Об архетипе «чужого» (иноверцах, иноземцах) как воплощении хаоса, несущего угрозу космическому порядку, подробнее см.: Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М., 1994. С. 20–21, 46, 52.

нию, принятому в апостольской церкви. Тот незамедлительно отправил двенадцать человек, «по числу апостолов». Однако «зависть греков и римлян к славе франков» была столь велика, что они решили исказить песнопение. В течение года король посетил несколько крупных епископств (Трир, Мец, Париж и Тур) и, прослушав там литургии, убедился в их полной несхожести. Тогда он обратился с той же просьбой к папе Льву, премнику Стефана. Тот сурово покарал завистников и выслал новых людей. Кроме того, он попросил у короля тайно прислать двух франкских священников, чтобы они обучались песнопению непосредственно в Риме — таким образом Карл получал дополнительные гарантии. Впоследствии одного из них он оставил у себя, а другого направил в Мец по просьбе епископа Дрого, своего сына⁹⁴. Этот рассказ является ярким примером того, как происходит мифопоэтическое осмысление реальных исторических фактов. Длительный и многоэтапный процесс становления мецской литургической школы полностью спрямлен, деформирован хронологически, снабжен большим количеством деталей и максимально персонифицирован — приписывается главному герою. Последний как блюститель космического порядка противостоит козням врагов, воплощению сил хаоса. Между тем Карл не мог просить Стефана об отправке двенадцати учителей, так как в момент смерти папы (757 г.) он даже не был королем. Другое дело — Папа Лев. В его понтификат (795—816 гг.) действительно наблюдались тесные и довольно продолжительные контакты между франкской церковью и апостольским престолом по вопросу введения римской литургии. Однако начало мецской школы восходит все же к временам Пипина Короткого и, прежде всего, связано с именем епископа Хродеганга (60-е гг. VIII в.). Но в представлении Ноткера отправки двенадцати священников и принятия двух франков — символизм этих чисел вполне очевиден — оказывается вполне достаточно. Наконец, Дрого занял епископскую кафедру в Меце лишь в 823 г. Ни Карла, ни Льва к этому времени уже давно не было в живых. Первый скончался в 814 г.,

⁹⁴ Notker., I, 10.

второй — в 816 г. Между тем, Дрого не оставил начинаний предшественников и постарался их продолжить. Иными словами, к становлению литургической школы Меца в большей или меньшей степени имели отношение все упомянутые Ноткером персонажи. Но их вклад в общее дело, характер взаимных контактов, как и время жизни существенно разнятся.

Вторая история посвящена событиям 799–800 гг. — неудачному покушению на Папу Льва III и имперской коронации Карла Великого. У римлян было в обычае (*consuetudinarium fuit*) враждебно относиться ко всему, что могло быть полезным для апостольской церкви. Якобы по этой причине в свое время Пипин Короткий не пожелал остаться в Риме (см. выше). Некоторые «ослепленные завистью» попытались даже ослепить Льва, но лишь порезали его. Через доверенных лиц тот обратился за помощью в Константинополь. Однако император Михаил (взошедший на престол лишь в 811 г.!) отказал ему, заявив, что Папа имеет для этих целей более подходящее королевство. Тогда Лев стал искать защиты у Карла, который фактически уже был *rector et imperator plurimarum nationum*. Тот, как всегда находясь в военном походе, тотчас повернул в Рим, подавил мятеж и наказал виновных. В благодарность Папа короновал Карла короной римских императоров и назвал его защитником римской церкви (*imperator defensorque aecclesiae Romanae*). Король франков принял этот титул неохотно, поскольку опасался, что греки, воспламененные завистью, могут каким-либо образом навредить королевству франков⁹⁵. Этот рассказ отличается большей фактической точностью и почти не содержит ошибок, за исключением упоминания об обращении к императору Михаилу. Скорее всего, данное обстоятельство объясняется тем, что здесь Ноткер опирался на письменный текст, а не на устную традицию. Тем не менее архетипическая природа этого рассказа выступает достаточно рельефно. Король подобно культурному герою сопротивляется силам хаоса (в данном случае иноплеменникам) и восстанавливает нарушенный космический порядок.

⁹⁵ Notker., I, 26.

В неприглядном свете греки представлены еще в нескольких анекдотах. Франкский посланник, не знакомый со сложной системой правил принятия пищи на пиру у императора Византии, нечаянно съел неподобающее его рангу блюдо. Император приговорил его к смерти, но пообещал исполнить последнее желание заморского гостя. Легат проявил незаурядную изобретательность, попросив казнить всех, кто был свидетелем невольного оскорбления августейшей особы. Разумеется, довольно быстро выяснилось, что таковые отсутствовали — никто ничего не видел. Посланец остался жив и с почетом вернулся домой⁹⁶. Другое посольство франков во главе с епископом Базеля Хейто и графом Гуго Турским подверглось в Константинополе невероятным унижениям. Легатов поселили в отдаленном месте и долгое время не допускали к императору. Наконец им приказали удалиться, при этом их кораблям и имуществу был нанесен значительный ущерб⁹⁷. Подробности посольства, состоявшегося, как сообщают *Анналы королевства франков*, в 811 г., заимствованы из устной традиции или придуманы Ноткером⁹⁸. Очевидно, немалую роль здесь сыграло общее негативное восприятие византийцев на землях к северу от Альп. Кроме того, такой поворот сюжета был нужен автору для дальнейшего развития повествования. Он явился своего рода преамбулой к замечательному рассказу об унижении византийских послов во дворце императора франков (см. выше). Легендарный и архетипичный характер этих историй вполне очевиден.

Контакты франков с арабами, которых Ноткер называет персами, описаны в аналогичной эпической манере. Персидское посольство прибыло в Аахен и было поражено величием увиденного: роскошными постройками, изобильными пиршествами, самим Карлом и его блестящей свитой. «Прежде мы видели только людей из земли, теперь же видим из золота». В один из дней император отправился поохотиться на зуб-

⁹⁶ Notker., II, 6.

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ Ср.: ARF., 811.

ров и туров. Персы, едва увидев огромных и грозных животных, обратились в бегство. Напротив, неустрашимый Карл обнажил меч (!) и смело бросился на них. Пораженные легаты преподнесли королю франков слона и обезьян, бальзам, нард, масла, пряности и благовония, «так что казалось, будто они опустошили Восток и наполнили Запад». Кроме того, обратились к нему со следующими словами: «Мы, персы, мидийцы, армяне, индусы, парфяне, эламиты и все народы Востока, боимся вас больше, чем нашего повелителя Харуна. Что мы можем сказать о македонцах и ахейцах? Они страшатся, что ваша слава поглотит их сильнее, чем приливы Ионийского моря. На всех островах, где мы были, жители настолько усердны в послушании вам, будто выросли в вашем дворце и были осыпаны благодеяниями»⁹⁹. Карл преподнес королю персов в подарок испанских лошадей и мулов, сукно из Фризии «белого и коричневого цвета, с рисунком и цвета сапфира, которые, как он считал, в тех областях чрезвычайно редки и дороги», очень быстрых и сообразительных собак, чтобы преследовать львов и тигров. Затем была организована показательная охота на персидского льва. Его затравили собаками и закололи мечами из гиперборейской меди, закаленной в крови саксов (*Hyperboreae venae gladiis in Saxonum duratis sanguine*). Король персов был настолько потрясен увиденным, что решил вручить Карлу свою страну и остаться там фогтом (*advocatus eius ergo super eam*)¹⁰⁰. Также к Карлу прибыли послы от «короля африканцев» и преподнесли в подарок льва из Мармарики, медведя из Нумидии, медь из Иберии, пурпур из Тира и прочие ценности этих стран. Карл одарил их богатствами Европы

⁹⁹ Notker., II, 8: «*Nos Persae vel Medi Armeniique vel Indi, Parthi et Elamitae omnesque orientales multo magis vos quam dominatorem nostrum Aaron timemus. De Macedonibus autem vel Achivis quid dicamus? Qui iam iamque magnitudinem vestram plus se fluctibus Ionii oppressarum pavitant. Insulani autem omnes, per quos iter habuimus, ad obsequium vestrum ita prompti sunt et intenti, quasi in palacio vestronutriti fuerint et beneficiis ingentibus honorati*».

¹⁰⁰ Notker., II, 9.

(зерном, вином и маслом) и обрел в их лице верных подданных. Эти рассказы представляют собой причудливую смесь из отголосков подлинных фактов (например, прибытия посольств из халифата или подарка в виде слона), сочинений античных поэтов и географов, германских героических песен и персональных авторских представлений (скажем, об охоте на крупных животных с помощью мечей). Они насквозь символичны, метафоричны и насыщены сложной системой образов, до неузнаваемости деформирующих историческую реальность. При этом сохраняется поразительная целостность восприятия отдельных персонажей, событий и всего повествования в целом.

Не только относительно отдаленная, но и значительно более близкая к Ноткеру эпоха описывается автором *Gesta* в манере, далекой от точного историографического повествования. О времени правления Людовика Благочестивого он упоминает лишь один более или менее достоверный факт — крещение некоторых норманнских дружин. Однако, как было показано выше, обставляет его таким количеством мифопоэтических подробностей, апеллирующих к системе христианских ценностей, что он почти полностью утрачивает свою реальность, зато органично вписывается в общую картину. Ноткер хорошо передает, пожалуй, расхожее представление о Людовике как человеке в высшей степени религиозном, проводящем время в постах и молитвах, заботящемся о Церкви, слабых и немощных¹⁰¹. Ни об одном из бурных и драматичных событий, выпавших на годы его правления, автор не сообщает. Более того, утверждает, что «наиспокойнейший император был защищен от нападений всех врагов» (*quientissimus imperator a cunctis hostium incursionibus immunis*).

Аналогичным образом дело обстоит и с Людовиком Немецким. Ноткер дает вполне традиционный набор персональ-

¹⁰¹ Notker., II, 20: «Hludowicus... religionis tantum operibus orationibus scilicet elemosinis causisque audiendis et iustissime determonandis insudabat». См. также — II, 21: «Elemosinis vero ita intentus erat misericordissimus Hludowicus, ut eas non solum in conspectu suo sed et per se ipsum fieri maluisset».

ных характеристик короля. «Людовик, король и император всей Германии, Речи и древней Франкии, был высок ростом и обладал красивой внешностью, его глаза сверкали подобно звездам, его голос был ясный и мужественный; в мудрости ему не было равных, и он все постоянно стремился ее увеличить с помощью книг». Он раскрывает заговоры врагов, улаживает споры подданных, вознаграждает верных. Соседним языческим народам он казался более страшным, чем все его предшественники. Он ни разу не осквернил свои руки кровью христиан, кроме одного случая (Ноткер намекает на жестокое подавление восстания Стеллинга в 842 г.). Он набожен настолько, что «подобно св. Мартину» во всех деяниях видит перед собой Господа. Он проводит время в молитвах, строго соблюдает пост, строит церкви (в Регенсбурге даже приказал разобрать часть городской стены, чтобы на постройку хватило камней), демонстрирует невероятную щедрость (в одной церкви повелел покрыть все книги дорогой обложкой в палец толщиной), любит монахов (согласился лично исполнять обязанности фогта Санкт-Галленского монастыря), и если где-то обнаружится непорядок, он все исправляет одним взглядом своих глаз¹⁰². За исключением тех вещей, без которых не существует земное царство (*res publica terrena*), а именно брак и применение оружия, он был во всем подобен св. Амбросию и в известной мере даже превосходил его, как в королевском могуществе, так и в религиозном усердии. Он всей душой почитал Бога, был товарищем рабов Христовых, их неутомимым покровителем и защитни-

¹⁰² В одном месте Ноткер даже перечисляет набор привилегий, пожалованных Людовиком Немецким монастырю св. Галла (II, 10). Некоторые лексические параллели между текстом *Gesta* и грамотой Людовика от 9 апреля 873 г., сохранившейся в монастырском архиве, позволили Х. Хефеле предположить, что оба текста принадлежат перу одного автора. Известно, что Ноткер работал составителем грамот в 870–873 гг. Скорее всего, в случае с упомянутой грамотой мы имеем дело с его подлинным автографом. Подробнее см.: *Haefele H. F. Studien... S. 385–389.*

ком. Таланты Людовика проявились еще в детстве. В свите отца он присутствовал на собрании, которое возглавлял Карл Великий. Мальчик понравился императору. Тот, не зная, кто это, поцеловал юного пажа и отправил на место. Однако Людовик встал теперь в один ряд с отцом. На вопрос удивленного императора он ответил, что раньше был вассалом Людовика, а теперь его *socius et commilito*. «Если этот мальчик останется в живых, из него выйдет нечто великое», — воскликнул пораженный Карл словами из пророчества св. Амбросия: поскольку по латыни иначе невозможно передать то, что он сказал по-немецки, поясняет Ноткер¹⁰³.

Обрисованный выше подход к описанию недавней, а подчас даже современной Ноткеру истории тем более примечателен, что наш автор оставил другой историографический текст, который существенным образом отличается от *Gesta*. Речь идет о небольшом продолжении *Breviarium Erchanberti*, охватывающем 840—881 гг.¹⁰⁴ Во вполне прагматичной манере, хотя и очень кратко, Ноткер описывает события от смерти Людовика Благочестивого до имперской коронации Карла Толстого, интересуясь главным образом сменой королей и проведением территориальных разделов. Здесь встречаются некоторые ошибки, впрочем, довольно незначительные¹⁰⁵. В целом повествование отличается фактографической точностью. В отличие от *Gesta* Ноткер проявляет интерес к другим частям бывшей империи франков (Западной Франкии, Лотарингии и Италии), не ограничиваясь только Германией. Тем не менее германоцентризм санкт-галленского монаха вполне очевиден. Он проявляется не только в доминировании фактов из новейшей истории германских земель, но также в использовании со-

¹⁰³ Notker., II, 10—11.

¹⁰⁴ Erchanbert. *Breviarium* // MGH. SS. T. 2. P. 328—330 (дополнение Ноткера см.: P. 329—330).

¹⁰⁵ Например, Пипин II Аквитанский, пришедшийся Лотарю, Людовику Немецкому и Карлу Лысому племянником, назван «их четвертым братом» (*quartus frater eorum... nomine Pippinus*). Гуго Бастард оказался в *Breviarium* сыном Людовика Заики, а не Лотаря II.

ответствующей королевской титулатуры¹⁰⁶, упоминании жен восточнофранкских правителей¹⁰⁷, особом прославлении Карла Толстого¹⁰⁸ и уповании на то, что от его семени появятся короли, способные уберечь страну от внутренних и внешних войн. Таким образом, можно сказать, что в IX в. не просто имели место различные историографические модели, различные способы осмысления и описания исторической реальности, но они сосуществовали и вполне мирно уживались в голове одного и того же человека.

* * *

Итак, *Gesta Karoli Magni* представляют собой еще один вариант осмысления исторической действительности. На сей раз мы имеем дело с сочинением, которое во многом сформировалось за рамками интеллектуальной культуры, порожденной «каролингским возрождением» и генетически связанной с культурным наследием поздней античности. Перед нами великолепный пример переосмысления в контексте интеллектуальной культуры устной мифоэпической традиции, восходящей к германскому варварству. Для нее характерна типизация отдельных персонажей и категоризация сообщаемых фактов, с помощью которых происходит адаптация воспоминаний о ре-

¹⁰⁶ Например, Людовик Немецкий назван здесь *gloriosissimus rex*, его сыновья (*illustrissimi filii*), Карломан и Карл Толстый, соответственно *bellicosissimus* и *mansuetissimus*, *clementissimus*, *piissimus* et *fide plenissimus*, в то время как Лотарь I остается всего лишь *primogenitus* Людовика Благочестивого.

¹⁰⁷ Ноткер называет Гемму и Рихарду, которые были женами Людовика Немецкого и Карла Толстого. Правда, ему известна также Юдифь, супруга Людовика Благочестивого. Однако она остается всего лишь «изворотливейшей» (*versutissima*).

¹⁰⁸ Ноткер прямо приравнивает Карла Толстого к великому прадеду и даже отдает ему предпочтение (*clementissimus Carolus magnus imperatorem et avum suum, Carolum, omni sapientia et industria et bellorum successibus coaequans, tranquillitate vero pacis et rerum prosperitate superans*).

ально произошедшем. Ее существенными элементами следует признать также значительную детализацию рассказов и высокую степень их диалогичности, а также доминирование истории над образом. Повествование, лишенное единой сюжетной линии и состоящее из вполне автономных историй, цементируется лишь фигурой главного героя, наделенного сверхчеловеческими качествами, который успешно противостоит силам хаоса и сохраняет незыблемым устоявшийся космический порядок. При этом содержательная сторона «Деяний», а также их морально-дидактические установки несут на себе ощутимый отпечаток христианской системы ценностей.

Уникальность *Gesta* заключается в том, что они были написаны одним из подлинных интеллектуалов IX в., к тому же монахом. Следовательно, ни глубокая образованность, ни монастырские стены не служили непреодолимым препятствием для широкого проникновения элементов варварской культуры в самые разные слои каролингского общества. Историческое сознание последнего характеризуется крайней гетерогенностью. Наряду с историографическими памятниками, подражающими римскому историописанию, появляются произведения, которые отражают принципиально иную модель исторического мышления. Любопытно, что обе оказываются востребованными и активно действующими. Более того, они вполне мирно уживаются в головах одних и тех же людей и даже дополняют друг друга. Разумеется, на всем пространстве огромной каролингской державы ситуация была очень неоднородной. Очевидно, мифопоэтическая традиция осмысления исторического прошлого в большей степени сохраняется на правореинских землях, где римское влияние было незначительным или отсутствовало вовсе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, подобно любой другой социальной или культурной сфере каролингского общества историописание предстает перед нами явлением в высшей степени гетерогенным и даже противоречивым. Каждый автор по-разному представляет себе цели и задачи своего труда, его структуру, круг необходимых источников и формы работы с ними. Эти различия, очевидные даже при беглом знакомстве, объясняются целым рядом обстоятельств. Их можно разделить на объективные и субъективные. К первым относится социальная среда, в которой существует писатель; аудитория, на которую он ориентируется; круг источников, которым он располагает, и внешние обстоятельства, побуждающие его братья за перо. Ко вторым — образование автора, его жизненный опыт, степень индивидуального таланта и внутренняя мотивация творческой деятельности. Историк творит не в безвоздушном пространстве. Он чутко улавливает потребности современников, аккумулирует и, что особенно важно, формулирует их. Он никогда не пишет только для себя. Внутренняя рефлексия, направленная на самопознание, остается за пределами историописания. Последнее всегда социально и ориентировано вовне. Не случайно среди каролингских историков мы почти не встретим кабинетного интеллектуала, проводящего жизнь в тиши библиотек. Напротив, большей частью ими являются люди, находящиеся в гуще событий или, во всяком случае, живо на них откликающиеся.

Независимо от объективных и субъективных обстоятельств создания конкретных памятников у всех авторов обнаруживается нечто общее во взгляде на историческую реальность. Последняя представляется им исключительно в черно-белых тонах и лишена каких-либо иных оттенков. Подобная биполярность прослеживается буквально во всем — в описании отдельных персонажей, в характеристике событий и т. д. Мир разделен

на «своих» и «чужих». Авторы ассоциируют себя с первыми, одновременно наделяя их положительными качествами и давая позитивную оценку даже самым неблагоприятным их поступкам. Вторые, напротив, представляются средоточием всего негативного, злого и порочного — им достается лишь критика и осуждение. Конкретное смысловое наполнение указанных понятий варьируется чрезвычайно широко — от глобального противопоставления христиан и язычников до локального разделения небольших свит отдельных магнатов или даже сторонников разных аббатов в пределах монастыря. При этом оно может изменяться даже в рамках одного текста. Другой существенной характеристикой восприятия исторической реальности в каролингское время является отсутствие представлений об ее эволюционности. Мир воспринимается как вечный и неизменный. Хотя он и расположен на линейной хронологической оси, перемещаясь от Сотворения к Страшному суду, но движется не вперед, а скорее по кругу. Осознание этого позволяет авторам использовать в качестве источников разновременные тексты, не задаваясь вопросами о специфике описываемых ими эпох. Более того, даже современность изображается ими с оглядкой на устоявшиеся текстовые модели — ныне лишь повторяется то, что уже было когда-то. Ориентация на образец оказывается, таким образом, не рабским подражанием, а сущностной характеристикой культуры.

В каролингскую эпоху мы не обнаруживаем никакой монополии на историческое знание в отличие, скажем, от знания сакрального. Оно оказывается доступным самым разным социальным группам, сохраняется ими, используется и воспроизводится. То, что миряне наряду с клириками пишут исторические сочинения, воспринимается как вполне нормальное и обыденное явление. Правда, историческая культура тех и других обнаруживает довольно существенные различия. У мирян она характеризуется гораздо большей рациональностью, даже прагматичностью. Они практически не цитируют Библию и прочие священные тексты, редко замечают чудесное. Их внимание концентрируется преимущественно на событиях, значимых в повседневной жизни (военные походы, дипломатичес-

кие сношения, участие в реализации власти и др.). Там же, в обыденной реальности, отыскиваются и необходимые причинно-следственные связи. Историческая культура клириков, напротив, сакрально окрашена. Дело здесь не только в обилии библейских цитат. Само описание прошлого, даже недавнего, несет на себе явную печать экзегетики. История интерпретируется подобно священному тексту. В ней открывается тайный смысл, скрытый от посторонних глаз — не каждому дано распознать в земных событиях деяния Бога. Поэтому авторов из среды духовенства особенно интересуют всякого рода явления и знамения, объясняющие не только прошлое, но и будущее. Причинно-следственные связи изгоняются из повседневности в трансцендентное, а сама она укладывается в жесткие рамки библейской, преимущественно ветхозаветной истории. Можно думать, что за отмеченными различиями стояла дифференцированная система образования. Не только школьная программа, но, прежде всего, техника обучения клириков существенно отличались от того, что предлагалось мирянам. Последним не требовалось понимать различные смысловые уровни текстов. Однако подобные расхождения вовсе не препятствовали историографическим и литературным заимствованиям. Клирики без всяких ограничений использовали для собственных нужд сочинения мирян, равно античных и современных писателей.

В историческом мышлении каролингского времени наблюдаются и другие, не менее существенные различия, не связанные напрямую с социальным положением того или иного автора. Речь идет о двух принципиально инаковых способах освоения исторической реальности. Первый можно было бы обозначить как конкретно-рациональный. Генетически он связан с позднеантичной интеллектуальной традицией и существует в форме достаточно прагматического и связного рассказа о реальных деяниях реальных людей. Известная доля чудесного или типического допускается, но не доминирует. Второй — образно-категориальный или мифопоэтический, восходящий к эпохе германского варварства и связанный с устной формой бытования исторического знания. Для него характерна типизация индивидуальных персонажей, действующих большей частью в рам-

ках вымышленных категориальных обстоятельств, отсутствие единой сюжетной линии, существенная детализация вполне автономных рассказов, а также их насыщенность диалогами. Если первый способ постижения истории фиксируется, прежде всего, у представителей интеллектуальной элиты, то второй является плодом анонимного творчества самых разных социальных групп. Однако транслятором последнего вполне мог выступать широко образованный монах-интеллектуал.

В каролингскую эпоху историописание не являлось обособленной и вполне самостоятельной сферой интеллектуального творчества. Мы не встречаем еще профессиональных историков в строгом смысле слова. Исторические штудии оставались на периферии основных интересов и занятий наших авторов. Прежде всего, они были пастырями, учеными, воинами. Однако это не только не мешало им браться за перо, но зачастую даже предполагало такого рода деятельность. В каролингскую эпоху нет исторической науки, но есть историческое знание, которое играет огромную роль в жизни общества. У него множество функций. Оно оправдывает и убеждает, наставляет и ниспровергает, доказывает и обучает. В конце концов, оно сохраняет память о людях и их деяниях. Особое значение историческое знание имеет для различных элитарных микрогрупп каролингского общества — монастырской общины, городского капитула, княжеской дружины и др. Посредством хроник, историй или *gesta* выражаются характерные для них идеология и система ценностей, происходит социальная идентификация и консолидация их членов в единую корпоративную структуру.

Обслуживая потребности социальной элиты, каролингское историописание в свою очередь само обретает элитарный характер. Оно непременно предполагает читающую аудиторию. Последняя включает в себя не только представителей клира, но и значительное число мирян — каролингские реформы в сфере образования сделали это возможным. Авторы хорошо представляют себе круг своих читателей. Как правило, их число не слишком велико и не выходит за рамки локальной микрогруппы, которая порой может насчитывать всего несколько человек. Зачастую социальные, сословные или корпоративные границы

образуют естественный предел востребованности конкретного текста, как это произошло с «Историями» Нитхарда. Однако данный предел оказывается вполне преодолимым, если автору объективно удастся отразить интересы представителей других микрогрупп, что подтверждает, например, феноменальный успех *Vita Karoli* Эйнхарда. Аналогичными обстоятельствами объясняется и состояние рукописной традиции, а также частота заимствований в последующей историографии.

За средневековым историописанием в науке закрепилась не слишком лестная характеристика «служанки теологии». Однако вряд ли возможно вместить такое многофункциональное явление в столь тесные рамки. Дело даже не в том, что мы встречаем среди писателей мирян, обладающих существенно иной культурой мышления, иным образованием и жизненным опытом, нежели представители духовного сословия. Само историописание не ограничивается лишь интерпретацией сакрального знания, но охватывает многие другие сферы — политику, право, идеологию, дидактику, наконец, память. Разумеется, историческая действительность осмысливается главным образом в моральных категориях, порой независимо от субъективных интенций автора. Но в каролингскую эпоху то же самое можно сказать о всяком знании вообще — вне морально-этического контекста оно невозможно, неважно, о какой сфере его непосредственного приложения идет речь.

Слабая дифференцированность историописания от прочих видов интеллектуальной деятельности проявлялась не только в этом. Исторические сочинения далеко не всегда воспринимались современниками в качестве таковых. Иногда в них видели, прежде всего, литературные произведения, которые можно использовать при изучении *artes liberales*. Составляя собственные труды по истории, писатели сплошь и рядом заимствовали из исторических произведений современников и предшественников не столько факты, сколько литературные модели и грамматические конструкции.

Каролингские авторы черпают сведения из самых разных источников — устной традиции, свидетельств очевидцев, собственных наблюдений и письменных текстов. В новейшей

историографии утвердилось представление о своеобразной иерархии средневековых источников по степени их достоверности. На первое место ставится увиденное лично или кем-то другим (*visa*). Далее следуют устные сообщения в широком смысле слова (*audita*). Наконец, последнюю ступень занимает написанное (*scripta*). Применительно к каролингскому времени указанная схема нуждается в существенной корректировке. Иерархическое соподчинение, да и то не всегда последовательно, соблюдается лишь в отношении *visa* и *audita*. Кроме того, степень доверия авторов к подобным свидетельствам часто зависит от социального статуса человека, который их предоставляет. Например, рассказанному королем, даже если он сам не являлся очевидцем, отдается явное предпочтение перед рассказами других людей. Что касается *scripta*, то его источниковедческая ценность оказывается, как правило, вне субъективной авторской рефлексии. Однако вовсе не в силу своей незначительности. Напротив, письменный текст зачастую воспринимается как более аутентичный описываемой реальности. Это можно объяснить двумя вещами. Во-первых, субъективным представлением об отсутствии какого-либо различия между событием и фиксирующим его текстом. Кстати, *visa* и *audita* аналогичным образом демонстрируют отсутствие необходимой дистанции, что можно считать существенным элементом ментальности каролингского времени. Во-вторых, здесь, несомненно, проявлялось особо уважительное отношение к письменному слову вообще, восходящее к исключительной роли Библии в рамках данной культуры. В целом для каролингских авторов не характерно критическое отношение к своим источникам, какими бы они ни были. Этим объясняется и один из основных методов их работы — зачастую они просто составляют различные свидетельства одно с другим, старательно избегая разночтений и противоречий. В местах такой состыковки без труда можно обнаружить швы в виде авторского текста, связывающего отдельные куски. Только наиболее выдающиеся авторы, такие как Эйнхард или Ноткер, были способны переработать свои источники и создать оригинальное произведение, выдержанное в едином стиле. В основном же историки ограничива-

лись лишь незначительной, чаще литературной, правкой. Они изменяли грамматику, но сохраняли фактуру, хронологию и смысловые акценты оригинальных свидетельств. Порой создается впечатление их полного творческого бессилия. Думается, однако, что это было вполне осознанным авторским решением, в основе которого лежало представление об аутентичности источников описываемой ими реальности. Необходимо учитывать также и репродуктивный характер каролингской культуры в целом. Повторяемость различных явлений и процессов, более того, ориентация на их воспроизведение, находили свое выражение и в историографии. Даже собственную эпоху многие авторы описывают, подражая древним образцам — произведениям античных писателей, житиям, трудам Отцов Церкви и, разумеется, Библии. Историки воспроизводят устойчивые топоры. В современности они часто обращают внимание на те же явления, которые нашли отражение в авторитетных текстах. Творческой свободе остается, таким образом, немного места. Однако она не исчезает полностью — причудливо комбинируя традиционные образцы и модели, авторы создают, по сути, новые тексты, которые в их представлении вполне адекватно описывают историческую реальность.

Специфическое отношение к источникам вообще и письменным текстам в частности, отмеченное выше, позволяет понять, почему всякие попытки завести разговор о четкой дефиниции жанров каролингской исторической литературы обречены на неудачу. Например, хроника зачастую может включать в себя фрагменты анналов, биографий, житий или *gesta*. Редкое произведение сохраняет свою жанровую идентичность, и она не является самоцелью. Ее границы оказываются размытыми подобно границам любого другого социокультурного феномена в рамках каролингского мира.

Каролингские писатели проявляли известное усердие на историографическом поприще. Они не только тщательно собирали необходимый материал, иногда даже археологический (!), но и беспокоились о том, чтобы сообщить читателям правду. Забота о достоверности занимала большое место в субъективной авторской рефлексии. Скорее всего, уникальность истори-

описания и его отличие от прочих видов литературной деятельности осмысливались современниками именно в такой форме. Поэзия и агиография, зеркала и политические трактаты обладали теми же функциями, что история. Однако доля выдумки или чистой дидактики в виде обезличенных морально-этических сентенций была в них значительно выше, чем в исторических сочинениях, более того — изначально предполагалась. Последние, напротив, выполняли свои задачи, опираясь исключительно на то, «что было на самом деле». Можно думать, что современникам подобный подход казался не менее эффективным. Недаром истории столь часто использовались для обучения и наставления — подражание действительным образцам и воспроизведение устоявшихся моделей поведения обладало весьма значительным педагогическим потенциалом.

Однако было бы неверно представлять себе роль исторического знания в каролингской культуре лишь с точки зрения его функциональности. Многих писателей история волновала сама по себе. Эйнхард, Нитхард, Регинон пишут свои произведения, чтобы сохранить память о собственном времени, о людях, некогда живших и событиях уже минувших. Они берутся за перо часто по личной инициативе, без какого-либо внешнего принуждения, испытывая глубокую внутреннюю потребность сделать это и осознавая готовность потратить месяцы и даже годы собственной жизни на то, чтобы зафиксировать стремительно «ускользающую реальность». Но, создавая памятник другим, они в то же время возводили его себе. Предисловия и реплики по ходу текста явно указывают на сознательную фиксацию автобиографических подробностей, незначительных и подчас бессмысленных в контексте общей темы, но субъективно казавшихся очень важными. Трудно отделаться от впечатления, что таким образом историки преодолевали мучительные мысли о неизбежности собственной смерти и стремились продлить свое земное существование, изживая невыносимый ужас забвения. Подобное проявление личностного начала особенно примечательно для эпохи, когда социальное мышление характеризовалось ярко выраженной корпоративностью, а вечное обладало абсолютным приоритетом по отношению к преходящему.

CONCLUSION*

Not unlike other social and cultural milieus of the time, historical writing within Carolingian society appears to have a high degree of heterogeneity that is quite remarkable. Each author differently sets the goals and objectives of his studies, including the structure and the circle of necessary sources and the forms of works they draw from. These differences, which are obvious even at a brief glance, can be explained by a string of circumstances. One may separate them as the objective and the subjective. The first is the social milieu in which a writer exists, the audience towards which he is oriented, the pool of source texts available to the writer, and the external circumstances that spur him to write. The second is the education of the author, his own individual experience, and the degree of individual talent and internal motivations for his writing. A historian does not exist in a vacuum. He is sensitive to the needs of his contemporaries, he accumulates those needs, and, most importantly, he formulates them. He never writes only for himself. His inner reflex, which is directed to self cognition, remains beyond history writing. The last always carries a social aspect and tends to reach out. It is no accident then that among Carolingian historians one may never find an intellectual who conducts his research in libraries. On the contrary, the majority of those historians are people who are active in current affairs, for their writing is more or less in response to them.

When we establish specific benchmarks amongst all the authors, independent of both objective and subjective circumstances, we find something similar in their views of historical reality. Their World View appears to be exclusively black and white with no

* Я хотел бы выразить искреннюю признательность Карине Зуевой-Соттили и Бхуве Нарайян за неоценимую помощь в переводе и редактировании текста «Conclusion».

shades of grey. This polarity is seen almost in everything: in the description of particular historical personages and in the characteristics of events. Their world is separated between the «good» and the «bad,» and authors tend to associate themselves with the first category where they provide one group of historical personages with positive characteristics and even paint a positive outlook to their not always positive behavior. The other group, on the contrary, is introduced as negative, evil and denigrating — they are the target of criticism and condemnation. The specifics for both of the above conceptions vary widely between texts and even within a single text, from the global opposition of the Christians and heathens to local separation of a small retinue of individual tycoons or even supporters of different abbots within a monastery.

Another substantial referent of the perception of the historical reality during the Carolingian time is the absence of the conception of its own evolution. The world is perceived as eternal and invariable, moving not ahead but in a circle, while also situated on a linear chronological axis, moving from the Creation to the Day of Judgment. This perception allows different authors to use sources from different times without questioning the specifics of the described epoch. Moreover, even the present is painted as a portrait of the past experience — the present is seen as the repetition of the events that have happened a long time ago. Thus, orienting oneself to a past text is not a blind imitation, but an essential cultural characteristic.

During the Carolingian times, we cannot detect a monopoly on historical knowledge; on the contrary, it was as widely available as the sacrament. It appears to have been available to a variety of social classes and was preserved by them and used for reproductions. The fact that the secular writers were writing historical works equally with clergy was perceived as normal phenomenon.

However, the historical outlooks of both these groups reveal some essential differences. Among the secular it is characterized by wide rationalism and pragmatism. They practically do not quote the Bible and other sacred texts, they rarely note the miraculous. Their attention is mostly concentrated on the events more meaningful in every day life (military marches, diplomatic relations,

participation in implementation of authority, etc.) In their every day life we may see only the necessary and causal relationships. On the contrary, the historical outlook of the clergy is sacredly colored, not only in their abundant use of biblical quotations, but even in their description of the past, whether it be the distant past or the more recent past, which always bear a hermeneutic stamp. History is seen in the light of the Holy Writ, and its mysterious hidden meaning is interpreted as an Act of God on earth. That is why the authors from the priesthood are known to be interested in occurrences and signs that explain not only the past but also the future. Cause and effect relations are thrown out from everyday life and history is oriented towards the Testament and Biblical history. One might deduce that behind these aforementioned differences are differences in education. The technique of clerical education was extremely different from what was offered to the secular. However, these dissimilarities were not obstacles when it came to historiography and literary borrowings. The clergy used secular works for their own needs without any restrictions, be it ancient or modern writers.

In the historical thinking of the Carolingian times can be found other, no less essential differences, which cannot be connected to the social position of one or the other author. The question is about two diametrically opposed methods of assimilation of historical reality. The first could be emphasized as concrete-rational. Genetically it is connected to the late ancient intellectual tradition and exists in the form of pragmatic and chronological stories about the real doings of real people. The miraculous is recognized only to a certain extent. The second method is figurative-categorical or mythological-epic, going back to the epoch of Germanic barbarity and connected with the oral tradition of historical knowledge. In this category it was essential to typecast individual personages as actors within the framework of imaginary categorical circumstances, devoid of individual purpose, living out the details of autonomous stories and folklore. The first approach to the comprehension of history is fixed above all among the representatives of the intellectual elite, while the second approach is a fruit of anonymous creators. However, the transmitters of the second approach were the well-educated intellectual monks.

In Carolingian times, history writing was not an isolated or independent area of intellectual life. It remained part of the basic interests and occupations of all writers, who comprised mainly of pastors, scientists, and warriors, and whose occupations often prohibited this kind of work. During Carolingian times, history as a science did not exist, but there was a historical knowledge that played a major part in the life of the society. It had many functions. It justified and convicted, edified and ostracized, proved and disproved, and was above all, considered educational. After all, it protected the memory of the people and their activities. Historical knowledge is found mainly among the different elite microgroups of Carolingian Society — in the monastic community, in the city capitol, and in the principality's armed forces. With the aid of chronicles, stories and gestures, and the ideologies manifested through them, social identities were created in order to unite people with common values.

By serving the needs of the social elite, the history of the Carolingians is by itself oriented to an elite readership, which not only included representatives of the clergy, but also a considerable number of seculars — Carolingian reforms in education made this possible. The writers were well aware of their circle of readers. As a rule, their number was not large and did not fall out of the frame of local microstructures that at times had only a few people. Often, social, class, or royal allegiances demanded a specific form of text, like the «Histories» by Nithard. However, such allegiances could be overcome if an author succeeded in reflecting objectively to the interests of the representatives of other microstructures, as confirmed in the phenomenal success of «Vita Caroli» by Einhard.

Analogous circumstances surround the handwritten traditions associated with pre-Renaissance historians who were said to be a «slave of theology,» though it is less likely that they were able to fit such a multifunctional phenomenon into their tight historical framework. The point is not even that we recognize secular writers among people who possessed quite a different culture of thought and life experience than the representatives of the clergy. History writing wasn't restricted to an interpretation of sacred knowledge, but to politics, law, ideology, didactic writing, and finally, to

memory. It is understood that historical reality is comprehended mostly through ingrained moral categories, sometimes independent of conscious intentions of an author. During Carolingian times, the same can be said about all fields of knowledge—knowledge was necessarily through a moral or ethical lens, and did not exist on its own. Moreover, there was no clear distinction between historical works and other kinds of writing, and those that we would now consider as works of history writing were not considered as such by its creators in Carolingian times. Some were viewed as literary works, the kind used for *artes liberales* studies. While composing their works, writers continuously borrowed not only facts, but also literary models and grammatical constructions from their contemporaries and predecessors. They also borrowed from oral tradition, evidences of eye-witnesses, their own observations, and from other written texts.

Recent historiography has established a notion that there existed a certain hierarchy of Renaissance sources in accordance with their authenticity. In the highest position is something that was personally seen by the writer or witnessed first-hand by someone else (*visa*). In the next level are those experiences passed down verbally from ear to ear (*audita*). The written text was only the last level in this hierarchy (*scripta*). As applied to Carolingian times, this hierarchy requires a substantial modification, especially as it relates to *visa* and *audita*. The degree of an author's trust towards evidence through *visa* or *audita* often depended upon the social status of the person who is representing those. For example, something narrated by a king, even if he was not an eye-witness, was given obvious preference over first-hand stories of other people, whereas with regards to *scripta*, its value as source was already established and beyond the subjective viewpoint of an author. Indeed, written text often was perceived as more authentic than described reality, whether first-hand or hearsay. This can be explained by an absence of any conception of difference between an event and a text and the Carolingians particularly respectful attitude towards the written word as a whole, rising from the exceptional role of the Bible in the Carolingian culture. As a whole, Carolingian authors are not critical towards their sources, whatever they may be. This

could also explain the framework of the majority of their works: often they just compose so-called evidence after evidence, carefully avoiding variant readings and contradictions. Therefore, the works were mainly pieces of text stitched together without an original framework or original style. Only the most prominent authors, such as Einhard or Notker, were able to transform the information from their sources and create original works while maintaining their own individual styles. More often than not, historians restricted themselves to literal proof-reading. They changed grammar to suit the times, but kept the texture, chronology and shades of meaning of original evidences, without any original input or interpretation. However, this seems to have been a deliberate decision based on their conception of and notion of authentic sources and described reality.

It is also necessary to take into account the Carolingian culture which valued reproductions and recreations more than original work. Moreover, the repetition of various occurrences and processes had their own special place with Carolingian historians. Even while describing their own contemporary events, the authors imitate ancient models and works of writers from the times of classical antiquity, and draw from the Lives of the Saints, patriarchs, and, of course, the Bible, producing huge opuses of regurgitated information. Thus, creative freedom suffered, but it did not disappear completely — by intricately combining traditional samples and models, some authors created new texts which adequately described historical reality. However, their specific attitude towards sources and to written texts in particular, as described previously, gives us an understanding of why any attempts to define a genre in Carolingian historical literature is doomed. For example, a chronicle can include fragments of annals, biographies, Lives of the Saints or *gesta*. It is seldom that any particular work wholly preserves the identity of any given genre. The borders between genres were washed out along with other borders between other socio-cultural frameworks in the Carolingian world. Nevertheless, Carolingian writers of history demonstrated a high awareness towards the importance of their profession by not only attempting to gather necessary evidence, but sometimes even went so far as

to present archeological evidence, while also making efforts to communicate the truth to their readers.

Concern about authenticity took a large part in the subjective reflection of an author. The writers were highly aware of the unique exercise of writing history and its differentiation from other types of literary works. Some, like poetry, geography, mirrors and political treatises had identical functions to historical writing, though works of imagination within the other literary forms were considerably higher than within the realm of historical works. This was intentional as the goals of what was considered history-writing was deliberately based on evidence and also on their idea of the purpose of history as a tool for pedagogy, though stories were often used within this framework.

Writers such as Einhard, Nithard, and Reginon created works to preserve the memory of their own times, its people, and the events that had taken place a long time ago. They often initiated their work without any outside pressure to document history; they felt an inside need to do it while realizing that it could take them months or even years of their own life to make a record of the fast disappearing reality. While creating literary memorials to others, they wrote themselves into history. Their fixation on autobiographical details, though seemingly trivial, is quite important in a historical context. It is difficult for writers to escape from impressionism, and these historians overcame excruciating thoughts about the inevitability of their own death and strove to continue their earthly existence while writing to eliminate their unbearable horror of oblivion. Such a personal and subjective viewpoint is important to this epoch which was characterized by collective social thinking, when eternity seemed to possess an inevitable connection to the past.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПАВЕЛ ДИАКОН. ДЕЯНИЯ МЕЦКИХ ЕПИСКОПОВ

После того, как Господь (наш) Христос переселился на небеса, совершив все (то), что вместе с Отцом Он наметил сделать ради спасения мира, (и) как только блаженные апостолы обрели заботу, отпущенную (им) от Святого Духа и ободрились (ею), тотчас же на общем собрании они решили посредством жребия, (выпавшего) согласно божественному предопределению, в какую провинцию или область каждый из них должен направиться проповедовать¹. Когда же они разошлись в предназначенные для них места, блаженный Петр, который был первым среди них и возвышался (над ними) подобно могущественнейшему вождю², со всем рвением устремился к тому (городу), который был тогда главой всего мира, а именно к городу Ромула, но прежде он основал церковь возле Антиохии и освятил кафедру своим именем.

Итак, достигнув Рима, он тотчас направил лучших и наиболее образованных мужей из своего окружения, чтобы посредством слова веры они подчинили Господу (нашему) Христу (все) сколько-нибудь значительные города, расположенные на Западе. Тогда он послал Аполлинария в Равенну³, Левкия в

¹ В соответствии с христианской традицией считается, что собрание апостолов, на котором было решено, кому из них и в какой части мира надлежит проповедовать слово Иисуса, состоялось в Иерусалиме ок. 49 г.

² Христианская традиция приписывает Петру руководство коллегией апостолов после смерти Иисуса. Этот вопрос до сегодняшнего времени является дискуссионным. Известно, что раннехристианские общины (по крайней мере, до II в. н. э.) управлялись коллегиально — советом пресвитеров.

³ Равенна — город на северо-востоке Апеннинского полуострова.

Брундизий⁴, Анатолия в Медиоланум⁵. Марку же, который был лучшим среди его учеников, он назначил Аквилею⁶, но после того, как Марк поставил во главе (общины этого города) Хермагору, своего товарища, он был возвращен к блаженному Петру и, тем не менее, послан им в Александрию⁷.

Итак, в то время, когда в Бельгийской Галлии Медиоматрикум, который также зовется Мец⁸, город, расположенный на берегу реки Мозеллы⁹, был преисполнен частыми людскими беспорядками, блаженный апостол Петр направил туда выдающегося и отмеченного (многочисленными) заслугами мужа по имени Клемент, возведя (его) в епископское достоинство¹⁰; в прочие главнейшие города Галлий, которые нужно было отстоять посредством слова веры, тем же князем апостолов были посланы другие благочестивые учителя.

После того, как блаженный Клемент прибыл в город Медиоматрикум, он нашел убежище, как передают, в подвалах амфитеатра¹¹, расположенного за пределами города. В том же месте он соорудил ораторий (для вознесения молитв) Господу, поставил там алтарь и освятил его именем блаженного апостола Петра,

⁴ Брундизий — город-порт в юго-восточной части Апеннинского полуострова на побережье Адриатики.

⁵ Медиоланум (совр. Милан) — город в Ломбардии на севере Италии.

⁶ Аквилея — город на северо-востоке Италии.

⁷ Александрия — город на средиземноморском побережье Египта.

⁸ Мец (лат. Mediomatricum, Divodurum, позднее Mettis) — город на северо-востоке современной Франции. Завоеван римлянами в I в. до н. э. В римские времена славился своими термами. Вода поступала туда из Горца по каналу длиной в 23 км.

⁹ Мозелла (совр. Мозель) — река на северо-востоке Франции, впадает в Рейн.

¹⁰ Павел Диякон относит появление епископской власти в Меце к апостольским временам. Реально первые епископы, во всяком случае те, кого упоминает Павел (Клемент, Целестий, Феликс, Пациенс), действовали в Меце с конца III в.

¹¹ Позднейшие раскопки показали, что в Меце были построены два амфитеатра. С каким из них была связана деятельность Клемента, неизвестно.

своего наставника. Между тем как этот почтенный священнослужитель усердным увещанием наставлял жителей того города при содействии Божьего милосердия, он привел великое множество из них, освобожденное от почитания презренных идолов и заблуждений (духовной) слепоты, к сиянию истинной веры и блистал в тех областях как первый указчик справедливости и разитель истины.

Наконец те, кто познакомился с этим местом, решительно утверждают, что в амфитеатре, где поначалу обитал прибывший (Клемент), вплоть до сегодняшнего дня не смогла появиться ни (одна) змея, а также это место, откуда прежде проистекали знаки истинного спасения, совершенно минуют заразные болезни.

(Клементу) наследовал муж, исполненный в Боге, по имени Целестий, который, ведя небесную жизнь с благовещением царствия небесного, примерами, а равным образом и наставлениями увеличил число верующих.

Наконец после него царствующую Церковь унаследовал Феликс. Затем Пациенс. После него Виктор, пятый в ряду (епископов). Затем другой Виктор. Потом седьмым был Симеон. После которого восьмым был Самбат. Определенно, стараниями (их) всех Церковь Божия возвысилась, хотя в деталях их деяния скрыты от нас.

Следует верить, что Руф, а также Адольф, которые по счету были девятым и десятым, без сомнения блистали при жизни великими заслугами, поскольку даже после кончины они отличались следующим чудом. Когда их тела были погребены в церкви блаженного мученика Феликса, как доносит до нас молва, был некий муж, (человек) религиозный, а также обеспокоенный заботой о своей душе, который в ночное время имел обыкновение с неизменным усердием обходить все оратории, расположенные за стенами того города, чтобы личными молитвами вручить себя Богу. Итак, когда он подошел к упомянутой церкви святого мученика Феликса, не имея, однако, законной возможности войти в нее, он приблизился снаружи к той части стены, где покоились тела упомянутых святых, и там предался молитве со всем душевным рвением. После того, как он, излив мольбу, поднялся от молитвы и в честь тех святых, у могил которых непосредственно молился, произнес стих псалма, а именно: «Да торжествуют свя-

тые во славе», вскоре изнутри услышал голос присоединяющегося: «Да радуются на ложах своих»¹².

Этим святым мужам наследовал Фирмин, затем Легонтий, о жизни которых ничего, кроме имен, не донесло до нас старинное предание.

Затем Церковь в управление принял тринадцатый почтенный руководитель — Ауктор, в то время, когда не только Галлия, но почти весь Запад был уничтожен неистовством свирепых варваров¹³. От этого мужа нашей памяти стали доступны только два его чуда, хотя верится, что им были совершены и другие блистательные деяния. Итак, в то время, когда этот почтенный пастырь вел жизнь, украшенную всяческими добродетелями, король гуннов Аттила, превосходящий жестокостью всех чудовищ, имея под своей властью многочисленные варварские племена, после того как сокрушил Гундигария, короля бургундов, оказавшего ему сопротивление, (на время) ослабил вожжи своей свирепости по отношению ко всем угнетаемым Галлиям¹⁴. Проведав о его приближении, блаженный Серватий, епископ тонгров, отправился в Рим к священнейшим телам блаженных апостолов Петра и Павла, чтобы посредством их высоких заслуг вымолить у Господа (ответ), до какой степени Он отвратит свое гневное негодование и освободит жителей города Тонгра от этой напасти. И тогда по Божьему соизволению ему было передано через того же блаженного апостола Петра, что окончательное решение неба таково, что вся Галлия должна быть предана ненависти варваров, кроме часовни блаженного диакона и первомученика Стефана, расположенной в Меце, где хранилась его драгоценная кровь, не подвергаясь (какой-либо) порче. После того, как это было сообщено св. Серватию, он поспешно возвратился в Галлии и обнаружил, что толпы гуннов неистовствуют повсюду. В то же самое время, когда они сняли осаду с Меца, поскольку решили, что не смогут завоевать этот город из-за крепости его

¹² Пс. 149, 5.

¹³ Имеется в виду гуннское нашествие на Европу в 451 г.

¹⁴ В оригинале: *ad universas deprimendas Gallias*. Имеются в виду северо-западные провинции империи, населенные галло-римлянами, которые в середине V в. оказались под властью гуннов.

стен, блаженный Серватий возвращался из Рима и ему случилось попасть в Мец. После того как он передал своему собрату-епископу св. Ауктору все, что узнал посредством откровения, он возвратился в собственный город, т. е. в Тонгр. Почти сразу после его ухода стена города Меца рухнула и, как было предусмотрено свыше, широко раскрыла врагам проход. Вскоре блаженный Ауктор, узнав, что город будет предан мечам врагов, предписал, чтобы все дети, которые еще не приняли омовения в святом источнике, были крещены. Гунны же, которые обосновались в лагере, называемом Скарпонуа, расположенном на расстоянии двенадцати миль оттуда, услышав, что стены города Меца рухнули, вновь с невероятной поспешностью подступили к нему и, опустошив все пожарами и грабежами, уничтожили многих жителей, включая тех детей, что были (недавно) крещены, остальных же, которые сумели уцелеть, вместе со святым епископом Ауктором увели в плен¹⁵. С жилищем блаженного диакона и первомученика Стефана свершилось в точности то, что прежде было возвещено в Риме блаженнейшим Петром слуге Христову Серватию. Когда бешеные варвары увидели издали ту самую церковь, они немедленно поспешили к ней, намереваясь захватить ее в качестве богатой военной добычи; и когда они подошли поближе, перед их глазами как будто появилась огромная и твердая каменная глыба. Когда они, (пребывая) в духовной слепоте, ощупывали ее вокруг руками, пытались отыскать проход, то им не виделось ничего другого, кроме естественной твердости камня. Одним словом, они часто отступали и вновь возвращались, пока не поняли, что ничего не добьются; наконец, утомленные, они удалились и (таким образом) были обмануты результатом собственных усилий.

Я не умолчу также о том, что рассказывает об этой часовне в своих книгах Григорий, епископ Тура¹⁶. Ибо он передает (следующее)

¹⁵ Мец был захвачен и разрушен гуннами 7 апреля 451 г.

¹⁶ Григорий, епископ Тура (538/539–593/594 гг.), происходил из знатной галло-римской семьи, принадлежавшей к сенаторскому сословию и владевшей епископскими кафедрами ряда крупнейших галльских городов (Тур, Клермон, Лион, Лангр). С 573 г. занимал пост епископа турской кафедры, одной из наиболее чтимых в Галлии.

ющее): «Прежде чем пришли эти враги, некоему верующему мужу было видение, будто блаженный диакон Стефан беседовал со святыми апостолами Петром и Павлом о разрушении города и говорил (им): “Молю вас, владыки мои, не отказать в своем покровительстве городу Мецу (и уберечь его) от вражеского истребления, поскольку в нем есть место, где хранятся останки моей незначительной особы; но пусть лучше народ знает, что я на что-то способен перед Господом. Однако если уж грех народа настолько велик, что нет возможности сделать что-либо другое, кроме как предать город огню, то, по крайней мере, пусть хоть эта часовня не сгорит”. Они ему отвечают: “Иди с миром, возлюбленный брат, только твоя часовня избежит огня. Что касается города, то его мы не сохраним, поскольку над ним уже предопределена Божья воля. Ибо возрос грех народа и молва о людских пороках дошла до самого Господа. Вот почему этот город будет предан огню”. Поэтому нет сомнения в том, что благодаря защите апостолов часовня осталась невредимой, в то время как город был разрушен».

Затем враги подошли к городу, называемому Децемпагос¹⁷, который отстоит от Меца на тридцать миль; но, поскольку Господь наш всегда заботится о своих рабах и даже в гневе, как говорит псалмопевец, Он не скрывает сострадания, то тех гуннов внезапно окружила такая тьма, что они не знали, что делать и в какую сторону двигаться. Тогда в тревоге они стали искать причину этого бедствия, чтобы понять, что им следует делать в такой ситуации; и от одного из пленных, которых вели (с собой),

Принимал активное участие в религиозной и политической жизни Франкского королевства второй половины VI в. В междоусобных войнах Меровингов поддерживал Гунтрамна и Хильдеберта II. Стоял в оппозиции к Хильперiku и его жене Фредегонде. Автор всемирно известной «Истории франков», повествующей о событиях библейской, европейской и галльской истории от сотворения мира до 591 г. (Подробнее см.: Григорий Турский. История франков / Пер. с лат., коммент., статья В. Д. Савуковой. М., 1987.)

¹⁷ Децемпагос (совр. Дузи) — город в восточной части современной Франции. Расположен в департаменте Мозеля, в 60 км на юго-восток от Меца.

услышали, как он говорил, что они претерпевают таковое из-за раба Владыки Небесного, епископа Ауктора, которого он видел в числе пленных. Тотчас же произведя разыскание, они нашли блаженного Ауктора. Тогда они его спросили, что он хотел бы получить в награду за то, что освободил бы их от такой опасности. Он ответил на это, что ему нельзя было бы предоставить более приятного вознаграждения, чем если бы они разрешили возвратиться к себе всем, кого увели в плен; что если они это сделают, он обещает, что без сомнения вымолит у своего Господа, чтобы они были избавлены от тех потемок, в которых удерживаются; так и было сделано. И вскоре, разыскав во всем своем войске пленных, которых они увели, гунны передали их блаженному Ауктору и, как им было обещано, были избавлены от своего бедственного положения, поскольку тьма отступила и возвратился свет. Вот так почтенный слуга Христов, таким образом, как ему и было предназначено в участи пленных, многих равным образом освободил из плена. О, какой великой славой чествовали его возвратившиеся горожане, ведь они сумели восторжествовать над жестокими варварами, которые прежде увели их как победители!

Теперь перейдем к другому чуду, которое было совершено добродетелью его же заслуг перед небом. Однажды в церкви блаженного первомученика Стефана, о котором мы сообщали выше, из-под потолка обрушилась ослабшая балка и так разбила исключительной белизны мрамор, который был на алтаре, что разделила его на две части. Там находился блаженный Ауктор и всем присутствующим, огорченным причиненным ущербом, уповая на Господа, предписал, чтобы эти обломки были составлены вместе и подготовлены ему для богослужения; как обычно он положил на них сверху посвященные Богу дары. Когда обломки таким образом оставались неподвижными, что было сделано держащими (их людьми), он принес Богу спасительную гостию. И немедленно весь тот разлом настолько скрепился, как будто прежде разделение было самым незначительным. Это случилось с тем же самым мрамором, которым можно восхищаться непосредственно вплоть до сегодняшнего дня. Ведь еще и сегодня он кажется внимательному наблюдателю как будто разделенным, но если его тщательно ощупать пальцами, то убеждаешься в его прочности, так что не чувствуется никакого признака его разде-

ления. Вне всякого сомнения, Ауктор совершил еще много удивительного, но что именно и каким образом из того, что передано, нельзя узнать полнее.

Ему наследовал четырнадцатый (епископ) — Эплетий. Затем пятнадцатый — Урбиций. Шестнадцатый — Бонол. Семнадцатый — Теренций. Восемнадцатый — Гунсолин. Затем Роман. Наконец двадцатый — Фроним. После него — Кромаций. Далее Агатандер. Таким образом, следует предположить, что трое из тех, кого мы упомянули, судя по их именам, происходят из греков.

После них Церковью руководил Спер. Затем Виллик. Потом двадцать пятый — Петр. Двадцать шестой — Агнульф, который, как говорят, был рожден дочерью короля франков Хлодoveя, а отец его происходил из знатной сенаторской фамилии. За ним воспоследовал его племянник по имени Арноальд. За ним следовал Паппол.

После них к управлению Церковью был допущен блаженный Арнульф, муж славившийся повсюду светом святости и блестящим происхождением¹⁸. Он происходил из знатнейшей и могущественнейшей франкской семьи¹⁹, и руководил Церковью

¹⁸ Имеется в виду Арнульф, герцог Австразии (ум. 18 июля 640 г.). Происходил из знатного франкского рода, чьи владения располагались в верхнем течении Мааса и Мозеля между Верденом и Мецем. С 595 по 612 гг. находился при дворе Теудеберта II. В источниках упоминается как *consiliarius regis* и *domesticus*, управляющий шестью административными округами. После смерти Теудеберта II возглавил оппозицию австразийской знати против Теудериха II и королевы Брунхильды и поддержал короля Нейстрии Хлотаря II. В 614 г. избран епископом Меца. С 623 по 629 гг. воспитатель малолетнего короля Дагоберта. В 629 г. оставил мецскую кафедру и обратился к отшельнической жизни. Поселился в южных Вогезах недалеко от Ремиремонта, где и умер. Позднее его мощи были перенесены в церковь св. Апостолов в Меце. С VIII в. почитается в качестве святого.

¹⁹ Источники VII–VIII вв. не позволяют более определенно проследить семейную генеалогию Арнульфа. В его Житии констатируется лишь знатность родителей (VA., 1: *Arnulfus... prosapie genitus Francorum, altus satis et nobilis parentibus... fuit*). Генеалогические фальсификации IX в., созданные в Меце, возводят его род к южно-

Божией, но также стал и управителем дворца. Он, и в теле пребывая, и после окончания жизни, совершил много достойного удивления, и если кто желает знать об этом, (пусть) прочтет в книжице, которая была специально написана о его деяниях²⁰. Однако я поведаю лишь об одном его чудесном свершении, о котором не упоминает тот, кто составил его Житие, что, в свою очередь, было достаточно удивительно для меня. Итак, в то время, когда он нес покаяние за некоторые проступки, случилось так, что он переходил мост через реку Мозеллу. И когда он заметил глубину протекающих внизу вод и недоступную взгляду пучину, без колебаний уповая умом на надежду, он бросил снятое с пальца кольцо в бездну тех вод со словами: «Только тогда я буду считать, что освободился от греховных пут, когда получу обратно это кольцо, которое бросаю». Несколько лет спустя, когда он уже достиг епископской должности, некий рыбак однажды принес ему рыбу, которую он повелел приготовить себе для вечерней трапезы, поскольку воздерживался от мяса. И когда его повар как обычно выпотрошил эту рыбу, в ее кишках он нашел то самое кольцо. Удивленный случившимся, но, не зная, в чем дело, он отнес его блаженному Арнульффу. Едва увидев, тот сразу же признал кольцо, а также воздал хвалу всемогущему Богу, уверовав в отпущение прегрешений; и с тех пор он более не вел свободную жизнь, но еще больше связал себя значительным воздержанием. И этот почтенный Отец выпросил у Господа тот знак не так, как некогда Гедеон. Ведь последний желал получить доказательство посредством овчинки, положенной на поле, сможет ли он одержать победу в борьбе с врагами²¹; этот же, бросив кольцо в глубочайший речной омут, желал изведать, получил ли он уже победу над врагами. Сильны были враги, которых одолел тот, но этот победил врагов более сильных. Я узнал об этом не от какой-нибудь незначительной персоны, но от самого

гальской сенаторской аристократии (подробнее см.: Oexle O. G. Die Karolinger und die Stadt des heiligen Arnulf // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 1. Berlin, 1967. S. 252–279).

²⁰ Имеется в виду «Житие святого Арнульфа» (Vita sancti Arnulfi // MGH. SRM. T. 2. Hannover, 1888. P. 432–446).

²¹ Суд. 6, 36–40.

ревнителя всякой истины, его величества короля Карла²², поведавшего (мне об этом); он происходит из рода того самого блаженного Арнульфа и по линии родства является его потомком в шестом колене. Ведь этот почтенный муж, если вернуться к вышесказанному, во времена своей юности родил в узах законного брака двоих сыновей, а именно, Ансхиза²³ и Хлодульфа; кажется, имя Ансхиз произошло от Ансхиза, отца Энея, который некогда пришел из Трои в Италию²⁴. Ведь род франков, как было передано древними, берет начало от рода троянцев²⁵. Итак, почтенный Арнульф имел двух сыновей, о которых мы упомянули, и поскольку он был милосерден и всегда готов для (свершения) благих дел, то начал убеждать обоих своих сыновей, чтобы они позволили ему раздать все свои богатства в пользу бедных. Тогда старший сын Хлодульф наотрез отказался от того, чтобы отец раздал причитавшуюся ему долю; а младший сын Ансхиз, веривший, что по милосердию Христову ему будет даровано значительно больше, пообещал, что охотно согласится на все, чего пожелает отец. Почтенный отец поблагодарил сына и предрек, что тот будет иметь гораздо больше, чем он ему оставляет; сверх того он благословил его и весь его род, который народится в будущем.

²² Имеется в виду Карл Великий (742–814 гг.), с 768 г. — король, с 800 г. — император франков.

²³ Ансхиз (ум. ранее 679 г.) — младший сын Арнульфа Мецского, майордом Австразии (643–657 гг.), *domesticus* короля Сигиберта III. Тесть Пипина Ланденского, главы могущественного рода и признанного лидера австразийской знати.

²⁴ Младшего сына Арнульфа звали Ансегизил. Павел сознательно искажил его имя, чтобы связать семейную историю Пипинидов-Каролингов с легендой о троянском происхождении франков.

²⁵ Самое раннее и наиболее развернутое упоминание о происхождении франков от древних троянцев содержится в хронике Фредегара, составленной в Бургундии в первой половине VII в. См.: *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii scholastici libri*, II, 4–6, 8; III, 2 // MGH. SRM. T. 2. P. 45–47, 93. В более сжатом и несколько измененном виде троянскую легенду воспроизводит анонимный автор *Liber historiae Francorum*, нейстрийской хроники, предположительно составленной в Сен-Дени в 30-е гг. VIII в. См.: *Liber historiae Francorum*, 1 // MGH. SRM. T. 2. P. 241–242.

Так оно и свершилось. Ведь Ансхизу пришло много больше того, что оставил отец; и родительское благословение упрочилось в том, что от его потомства родились смелые и сильные мужи, и вовсе не незаслуженно к его роду перешло королевство франков.

И чтобы ты мог узнать это, хоть и немногое, внимай, я научу. Ансхиз родил Пипина²⁶, отважнее которого никогда никого не могло быть; Пипин родил Карла²⁷, мужа во всех отношениях сильнейшего, который среди прочих и великих войн, которые он вел, особенно (отличился в войне против) сарацинов и настолько их ослабил, что вплоть до сегодняшнего дня этот свирепый и вероломный народ страшится оружия франков²⁸. Итак, он родил Пипина²⁹, достаточно прославившегося не только своей мудростью, но и храбростью, который, среди прочего, что он совершил, уже давно с удивительной легкостью разбил мятежных гасконцев во главе с герцогом Вайфарием и подчинил их власти франков³⁰.

²⁶ Имеется в виду Пипин II Геристальский (640/650 — 18 декабря 714 гг.), майордом Австразии. В 687 г. в битве при Тертри разбил майордома Нейстрии и объединил под своей властью все Франкское королевство. Правил из Австразии от имени короля Нордеберта.

²⁷ Имеется в виду Карл Мартелл, незаконный сын Пипина Геристальского, майордом королевства франков (714—741 гг.). Ради укрепления обороноспособности страны и создания прочной социальной опоры собственной власти провел бенефициальную реформу.

²⁸ В 732 г. в битве при Пуатье франки под командованием Карла остановили продвижение арабов на север. В позднейшей литературной традиции Карл превратился в подлинного спасителя всего западного христианства и получил прозвище Мартелл (от лат. *martellus* — молот). Однако успех франков, по-видимому, больше связан не с их военным превосходством, а с тем обстоятельством, что халифат достиг к тому времени своих «естественных» границ и не имел необходимых ресурсов для их дальнейшего расширения.

²⁹ Имеется в виду Пипин III Короткий, с 741 г. — майордом, с 751 по 768 гг. — король франков.

³⁰ Речь идет об очередном завоевании франками Аквитании. В этом регионе, южной части Франкского королевства, были традиционно сильны сепаратистские настроения и неприязнь к северянам. Начиная с 760 г. в течение девяти лет Пипин совершал военные походы в Аквитанию, захватывая города и назначая на графские долж-

Также его сын Карл³¹ сделался великим королем и расширил королевство франков как никогда прежде³². Среди его многочисленных и достойных удивления деяний (особенно примечательно то), как без тяжелого сражения он подчинил своей власти все племя лангобардов, уже дважды побежденное отцом³³, когда один из их королей, имя которому Дезидерий, был схвачен³⁴, а другой, которого звали Адельгиз и который правил вместе со своим родителем, был изгнан в Константинополь³⁵; и, что обыкновенно случается редко, он умерил (пыл) победы, проявив снисходительность (к побежденным). Кроме того, римлян да и сам город Ромула, уже прежде желавший его присутствия, — ведь (этот город) некогда был господином всего мира, а затем стонал, угнетенный лангобардами, — он присоединил к своим царствам³⁶,

ности верных ему людей из представителей австразийской знати. Наконец в 768 г. сопротивление аквитанцев, организуемое и возглавляемое герцогом Вайфарием, было окончательно сломлено, последний оплот политической независимости город Бордо взят штурмом, а сам Вайфари предательски убит подкупленными Пипином людьми.

³¹ Имеется в виду Карл Великий.

³² При Карле Великом Франкское королевство увеличилось почти вдвое. Оно простиралось от р. Эбро на юге до Ютландии на севере, от Бретани на западе до р. Одера и Дуная на востоке.

³³ Пипин Короткий совершил два похода в Италию против лангобардов — в 754 и 756 гг. Их результатом стало создание Папского государства в центральной Италии.

³⁴ Король лангобардов Дезидерий вместе с супругой был захвачен франками в плен, пострижен в монахи и заточен в монастыре Корби.

³⁵ Адельгиз бежал в Константинополь в 774 г. после захвата франками Вероны. Однако несколько месяцев спустя он возвратился в Италию и поддержал антифранкский мятеж герцогов Фриула и Сполето. Мятеж был подавлен в 776 г. Адельгиз, спасаясь от наказания, вынужден был вновь бежать в Византию.

³⁶ После завоевания Лангобардского королевства Карл изменил свою титулатуру и стал именоваться «королем франков и лангобардов», а также «римским патрицием». Первые два года сохранялась территориальная целостность королевства и прежние административные структуры. Однако после восстания 776 г. Карл начал практиковать предоставление графских и епископских должностей франкам, активно расселял на северо-итальянских землях королевских васса-

избавив от суровой нужды; и таким образом вся Италия была охвачена снисходительным единовластием³⁷. И не знаешь, восхищаться ли в этом муже больше его военной доблестью или блеском мудрости и знанием всех свободных искусств.

От супруги Хильдегарды³⁸ он родил четырех сыновей и пять дочерей³⁹. Однако еще прежде (заклучения) законного брака⁴⁰, от знатной девицы Химильтруды он имел сына по имени Пипин⁴¹. В самом деле, имена его детей, которых ему родила Хильдегарда, таковы: первый был назван Карлом⁴², нареченный так по имени отца и прадеда⁴³; второй же — Пипин⁴⁴, одного имени

лов, а также жаловал большое количество земель и привилегий основанным франками монастырям.

³⁷ Павел преувеличил военные заслуги Карла. Под властью короля франков находилась северная и центральная Италия, в то время как южная часть Апеннинского полуострова продолжала оставаться под протекторатом Византии. Карл пытался подчинить себе полунезависимые лангобардские княжества Сполето и Беневент, однако до конца этот план осуществить не сумел.

³⁸ Хильдегарда происходила из знатного швабского рода и состояла в близком родстве с герцогом алеманнов Готфридом.

³⁹ Дочерей Карла от Хильдегарды звали Ротруда, Берта, Гизела, Хильдегарда и Аделаида.

⁴⁰ Хильдегарда являлась второй супругой Карла. Первой его женой была лангобардская принцесса, дочь короля Дезидерия, на которой Карл женился по настоянию матери. Однако этот брак оказался недолгим — перед очередным итальянским походом король франков развелся и возвратил принцессу домой.

⁴¹ Имеется в виду Пипин Горбатый, прозванный так из-за своего физического уродства. В 792 г. он предпринял неудачную попытку захвата власти, за что был пострижен в монахи и провел остаток жизни в Прюмском монастыре.

⁴² Имеется в виду Карл Юный (772—811 гг.). После подавления мятежа Пипина Горбатого оказался старшим наследником в роду и со временем должен был получить центральные земли Франкской державы (Нейстрия, Австразия, часть Германии). Однако умер еще при жизни отца.

⁴³ Имеются в виду Карл Великий и Карл Мартелл.

⁴⁴ Имеется в виду Пипин Италийский (773—810 гг.). Оставил после себя незаконнорожденного сына Бернарда.

с братом⁴⁵ и дедом⁴⁶; третий — Людовик⁴⁷, родившийся одновременно с Лотарем, умершим двух лет от роду; из них, с Божьего соизволения, младший Пипин держит Итальянское королевство, Людовик — Аквитанское⁴⁸.

После смерти Хильдегарды великолепнейший король Карл взял в жены Фастраду. Хильдегарда же нашла успокоение в городе Меце, в церкви блаженного Арнульфа. Из-за того, что упоминавшиеся уже короли ведут происхождение от блаженного Арнульфа, они погребают здесь тела своих родственников. Таким образом, здесь погребены две дочери короля Пипина, одну из которых звали Ротхаида, другую — Аделаида; также здесь похоронены две дочери младшего короля Карла, а именно Аделаида и Хильдигарда⁴⁹; эта Хильдигарда была названа именем матери и вскоре после смерти матери последовала за ней⁵⁰. По повелению славного короля Карла для всех них нами были составлены эпитафии; и чтобы читатель получил от них удовлетворение, я позаботился отметить (их) ниже.

⁴⁵ При рождении Пипин был назван Карломаном. Однако после подавления мятежа Пипина Горбатого он получил имя опального брата, что означало лишение первородного сына права на трон.

⁴⁶ Имеется в виду Пипин Короткий.

⁴⁷ Имеется в виду Людовик Благочестивый (778—840 гг.), с 781 г. — король Аквитании, с 813 г. — император франков. При рождении Людовик получил меровингское имя (Людовик — испорченное Хлодвиг). Таким образом Каролинги пытались дополнительно легитимировать собственные права на узурпированный в 751 г. трон.

⁴⁸ В 781 г. Карл отправился в Рим в сопровождении малолетних сыновей Пипина и Людовика. Оба принца были помазаны и коронованы папой Адрианом I (772—795 гг.).

⁴⁹ Аделаида и Хильдегарда умерли во младенчестве.

⁵⁰ При Карле Великом церковь св. Стефана превратилась, по сути, в семейный мавзолей, возникший вокруг могилы основателя рода.

*Эпитафия Ротхаиды,
дочери короля Пипина*

Я, та, что лежу здесь, украшена именем Ротхаид,
Я — отпрыск достойный блестящего рода;
Оружием брат подчинил мне народы
Авзонов⁵¹, отвагой Юпитера⁵² Карл восплававший;
Отец мой — Пипин, рожденный царственным Карлом,
Поверг Аггарена тирана великой грозой.
И дед мой — Пипин, отважней которого не было в мире;
Мой прадед — могучий Ансхиз, который ведет от того
Ансхиза Троянского имя сквозь долгое время.
Его породил святой и блаженный отец и епископ
Арнульф, который повсюду сияет деяньями полными чуда,
И здесь, на него уповая, меня схоронили родные.

*Эпитафия Адельгейды,
второй дочери Пипина*

Извечна причина избранности или спасенья, это — любовь,
Душой беспокойной она заставляет стремиться к тому человека,
Желаешь ты знать, отчего столь много содержит могил
Это священное место, дворец устремившийся к звездному небу?
Эта святая Господня овчарня потом сохранила того,
Кто прежде отцом был законного рода⁵³;
Потомство его, положившись на предка-патрона,
Желало тела погребать в святом этом месте.
Покоится здесь Адельгейда, Пипина дитя, благочестная дева,
Которую, как и других, свято отец охраняет.

⁵¹ В тексте: *gentes Ausonias* — поэтическое наименование жителей Италии. Речь идет о завоевании Карлом Лангобардского королевства.

⁵² В тексте: *fretus Carolus virtute Tonantis*. *Tonans* — «громовержец», один из наиболее употребляемых эпитетов Юпитера.

⁵³ Т. е. св. Арнульфа.

На надгробной плите блестящие золотом буквы
Нам объясняют, чем знаменит под ней погребенный.
Короля из самых могучих покоится здесь королева,
Супругой хорошей для Карла была Хильдегарда.
Она начало ведет от питомцев столь же блестящего рода,
Сколь и индийский брильянт, от кого он родился.
И ликом цветущим своим была она столь прелестна,
Что вряд ли б нашелся на Западе кто-то прекрасней.
И с нежной ее красотой не смогли бы сравниться
Паросский сардоникс, и лилии, и даже розы.
Но все ж победили прекрасную внешность свет сердца,
Души простота и внутреннее совершенство;
Была ты кротка, тонка, весела,
И наделена дарованиями разными щедро.
Но нет тебе большей хвалы средь всего,
что прославить достойно,
Чем та, что понравилась ты великому мужу!
Ведь сей воинственный муж добавил к скипетрам предков
Цигнифер и По, и Ромулов Тибр,
И ты одна оказалась достойной того, чтоб держать
В руках скипетры золотые бесчисленных царств.
Двенадцатый год уж тебя подхватил,
Когда вас связала медовая ваша любовь;
Двенадцатый год тебя удержал,
Увы, мать царей! Увы, красота и печаль!
И франк, и свев, и германец, и бритт,
И гетов суровых толпа, и иберов скорбит по тебе.
И житель Лигера⁵⁴ льет слезы, Италия вся,
Сам Рим, встревоженный смертью твоей, опечален.
Рыдания вызвала ты в мужских суровых сердцах,
И падают слезы среди мечей и щитов.
Я знаю, увы, что ты всенепременно могучую
Душу супруга спалила скорбным огнем!

⁵⁴ Лигер — древнее название р. Луары. В тексте: *accola Ligeris*.
Имеются в виду люди, живущие в долине Луары.

Но всех скорбящих одна утешает надежда,
Что царство священное за все заслуги свои ты стяжаешь.
И ныне Арнульф, отец-благодетель,
 смягчи своею мольбой Иисуса,
Чтоб Он допустил ее в свое Царство.

Эпитафия Адельгейды,
дочери короля Карла, которая родилась в Италии,
когда он подчинил ее себе

В этой девичьей могиле лежит погребенной девица,
И звали ее Адельгейд по имени речки священной.
Отец ее — Карл, владевший двойною короной⁵⁵,
Прославленный в дарованьях, могучий в сраженьях.
Она родилась близ высоких стен Павии⁵⁶,
Когда могучий родитель ее воевал итальянские царства⁵⁷;
Но жизни утратила свет, когда подошел он к Родану,
Надолго разбив материнское сердце печалью.
Она умерла, не увидев отцовской победы;
И ныне стяжала Отца предвечного Царство благое.

Эпитафия Хильдегарды,
другой дочери Карла

Тебя, Хильдегарда, похитила смерть безвременно,
Подобно тому, как Борей срывает весной молодые побеги.
Ведь круг твоей жизни еще не заполнил и год,
И год не минул, как увидела свет от рожденья.
Совсем еще крошка, ты скорбь породила большую,
Отцовское сердце будто копьем поразив,
Тебя назвали, как мать, и ты вновь оживила печаль,
по смерти ее

⁵⁵ Имеются в виду короны Франкского и Лангобардского королевств.

⁵⁶ Павия — город в северной Италии, столица Лангобардского королевства.

⁵⁷ Т. е. в 774 г.

Едва прожив сорок дней.
Душою скорбя, мы льем реки слез,
Но ты счастлива ныне безмерно, ведь устремляешься
к радости вечной.

Но поскольку те (епископы), которых нельзя оставить без внимания, не были рассмотрены даже кратко, мы возвращаемся на путь повествования.

Итак, после блаженнейшего Арнульфа Церковью Меца руководил Гоерик, тридцатый (епископ), которого еще звали Аббон. Затем тридцать первым заботу епископского служения нес Годон.

После того, как он покинул мир, (исключительно) по причине отцовской святости на вершину епископства тридцать вторым поднялся Хлодुльф, о котором мы упоминали выше, родной сын блаженного отца Арнульфа, а также брат Ансхиза, от которого распространилось королевское семя; но молва о нем не донесла до нас ничего, кроме того, что он происходил от столь (славного) корня.

После его смерти, чтобы успокоить верующий народ, тридцать третьим был принят Аббон.

После него пастырями Божьего стада счастливо выступили Аптат, а затем Феликс.

Затем Сигебальд, происходивший из родовитой семьи, на синоде был избран главой, муж, всячески преданный (делам) на благо Церкви, изобретательнейший восстановитель святых домов. Озабоченный состоянием душ, он основал два монастыря, один из которых зовется Элериак или даже Нова-Целла⁵⁸, другой же называют Новум-Вилларе⁵⁹. Его жестоко поразила ужасная болезнь — подагра; но он обращал дух к приближающимся радостям (загробной жизни) и самым смиренным образом переносил телесные недуги.

Тотчас же (после смерти Сигебальда) главой был избран Хродеганг, муж выдающийся и достойный всяческих восхвалений,

⁵⁸ Монастырь располагался в департаменте Мозеля, в 45 км к востоку от Меца.

⁵⁹ Монастырь находился в Эльзасе, в департаменте Нижнего Рейна.

происходивший из округа Хасбаниенса⁶⁰, рожденный отцом Сиграмном и матерью Ландрадой, из очень знатного франкского рода. Он воспитывался во дворце старшего Карла⁶¹ им самим и стал его же референдарием, а уже во времена короля Пипина снискал епископское достоинство⁶². Он был во всех отношениях славнейшим и блистал всяческим благородством; красив внешне, в беседе необычайно красноречив, обучен как в родном языке, так и в латыни; он был воспитателем рабов Божьих, а также не только кормильцем, но и снисходительнейшим защитником вдов и сирот. И поскольку он был во всех отношениях надежным, то единогласно избранный королем Пипином и всей франкской знатью, он был направлен в Рим и призвал почтенного папу Стефана⁶³ в Галлии, чтобы осуществить всеобщее пожелание (и помазать Пипина на царство)⁶⁴. Он объединил клириков и за стенами клаустров (отторженных от мира) заставил (их) вести образ жизни, подобный монастырскому, и установил для них нормы, в соответствии с которыми они должны были бы служить в Церкви. Он предоставил им достаточные анноны и субсидии (необходимые) для проживания, чтобы не испытывая потребности в досуге для бесполезных дел, они неусыпно заботились только лишь о божественном служении. Он предписал, чтобы этот клир, объединенный божественным законом и обученный римскому песнопению, соблюдал обычаи и порядки Римской Церкви, что до того времени в Церкви Меца едва ли делалось. При поддержке короля Пипина он повелел соорудить престол святого первомученика Стефана, ему же (посвященный) алтарь и пределы, пресвитерий и сводчатые арки. Равным образом и в церкви блаженного великого Петра⁶⁵ он повелел сделать пресвитерий. Также он соорудил амвон, укра-

⁶⁰ Т. е. из округа Хасбенгау в современной восточной Бельгии.

⁶¹ Т. е. Карла Мартелла.

⁶² Хродеганг стал епископом Меца ок. 742 г.

⁶³ Имеется в виду папа Стефан II (752–757 гг.).

⁶⁴ Эта поездка состоялась в 753 г. Хродеганг отправился в Рим, чтобы лично сопроводить папу Стефана во Франкию. Целью всего предприятия было помазание папой Пипина Короткого на царство. Год спустя папа пожаловал Хродегангу сан архиепископа. Однако Мец не получил статуса метрополии.

⁶⁵ Т. е. апостола Петра.

шенный золотом и серебром, и сводчатую арку трона перед тем алтарем. Кроме того, в честь блаженнейшего апостола Петра он построил монастырь в епархии блаженного Стефана, в Мозельском округе, и наделил его большими богатствами, и поселил там монахов, и под уставом святого Отца Бенедикта объединил (их) во взаимной любви. Также он соорудил и другой монастырь, который зовется Горца⁶⁶, где равным образом объединил немалое число монахов. Затем он добился у римского понтифика Павла⁶⁷ трех тел святых мучеников, а именно, (тела) блаженного Горгония, которое успокоилось в Горце, блаженного Набора, которое было похоронено в монастыре Хилариак, и блаженного Назария, которое разместилось по ту сторону Рейна в монастыре, называемом Лорисхайм⁶⁸, в удивительного убранства церкви, выстроенной в честь того же мученика. Ибо эту землю епископу Хродегангу для блаженного Стефана передали некая монахиня Хиллисвинда и ее сын Канкрон⁶⁹. И ведь сей блаженный муж был щедр в (раздаче) милостыни, наичистейший в любви, покровитель чужестранцев и паломников; но поскольку было бы долго пересказывать по порядку все хорошее, что он сделал, будет достаточно кратко изложить из многого это малое⁷⁰. Он ставил многих епископов в

⁶⁶ Монастырь Горца расположен в 20 км к юго-западу от Меца. Основан епископом Хродегангом между 747 и 757 г. как «образцовое бенедиктинское аббатство».

⁶⁷ Имеется в виду папа Павел I (757–767 гг.), брат папы Стефана II, первый римский понтифик, получивший в управление не только апостольскую столицу, но и обширные территории папского государства. Продолжал профранкскую политику своих предшественников.

⁶⁸ Имеется в виду монастырь Лорш. Основан в 764/765 гг. при активном участии епископа Хродеганга. Последний направил туда часть монахов из Горца.

⁶⁹ Канкрон или Канкор — граф из области верхнего Рейна, родственник епископа Хродеганга, основатель Лоршского монастыря.

⁷⁰ С именем епископа Хродеганга связаны первые мероприятия в русле реформирования франкской церкви. В Меце вводится римская литургия. Ок. 755 г. реорганизуется распорядок жизни клира мецского кафедрального собора в соответствии с т. н. каноническим правилом. Клирикам предписывается совместное участие в отправлении богослужения, в принятии пищи и одежды, в совершении всякой физи-

разных городах, а также пресвитеров и диаконов, и (представителей) других церковных сословий, согласно обычаю Римской Церкви, по субботам во всякое время года. Он управлял Мецской Церковью 23 года, 5 месяцев и 5 дней. Умер накануне мартовских нон во дни короля Пипина⁷¹. Похоронен в монастыре Горца, который сам же возвел от основания.

Теперь же, святейший Отец Ангильрамн⁷², в веренице повествования наступает черед Вашего Блаженства. Но я, не забывая о своей простоте, боюсь (сделать это) неподобающим образом, ибо о течении Вашей жизни должно рассказывать более достойное стило⁷³.

ческой и духовной работы. По сути, образ жизни белого духовенства приближался к монашескому. Пользуясь саном архиепископа, Хродеганг играет ведущую роль на нескольких важнейших синодах — в Вере (755 г.), Компьене (757 г.), Аттиньи (762 г.) — и распространяет программу преобразований далеко за пределы собственного диоцеза. В этом деле он опирался, прежде всего, на всестороннюю поддержку со стороны королевской власти. Особое внимание Хродеганг уделял монашеству. Он не только принимал активное участие в создании новых монастырей, но добивался повсеместно утверждения устава св. Бенедикта и установления единообразия внутримонастырской жизни. Чтобы лучше контролировать ход реформ, он пытался объединить под своей властью несколько монастырей, практикуя переселение в них части братии из Горца, организуя перемещение туда мощей святых мучеников, а также развертывая в них активное строительство.

⁷¹ Т. е. 6 марта 766 г.

⁷² Ангильрамн (ум. в 791 г.) — вероятно, родственник Хродеганга, аббат бенедиктинского аббатства в Сансе и позднее монастыря Кимзее, с 25 сентября 768 г. — епископ Меца, с 784 г. — архикапеллан при дворе Карла Великого. В Меце продолжил реформы своего предшественника. С именем Ангильрамна связан расцвет кафедральной школы Меца, где изучали римскую литургию, св. Писание, античную литературу и древние языки. Также ко времени его епископата относится создание мецского скриптория, тесно связанного со школой Лоршского монастыря. Ему неверно приписывается создание т. н. *Capitula Angilramni*, сборника постановлений, базирующегося на нормах канонического и римского права.

⁷³ Таким образом, Павел подразумевал, что *Gesta episcoporum* будут впоследствии продолжены другими людьми.

ПАМЯТНИКИ КАРОЛИНГСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ IX–XII вв.¹

Можно с большой долей уверенности говорить о том, что исследователям известны практически все сохранившиеся ныне памятники исторической мысли каролингской эпохи. При современном уровне развития архивного дела открытие совершенно нового исторического текста VIII–IX вв. представляется маловероятным. Начиная с XVI в., когда у европейских эрудитов проявился вполне профессиональный интерес к литературному наследию далекого прошлого, исторические сочинения регулярно вводились в научный оборот, многократно описывались и претерпели значительное количество изданий. Долгое время своей основной задачей историки считали максимально полное восстановление первоначального, «оригинального» текста того или иного сочинения. Французские и особенно немецкие медиевисты XVIII–XIX вв. достигли на этом поприще выдающихся успехов, до мельчайших деталей разработав технику текстуальной реконструкции. Последняя основывалась, прежде всего, на тщательном изучении рукописной традиции, которая исследована ныне весьма основательно. Однако вплоть до недавнего времени профессиональный интерес к ней был вполне утилитарным. Отдельные рукописи ценились, скорее, как вспомогательный материал, необходимый для восстановления аутентичного текста, нежели в качестве памятников, имеющих самостоятельную источниковедческую ценность и способных многое рассказать об исторической культуре эпохи, в которую они возникли. Между тем, без учета последнего обстоятельства современное научное знание в этой области вряд ли может претендовать на полноту.

¹ В основе этого текста лежат доклады, прочитанные осенью 2004 года в ИВИ РАН и на кафедре истории древнего мира и средних веков Московского Государственного Педагогического Университета.

Важность текстуальной реконструкции очевидна и не требует доказательств. Однако сегодня уже недостаточно ограничиваться только этим. Всякий исследователь, даже в малой степени соприкоснувшийся с рукописной традицией, знает, что один и тот же текст далеко не всегда воспроизводился в своей оригинальной форме. Порой он существенно изменялся от манускрипта к манускрипту по прихоти переписчика или заказчика. Можно думать, что за этим скрывалось особое представление о формах бытования исторического знания, манере его освоения и использования в различные эпохи.

Не менее важным представляется и анализ содержания отдельных кодексов². К сожалению, историки почти не уделяли внимания этому сюжету, оставляя его заботе палеографов и архивистов³. Между тем, изучение принципов комбинации текстов, расположенных в определенном порядке под одной обложкой, может дать исследователю богатый материал для более глубокого понимания самых разных аспектов социокультурной истории, в том числе и исторической культуры прошлого. При создании кодекса непременно учитывались интересы его потенциальной аудитории. Комбинация текстов, какой бы хаотичной она ни казалась на первый взгляд, непременно обладала собственной внутренней логикой. Ведь речь шла о книге, ориентированной на определенный круг читателей, она должна была быть им понятной или, во всяком случае, отвечать их ожиданиям. Вычленение самостоятельных произведений, безусловно, необходимое для их текстуальной реконструкции, имеет в этой связи один существенный недостаток. Как ни парадоксально, но при таком подходе мы лишаемся целостности в их восприятии. Строго говоря, отдельные

² О необходимости такого рода исследований заговорили совсем недавно. См.: *Innes M., McKitterick R. The writing of history // Carolingian culture: emulation and innovation. Cambridge, 1994. P. 193–220.*

³ Для каролингского периода исключение составляет, разве что, статья Р. МакКиттерик, посвященная изучению исторического кодекса второй половины IX в. из Сент-Аманда. См.: *McKitterick R. L'idéologie politique dans l'historiographie carolingienne // La royauté et les élites dans l'Europe carolingienne (début IX-e siècle aux environs de 920). Lille, 1997. P. 59–70.*

сочинения каролингских авторов, да и не только их, существовали сами по себе только в момент создания. Их дальнейшая история есть история *со-бытия*, *со-существования*, жизнь в обрамлении других текстов в буквальном смысле слова. Все они взаимно дополняли друг друга, расставляли соответствующие акценты, выявляли новые грани, формировали у читателей определенный угол зрения. Думается, что вполне закономерным шагом в развитии историографических штудий стала бы подготовка академических изданий целых кодексов, а не отдельных их составляющих. В конце концов, речь идет о книгах — вполне самостоятельных, и, смею предположить, самодостаточных литературных памятниках прошлого. К сожалению, сознание современных историков еще не готово к признанию необходимости такого рода работы.

Ниже будут рассмотрены более полутора десятков рукописей IX—XII вв. из собраний Парижской Национальной Библиотеки и Российской Национальной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (СПб.), в которых так или иначе фигурируют некоторые наиболее известные исторические сочинения каролингского времени: «Анналы королевства франков», «Жизнеописание Карла Великого» Эйнхарда, «Жизнеописание Людовика Благочестивого» Астронома, «Деяния императора Людовика» Тегана, «История» Нитхарда и др. К сожалению, до нас не дошли подлинные автографы этих произведений, да и ранняя рукописная традиция их весьма небогата, за исключением разве что анналов. Изучение манускриптов более позднего времени помимо их самостоятельной эвристической ценности, несомненно, способно ретроспективно обогатить наше знание об исторической культуре каролингского общества. Анализ будет строиться по двум направлениям. Речь пойдет, во-первых, о содержательном составе отдельных кодексов, а во-вторых, о текстуальных изменениях, внесенных в сочинения каролингских авторов позднейшими редакторами.

* * *

Памятники исторической мысли каролингского времени или, во всяком случае, те, которые сегодня принято считать таковыми, с самого начала оказались в соседстве с сочинениями самого разного толка. Среди последних чаще всего фигурировали такие же историографические тексты. От IX—XII вв. сохранилось от-

носительно большое число собственно исторических кодексов. Правда, их содержание от века к веку не оставалось неизменным. И эволюция эта весьма показательна. В кодексе IX в. из Люттиха (BN lat. 10911) мы сталкиваемся с одной из первых попыток изложения франкской истории от Меровингов до Каролингов. Изначально он состоял только из двух текстов, а именно, *Liber Historiae Francorum* (3v—52r) и «Анналов королевства франков» с незначительными дополнениями из «Первых Мецских анналов» (56r—121v), и рассказывал об истории франков от первых легендарных правителей до 829 г.⁴ Цель его создания вполне очевидна из содержания: опираясь на исторические свидетельства, его авторы стремились легитимировать положение новой династии, утвердить законность ее пребывания на троне и продемонстрировать континуитет власти в определенных территориальных границах. Можно предполагать, что и заказчиками кодекса были если не сами Каролинги, то, во всяком случае, люди, тесно связанные с королевским двором. Проблема легитимации постоянно волновала представителей правящего дома. Примерно с 80-х гг. VIII в. для этих целей стали активно использовать историографию⁵. Именно такие задачи ставились перед «Анналами королевства франков», «Первыми Мецскими анналами», «Деяниями мецских епископов» Павла Диакона, королевскими генеалогиями и другими сочинениями. Кодекс из Люттиха показывает, что значительную роль в этом вопросе играли не только конкретные тексты, но также их комбинация. С еще большей убе-

⁴ Правда, на fol. 3r первоначально имелся небольшой фрагмент предположительно из меровингской истории, занимавший всего пятнадцать строк. В XII в. он был счищен и заменен рассказом «О происхождении и деяниях норманнов» (*De origine et gestis Nortmannorum*) (2r—3r). Однако еще и сегодня здесь можно разобрать отдельные фразы оригинального текста (например, «...Dagoberti et regnum eius periri et quod bellum gessit...»), а также цифры на полях (XLVIII, XLVIII, L, LI, LII). Возможно, это остатки оглавления *Liber Historiae Francorum*.

⁵ О развитии каролингской историографии в IX в. и ее роли в политической жизни королевства подробнее см.: Nelson J. L. *History-writing at the court of Louis the Pious and Charles the Bald* // *Historiographie im frühen Mittelalter* / Hg. A. Scharer und G. Scheibelreiter. Wien; München, 1994. P. 435—442.

дительностью на данное обстоятельство указывает кодекс X в. из монастыря Сен-Медард в Суассоне (РНБ lat. F. v. IV. 4), который, по всей видимости, являлся копией с кодекса из личной библиотеки Карла Лысого. Помимо *Liber Historiae Francorum* (1v—31v) и «Анналов королевства франков» (37v—90v) здесь были помещены фрагмент из «Продолжателей Фредегара» (31v—35r), т. н. «Баварские анналы» VIII — начала IX вв. (35r—36v), биографии Карла Великого и Людовика Благочестивого, написанные Эйнардом (90v—111r) и Астрономом (111r—168r), а также королевская генеалогия (168v), доведенная до 823/840 гг. Таким образом, во второй половине IX в. самый сильный представитель Каролингской династии был заинтересован в создании обширного компендиума по франкской истории, демонстрировавшего преемственность власти над конкретным народом и на конкретной территории, унаследованной Каролингами от Меровингов. При этом подавляющая часть текстов, представленных в кодексе, служила делу прославления Каролингской династии, описывала ее триумфальное восхождение к трону и великие деяния ее представителей, а заслуги Меровингов все больше уходили в тень. Можно предположить, что образчик сен-медардского кодекса был создан в канун имперской коронации Карла Лысого, самое позднее — в начале 70-х гг. IX в.

Интерес к историческим кодексам, по крайней мере в западной части франкского мира, пропадает примерно на полтора столетия и возрождается вновь лишь во второй половине XI в. по мере укрепления власти Капетингов. Особенно много кодексов появляется в XII в. Причины этого явления те же, что и в случае с Каролингами. Новая династия настойчиво стремится к историческому обоснованию собственных прав на французский престол. Однако содержание кодексов XI—XII вв. существенно отличается от их каролингских предшественников. Авторы обширных компендиумов больше не обращают внимания на тексты, повествующие об эпохе Меровингов, но сосредотачиваются на более поздних временах. Так, в сен-жерменском кодексе, датированном второй половиной XI в. (BN lat. 12711), «Деяния франков» Аймоина (5r—125v; 145v—169v) разрываются довольно обширным фрагментом из «Жизнеописания Людовика Благочестивого» Астронома (126v—145v). Аналогичным обра-

зом в кодексе конца XI — начала XII вв., созданном в Ангулеме или Лиможе (РНБ lat. F. v. IV. 3), выдержки из «Жизнеописания Карла Великого» (93r—97v) дополняют хронику Адемара Шабанского (1r—89v) и *Conventio* аквитанского графа Вилельма с неким Гуго (89v—93r). В XI—XII вв. хроника Адемара, видимо, рассматривалась в южной Франции в качестве одного из основных историографических текстов, повествующих о каролингской эпохе. Сочинения Эйнхарда и Астронома дополняют ее еще в нескольких кодексах. Особенно показательна в этом отношении южнофранцузская рукопись, созданная после 1165 г. (BN lat. 5926). За первыми двумя книгами хроники (4r—66r), доводящими рассказ до 814 г., следуют биографии Карла (66r—82r) и Людовика (82r—116v), а затем компилятор вновь возвращается к сочинению Адемара (116v—139v).

В XII в. появляются многочисленные парадные кодексы, изготовленные в лучших северофранцузских скрипториях и явно предназначавшиеся для библиотек знатных сеньоров. Они указывают на то, что в среде высшей аристократии, тесно связанной с Капетингами, проявлялся устойчивый интерес к национальной истории или, лучше сказать, к истории национальной политической власти последних четырех столетий. Характерно, что в ряде случаев отправной точкой повествования становилась фигура Карла Великого. Даже Пипин Короткий не попадал в поле зрения компиляторов, не говоря уже о его предшественниках. Можно думать, что такой подход до известной степени отражал систему исторических приоритетов капетингской знати. Так, кодекс BN lat. 5943B, составленный для графов Шампанских в мастерской Сен-Дени, включал в себя обширный фрагмент «Анналов королевства франков» от смерти Пипина Короткого до смерти Карла Великого (1r—16r), *Vita Karoli* Эйнхарда (16r—26v), сочинение Псевдо-Турпина о деяниях Карла и Роланда в Испании (26v—30v), биографию Людовика Благочестивого, написанную Астрономом и, наконец, небольшую компиляцию о деяниях франков между 840 и 1108 гг. (61r—68v). Еще более любопытным кажется кодекс BN lat. 15425, изготовленный в одном из лотарингских скрипториев. Чести открыть франкскую историю удостоилось сочинение Тегана. После седьмой главы, повествующей о смерти Карла Великого (105v—106v), компилятор поместил

сочинение Эйнхарда (106v—113v), полный текст «Анналов королевства франков» (114r—138r) и затем снова вернулся к Тегану (138r—143r). Таким образом, вниманию читателя XII в. был представлен совсем небольшой, но, видимо, наиболее важный для него фрагмент истории, охватывающий 741—836 гг. Характерно, что каролингские сюжеты представлены здесь в обрамлении сочинений древних авторов. Кодекс открывался «Эпитафией Помпея Трога» Юстина (1v—67v) и довольно пространном сочинением Сенеки *De beneficiis* (68r—105v), а завершался фрагментом широко известного на протяжении всего средневековья письма Александра Македонского к Аристотелю о положении Индии (143r—144v). Возможно, составители стремились, с одной стороны, напомнить читателю о восстановлении Римской империи при Каролингах, а с другой, представить имперскую историю франков как одно из величайших звеньев древней истории в целом. Это наблюдение подтверждается материалами кодекса BN lat. 4877. Он был составлен примерно в те же годы в одном из монастырей Нижней Нормандии, возможно, в Савиньи, где и был найден. Из всех памятников каролингской историографии компиляторы выбрали лишь сочинение Эйнхарда, однако поместили его в весьма примечательный контекст. «Жизнеописанию Карла Великого» (141r—150v) предшествуют «История против язычников» Павла Орозия (2r—95v) и «История лангобардов» Павла Диякона (96r—141r), а следуют за ним «Жизнеописание Александра Македонского» (т. н. эпитафа Юлия Валерия) (150v—161v) и уже упоминавшееся письмо Александра к Аристотелю (161v—167v). По всей видимости, в XII в. такая «антикизация» вообще доминировала в трактовке франкской истории. Например, упоминавшийся выше кодекс IX в. из Люттиха (BN lat. 10911) был искусственно «состарен» три века спустя. Между *Liber Historiae Francorum* и «Анналами королевства франков» редакторы поместили небольшой фрагмент из римской истории времен Гальбы и Веспасиана (52v—53r), а также письмо Александра (53r—55v). Отметим, что во всех трех кодексах античные сюжеты располагаются вперемешку с франкскими, а не предшествуют им, как можно было бы ожидать. Люттихский манускрипт особенно наглядно показывает, что это не случайное совпадение, но вполне сознательное решение компиляторов. Очевидно, у чита-

телей исторических компендиумов XII в. практически отсутствовало ясное представление о смене исторических эпох. Деяния великих императоров древности, будь то греки, римляне или франки, не требовали строгой хронологической последовательности в соответствии с исторической перспективой. У них было одно принципиальное сходство, допускавшее самые причудливые комбинации: они все остались в прошлом, которое не ранжировалось. Тем не менее, есть один нюанс, о котором следует упомянуть особо. Мне не известны случаи, когда в исторических кодексах памятники каролингской историографии разрываются сочинениями античных авторов — первые только обрамляются вторыми. Данное обстоятельство объясняется тем, что период с 741 по 840 гг., занявший наиболее важное место в исторической памяти народов посткаролингской Европы, описан современниками наиболее полно и последовательно. Поэтому речь шла, прежде всего, о комбинации хорошо известных сочинений, описывавших золотой век франкской истории. Однако от античности эта эпоха, разумеется, четко не отделялась.

Материалы кодексов показывают, что их составители зачастую стремились к восстановлению событийной канвы и не предполагали сохранения отдельных произведений в авторской редакции. За этим скрывалось весьма определенное отношение к историческому нарративу. Идеологическая стройность, политическая направленность и концептуальная целостность последнего отступала на задний план перед собственно рассказом о прошлом. Средневековые компиляторы молчаливо признавали, что объективная реальность отражается в текстах как в зеркале. Следовательно, для создания законченной картины достаточно было взять отдельные фрагменты самых разных произведений и соответствующим образом их составить. С этим связано и довольно распространенное в раннее средневековье невнимание к проблеме авторства. Даже наиболее известные литературные памятники подчас были лишены соответствующей атрибуции. Так, в нескольких кодексах XII в. «Жизнеописание Карла Великого» приводится без всяких ссылок на Эйнхарда (BN lat. 4877, 5926, 15425), а в кодексе рубежа X—XI вв. автором назван Алкуин (BN lat. 2664). Пример с *Vita Karoli*, пожалуй, наиболее показателен, ведь авторство Эйнхарда упоминается в подавляющем

большинстве рукописей, начиная с самого раннего времени, а рукописная традиция *Vita*, насчитывающая на сегодняшний день более ста тридцати манускриптов, поистине фундаментальна⁶.

Помимо собственно исторических сочинений памятники каролингской историографии существовали и в другом соседстве. С одной стороны, это были юридические тексты, с другой — труды по агиографии и теологии. Каролингские правовые кодексы относятся к самым ранним — они появились одновременно с первыми историческими компендиумами. Наиболее известный из них — BN lat. 10758, изготовленный в скриптории Сен-Реми в последней четверти IX в. и происходивший, по всей видимости, непосредственно из окружения Гинкмара Реймского. Интерес архиепископа к государственному и церковному законодательству хорошо известен. Кодекс включал в себя многочисленные меровингские и каролингские капитулярии, в том числе т. н. собрание Ансегиза, постановления церковных синодов, «Салическую правду» и другие тексты меровингского права, а также «Равеннский коронационный протокол», составленный Гинкмаром в 877 г. по случаю коронования Карла Лысого императорской короной. В завершении составители поместили *Vita Karoli* Эйнхарда (Р. 305–328, 337–340). Характерно, что «Жизнеописание» было единственным собственно историографическим сочинением в этой сугубо юридической коллекции. Прочие памятники исторической мысли, как меровингские, так и каролингские, остались невостребованными. Можно согласиться с мнением М. Тишлера, что уже во второй половине IX в. в Карле видели великого законодателя, поэтому его биография была здесь вполне уместной⁷. Однако не менее существенным представляется и другое обстоятельство. Львиная доля законов и постановлений кодекса, как светских, так и церковных, приходилась на вторую половину VIII — начало IX вв. Даже «Салическая правда» была представлена здесь в каролингской редакции. С по-

⁶ Обстоятельную характеристику рукописной традиции сочинения Эйнхарда дал М. Тишлер: *Tischler M. M. Einharts vita Karoli. Studien zur Entstehung, Überlieferung und Rezeption* (MGH. Schriften. Bd. 48). Bd. 1–2. Hannover, 2001.

⁷ *Tischler M. Op. cit.* S. 1501–1515.

мощью *Vita* составители стремились поставить юридические нормы на историческую основу и закрепить их авторитет персональным авторитетом Карла.

Указанная тенденция оказалась вполне перспективной и получила дальнейшее развитие. Кодекс BN lat. 4628A, созданный, по всей видимости, в Сен-Дени на рубеже X и XI вв. явно под влиянием своего реймского предшественника⁸, наряду с огромным количеством самых разнообразных юридических текстов (варварских правд, капитуляриев, пактов, постановлений синодов) содержал уже несколько иные и значительно более концептуальные исторические вставки. В начале приводится список имен франкских правителей (*nomina regum qui super Francos regnaverunt*) от легендарного Фарамунда до Хильдерика III и Пипина Короткого в краткой (5r col. 1–2) и пространной (5v col. 1 — 6v col. 1) редакциях с указанием годов их правления, количеством сыновей и упоминанием некоторых фактов политической истории. Здесь же перечислены римские правители Галлии: Аланий, Пабол, Эгетий и Сиагрий, «при котором римляне утратили королевство» (*per quem Romani regnum perdiderunt*). Характерно, что передача власти у франков и римлян описывается капетинскими редакторами в категориях кровного родства как семейное достояние, переходящее от отца к сыновьям⁹. С римским сюжетом связана так называемая «таблица народов»¹⁰. После Сиагрия перечислены три человека (возможно, составители считали их сыновьями римского наместника), от которых берут начало тринадцать европейских народов. От старшего, Эрмения произошли готы, валаготы, вандалы, гепиды и саксы. От среднего, Ингона, — бургунды, тюринги, лангобарды и ба-

⁸ По содержанию кодекс BN lat. 4628A во многом совпадает с кодексом BN lat. 10758. А местами здесь прослеживается одинаковый порядок текстов.

⁹ «*Primus rex Francorum Faramundus. Secundus Chlodovecus filius eius. Tertius Merovius filius Chlodoveci...*» (fol. 5r col. 1). Ср.: «*Primus rex Romanorum Allanius dictus est. Allanius genuit Pabolum. Pabolus Egetium. Egetius genuit Egegium. Egegius genuit Siagrium*» (fol. 5r col. 2).

¹⁰ О «таблице народов» подробнее см.: *Goffart W. The supposedly «Frankish» table of nations: an edition and study // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 17. 1983. P. 98–130.*

вары. От младшего, Эсциона, — римляне, бретонцы, франки и алеманны (5 r col. 2 — 5v col. 1). Таким образом, семья германских народов возводится к римским корням, а сами римляне причудливым образом оказываются «братьями», но не «родителями» германцев. Характерно, что все эти народы за исключением, пожалуй, только вандалов, оказались в подчинении у франков. Иными словами, эта вставка была призвана, с одной стороны, обосновать кровное родство народов, населявших Франкское королевство, с другой, — объяснить допустимость объединения выработанных ими юридических норм в рамках одного кодекса. Подобно своему реймскому предшественнику кодекс завершается *Vita Karoli* (174r—182v). Правда, *Vita* представлена здесь в сокращенном виде. Редактор ограничился лишь «политическими» главами сочинения Эйнхарда (гл. 1—16), в которых рассказывается о приходе Каролингов к власти, подчинении ими многочисленных «народов-братьев» и создании обширной империи. Напротив, главы, посвященные внутренним делам королевства, образу жизни и повседневным занятиям Карла, были опущены за ненадобностью, поскольку они ничего не давали для исторического контекста франкского права. Отметим также, что в сен-денийском компендиуме не наблюдается того забвения меровингского наследия, которое было характерно для современных ему исторических кодексов. Напротив, создается впечатление, что компиляторы стремились во всей полноте сохранить правовое богатство Меровингов и Каролингов. В конечном счете, кодекс имел целью сделать более фундаментальной правовую основу Капетингской монархии, в самом сердце которой он и был создан.

Наконец, памятники каролингской историографии иногда включались в кодексы религиозно-теологического содержания. Здесь можно привести два примера, правда, они оба относятся к первой половине XI в. В бургундском кодексе BN lat. 2664, созданном, вероятно, в Ключи, *Vita Karoli* Эйнхарда (32r—41r) соседствует с несколькими сочинениями жанра *passiones*, с мартирологием Григория Турского, трактатом Боэция «О музыке» и сочинением Григория Нисского в переводе Иоанна Скотта Эриугены. Кодекс BN lat. 5354, вышедший из мастерской Шампани или Иль-де-Франса, включает в себя три исторических текста: императорские биографии, написанные Эйнхардом (50r—61v)

и Астрономом (61v—85v), а также «Анналы» Флодоарда (21r—41r). Однако его основное содержание составляют *passiones*, мартирологий, несколько житий, повествование о чудесном освящении алтаря в Сансе и комментарий Хаймо Осерского на книгу Апокалипсиса. Чем объяснить такое соседство? Очевидно, биографии каролингских государей в ряде случаев могли восприниматься в качестве памятников агиографии, т. е. как религиозные тексты с функцией *memoria* и значительным дидактическим потенциалом. Хотя, как мы видели выше, в то же самое время эти сочинения рассматривались как исторические и попадали в одни кодексы с анналами и хрониками. Разумеется, агиография также являлась разновидностью историописания. Однако люди X—XI вв. ощущали разницу между «сакрализованной» историей, зафиксированной в житиях и историей «мирской», представленной в анналах и хрониках. Каролингские биографии оказывались, таким образом, вполне маргинальными памятниками раннесредневековой литературы.

Обзор кодексов на этом можно было бы закончить. Однако рукопись рубежа XI и XII вв. из Нормандии, хранящаяся ныне в Санкт-Петербурге (РНБ MS lat. O. v. IV. 1) дает еще один пример интерпретации памятников каролингской историографии, о котором следует упомянуть особо. В этом манускрипте содержатся т. н. «Мозельские анналы» (*Annales Mosellani*), которые охватывают 703—797 гг. (65v—72v). Их текст интересен сам по себе, поскольку скопирован с оригинала, восходящего к наиболее ранним формам европейской анналистики. Краткие комментарии для 703—713 гг. сообщают о смерти некоторых правителей, а также крупных церковных деятелей Англии, и таким образом указывают на островное происхождение первоисточника. Однако более примечательным оказывается кодикологический контекст анналов. Основное содержание кодекса составляют труды по хронологии: сочинения Беды (*De temporum ratione*; *Problematata de mensure temporum*; *De ratione computi*), таблицы лунных циклов и дней Пасхи, руководство для хронологических расчетов и сообщение о движении Солнца в созвездии Овна. Можно думать, что такое соседство также восходит к первоисточнику, — утраченной рукописи IX в. англо-саксонского происхождения, — и спустя несколько столетий оно все еще казалось вполне допус-

тимым для скрибов захолустной нормандской мастерской¹¹. Иными словами, ранняя анналистика воспринималась не в качестве жанра историографии, а, скорее, как средство учета времени, сопряженное, к тому же, с функцией *memoria*¹². Речь идет, разумеется, об историческом, т. е. линейном времени, которое отличалось от времени литургического, имевшего циклическую природу, и которое с VIII в. все больше христианизировалось. Каролинги совершили подлинный переворот в историописании, ок. 780-х гг. превратив анналистику в полноценный исторический нарратив, сделав ее средством пропаганды и отодвинув на периферию ее мемориальную природу. Однако уже к началу Х в. по мере разрушения каролингской государственности она возвращается к своим «примитивным» формам, от которых, строго говоря, никогда полностью не отходила, и существует в них на окраинах франкского мира по крайней мере еще двести лет. Можно думать, что ранняя или точнее неофициальная анналистика как разновидность историописания в качестве таковой не осмысливалась до конца даже в каролингское время. В кодексе из Сен-Медарда (РНБ MS lat. F. v. IV), восходящем к компендиуму Карла Лысого, между «Продолжением хроники Фредегара» (31v–35r) и «Анналами королевства франков» (37v–90v) помещены «Краткие Баварские анналы» (*Annales Bavarici breves*) (35r–36v). Они охватывают период с 532 по 811 гг. Однако на протяжении полутора столетий мы сталкиваемся лишь с перечнем дат. Первая «историческая» запись появляется только под 697 г. и сообщает о начале правления Пипина Старшего (*Pippinus senior regnare coepit*). Кроме нее существует еще шестнадцать таких же кратких заметок между 714 и 810 гг. Характерно, что составители решили поместить этот текст в кодекс, несмотря на то что предыдущее и последующее сочинения пол-

¹¹ О бедности скриптория свидетельствуют небольшие размеры кодекса (140×95 мм), плохое качество пергамента, отсутствие красок и архаический тип письма. Рукопись исполнена каролингским минускулом, а в манускриптах XII в. он встречается крайне редко.

¹² На связь ранней анналистики с культом мертвых обратила внимание Р. МакКиттерик. См.: *Innes M., McKitterick R. Op. cit.* Р. 199–201.

ностью перекрывали его своей информацией. Следовательно, их интересовали не столько записи, сколько сама хронологическая таблица, восходившая к временам сыновей Хлодвиг.

Характеристика структуры кодексов позволяет нарисовать, так сказать, общую картину использования исторических сочинений VIII–IX вв. в последующие столетия. Однако она не будет полной без учета того, каким образом позднейшие компиляторы воспроизводили содержание отдельных произведений. Разумеется, довольно часто переписчики полностью копировали имевшийся в их распоряжении текст. Например, без каких-либо существенных искажений представлены «Анналы королевства франков» в кодексах BN lat. 10911 и 15425; «Жизнеописание Карла Великого» — в кодексах BN lat. 2664, 4877, 5354, 5926, 5943A, 10758, 15425, РНБ lat. F. v. IV. 4; «Жизнеописание Людовика Благочестивого» — в кодексах BN lat. 5926, 5943A, 5943B, РНБ lat. F. v. IV. 4; «Деяния императора Людовика» — в кодексе BN lat. 15425. Даже если текст того или иного сочинения не полный, наличие в содержании лакун далеко не всегда указывает на сознательную редакторскую работу. Зачастую они могли объясняться плохим состоянием рукописи, с которой делалась копия. Так, хроника Регинона Прюмского в мецском кодексе XI в. (BN lat. 5017) обрывается на середине 905 г. и до «академического» издания ей не хватает небольшого фрагмента, доводящего рассказ до конца 906 г. Незначительные пробелы в «Истории» Нитхарда (14r col. 2; 15r col. 2), сохранившейся в единственной рукописи X в. из Сен-Медарда (BN lat. 9768), по-видимому, также восходят к первоисточнику¹³.

Впрочем, есть и противоположные примеры. Так, в историческом кодексе BN lat. 5943B воспроизводится рассказ «Анналов королевства франков» только для 768–814 гг., т. е. времени

¹³ Пропуски касаются исключительно географических названий. Последнюю книгу «Историй» Нитхард писал уже будучи удаленным от двора Карла Лысого. Сомневаясь в твердости своей памяти и не имея под рукой документов, он оставил в рукописи места для того, чтобы внести недостающие сведения позднее. Переписчик, копирующий рукопись, сохранил тот же объем пробелов, варьировавшихся от одного слова до нескольких строк.

правления Карла Великого. Рассказ о восхождении Каролингов к трону оставлен без внимания как, видимо, не слишком актуальный для капетингской аристократии конца XII в. Сообщения *Анналов* под 815—829 гг. не попали в кодекс по той причине, что они полностью перекрывались исчерпывающим повествованием *Астронома*. Анонимный биограф Людовика Благочестивого воспроизвел, по сути, тот же материал, но выстроил его более концептуально. В юридическом кодексе BN lat. 4628A, где, как уже было сказано выше, составители усилили историческую основу по сравнению с BN lat. 10758, из *Vita Karoli* сознательно были заимствованы исключительно «политические» главы (гл. 1—16). Все прочее, не работавшее на «исторический фон», оставлено без внимания.

Редакторская работа могла проводиться и без сокращения оригинального текста, однако, быть при этом вполне концептуальной. Первоначально в кодексе BN lat. 10758, созданном, как уже было сказано, в окружении Гинкмара Реймского, *Vita Karoli* завершала собрание юридических текстов. С самого начала ей отводилось особое место. На это косвенно указывает другая линовка тетрадей, делившая лист на 25 строк вместо 24, как во всем остальном кодексе. «Жизнеописание Карла» воспроизводилось вместе с завещанием, и было переписано одной рукой: именно таким образом располагал копиист. Однако редактор, пролистав рукопись, предписал внести в нее существенное изменение. Он приказал отрезать предыдущие четыре листа, содержавшие Равеннский коронационный протокол и фрагмент сочинения Бенедикта Левита (Р. 329—336), и вшить их между завещанием (Р. 337—339) и основным текстом *Vita* (Р. 305—328)¹⁴. Это было сделать тем легче, что завещание начиналось с новой тетради. Чтобы у переплетчиков не оставалось сомнений относительно места вшивания листов, в конце предыдущей тетради редактор сделал маргинальную пометку, написав мелким почерком «finita» (Р. 328). Кодекс составляли, по меньшей мере, десять переписчиков. Кроме того, на полях имеется довольно много маргиналий, написанных другими руками IX в. Но «finita» не принадлежит ни одной из них. Можно высказать предполо-

¹⁴ В кодексе BN lat. 10758 идет постраничная нумерация, а не по листам, как принято обычно.

жение, что эту пометку сделал сам Гинкмар. Большой знаток в области права, он вполне мог воспринимать завещание как самостоятельный юридический документ, и в то же время имел достаточно власти, чтобы настоять на частичной переделке уже готового кодекса. К сожалению, мы не располагаем подлинным автографом реймского архиепископа. Ему, правда, приписываются многочисленные маргиналии на полях его же сочинения *De divortio Lotharii* в рукописи BN lat. 2866. Однако, насколько я могу судить, рука, начертавшая «*finita*», была другой.

Редакторская правка не ограничивалась сокращением оригинального текста или перемещением его фрагментов. Иногда в него вносились более или менее обширные интерполяции. Примеры, приведенные ниже, демонстрируют еще один способ адаптации памятников каролингской историографии к нуждам их позднейшей аудитории. Исторический компендиум из Сен-Медарда (РНБ lat. F. v. IV. 4) в XII в., очевидно, оказался в распоряжении графов Булонских. Новые владельцы не преминули обратить столь обстоятельное повествование о славном каролингском прошлом Франции к своей пользе. В «Анналах королевства франков» под 750–752 гг. отсутствуют какие-либо сообщения. Однако редактор X в. не был вполне в этом уверен и, очевидно, полагал, что пропуск обусловлен неосведомленностью предшествующих составителей. Рассчитывая восполнить пробел в будущем, он оставил чистой примерно страницу с небольшим. В XII в. сюда была вставлена генеалогия Каролингов и графов Булонских, доведенная до 1136 г., а затем продолженная до 1179/1180 гг. (38r–39r). Таким образом, редакторы утверждали знатность и древность графского рода, буквально вписывая его историю в древнее сочинение. Характерно, что в этом кодексе имелась другая генеалогия Каролингов. Как уже отмечалось, она завершала собрание текстов. Кажется, логичней было бы продолжить именно ее, не экономя места и подшивая к последней странице сколько угодно листов. Тем не менее, редакторы отдали предпочтение Анналам, очевидно, как наиболее читаемому тексту. Скорее всего, генеалогия, помещенная внутри этого авторитетного сочинения, обретала в глазах читателей дополнительную состоятельность по сравнению с отдельно стоящей. Кроме того, она имела гораздо больше шансов быть воспроизведенной, а, следовательно, актуа-

лизированной. Отметим, также, что интересы аристократического семейства не простирались за границы времени правления Каролингов. Иными словами, мы наблюдаем здесь ту же картину, что и в случае с отбором материала для кодексов XII в.

Другой пример адаптации дает «Жизнеописание Людовика Благочестивого», помещенное в сен-жерменский кодекс второй половины XI в. BN lat. 12711. Сочинение Астронома здесь изрядно сокращено. Редакторы полностью опустили главы 25–27, 30–31, 33–41, а также некоторые фрагменты глав 28–29, 32 и 42. В этом можно усмотреть желание избежать фактических повторов и по возможности сохранить оригинальный материал, так как *Vita* соседствует с «Деяниями франков» Аймонна, повествующими примерно о тех же событиях. Однако это не все. Поскольку кодекс составлял кто-то из монахов Сен-Жермен-де-Пре, к тому же имевший доступ к монастырским архивам, он постарался максимально приспособить «Жизнеописание» к нуждам собственного монастыря. В рассказы о Карле Великом (гл. 4), Людовике Благочестивом (гл. 28) и Пипине Аквитанском (гл. 56) редактор вставил несколько фраз о том, как короли заботились об обители, и в доказательство привел несколько подлинных дипломов, подтверждавших пожалования земель и привилегий (126v–127v; 133v–134v; 141r–142r). По всей видимости, его основная задача заключалась именно в этом. Характерно, что в довольно пространном сочинении Астронома монастырь Сен-Жермен ни разу не упомянут, а из всех его аббатов по имени назван только один — Хильдвин. Действительно, этот человек был очень влиятельной персоной в 820–840 гг., занимал пост королевского архикапеллана и управлял многими монастырями, включая Сен-Жермен. Однако в тексте он фигурирует исключительно в качестве аббата Сен-Дени. Данное обстоятельство не смутило редактора. Предваряя диплом Пипина, он сообщил, что именно Хильдвин убедил короля Аквитании возратить обители несправедливо присвоенные владения¹⁵. Между тем, у Астронома в качестве увещевателей

¹⁵ «Nam Hilduinus ibi affuit abbas utpote sacri capellanus palatii conquerens de quibusdam praediis pertinentibus ad ecclesiam sancti parisiensis Germani sitis in Aquitania quae Pippinus rex eidem abstulerat ecclesiae» (fol. 141r).

Пипина названы император Людовик и анонимные святые мужи. Никаких конкретных церковных земель автор, разумеется, не упоминает. Отметим, что, в отличие от сен-медардской рукописи, в которую графская генеалогия была интерполирована вполне механически, создатели сен-жерменского кодекса предпочли заново переписать текст с учетом новых вставок. Таким образом они стремились выдать новодел за оригинал. Можно предположить, что этот текст предназначался для читателей за пределами монастырских стен, для оппонентов обители или для демонстрации в суде. Очевидно, в этом случае монахам было легче обосновать собственные имущественные притязания.

Наконец, еще один пример адаптации можно обнаружить в суассонском кодексе X в. BN lat. 9768, в котором сохранилась единственная известная на сегодняшний день рукопись «Историй» Нитхарда (1r–18r). Создавая копию, переписчик сделал довольно значительную экстраполяцию в рассказ о проезде Карла Лысого через Суассон в конце августа 841 г. (11r col. 2)¹⁶. Кстати, этот город здесь упоминается только однажды. Воспользовавшись прибытием короля, монахи Сен-Медарда якобы обратились к нему с просьбой поучаствовать в перенесении мощей святых в новую, хотя и не до конца отстроенную, монастырскую церковь. Карл не только согласился принять участие в торжественной церемонии, но вдобавок еще подарил монастырю виллу Бернаха. Можно предположить, что именно эта вставка обеспечила известную сохранность рукописи на протяжении по крайней мере двух столетий. Она неизменно привлекала внимание монахов Сен-Медарда и даже подверглась редакционной правке. Первый копиист в силу объективных обстоятельств, — физического наличия мощей, — мог упомянуть имена всего трех святых — Медарда, Себастьяна и Онесма¹⁷. Однако в XI в.

¹⁶ Эта вставка была выявлена Е. Мюллером. См.: Müller E. Die Nithard-Interpolation und die Urkunden- und Legendenfälschungen im St. Medarduskloster bei Soisson // NA. № 34. 1909. S. 681–722.

¹⁷ О святых мощах монастыря Сен-Медард, времени их приобретения и составлении соответствующих житий подробнее см.: Müller E. Op. cit.; Saint-Médard. Trésors d'une abbaye royale / Ed. D. Defente. P., 1996. P. 61–62.

кто-то из читателей уже существенно расширил список, добавив имена Григория, Тибурция, Петра и Марцеллина, Марин, Марфы, Аудифакса, Абакука, Мересма и Леокадии. Для этого ему пришлось стереть часть текста, вынести одну фразу в подстрочник, а в имени Леокадии ограничиться лишь первым слогом. Новые добавления были сделаны в рукописи рукой XII в. Последний редактор дописал имя Леокадии и продолжил список святых на полях, упомянув Мариана, Пелагия, Мавра, Флориана с шестью братьями, Гильдарда, Серена и Ремигия. Последнего он сначала ошибочно идентифицировал с архиепископом Реймса, но затем исправил на епископа Руана. Более того, последний редактор красной краской вывел в тексте контуры трехнефной церкви. Рисунок как бы обрамлял имена святых, которые в ней покоились, т. е. буквально демонстрировал читателю, что мощи погребены именно здесь. Список на полях также был выделен красными чернилами. Скорее всего, это было сделано с целью облегчения поиска важной для братии информации. Таким образом, сочинение Нитхарда, повествующее о междоусобицах 820—840 гг., светское по своей природе и лишенное даже легкого налета монашеской религиозности, монахи Сен-Медарда использовали для прославления собственной обители, для доказательства многовекового владения мощами святых и, вероятно, в мемориальной практике. То обстоятельство, что в тексте нет ни одного упоминания даже имени монастыря, их не смущало.

Данный пример интересен и в ином отношении. Он показывает, насколько бережливо использовались в монастырях самые разные литературные произведения далеко не только религиозно-теологического содержания. Сочинение Нитхарда оказалось в Сен-Медарде случайно. Очевидно, незадолго до гибели автор сумел вернуться ко двору из изгнания и подарил свой труд Карлу Лысому, по поручению которого он и был написан. После смерти Карла его богатейшая библиотека была разделена между отдельными людьми и институтами¹⁸. Исторические сочинения, — кроме «Историй» Нитхарда там оказался и обширный

¹⁸ Успешную попытку реконструировать состав библиотеки Карла Лысого предприняла Р. МакКиттерик. См.: McKitterick R. Charles the Bald (823—877) and his library: the patronage of learning //

компендиум по истории франков, — попали в Сен-Медард, один из ведущих политических центров Западно-Франкского королевства во второй половине IX в.¹⁹ Несколько десятилетий спустя, когда монастырь оказался под властью графов Вермандуа, претендовавших на близкое родство с Каролингами, они были заново переписаны, а «Истории» еще и исправлены с учетом интересов обители. Как и в случае с сен-жерменским кодексом, трудно отделаться от мысли, что эти тексты предназначались не только для братии, но имели более широкую аудиторию, прежде всего семью графов, а с 1045 г. — вновь королевское окружение.

* * *

Характеристика содержания кодексов IX–XII вв. позволяет сделать некоторые выводы относительно обстоятельств, побуждавших их создателей обращаться к историческим произведениям каролингского времени. Чаще всего мы имеем дело с политической конъюнктурой. Истории, хроники, *Vitae* использовались для легитимации властных притязаний новой королевской династии и консолидации вокруг трона части высшей аристократии. Однако если в IX в. составителей волновала проблема преемственности власти Каролингов от Меровингов, то в XI–XII вв. воспоминания о меровингском прошлом постепенно вытеснялись из исторического сознания социальной элиты. Ее внимание все больше акцентировалось на 770–840 гг., т. е. на времени наивысшего расцвета Франкского королевства. В свою очередь, сам этот период ставился в более широкий исторический контекст и рассматривался в качестве одного из важнейших звеньев древней истории. Напротив, в области права Капетинги демонстрировали приверженность не только каролингскому, но и меровингскому наследству. А законодательные памятники, дополненные историографическими текстами, обретали подлинно исторический фундамент. Что касается религиозно-церковной сферы, то здесь

McKitterick R. *The Frankish Kings and Culture in the Early Middle Ages*. Adelshot, 1995. V (Р. 28–47).

¹⁹ Об истории монастыря Сен-Медард, его роли в политической, религиозной и культурной жизни Франции подробнее см.: Saint-Médard...

использование каролингских исторических сочинений в последующие столетия было относительно редким явлением и в целом носило маргинальный характер. Включение в кодексы наряду с *passiones*, житиями, мартирологиями, экзегетическими и теологическими трактатами императорских биографий преследовало скорее мемориальные и образовательные цели, нежели выражало желание придать им исторической основательности.

Позднейшие компиляторы не стремились сохранить оригинальные тексты в первоначальном виде, но довольно часто расчленяли и заново компоновали их по собственному усмотрению. При составлении кодексов целостная авторская концепция легко приносилась в жертву фактографической последовательности рассказа или конкретным конъюнктурным соображениям, например, созданию «исторического фона». Кроме того, редакторы стремились максимально полно адаптировать имевшиеся в их распоряжении произведения для интересов конкретных микрогрупп, чаще всего собственных монастырей, внося соответствующие исправления и дополнения в текст. Это обстоятельство полнее других демонстрирует, насколько велико было доверие к письменному слову у людей высокого средневековья. Но одновременно с ним была очень сильна тяга к фальсификации, переписыванию, изменению, реконструкции фрагментов реальности, зафиксированной в текстах. Последние же оказывались весьма гибкими и подвижными. Широко применявшиеся вставки и купюры, а также перестановка отдельных частей, по сути, приводили к созданию новых произведений, адекватно отвечавших потребностям аудитории. Думается, что современным историкам следует уделять больше внимания данному обстоятельству и по возможности скорректировать свой исключительный интерес к «оригинальным» сочинениям в пользу «интерпретаций». Что касается собственно исторического знания, то оно было в высшей степени востребованным в самых разных областях социальной жизни и легко пересекало границы политики, права, имущественных отношений, религии и образования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СВ	— Средние века
ФЕ	— Французский ежегодник
AfB	— Archiv für Begriffsgeschichte
AfK	— Archiv für Kulturgeschichte
BECH	— Bibliothèque de l'École des Chartes
BHR	— Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance
BRG in us. schol.	— Bibliotheca rerum Germanicarum in usum scholarum
DA	— Deutsches Archiv für die Erforschung des Mittelalters
FdG	— Forschungen zur deutschen Geschichte
HdJ	— Heidelberger Jahrbücher
HJ	— Historisches Jahrbuch
HZ	— Historische Zeitschrift
LdM	— Lexikon des Mittelalters
MA	— Le Moyen Âge
MGH	— Monumenta Germaniae Historica
SS	— Scriptores
SSrG in us. schol.	— Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum
Poet. lat.	— Poetae latini
Epist.	— Epistolae
MS	— Medieval Studies
NA	— Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde
PL	— Patrologiae cursus completus... series latina / Ed. J. Migne
RBPH	— Revue belge de philologie et d'histoire
RH	— Revue historique
WaG	— Die Welt als Geschichte
ZfG	— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Рукописи

1. Bibliothèque Nationale, Paris: BN lat. 2664, 4628 A, 4877, 5017, 5018, 5926, 5354, 5943 A, 5943 B, 9768, 10758, 10911, 12711, 15425.
2. Российская Национальная Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Санкт-Петербург: MS lat. F. v. IV. 3, MS lat. F. v. IV. 4, MS lat. O. v. IV. 1, MS lat. Q. v. I. 20.

Источники

1. Annales Bertiniani // MGH. SS. T. 1. P. 419–515.
2. Annales regni Francorum / Hg. F. Kurze (MGH. SSrG in us. schol.). Hannover, 1895.
3. Annales Vedastini // MGH. SS. T. 1. P. 516–531.
4. Annales Xantenses // MGH. SS. T. 2. P. 217–235.
5. Anonymus. Vita Hludowici imperatoris / Hg. G. Pertz // MGH. SS. T. 2. P. 604–648.
6. Anonymus. Vita Hludowici imperatoris / Hg. R. Rau // Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte. Bd. 1. Berlin, 1958. S. 258–381.
7. Astronomus. Vita Hludowici imperatoris / Hg. und üders. von E. Tremp // Thegan. Die Taten Kaiser Ludwigs. Astronomus. Das Leben Kaiser Ludwigs (MGH. SSrG in us. schol.). Hannover, 1995. S. 280–555.
8. Caesar Gaius Iulius. Belli Gallici libri VII. Freiburg; Tübingen, 1882.
9. Catalogus abbatum Fuldensium // MGH. SS. T. 13. P. 272–274.
10. Carmina Alchvini // MGH. Poet. lat. T. 1. P. 160–351.

11. Carmina Theodulfi // MGH. Poet. lat. T. 1. P. 437–581.
12. Einhard. Quaestio de adoranda cruce // MGH. Epist. T. 5. P. 146–149.
13. Einhard. Translatio et Miracula ss. Marcellini et Petri // MGH. SS. T. 15. P. 239–264.
14. Einhard. Vita Karoli Magni / Hg. G. Pertz // MGH. SS. T. 2. P. 443–463.
15. Einhart. Vita Karoli Magni / Éd. Ph. Jaffé (BRG in us. schol.). Berlin, 1867.
16. Einhard. Vita Karoli Magni / Hg. O. Holder-Egger (MGH. SSrG in us. schol.). Hannover; Leipzig. 1911.
17. Eginhard. Vie de Charlemagne / Éd. L. Halphen. P., 1947 (3 ed.).
18. Einhard. Vita Karoli Magni / Hg. R. Rau // Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte. Bd. 1. Berlin, 1958. S. 163–211.
19. Ekkehard IV. Casus s. Galli / Hg. G. Pertz // MGH. SS. T. 2. P. 74–147.
20. Epistola Alchvini // MGH. Epist. T. 4. P. 1–493, 614–616; T. 5. 643–645.
21. Epistola Einhardi // MGH. Epist. T. 5. P. 105–145.
22. Epistolae Lupi abbatis Ferrariensis // MGH. Epist. T. 6. № 1.
23. Epitaphium Einhardi // MGH. Poet. lat. T. 2. P. 237–238.
24. Erchanbert. Breviarium // MGH. SS. T. 2. P. 328–330.
25. Ermoldus Nigellus. In honorem Hludowici christianissimi Caesaris Augusti carmen // MGH. Poet. lat. T. 2. P. 5–79.
26. Ex translatione ss. Chrisanti et Dariae // MGH. SS. T. 15. P. 375.
27. Gerward. Versus // MGH. Poet. lat. T. 2. P. 126.
28. Gesta abbatum Fontanellensium // MGH. SS. T. 2. P. 270–301.
29. Gregorii episcopi Turonensis. Historiarum libri decem. T. I. B., 1956.
30. Hariulf. Chronicon Centulense. P., 1894.
31. Micon. Epitaphium Nithardi // MGH. Poet. lat. T. 3. P. 310–311.
32. Mittelalterliche Bibliothekskataloge Deutschlands und der Schweiz / Hg. P. Lehmann. München, 1918. Bd. 1.

33. Monachus Sangallense. De gestis Karoli imperatoris libri duo / Ed. G. Pertz // MGH. SS. T. 2. P. 726–763.
34. Nithard. De dissensionibus filiorum Ludovici Pii / Ed. J. Migne // PL. T. CXVI. Col. 46–76.
35. Nithard. Historiarum libri IIII / Hg. G. Pertz // MGH. SS. T. 2. P. 649–672.
36. Nithard. Historiarum libri IIII / Hg. E. Müller // MGH. SSrG. Hannover, 1907.
37. Nithard. Historiarum libri IIII / Hg. R. Rau // Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte. Bd. 1. Berlin, 1958. S. 385–431.
38. Nithard. Histoire des fils de Louis le Pieux / Éd. Ph. Lauer. P., 1926.
39. Notker. Gesta Karoli Magni / Ed. R. Rau // Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte. Bd. 3. Berlin, 1960. S. 322–427.
40. Notker Balbulus. Gesta Karoli Magni imperatoris / Ed. H. F. Haefele (MGH. SSrG). München, 1959.
41. Paulus Diaconus. Gesta episcoporum Mettensium / Hg. G. Pertz // MGH. SS. T. 2. P. 260–268.
42. Regino. Chronicon / Hg. G. Pertz // MGH. SS. T. 1. P. 537–612.
43. Regino. Chronicon / Hg. F. Kurze (MGH. SS. in us. schol.). Hannover, 1890.
44. Regino. Chronicon / Hg. R. Rau // Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte. Bd. 3. Berlin, 1960. S. 179–319.
45. Rhytmus de passione Christi martyrum Marcellini et Petri // MGH. Poet. lat. T. 2. P. 125–135.
46. Suetonius Tranquillus. Collected works. Vol. 1–2. Cambridge; L., 1979.
47. Sulpicius Severus. Vita beati Martini // PL. T. 20. Col. 159–176.
48. Tacitus Publius Cornelius. Germania. Lipsiae, 1940.
49. Thegan. Vita Hludowici imperatoris / Hg. G. Pertz // MGH. SS. T. 2. P. 585–604.
50. Thegan. Vita Hludowici imperatoris / Hg. R. Rau // Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte. Bd. 1. Berlin, 1958. S. 216–253.
51. Thegan. Gesta Hludowici imperatoris / Hg. und übers. von E. Tresp // Thegan. Die Taten Kaiser Ludwigs... S. 168–259.

52. Urkundenbuch des Klosters Fulda / Hg. E. E. Stengel. Marburg, 1958. Bd. 1.
53. Vita s. Magnerici auctore Eberwino // MGH. SS. T. 8. P. 208–209.
54. Walafrid Strabo. Ad Deganum chorepiscopum Trevirensem in persona Tattonis // MGH. Poet. lat. T. 2. P. 351–352; Epist. T. 5. P. 337.

Переводы на русский язык

1. Аноним. Жизнь императора Людовика / Пер. с лат. и коммент. А. В. Тарасовой // Историки эпохи Каролингов / Отв. ред. А. И. Сидоров. М., 1999. С. 37–94, 238–240.
2. Ведастинские анналы / Пер. с лат. и коммент. А. И. Сидорова // Историки эпохи Каролингов... С. 161–185, 258–266.
3. Ксантенские анналы / Пер. с лат. и коммент. А. И. Сидорова // Историки эпохи Каролингов... С. 143–158, 250–258.
4. Нитхард. История в четырех книгах / Пер. с лат. и коммент. А. И. Сидорова // Историки эпохи Каролингов... С. 97–140, 240–250.
5. Народные предания о Карле Великом, ближайшие к нему по времени. Монах Сангалленский / Пер. М. М. Стасюлевича // Стасюлевич М. М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. СПб.; Пг. Разн. изд. Т. II. С. 88–110.
6. Серват Луп. Письмо I. Дражайшему Эйнхарду / Пер. с лат. Н. В. Ревякиной // Антология педагогической мысли христианского средневековья. Т. 1. М., 1994. С. 342–344.
7. Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980.
8. Теган. Деяния императора Людовика / Пер. с лат., коммент., науч. статья А. И. Сидорова. СПб., 2003.
9. Эгинхард. Жизнь Карла Великого / Пер. М. М. Стасюлевича // Стасюлевич М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 587–589; Т. 2. С. 12–31.
10. Эйнгарт. Жизнь Карла Великого / Пер. с лат. и коммент. А. П. Левандовского // Левандовский А. П. Карл Великий. М., 1999. С. 154–180.

11. Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. с лат. и коммент. М. С. Петровой // Историки эпохи Каролингов... С. 7–34, 223–238.

Литература

1. Аверинцев С. С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья (общие замечания) // Античность и Византия. М., 1975. С. 266–288.
2. Аверинцев С. С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 17–64.
3. Барз М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.
4. Беркут Л. Н. Возникновение и характер средневековой анналистики. Варшава, 1910.
5. Беркут Л. Н. Карл Великий, франкская образованность и литература его времени. Варшава, 1912.
6. Беркут Л. Н. Памятники латеранской историографии. Варшава, 1911.
7. Беркут Л. Н. Христианские легенды и жития святых ранней эпохи средних веков. Варшава, 1911.
8. Бершин В. Латинская литература в Санкт-Галлене // Культура аббатства Санкт-Галлен. Баден-Баден; Цюрих, 1996. С. 145–156.
9. Бессмертный Ю. Л. Метод // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 2000. С. 16–26.
10. Бессмертный Ю. Л. Что за «Казус»? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / Под ред. Ю. Л. Бессмертного и М. А. Бойцова. 1996. М., 1997. С. 7–24.
11. Бессмертный Ю. Л. Мир глазами знатной женщины IX в. // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 83–107.
12. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры (1912). СПб., 1995 (2-е изд.).

13. Блок М. Апология истории или Ремесло историка. М., 1986.
14. Блок М. Феодальное общество. М., 2003.
15. Бойцов М. А. Вперед к Геродоту! // Казус. 1999. М., 1999. С. 17–41.
16. Бойцов М. А. Не до конца забытый медиевист из эпохи русского модерна // Карсавин Л. П. Монашество в средние века. М., 1992. С. 3–33.
17. Бородин О. Р. Итальянский историк IX в. Ангелл из Равенны и его мировоззрение // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1981. С. 49–66.
18. Бородин О. Р. Средневековые «книги понтификов» — формирование историографического жанра // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 64–72.
19. Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964.
20. Волкова Э. Н. Эпос Франции. История и язык французских эпических сказаний. М., 1984.
21. Вязигин А. С. Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого. СПб., 1912.
22. Гаспаров М. Л. Каролингское Возрождение (VIII–IX вв.) // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. М., 1970. С. 223–242.
23. Гири П. Память // Словарь средневековой культуры / Под ред. А. Я. Гуревича. М., 2003. С. 342–348.
24. Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972.
25. Гуревич А. Я. История и сага. М., 1972.
26. Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.
27. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984 (2-е изд.).
28. Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII в.). М., 1989.
29. Гуревич А. Я. О соотношении народной и ученой традиции в средневековой культуре (Заметки на полях книги Жака Ле Гоффа) // ФЕ. 1982. М., 1984.

30. Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
31. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
32. Гуревич А. Я., Гуревич Е. А. Сага // Словарь средневековой культуры... С. 438—446.
33. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
34. Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. М., 1979.
35. Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. М., 1985.
36. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). М., 1998.
37. Даркевич В. П. Народная культура средневековья. М., 1988.
38. Дворецкая И. А. Западная Европа V—IX вв. М., 1990.
39. Дворецкая И. А. Павел Варнефрид как историк и этнограф (к вопросу о влиянии позднеримской культуры на мировоззрение писателя) // Античный мир и археология. Саратов, 1979. С. 31—62.
40. Добиаш-Рождественская О. А. История Корбийской мастерской письма. Л., 1934.
41. Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии (1923). М., 1987 (2-е изд.)
42. Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского средневековья. Научное наследие. М., 1987.
43. Добиаш-Рождественская О. А. Мастерские письма на заре западного средневековья. Л., 1930.
44. Другие средние века: к 75-летию А. Я. Гуревича. М., 2000.
45. Дуфт И. Ирландские монахи и ирландские рукописи в Санкт-Галлене // Культура аббатства Санкт-Галлен... С. 119—128.
46. Дубровский И. В. Историография // Словарь средневековой культуры... С. 199—208.
47. Егоров Д. Н. Средние века. Историография и источниковедение. Ч. 1—2. 1912/1913 уч. год.
48. Зверева В. В. Аллегии в каролингской культуре (на примере сочинений Рабана Мавра) // Карл Великий: реалии и мифы... С. 94—105.

49. Историк в поиске / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1999.
50. Историки эпохи Каролингов / Отв. ред. А. И. Сидоров. М., 1999.
51. История Европы. Т. 2. М., 1992.
52. История ментальностей. Историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
53. Источниковедение / Данилевский И. Н. и др. М., 2000.
54. Карл Великий: реалии и мифы. М., 2001.
55. Копосов Н. Е. Как думают историки. М., 2001.
56. Королев Г. И. Медиевистическая археография за рубежом. Труды XVI–XVIII вв. М., 2001.
57. Косминский Е. А. Историография средних веков. V — середина XIX в. М., 1963.
58. Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998.
59. Культура аббатства Санкт-Галлен. Баден-Баден; Цюрих, 1996.
60. Левандовский А. П. Карл Великий. М., 1999.
61. Левандовский А. П. Эйнгард и каролингская традиция. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1946.
62. Ле Гофф Ж. Другое средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000.
63. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века. Долгопрудный, 1997.
64. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
65. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.
66. Лучицкая С. И. Культура и общество в средние века. М., 1994.
67. Лучицкая С. И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.
68. Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
69. Мельникова Е. А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987.
70. Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986.
71. Мелетинский Е. М. Героический эпос // Словарь средневековой культуры... С. 107–112.

72. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М., 1994.
73. Мелетинский Е. М. Предки Прометея (культурный герой в мифе и эпосе) // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998. С. 334–359.
74. Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.
75. Мильдон В. И. Летопись и хроника — два образа истории // Культура и искусство западноевропейского средневековья. М., 1981. С. 351–373.
76. Некрасова М. Б. Средневековые хронисты // Историки мира. Вып. 1. М., 1998. С. 51–59.
77. Оксенбайн П. Обучение и преподавание в монастыре св. Галла // Культура аббатства Санкт-Галлен... С. 133–144.
78. Осокин Н. А. Очерк средневековой историографии. Казань, 1888.
79. Парамонова М. Ю. Славянский восток в хронике Титмара Мерзебургского. Образ «инога» на пересечении идеологии и риторики // Одиссей. 1998. М., 1999. С. 26–55.
80. Перлов А. М. Пресвитер Рудольф и его место в фульдской историографической традиции // СВ. Вып. 60. М., 1997. С. 73–88.
81. Перлов А. М. Чтение // Словарь средневековой культуры... С. 573–575.
82. Петрова М. С. Эйнхард — биограф Карла Великого // Карл Великий: реалии и мифы... С. 57–74.
83. Поньон Э. Повседневная жизнь Европы в 1000 году. М., 1999.
84. Рамм Б. Я. «Каролингское возрождение» и проблемы школьной образованности в раннем средневековье // Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. М. Н. Покровского. 1940. Т. 5. С. 89–115.
85. Рикер П. Историописание и репрезентация прошлого // Анналы на рубеже веков: Антология. М., 2002. С. 23–41.
86. Рихтер М. Латынь — ключ к пониманию мира раннего средневековья? // Одиссей. М., 1991. С. 125–136.
87. Рихтер М. Устная и письменная культуры средневековья: сиамские близнецы? // Другие средние века... С. 288–296.

88. Ронин В. К. Светские биографии в каролингское время: «Астроном» как историк и писатель // СВ. Вып. 46. М., 1983. С. 165–183.
89. Сидоров А. И. «Астроном» как писатель и историк: опыт культурно-антропологического прочтения каролингской биографии // Европа: Международная альманах. Вып. 3. Тюмень, 2003. С. 5–19.
90. Сидоров А. И. «Ближний круг» франкского короля в первой половине IX века: поведенческие идеалы и культурная практика (по материалам хроники Нитхарда) // Средневековая Европа: проблемы идеологии и политики. М., 2000. С. 80–102.
91. Сидоров А. И. Историки и их источники: о некоторых вопросах историописания в каролингскую эпоху // *Historia animata*. Ч. 3. М., 2004. С. 6–21.
92. Сидоров А. И. Каролингская аристократия глазами современников // ФЕ. М., 2001. С. 36–53.
93. Сидоров А. И. Каролингские *milites* и *nobiles*: к вопросу о предыстории средневекового европейского рыцарства // Одиссей. Человек в истории. 2004. М., 2004. С. 36–46.
94. Сидоров А. И. К вопросу о культуре чтения в каролингскую эпоху // Мир истории и история мира в раннесредневековой Европе. Иваново, 2005. С. 73–86.
95. Сидоров А. И. Мир глазами монаха (по материалам хроники Регинона Прюмского) // *Homo Historicus*. Кн. 1. М., 2003. С. 396–415.
96. Сидоров А. И. Представление об «общем благе» в сочинении раннесредневекового хрониста Нитхарда // Науч. тр. Моск. пед. гос. ун-та. Серия: социально-политические науки. М., 2000. С. 190–197.
97. Словарь средневековой культуры / Под ред. А. Я. Гуревича. М., 2003.
98. Стасюлевич М. М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. СПб.; Пг. Разн. изд. Т. I–III.
99. Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Л., 1984.
100. Тейс Л. Наследие Каролингов. М., 1993.

101. Уваров П. Ю. Апокатастасис, или Основной инстинкт историка // Историк в поиске... С. 184–206.
102. Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V — середина VII в.). М., 1989.
103. Усков Н. Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего средневековья. СПб., 2001.
104. Фортинский Ф. Я. Титмар Мерзебургский и его хроника. СПб., 1872.
105. Фортунатов А. А. Алкуин как деятель Каролингского возрождения // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та. 1941. Т. 3.
106. Фортунатов А. А. Алкуин и его ученики // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та. 1948. Т. 8.
107. Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах (со вступительной статьей В. М. Журминского). М., 1960.
108. Эггенбергер К. Книжное искусство в Санкт-Галлене // Культура аббатства Санкт-Галлен... С. 93–118.
109. Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI–XIII веков. Эпоха. Быт. Костюм. М., 1978.
110. Ampère J.-J. Histoire littéraire de la France sous Charlemagne et durant les X-e et XI-e siècles. P., 1870.
111. Anton H. H. Fürstenspiegel und Herrscherethos in der Karolingerzeit. Bonn, 1968.
112. Bähr I. Geschichte der römischer Literatur im karolingischen Zeitalter. Carlsruhe, 1840.
113. Banniard M. Viva Voce: communication écrite et communication orale du IV-e siècle en occident latin. P., 1992.
114. Barnes H. E. A History of Historical Writing. N. Y., 1963.
115. Baur F. C. Epochen der kirchlichen Geschichtsschreibung. Tübingen, 1852.
116. Bergmann R. Hutz «foras» in der Trierer Handschrift der Vita Hludowici des Astronomus // Zeitschrift für deutschen Altertum und deutsche Literatur. Wiesbaden, 1965. S. 17–21.
117. Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode. Leipzig, 1889.
118. Bernheim E. Die Vita Karoli Magni als Ausgangspunkt zur literarischen Beurteilung des Historikers Einhard // Histo-

- rische Aufsätze dem Andenken an G. Waitz gewidmet. Hannover, 1886. S. 73–96.
119. *Berschin W.* Biographie und Epochenstil im lateinischen Mittelalter. Bd. 3: Karolingische Biographie 750–920. Stuttgart, 1991.
 120. *Berschin W.* Personenbeschreibung der Biographie des frühen Mittelalters // Historiographie im frühen Mittelalter / Hg. A. Scharer und G. Scheibelreiter. Wien; München, 1994. S. 186–193.
 121. *Beumann H.* Geschichtsschreibung im frühen und hohen Mittelalter // Geschichtsschreibung. Epochen. Methoden. Gestalten. Düsseldorf, 1968. S. 72–85.
 122. *Beumann H.* Die Historiographie des Mittelalters als Quelle für Ideengeschichte des Königtums // Beumann H. Wissenschaft vom Mittelalter... S. 201–240.
 123. *Beumann H.* Ideengeschichtliche Studien zu Einhard und andere Geschichtsschreibern des früheren Mittelalters. Darmstadt, 1969.
 124. *Beumann H.* Methodenfragen der mittelalterlichen Geschichtsschreibung // Beumann H. Wissenschaft vom Mittelalter... S. 1–8.
 125. *Beumann H.* Der Schriftsteller und seine Kritiker im frühen Mittelalter // Beumann H. Wissenschaft vom Mittelalter... S. 9–40.
 126. *Beumann H.* Widukind von Korvei. Untersuchungen zur Geschichtsschreibung und Ideengeschichte des X Jh. Weimar, 1950.
 127. *Beumann H.* Wissenschaft vom Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze. Köln; Wien, 1972.
 128. *Bezzola R. R.* Les origines et la formation de la littérature courtoise en Occident (500–1200). Vol. 1. P., 1958.
 129. *Bischoff B.* Die Hofbibliothek Karls des Grossen // Karl der Grosse: Lebenswerk und Nachleben. Bd. 2. Düsseldorf, 1965. S. 42–62.
 130. *Bischoff B.* Die Hofbibliothek unter Ludwigs dem Frommen // Bischoff B. Mittelalterliche Studien. Bd. 3. Stuttgart, 1981. S. 170–186.

131. *Bischoff B.* Manuscripts and Libraries in the age of Charlemagne. Cambridge, 1994.
132. *Bossuat R.* Dictionnaire des lettres française. P., 1964.
133. *Bossuat R.* Le Moyen Âge (Histoire de la littérature française). P., 1955.
134. *Brincken von den A. D.* Studien zur lateinischen Weltchronistik bis in das Zeitalter Ottos von Freising. Düsseldorf, 1957.
135. *Brunhölzl F.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. München, 1975. Bd. 1; 1992. Bd. 2.
136. *Buchner M.* Entstehungszeit und Verfasser der «Vita Hludowici» des «Astronomen» // HJ. Bd. 60. 1940. H. 1/2. S. 14–45.
137. *Canisius H.* Antiquae lectionis tomus I. Ingolstadii, 1601.
138. Carolingian culture: emulation and innovation. Cambridge, 1994.
139. *Casaubonus I. C.* Suetoni Tranquilli de XII Caesarum libros VIII animadversiones. P., 1595.
140. Charlemagne's Heir. New Perspectives on the Reign of Louis the Pious (814–840). Oxford, 1990.
141. *Depreux Ph.* Nithard et la res publica: un regard critique sur le règne de Louis le Pieux // Médiévales. № 22–23 (printemps). 1992. P. 149–161.
142. *Depreux Ph.* Prosopographie de l'entourage de Louis le Pieux (781 — 840). Sigmaringen, 1997.
143. *Droysen J. G.* Historik, Vorlesungen über Encyklopädie und Methodologie der Geschichte. Weimar, 1937 (7 Aufl.).
144. *Dümmler E.* Geschichte des ostfränkischen Reiches. Bd. 1. Leipzig, 1888.
145. *Ebert A.* Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendlande. Bd. 1–2. Leipzig, 1880.
146. *Eggert W.* Das ostfränkisch-deutsche Reich in der Auffassung seiner Zeitgenossen. Wien; Köln; Graz, 1973.
147. *Eggert W.* Thegan // LdM. Bd. 8. München, 1987. S. 613.
148. Das Einhardkreuz / Hg. K Hauck. Göttingen, 1974.
149. *Esselborn K.* Einhards Leben und Werke. München, 1927.
150. *Ewig E.* Frühes Mittelalter. Düsseldorf, 1980.
151. *Fichtenau H.* Das karolingische Imperium. Soziale und geistige Problematik eines Grossreiches. Zürich, 1949.

152. *Fischer H.-D.* Monarchische Propaganda der Karolinger in der Historiographie // Publizistik. № 11. 1966. S. 131–144.
153. *Fleckenstein J.* Einhard, seine Gründung und sein Vermächtnis in Seligenstadt // Das Einhardkreuz... S. 96–121.
154. *Fleckenstein J.* Einhard // LdM. Bd. 3. München; Zürich, 1986. S. 1737–1739.
155. *Fleckenstein J.* Die Hofkapelle der deutschen Könige. Bd. 1. Stuttgart, 1959.
156. *Freise E.* Die Anfänge der Geschichtsschreibung im Kloster Fulda. Münster, 1979.
157. *Funck F.* Ludwig der Fromme. 1832.
158. *Ganshof F.-L.* L'historiographie dans la monarchie franque sous les Merovingiens et les Carolingiens. Monarchie franque unitaire et Francie occidentale // La storiografia altomedievale. Vol. 2. (Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto Medioevo, XVII). Spoleto, 1970. P. 631–685.
159. *Ganshof F.-L.* Eginhard, biograph de Charlemagne // BHR. № 13. 1951. P. 217–230.
160. *Ganshof F.-L.* Notes critiques sur Eginhard, biographe de Charlemagne // RBPH. № 3. 1924. P. 725–758.
161. *Ganshof F.-L.* Note critique sur la biographie de Nithard // Mélanges Paul Thomas. Brügge, 1930. P. 335–344.
162. *Ganz D.* Einhard's Vita Karoli Magni: Reception and Intention // A paper presented at King's College. L., 1996. P. 105–142.
163. *Gasparri St.* Paulus Diaconus // LdM. Bd. 6. München; Zürich, 1993. S. 1825–1826.
164. *Geary P.* Frümittelalterliche Historiographie // Historiographie im frühen Mittelalter / Hg. A. Scharer und G. Scheibelreiter. Wien; München, 1994. S. 539–542.
165. *Genicot L.* Les généalogies (Typologie des sources du Moyen Âge occidental). Turnhout, 1975.
166. *Gerberding R. A.* The Rise of the Carolingians and the Liber Historiae Francorum. Oxford, 1987.
167. Geschichtsdenken und Geschichtsbild im Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze und Arbeiten aus den Jaren 1933 bis 1959 / Hg. W. Lammers. Darmstadt, 1961.

168. Geschichtsschreibung. Epochen. Methoden. Gestalten. Düsseldorf, 1968.
169. Geschichtsschreibung und geistiges Leben im Mittelalter. Festschrift für H. Löwe zum 65. Geburtstag. Köln, 1978.
170. Goetz H.-W. Das Geschichtsbild Ottos von Freising: Ein Beitrag zur historischen Vorstellungswelt und zur Geschichte des XII Jh. Köln; Wien, 1984.
171. Goetz H.-W. Geschichtsschreibung und Geschichtsbewusstsein im hohen Mittelalter. Berlin, 1999.
172. Goetz H.-W. Historiographisches Zeitbewusstsein im frühen Mittelalter. Zum Umgang mit der Zeit in der karolingischen Geschichtsschreibung // Historiographie im frühen Mittelalter... S. 158–178.
173. Goetz H.-W. Nithard // LdM. Bd. 6. München; Zürich, 1993. S. 1201.
174. Goetz H.-W. Strukturen der spätkarolingischen Epoche im Spiegel der Vorstellungen eines zeitgenössischen Mönchs. Eine Interpretation der «Gesta Karoli» Notkers von Sankt Gallen. Bonn, 1981.
175. Goetz H.-W. Vorstellungsgeschichte // AfK. № 61. 1979. S. 253–271.
176. Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A. D. 550–800). Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Deacon. Princeton, 1988.
177. Goffart W. Paul the Deacon's «Gesta episcoporum Mettensium» and the early design of Charlemagne's succession // Traditio. Vol. XLII. 1986. P. 59–93.
178. Graus F. Die Herrschersagen des Mittelalters als Geschichtsquelle // AfK. Bd. 51. 1969. S. 65–93.
179. Graus F. Lebendige Vergangenheit. Überlieferung im Mittelalter und in den Vorstellungen vom Mittelalter. Köln; Wien, 1975.
180. Graus F. Mentalität in Mittelalter: Methodische und inhaltliche Probleme. Sigmaringen, 1987.
181. Grundmann H. Adelsbekehrung im Hochmittelalter // Grundmann H. Ausgewählte Aufsätze. T. 1. Stuttgart, 1976 (MGH. Schriften. Bd. 25. T. 1).

182. *Grundmann H.* Geschichtsschreibung im Mittelalter. Göttingen, 1965.
183. *Grundmann H.* Die Eigenart mittelalterlicher Geschichtsanschauung // Geschichtsdenken und Geschichtsbild im Mittelalter... S. 430–433.
184. *Grundmann H.* Die Grundzüge der mittelalterlichen Geschichtsanschauungen // Geschichtsdenken und Geschichtsbild im Mittelalter... S. 418–429.
185. *Guenée B.* Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. P., 1980.
186. *Guenée B.* Histoires, annales, chroniques. Essai sur les genres historiques au Moyen Âge // Annales. E. S. C. P., 1973. P. 997–1016.
187. *Guenée B.* Y a-t-il une historiographie médiévale? // RH. № 258. 1977. P. 261–275.
188. *Haefele H. F.* Notker I von St. Gallen // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon. Berlin; N. Y., 1987. Bd. 6. S. 1187–1210.
189. *Haefele H. F., Gschwind Ch.* Notker (Balbulus, «der Stammler») // LdM. Bd. 6. S. 1289–1290.
190. *Haefele H. F.* Studien zu Notkers Gesta Karoli // DA. № 15. 1959. S. 358–392.
191. *Haefele H. F.* Teufel und Dämon in der Gesta Karoli // Schweizerisches Archiv für Volkskunde. № 53. 1955. H. 1/2. S. 5–20.
192. *Haider S.* Zum Verhältnis von Kapellanat und Geschichtsschreibung im Mittelalter // Geschichtsschreibung und geistiges Leben im Mittelalter... S. 102–138.
193. *Halphen L.* Études critiques sur l'histoire de Charlemagne. P., 1921.
194. *Halphen L.* Le moine de Saint-Gall // RH. № 128. 1918. P. 260–298.
195. *Hampe K.* Zur Lebensgeschichte Einhards // NA. № 21. 1895. S. 599–631.
196. *Haselbach I.* Aufstieg und Herrschaft der Karolinger in der Darstellung der sogenannten Annales Mettenses priores. Lübeck; Hamburg, 1970.

197. *Hattung J.* Über Regino von Prüm // FdG. Bd. XVIII. 1878. Neudr.: Osnabrück, 1968. S. 365–367.
198. *Hauck K.* Das bisherige Ergebnis der Diskussion des Einhard-Bogen und Versuch einer Gesamtdeutung des Einhardskreuzes // Das Einhardkreuz... S. 13–32.
199. *Hay D.* Annalists and Historians. Western Historiography from the Eight to the Eighteenth Century. L., 1977.
200. *Hellmann S.* Ausgewählte Abhandlungen zur Historiographie und Geistesgeschichte des Mittelalters. Weimar, 1961.
201. *Hellmann S.* Einhards literarische Stellung // Hellmann S. Ausgewählte Abhandlungen... S. 159–229.
202. *Heuss A.* Überrest und Tradition. Zur Phänomenologie der historischen Quellen // AfK. № 25. 1935. S. 134–183.
203. *Heyse E.* Astronomus // LdM. Bd. 1. München; Zürich, 1980. S. 1153.
204. *Hilper F.* Die christliche Geschichtsanschauung. München, 1884.
205. Historiographie im frühen Mittelalter / Hg. A. Scharer und G. Scheibelreiter. Wien; München, 1994.
206. *Hoffmann H.* Untersuchungen zur karolingischen Annalistik. Bonn, 1958.
207. *Hoffmann H.* Karl der Grosse im Bilde der Geschichtsschreibung des frühen Mittelalters (800–1250). Berlin, 1919.
208. *Hupertz H.* Einhard und Notker Balbulus // Weltbild und Realität: Einführung in die mittelalterliche Geschichtsschreibung. Pfaffenweiler, 1992. S. 73–84.
209. The inheritance of historiography (350–900). Exeter, 1986.
210. *Innes M.* Memory, Orality and Literacy in an early Medieval Society // Past and Present. № 158. 1998. P. 3–36.
211. *Innes M.* Teutons or Trojans? The Carolingians and the Germanic past // The Uses of the Past in the Early Middle Ages. Cambridge, 2000. P. 227–249.
212. *Innes M.* Using the past, interpreting the present, influencing the future // The Uses of the Past... P. 1–8.
213. *Innes M., McKitterick R.* The Writing of history // Carolingian culture... P. 193–220.

214. *Iogna-Prat D.* La construction biographique du souverain carolingien // A la recherche de légitimités chrétiennes. Représentations de l'espace et du temps dans l'Espagne médiévale. (Actes du colloque tenu à la Casa de Velázquez 26–27 avril 2001). Madrid, 2003. P. 197–224.
215. *Kaiser R.* Die Gesta episcoporum als Genus der Geschichtsschreibung // Historiographie im frühen Mittelalter... S. 459–480.
216. *Kleinclausz A.* Eginhard. P., 1942.
217. *Knape J.* «Historie» im Mittelalter und früher Neuzeit. Begriffs- und gattungsgeschichtliche Untersuchungen im interdisziplinären Kontext. Baden-Baden, 1984.
218. *Kortüm H.-H.* Weltgeschichte am Ausgang der Karolingerzeit: Regino von Prüm // Historiographie im frühen Mittelalter... S. 499–513.
219. *Koselleck R.* Le futur passé. Contribution à la sémantique des temps historiques. P., 1990 (оригинальное издание 1979).
220. *Krah A.* Die Entstehung der «potestas regia» im Westfrankenreich während der ersten Regierungsjahre Kaiser Karls II (840–877). Berlin, 2000.
221. *Krüger K. H.* Die Universalchroniken (Typologie des sources du Moyen Âge occidental). Turnhout, 1976.
222. *Kuntzemüller O.* Nithard und sein Geschichtswerk. Jena, 1873.
223. *Kurze F.* Einhard. Berlin, 1899.
224. *Kurze F.* Handschriftliche Überlieferung und Quellen der Chronik Reginos und seines Fortsetzer // NA. Bd. 15. 1890. S. 295–312.
225. *Lacroix B.* L'historien au Moyen Âge. Montréal; P., 1971.
226. *Lacroix B.* The Notion of History in Early Medieval Historians // MS. № 10. 1948. P. 219–223.
227. *Lammers W.* Vestigia medievalia. Ausgewählte Aufsätze zur mittelalterlichen Historiographie, Landes- und Kirchengeschichte. Wiesbaden, 1979.
228. *Langosch K.* Profile des lateinischen Mittelalters. Darmstadt, 1967.
229. *Lasch B.* Erwachen und die Entwicklung der historischen Kritik im Mittelalter. Breslau, 1887.

230. *Laudage J.* Regino // LdM. Bd. 7. München, 1995. S. 579–580.
231. *Lehmann P.* Das literarische Bild Karls des Grossen vornehmlich im lateinischen Schrifttum des Mittelalters // Lehmann P. Erforschungen des Mittelalters. Bd. 1. Stuttgart, 1941. S. 154–213.
232. *Lehmann P.* Das Problem der karolingischen Renaissance // Lehmann P. Erforschungen des Mittelalters. Bd. 2. Stuttgart, 1959. S. 109–138.
233. *Lesne E.* Histoire de la propriété ecclésiastique en France. T. IV. Les livres, «scriptoria» et bibliothèques du commencement VIII-e à la fin du XI-e siècle. Lille, 1938.
234. *Lintzel M.* Die Entstehung von Einhards Vita Karoli // Lintzel M. Ausgewählte Schriften. Bd. 2. Berlin, 1968. S. 27–41.
235. *Lintzel M.* Zur Chronik Reginos von Prüm // Lintzel M. Ausgewählte Schriften. Bd. 1. Berlin, 1968. S. 299–301.
236. *Lorenz O.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit dem XIII Jh. Bd. 1–2. Berlin, 1886–1887.
237. *Losek F.* Die Spinne in der Kirchendecke — Eine St. Galler Klostersgeschichte (Notker, Gesta Karoli 1, 32) // Historiographie im frühen Mittelalter... S. 253–261.
238. *Löwe H.* Die Entstehungszeit der Vita Karoli Einhards // DA. № 39. 1983. H. 1. S. 85–103.
239. *Löwe H.* Geschichtsschreibung der ausgehenden Karolingerzeit // DA. № 23. 1967. S. 1–30.
240. *Löwe H.* Das Karlsbuch Notkers von Sankt Gallen und sein zeitgeschichtlicher Hintergrund // Löwe H. Von Cassiodor zu Dante. Berlin; N.Y., 1973. S. 123–148.
241. *Löwe H.* Regino von Prüm und das historische Weltbild der Karolingerzeit // Geschichtsdenken und Geschichtsbild im Mittelalter... S. 91–134.
242. *Löwe H.* Von Theoderich dem Grossen zu Karl dem Grossen. Das Werden des Abendlandes im Geschichtsbild des frühen Mittelalters // DA. № 9. 1952. S. 353–401.
243. *Manitius M.* Einhards Werke und ihr Stil // NA. № 7. 1882. S. 517–568.

244. *Manitius M.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd. 1–2. München, 1911.
245. *Manitius M.* Geschichtliches aus alten Bibliothekskatalogen // NA. № 16. 1890. S. 171–174.
246. *Manitius M.* Regino und Justin // NA. Bd. 25. 1899. S. 192–201.
247. *McCormick M.* Les annales du haut Moyen Âge (Typologie des sources du Moyen Âge occidental). Turnhout, 1975.
248. *Mcguire M. R. P.* Annals and Chronicle // New Catholic Encyclopedia. Vol. 1. N. Y., 1967. P. 551–556.
249. *McKitterick R.* The audience for Latin historiography in the early middle ages: text transmission and manuscript dissemination // Historiographie im frühen Mittelalter... S. 96–114.
250. *McKitterick R.* The Carolingians and the written word. Cambridge, 1989.
251. *McKitterick R.* Constructing the Past in the early Middle Ages: The Case of the Royal Frankish Annals // Transactions of the Royal Historical Society. Sixth series. VII. Cambridge, 1997. P. 101–129.
252. *McKitterick R.* The Frankish Kings and Culture in the Early Middle Ages. Adelshot, 1995.
253. *McKitterick R.* Text and Image in the Carolingian world // McKitterick R. The Frankish Kings... P. 297–318.
254. *Melville G.* System und Diachronie. Untersuchungen zur theoretischen Grundlegung geschichtsschreiberischen Praxis im Mittelalter // HJ. Bd. 95. 1975. S. 33–67, 308–341.
255. *Melville G.* Wozu Geschichte schreiben? Stellung und Funktion der Historie im Mittelalter // Formen der Geschichtsschreibung / Hg. R. Koselleck, H. Lutz und J. Rüsen. München, 1982. S. 86–146.
256. Le métier d'historien au Moyen Âge. Études sur l'historiographie médiévale / Ed. B. Guenée. P., 1977.
257. *Meyer von Knonau G.* Über Nithards vier Bücher Geschichte. Leipzig, 1886.
258. *Molinier A.* Les sources de l'histoire de la France des origines aux guerres d'Italie. 6 Vol. P., 1901–1906.

259. *Monod G.* Études critiques sur les sources de l'histoire mero-vingienne. P., 1872.
260. *Monod G.* Études critiques sur les sources de l'histoire carolingienne. P., 1898.
261. *Müller E.* Die Nithard—Interpolation und die Urkunden- und Legendenfälschungen im St. Medarduskloster bei Soisson // NA. № 34. 1909. S. 681—722.
262. *Nelson J. L.* History-writing at the courts of Louis the Pious and Charles the Bald // Historiographie im frühen Mittelalter... P. 435—442.
263. *Nelson J. L.* Perception du pouvoir chez les historiens du Haut Moyen Âge // La femme au Moyen Âge. Maubeuge, 1990. P. 75—85.
264. *Nelson J. L.* Politics and ritual in early medieval Europe. L., 1986.
265. *Nelson J. L.* Public Histories and Private History in the Work of Nithard // Speculum. № 60/2. 1985. P. 251—293.
266. *Nelson J. L.* A Tale of Two Princes: Politics, Text and Ideology in a Carolingian Annal // Studies in Medieval and Renaissance History. Vol. 10. 1988. P. 105—141.
267. The New Cambridge Medieval History. Vol. 2 (c. 700 — c. 900) / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1995.
268. *Oexle O. G.* Die Karolinger und die Stadt des heiligen Arnulf // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 1. Berlin, 1967. S. 250—364.
269. *Ondraček C.* Die lateinische Weltchronistik bis in das XII Jh // Weltbild und Realität... S. 1—14.
270. *Oomen H.-G., Oomen I.* Zur Überlieferungsgeschichte von Thegans Vita Hludowici imperatoris // Geschichtsschreibung und geistiges Leben... S. 158—171.
271. *Overbeck F.* Über die Anfänge der Kirchengeschichtsschreibung. Basel, 1892.
272. *Paolo Diacono.* Uno scrittore fra tradizione longobarda e rinnovamento carolingio (Atti del Convegno Internazionale di Studi Cividale del Friuli-Udine, 6—9 maggio 1999). Forum; Udine, 2000.
273. *Patze H.* Justitia bei Nithard // Festschrift für H. Heimpel. Göttingen, 1972. S. 147—165.

274. *Riché P.* Les bibliothèques de trois aristocrates laics carolingiens // MA. № 69. 1963. P. 87–104.
275. *Riché P.* Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. P., 1983.
276. *Riché P.* Les écoles et l'enseignement dans l'Occident chrétien de la fin du V-e siècle au milieu du XI-e siècle. P., 1979.
277. *Riché P.* Les moines benedictins, maîtres d'école, VIII-e — XI-e siècles // *Riché P.* Éducation et culture dans l'Occident médiéval. Altershot; Brookfield, 1993. P. 96–113.
278. *Riché P.* Le rôle de la mémoire dans l'enseignement médiéval // *Riché P.* Éducation et culture dans l'Occident médiéval... P. 133–148.
279. *Riché P.* Die Welt der Karolinger. Stuttgart, 1999 (оригинальное издание Paris, 1963).
280. Saint-Médard. Trésors d'une abbaye royale / Ed. D. Defente. P., 1996.
281. *Scheibe F.-C.* Geschichtsbild, Zeitbewusstsein und Reformwille bei Alcuin // AfK. № 41. 1959. S. 35–62.
282. *Scheibelreiter G.* Vom Mythos zur Geschichte. Überlegungen zu den Formen der Bewahrung von Vergangenheit in Frühmittelalter // Historiographie im frühen Mittelalter... S. 26–40.
283. *Schevill F.* Six Historians. Chicago, 1956.
284. *Schlager P.* Thegan (Degan) of Treves // The Catholic Encyclopedia. Vol. 14. N. Y., 1912.
285. *Schmale F.-J.* Funktion und Formen mittelalterlicher Geschichtsschreibung. Darmstadt, 1985.
286. *Schmale F.-J.* Mentalität und Berichtshorizont, Absicht und Situation hochmittelalterlicher Geschichtsschreiber // HZ. № 226. 1978. S. 1–16.
287. *Schmitz G.* Regino von Prüm // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon. Bd. 7. Berlin; N. Y., 1989. S. 1115–1122.
288. *Schröer N.* Die Annales Mettenses priores. Literarische Form und politische Intention // Geschichtsschreibung und geistiges Leben im Mittelalter... S. 139–158.
289. *Seifert A.* Historia im Mittelalter // AfB. № 21. 1977. S. 226–284.

290. *Siemes H.* Beiträge zum literarischen Bild Kaiser Ludwigs des Frommen in der Karolingerzeit. Freiburg, 1966.
291. *Simson B.* Über Thegan den Geschichtsschreiber Ludwigs des Frommen // Forschungen zur Deutschen Geschichte. Bd. 10. Göttingen, 1870. S. 325–352.
292. *Smalley B.* Historians in the Middle Ages. N. Y., 1974.
293. *Sot M.* Gesta episcoporum. Gesta abbarum (Typologie des sources du Moyen Âge occidental). Turnhout, 1981.
294. *Sot M.* Historiographie épiscopale et modèle familial en occident au IX-e siècle // Annales. ESC. № 33. 1978. P. 433–469.
295. *Sot M.* Liber de episcopis Mettensibus dans l'histoire du genre «Gesta episcoporum» // Paolo Diacono... P. 527–549.
296. *Sot M.* Organisation de l'espace et historiographie épiscopale dans quelques cités de la Gaule carolingienne // Le métier d'historien... P. 31–43.
297. *Southern R. W., Litt D.* Aspects of the European tradition of historical writing (1. The classical tradition from Einhard to Geoffrey of Monmouth) // Transactions of the Royal Historical Society. V. 20. L., 1970. P. 173–196.
298. *Spörl J.* Grundformen hochmittelalterlicher Geschichtsanschauung. Studien zum Weltbild der Geschichtsschreiber der XII Jh. Darmstadt, 1968 (2 Aufl.).
299. *Spörl J.* Das mittelalterliche Geschichtsdenken als Forschungsaufgabe // Geschichtsdenken und Geschichtsbild im Mittelalter... S. 1–29.
300. *Sprigade K.* Zur Berteilung Nithards als Historiker // HdJ. Bd. 16. 1972. S. 94–105.
301. *Steinen W. von den.* Notker der Dichter und seine geistige Welt. Bd. 1–2. Bern, 1948 (Neudr. 1978).
302. *Sybel H.* Über die Gesetze des historischen Wissens // Sybel H. Vorträge und Aufsätze. Berlin, 1885.
303. The Uses of the Past in the Early Middle Ages. Cambridge, 2000.
304. *Thompson I. W.* The History of the Historical Writing. Vol. 1–2. N. Y., 1942.

305. *Tischler M. M.* Einharts Vita Karoli. Studien zur Entstehung, Überlieferung und Rezeption (MGH. Schriften. Bd. 48). Bd. 1–2. Hannover, 2001.
306. *Trempe E.* Astronomus // Thegan. Die Taten Kaiser Ludwigs... S. 53–153.
307. *Trempe E.* Studien zu den Gesta Hludowici imperatoris des Trierer Chorbischofs Thegan (MGH. Schriften. Bd. 32). Hannover, 1988.
308. *Trempe E.* Thegan // Thegan. Die Taten Kaiser Ludwigs... S. 1–52.
309. *Trempe E.* Thegan und Astronomus, die beiden Geschichtsschreiber Ludwigs des Frommen // Charlemagne's Heir... P. 691–700.
310. *Uytendaele M.* Die Vita im Spannungsfeld von Legende, Biographie und Geschichte // Historiographie im frühen Mittelalter... S. 194–221.
311. *Waitz G.* Über die Entwicklung der mittelalterlichen Historiographie // ZfG. Bd. 2. S. 39–50, 97–114; Bd. 4. S. 97–112.
312. *Wattenbach-Lewison-Löwe.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. H. 1–5. Weimar, 1952–1973.
313. *Wehlen W.* Geschichtsschreibung und Staatsauffassung in Zeitalter Ludwigs des Frommen. Lübeck, 1970.
314. *Weitzel J.* Oblatio puerorum // Vom mittelalterlichen Recht zur neuzeitlichen Rechtswissenschaft. Paderborn, 1994. S. 59–74.
315. *Weltbild und Realität: Einführung in die mittelalterliche Geschichtsschreibung.* Pfaffenweiler, 1992.
316. *Werner K. F.* Hludovicus Augustus: Gouverner l'empire chrétien — Idées et réalités // Charlemagne's Heir... S. 3–123.
317. *Werner K. F.* Zur Arbeitsweise des Regino von Prüm // WaG. № 1. 1959. S. 96–116.
318. *Wevers M.* Einhards Vita Karoli in der mittelalterlichen Geschichtsschreibung und Heldensage. Inaugural-Dissertation... Marburg, 1929.
319. *Wibbel H.* Beiträge zur Kritik der Annales regni Francorum und der Annales qui dicuntur Einhardi. Strassburg, 1902.

320. *Wolter H.* Geschichtliche Bildung im Rahmen der Artes Liberales // Artes Liberales von der antiken Bildung zur Wissenschaft des Mittelalters. Leiden; Köln, 1959. S. 50–83.
321. *Wright R.* Latin and the Romance languages in the Early Middle Ages. L., 1992.
322. *Wright R.* Late Latin and early Romance in Spain and Carolingian France. Liverpool, 1982.
323. *Zeppelin E.* Wer ist der «Monachus Sangallensis»? // Schriften des Vereins für Geschichte des Bodensee und seiner Umgebung. Bd. 19. 1890. S. 33–47.
324. *Zeumer K.* Der Mönch von Sanct Gallen // Historische Aufsätze dem Andenken an Georg Waitz gewidmet. Hannover, 1886. S. 97–118.
325. *Zumthor P.* Histoire littéraire de la France médiévale. P., 1954.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава I. У истоков каролингского возрождения: Павел Диакон и «Деяния мецских епископов»	35
Глава II. Эйнхард и Астроном: жизнеописания двух императоров	60
Глава III. Между биографией и gesta: Теган Трирский и «Деяния императора Людовика»	126
Глава IV. Нитхард и его «Истории»	153
Глава V. Историк в лучах заката: Регинон Прюмский и его «Хроника»	190
Глава VI. Ноткер и «Деяния Карла Великого»: удивительные истории, рассказанные монахом из Санкт-Галлена	225
Заключение	266
Conclusion	274
Приложение 1. Павел Диакон. Деяния мецких епископов	283
Приложение 2. Памятники каролингской историографии в западноевропейской рукописной традиции IX–XII вв.	304
Список сокращений	325
Список использованных источников и литературы	326

Издательский Центр «Гуманитарная Академия»

осуществляет и принимает заказы

на все виды издательской деятельности, в том числе:

- **Изготовление оригинал-макета:** сканирование и набор текста, разработка дизайна оригинал-макета, компьютерная верстка, высококачественное художественное оформление, вывод текста на зеркальных типографских пленках;
- **Предтипографская подготовка текста:** литературное, научное и техническое редактирование, корректура текста;
- **Переводы** с английского, немецкого, французского, латинского и древнегреческого языков;
- **Изготовление тиражей книгопечатной продукции** от малых (100—300 экз.) до стандартных (5000—10000 экз.).

*Приглашаем к сотрудничеству авторов, переводчиков,
художников-оформителей, верстальщиков, наборщиков,
а также Фонды, организации.*

Обращаться по тел.: (812) 430-94-94.

Пишите нам по адресу:

194017, Санкт-Петербург, пр. Энгельса, д. 55, кв. 26,
или по электронной почте: gumak@mail.ru

Научное издание

Александр Иванович Сидоров

ОТЗВУК НАСТОЯЩЕГО

Историческая мысль

в эпоху каролингского возрождения

Директор издательства *Ю. С. Довженко*

Ответственный редактор *А. А. Крутских*

Художник *П. П. Лосев*

Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Лицензия ЛП № 000333 от 15.12.1999

Издательский Центр «Гуманитарная Академия»,
194044, Санкт-Петербург, наб. Черной речки, д. 18.

Подписано в печать 22.11.2005. Формат 84×108¹/₃₂.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 4433

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука»,
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12.

UIR

TAN

PIOR

NACC